

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

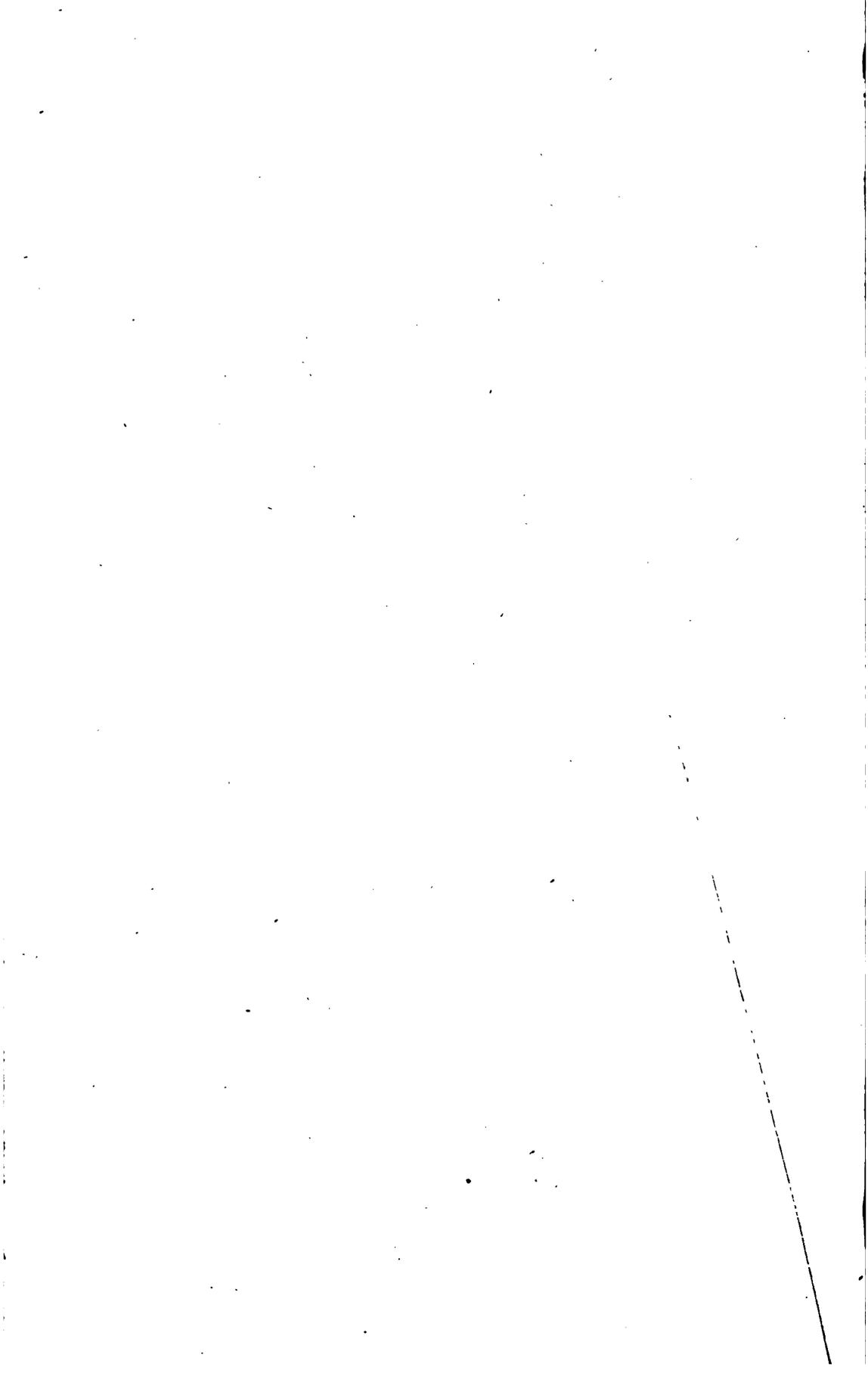
Редка

Березин-I: N 374

5. уч. п. н. 7 17

IOZOPHEL: CZEPZ.

Небольсин, П. Д.
ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Павла Небольсина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1849.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 1849 г. 25 января.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	<i>Стран.</i>
ПРЕДИСЛОВІЕ	1
ГЛАВА I. Лѣтописи и историческія сочиненія о Сибири	4
ГЛАВА II. За Уралѣ до царя Ивана-Грознаго	12
ГЛАВА III. Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака	29
ГЛАВА IV. Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью	43
ГЛАВА V. Ермакъ	65
ГЛАВА VI. Взятіе Сибири	77
ГЛАВА VII. Утрата Сибири	89
ГЛАВА VIII. Покореніе Сибири	101
ГЛАВА IX. Царь Кучумъ	115
ГЛАВА X. Взглядъ на Ермака, какъ на завоевателя	130
Сибирскія лѣтописи	1

О П Е Ч А Т К И.

=

Страница.	Строка.	Напечатано :	Должно быть :
2	снизу 9	значеніа	значеніе
24	— 9	Броцкой	Брацкой (Бурятскій)
31	— 17	въ Обь	черезъ Иртышъ въ Обь
55	— 4и3	ковница	вольница.
65	— 4и3	повольскими	Повольскими
66	сверху 19	зі	зе
77	снизу 9	не знали о	не знали
78	сверху 2	казакамъ;	казакамъ
100	сверху 14	Гарберштейна	Герберштейна
105	снизу 17	дичью,	дичью—
—	— 4	какъ бы	какъ бы совсѣмъ
108	сверху 5	перехватили	перехватили
122	сверху 15	пока	что
—	— 31	дамъ	я дамъ
—	— 35	сдѣлаю	я сдѣлаю
128	снизу 10	содержаніе	содержаніе
130	сверху 12	Ю. Венелинъ	№***
—	снизу 5	будеть	будеть,
146	сверху 3	собственноручной	собственноручной

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

=

«Сія убо Сибирская страна — полувошная; «стоитъ же отъ Россіи царствующаго града «Москвы во многихъ разстояніи, яко до трию «тысящъ вопришь суть. Межи сихъ госу- «дарствъ, Россійскаго и Сибирскія страны «земли, — обдежить Камень, премеочайшій «ѣбло, яко досязати вѣрхомъ и холмомъ до «облакъ небесныхъ: тако бо Божьими судьба- «ми устроися, яко стѣнамъ граду утвержден- «нымъ. На семъ же Камени растаху дровіе «сравнѣное, въ нихъ же жительство имѣють «звѣріе различніи, ови малобни на снѣденіе «человѣкомъ, ови на украшеніе и на одѣваніе «разное. Многія же и сладкоѣснивыя птацы, «паче же много различныя травы и цвѣты. «Изъ сего же Камени рѣки многія истекша, «ови падоша къ россійскому царству, ови же «къ Сибирскую Землю. Дивно убо естъ: какими «Божіими судьбами рѣками тамо бысть? вода «камень твердъ раскопа — и бысть рѣки, пре- «страшны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды «сладчайшія и рыбы различныя множество; на «исходѣшахъ же сихъ рѣкъ добрь плодовиѣ «на жату и скотовательная мѣста простран- «на зѣло.»

Савва Есиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«На бойся суда — бойся судьи.»

Старая поговорка.

Съ нѣкотораго времени, въ публикѣ нашей обнаружилось живое участие ко всему отечественному: во всѣхъ концахъ Россіи стали съ любовью изучать родную землю и собирать драгоценныя о ней извѣстія.

И Сибирь была не забыта, и про Сибирь вспомнили.

Думали и вѣрили, что эта страна играетъ не послѣднюю роль въ ряду обширныхъ областей нашей имперіи; но въ какой именно степени она действительно важна для насъ — это не все офендали, да и не многіе думали объ этомъ, хотя все чувствовали, что именно черезъ Сибирь — Россія могла бы быть плавою Азіи.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы твердо укрѣпили въ Сибири свое владычество, и все-еще Сибирь, для очень-многихъ изъ насъ — та же terra incognita, какою она была и сто лѣтъ назадъ.

Русскому человѣку какъ-то неловко становится, когда онъ слышитъ вокругъ себя громкіе рассказы о разныхъ чужеземныхъ герояхъ, покорявшихъ невѣдомыя дотолѣ страны, о героѣ Кортесѣ, покорителѣ Мексики, о богатырѣ Пизарро, завоевателѣ Перу, о Джемсѣ Брукѣ, саравакскомъ раджѣ, чудномъ человѣкѣ нашего времени — слышитъ новый эпитетъ: «the civiliser», придаваемый богатой Англіи... Русскій человѣкъ знаетъ, что и наша Русь — не менѣе Англіи, можетъ имѣть притязанія на титулъ «просвѣтительницы», что и у насъ тоже были и свои Кортесы, и свои Пизарры, и свои Бруки; знаетъ, что ужъ если дѣло пойдетъ на счеты — мы хоть бы кому такъ не уступимъ.

Правда, это-то русскій человѣкъ знаетъ; но спросите-ка у него, кто такой былъ Дежневъ? что именно сдѣлалъ Хабаровъ? — подробности ихъ подвиговъ неизвѣстны. Многие изъ насъ основательно будутъ говорить о взятіи Кохогуакана, Ицтаналапана, о заселеніи острововъ Натуна, о подвигахъ Французовъ въ Алжирѣ, объ особенностяхъ природы въ Новой-Зеландіи... но какія обстоятельства сопровождали покореніе при-амурскихъ странъ, какія теперь есть у насъ колоніи въ Киргизской-Степи — многие ли это у насъ знаютъ?.. У насъ нѣтъ даже справедливыхъ сказаній о томъ, какъ Ермакъ покорилъ Сибирь!

Плоды трудовъ и ученыхъ подвиговъ, касательно изученія Сибири, русскихъ людей, знаменитыхъ въ ученomъ мѣрѣ, возбудили и въ насъ желаніе передать публикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы сами приобрѣли, тоже о Сибири, но передать ихъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они могли быть общепонятны и любопытны для каждаго, не спеціально-ученаго, а обыкновенно-образованнаго человѣка, чувствующаго потребность ознакомиться лучше хоть съ дальнею, но родною землею, чѣмъ съ сосѣднею — но съ чужою, съ которою у насъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ кровныхъ узъ, никакихъ общихъ интересовъ, ни народнаго сочувствія.

Въ этихъ видахъ мы имѣемъ цѣль составить нѣсколько историко-статистическихъ описаній разныхъ частей Сибири, передать нѣсколько извѣстій о родныхъ нашихъ герояхъ-покорителяхъ дальняго сѣверовостока, представить настоящее положеніе этого края и, наконецъ, объяснить дѣйствительное значенія и будущія надежды Сибири.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію подробностей настоящаго, мы должны пояснить себѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго же взгляда бросаются въ глаза, лишь только мы составимъ себѣ идею о Сибири.

Здѣсь представляются слѣдующіе, самыя естественныя вопросы:

Что за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее?

Стоять ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство за то только, что онъ покорилъ страну, которая, и безъ

него, была уже данинцою Россіи—какъ это доказываетъ одинъ нашъ ученый мужъ?

Точно ли покорилъ ее Ермакъ, и не исхитилъ ли этотъ человекъ славу завоеванія Сибири изъ рукъ Строгоновыхъ, которымъ одному принадлежитъ весь этотъ подвигъ—какъ это доказываетъ другой нашъ ученый мужъ?

Было ли покореніе Сибири дѣломъ, подготовленнымъ разными обстоятельствами, давними и незначительными по виду, или покореніе это было печально, вовсе неожиданно, было дѣломъ одного только случая—какъ объ этомъ выразился не совсѣмъ-ясно третій нашъ ученый мужъ?

Что знало наше правительство до Ермака объ этой громадной странѣ, у которой Ермакъ зацѣпилъ только небольшой клочокъ земли?

Съ которыхъ поръ правительство наше приобрѣло полное право называть всю Сибирь своєю?

Кто таковъ былъ этотъ Ермакъ? дѣйствительно ли существовало въ мірѣ лицо съ такимъ сомнительнымъ и вовсе не-христіанскимъ именемъ? Или это мифъ, порожденный пустыми сказками, передающими намъ дѣйствительно-баснословные подвиги героя, носившаго это имя?

Если это не мифъ, то какое мы должны вывести заключеніе о личности этого человека?

Какимъ, наконецъ, образомъ русское народонаселеніе Сибири, изъ ничтожной горсти казаковъ и служилыхъ людей, въ два съ половиною столѣтія разрослось до того, что теперь въ ней разбросаны миллионы народа, который говоритъ языкомъ русскимъ, понимаетъ умомъ русскимъ, чувствуетъ сердцемъ русскимъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, полное и удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и соглашеніе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго ex professo. Но такъ какъ мы коснулись этихъ вопросовъ, то намъ и неловко уже обойти ихъ и, по силѣ, по возможности, не разъяснить ихъ хотя вкратцѣ, но такъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, главныя событія были понятны каждому и ученому и неученому, были доступны оцѣнкѣ cadaго и ни въ комъ не внушали къ себѣ подозрительнаго сомнѣнія: точно ли это дѣло рассказано такъ, какъ оно было, и не противорѣчитъ ли оно такимъ документамъ и источникамъ, достовѣрность которыхъ признана твердо.

Попытка наша въ разъясненіи этихъ вопросовъ—вопросовъ, составляющихъ пробѣлъ въ нашей исторіи, вопросовъ, которые до сихъ поръ, какъ намъ кажется, были «мутной водой во облацѣхъ» — будетъ составлять содержаніе подлежащаго труда, которому мы признали за необходимое придать самую простую форму рассказовъ, такимъ-образомъ, чтобы каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный рассказъ, а не сухое ученое изслѣдованіе, потому-что здѣсь мы не пускаемся ни въ канія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученныя тонкости не по насъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто,

безъ претензій, безъ излишнихъ умствованій и съ подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Изъяснивъ такимъ образомъ причины, побудившія насъ къ этому труду, и способъ, придуманный нами для ознакомленія нашихъ читателей съ избраннымъ нами предметомъ, считаемъ себя въ необходимости убѣжденія и доводы свои подкрѣпить какъ подлинными грамматами, помѣщенными въ текстѣ, такъ и иными приложеніями, которыми трудъ нашъ будетъ заключенъ, на тотъ конецъ, чтобъ истинная историческая не страдала, и чтобъ читатель не обвинялъ насъ въ самовольномъ ея искаженіи.

Тѣхъ, которые неохотно предаются чтенію старинныхъ бумагъ, изъ предубѣжденія къ ихъ незанимательности и сухости, смѣемъ завѣрить, что документы, на которые мы указываемъ, чрезвычайно-интересны и по языку, и по содержанію: въ нихъ такъ и выливается все прошедшее, такъ и высказывается эпоха; надѣмся, что они не надоѣдятъ читателю.

Льстимъ себя надеждою, что трудъ нашъ обратитъ, можетъ-быть, на себя вниманіе любителей отечественной исторіи; желали бы мы вниманія милостиваго, но тѣмъ не менѣе ждемъ и немилостиваго; вѣдь на всѣхъ не угодишь!

И такъ, благословясь, приступимъ къ дѣлу.

ГЛАВА I-Я.

СИБИРСКІЕ ЛѢТОПИСЦЫ И ИСТОРИКИ.

Ученое мнѣніе о покореніи Сибири. — Общешародное мнѣніе о покореніи Сибири. — Архивникоу Книріилѣ. — «Неизвестная Рукопись». — Лѣтопись со Сибири. — Лѣтопись Саввы Есипова. — Строгановская Лѣтопись. — «Новый Лѣтописецъ». — «Тюльскій Лѣтописецъ», Ремизова. — Гер. Фр. Миллеръ. — Н. М. Карамзинъ.

«Когда въ исторіяхъ другихъ государствъ рассмотримъ изобрѣтеніе, взятіе и наполненіе народовъ чужихъ и неизвестныхъ земель, и съ тѣмъ въ сравненіе приведемъ то, что съ стороны российской въ Сибири учинено: то представляется здѣсь предъ всѣми прочими государствами столько особеннаго и чудеснаго, что не скоро найдется сему подобнаго при-мѣровъ, и потомки наши едва могли бы сему повѣрить, ежели бы не все, что въ слѣдующей исторіи о томъ объявлено будетъ, на достовернѣйшихъ и по большей части на неопровергаемыхъ доказательствахъ утверждалось.»

Герардъ Фредерикъ Миллеръ.

Насъ, вѣроятно точно такъ же, какъ и насъ, благосклонный читатель, въ малолѣтствѣ учили, что Сибирь покорилъ Ермакъ, и покорилъ ее вѣтъ какимъ образомъ.

Жили-были на свѣтѣ «именитые люди», почти-что бояре, Строгоновы. Жили они близко Сибири и задумали покорить Сибирь. Пригласили они къ себѣ Ермака, положили ему жалованье, наняли казаковъ, дали имъ пушки, придали къ этой рати собственныхъ своихъ людей и послали ихъ въ Сибирь: «ступайте», сказали они, «покорите намъ Сибирь!»

Ермакъ пошелъ — взялъ да и покорилъ Сибирь.

Мы этому и повѣрили.

Прошли ребяческіе годы; хотѣлось узнать: какъ же это Ермакъ покорилъ Сибирь?

«А вотъ какъ» отвѣчали намъ на этотъ вопросъ: «три кунца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь и уступили ее государству»... замѣтьте это тонкое выраженіе: *уступили* Сибирь правительству!!! — И затѣмъ наши расказчики стали продолжать карамзинскія повѣствованія съ витіеватыми украшеніями того же, чему насъ учили и въ малолѣтствѣ.

Мы опять ничего не узнали и никакъ не могли сообразить: какимъ же образомъ Ермакъ и небольшая ватага другихъ наемныхъ удалцовъ попали въ Сибирь, разбили цѣлое царство, котораго жители мало, какъ видно, оказывали имъ сопротивленія, и обратили огромную страву не въ отчину своихъ господъ и хозяевъ, а въ русскую провинцію. Были и другіе вопросы... но разрѣшеніе ихъ мы, при усвоенныхъ уже идеяхъ и взглядѣ на это дѣло, никакъ не могли согласить съ дѣйствительностью.

Наконецъ, судьба привела насъ самихъ въ Сибирь. Видѣли мы Тоболъ, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали и по Енисею, и по Ангарѣ, сами живали въ лѣсахъ, по недѣлямъ питались едва не одними сухарями, потерлись между простымъ вародомъ, прислушался къ его разсказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ его духомъ, и ошупью дошли, кажется, до возможности понять, наконецъ, ермаковы походы, отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ прошествія глазами столичнаго жителя половины XIX столѣтія.

И уже послѣ всего этого мы принялись за изученіе сибирскихъ лѣтописей и тѣхъ историковъ, которые, прямо или косвенно, выразили свои мысли о покореніи Сибири.

Съ ихъ-то характеромъ и направленіемъ мы и хотимъ теперь познакомить читателей.

Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака собраны были сибирскимъ архіепископомъ Кипріяномъ, жившимъ въ Тобольскѣ съ 1621 года до 15 февраля 1624 года; подлинныхъ его замѣтокъ мы не имѣемъ.

Изъ извѣстныхъ намъ рукописей первое мѣсто занимаетъ «Неизвѣстная Рукопись», внесенная въ такъ-называемый «Новый Лѣтописецъ». Тотъ списокъ, которымъ мы пользовались (въ каталогѣ лѣтописей Румянцоваго Музеума подъ № 259) самъ по себѣ принадлежитъ началу вышшняго столѣтія; но оригиналь его, по духу помѣ-

ценныхъ въ немъ извѣстій, принадлежитъ не ранѣе, какъ или къ концу первой или къ началу второй четверти XVII столѣтія. Мы его будемъ называть просто «Неизвѣстною Рукописью».

Рукопись эта служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, маданной въ 1821 году Г. И. Спасскимъ подъ названіемъ «Лѣтопись Сибирская»; авторъ ея неизвѣстенъ, но онъ только округлялъ періоды лѣтописи, поименованной выше, приправляя свое твореніе риторическими украшеніями и старался быть вѣренъ тому духу, которымъ проникнуть его первообразъ. Гдѣ эта рукопись находится, въ какомъ мѣстѣ она открыта — неизвѣстно: первый издатель ея, Г. И. Спасскій, на VIII страницѣ своего къ ней предисловія говоритъ только, что она ему досталась случайно. Н. М. Карамзинъ, принявшій ее въ неопровергаемое основаніе своихъ повѣствованій, тоже рѣшительно ничего не говоритъ, гдѣ онъ ее открылъ: въ публичныхъ ли музеяхъ, или въ частныхъ домашнихъ архивахъ нашихъ вельможъ.

Третья лѣтопись «О Сибири», по описываемымъ въ ней событіямъ и по ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ, какъ кажется, на «Неизвѣстную Рукопись», относится, такъ же какъ и она, къ началу второй четверти XVII столѣтія. Въ ней не достаетъ конца, который утраченъ; помѣщена же она въ «Историческомъ Сборникѣ», скорописи тоже XVII вѣка, и хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 379 каталога).

Эта лѣтопись служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной Г. И. Спасскимъ въ 1823 году. Мы пользовались болѣе-исправнымъ ея спискомъ, помѣщеннымъ въ гранографѣ, то-есть хронографѣ, писанномъ полууставомъ разныхъ почерковъ конца XVII столѣтія, и хранящемся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ 457 № въ каталогѣ). Эта лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Есиповской», есть не что иное, какъ риторическое распространеніе предъидущей краткой лѣтописи «О Сибири»; на ней выставленъ 1636 годъ.

Объ этихъ двухъ изданныхъ г. Спасскимъ рукописяхъ, рѣзко одна другой противорѣчащихъ въ существенныхъ основаніяхъ—если можно такъ выразиться—«сибирскаго вопроса», мы распространимся далѣе; а теперь будемъ говорить объ остальныхъ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Въ «Новомъ Лѣтописцѣ» скорописи XVIII вѣка (въ Каталогѣ Рукописей Румянцовскаго Музеума подл № 258) помѣщено шесть главъ о Сибири: «о взятіи Сибири», о «убіеніи Ермака и о помѣтѣ Сибири» и проч. По времени составленія, лѣтопись эта принадлежитъ второй половинѣ XVII столѣтія и содержитъ въ себѣ краткій, довольно-вѣрный рассказъ о Ермакѣ; но въ одномъ мѣстѣ она противорѣчитъ сама себя, а въ другомъ—хронологіи. Лѣтопись эта не составляетъ важнаго пособія при изученіи сибирской исторіи и указаніе ея противорѣчій читатель найдетъ въ составленномъ нами «сводѣ лѣтописей».

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей есть «Тобольскій Лѣтописецъ», или «Ремезовская Лѣтопись». Авторъ ея, тобольскій боярскій сынъ, Семенъ Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее во времена Петра-Великаго, въ концѣ XVII вѣка (1697—1699), но трудъ

его, совершенно лишенный всякаго критическаго взгляда, почтененъ только потому, что онъ *труда*, а въ исторіи покоренія Сибири оиъ ничего не объясняетъ. Его и Карамзинъ отвергаетъ, признавая его сказанія невѣрными (И. Г. Р. Т. IX. Стр. 644); однакожь не всякое же его положеніе должно быть признано ложнымъ: у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ необходимость смотрѣть на предметъ съ иной точкой.

Теперь обратимся къ двумъ главнѣйшимъ источникамъ сибирской исторіи — къ изданнымъ г. Спасскимъ «Сибирской Лѣтописи» Саввы Есипова и «Сибирской Лѣтописи» безыменнаго автора.

Обѣ эти лѣтописи во многомъ, особенно во второстепенныхъ происшествияхъ, между собою согласны, но во всемъ, что касается до существенныхъ вопросовъ, онѣ рѣшительно противорѣчатъ другъ другу.

Мы старались разобрать эти противорѣчія, сравнивали ихъ между собою, слѣдили ихъ съ подлинными словами царскихъ грамматъ, примѣняли ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и нашли, что причиною этихъ противорѣчій была неодинаковость началъ или духа, которыми составители лѣтописей были проникнуты.

По нашимъ личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается слѣдующее:

Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразѣрство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался и гдѣ прежній авторъ стѣснялся въ рѣчахъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгоновыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоятъ одинъ только «онъи велемудрый риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей «Лѣтописи» ссылку на другую лѣтопись: «ниимъ же повѣдають лѣтописцы, яко признаша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія — пищаши и пушки полковыя и своихъ людей даша имъ Литвы и Нѣмецъ триста человекъ». Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово — вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.

Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она подторгаетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блестятъ цѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматикн славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень ста-

рался поддаваться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недоверіе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ сомаеровъ въ государственномъ быту задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамматъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: ея казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей и каждому поступку ихъ придать видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было переименовать событія.

Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими официальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать ложный блескъ имени Строгоновыхъ, ненуждающихся въ подкупной славѣ и столѣтіями стяжавшихъ себѣ честь, почетъ и знаменитость немерцаемую. У насъ имя Строгоновыхъ—имя народное, а авторъ неизвѣстной лѣтописи, кажется, вовсе не понималъ, что его каждае, туманя вѣтви облаками дыма, въ основаніи своемъ—лѣзвить корень и навлекаетъ на правдивыхъ родоначальниковъ фамиліи подозрѣніе, котораго они не заслуживали. Вѣроятно, это постоянное желаніе прилести къ подвигу Ермака имя Строгоновыхъ и было причиною, что лѣтопись неизвѣстнаго автора и даже неизвѣстнаго времени приобрѣла извѣстность подъ именемъ «Строгановской», утвержденной за нею и Карамзинымъ. Прозваніе это мы охотно при ней оставляемъ.

Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей «Исторіи» и есиповскую и строгановскую лѣтописи обѣ называетъ «древнѣйшими и достовѣрными»; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому, онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ «Строгановской Лѣтописи», а почему онъ именно ей слѣдуетъ—этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому строгановскую лѣтопись онъ называетъ «доставѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и «сочиненною *тырлямо* около 1600 года». Эти слова не заслуживаютъ никакаго вѣроятія уже потому, что строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о сибирской «архіепискупіи», тогда-какъ первая архіепискупія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всехъ сибирскія земля», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по-крайней-мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ-быть даже, она и еще позже составлена.

Слова Карамзина увлекли и других писателей, не обращающих уже вниманія на лѣтопись Есипова и вѣрившихъ строгоновской лѣтописи на-слово, безъ всякаго соображенія ея сказаній ни съ обстоятельствами тогдашняго времени, ни съ прямымъ смысломъ выраженій царскихъ грамотъ и другихъ официальныхъ документовъ. Хотя же одинъ изъ позднѣйшихъ писателей и увѣряетъ, на словахъ, что онъ имѣлъ случай провѣрить съ ними строгоновскую лѣтопись и убѣдиться въ ея достовѣрности, однакожь... можетъ-быть, онъ въ этомъ самъ и убѣдился, да насъ-то въ этомъ ничѣмъ не убѣдилъ, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ призналъ достовѣрность свѣдѣній лѣтописи Есипова.

Конечно, Карамзинъ такой авторитетъ еще для очень-многихъ, для которыхъ каждое его слово—законъ, что они готовы возопіять и жестоко истерзать всякаго невѣрующаго въ него слѣпо: напрасно! Мы знаемъ, что не отдавать должной справедливости, не умѣть цѣнить трудовъ знаменитаго историографа—было бы нелѣпо и слишкомъ-невѣжественно, а сомнѣваться въ словахъ Карамзина и стараться избавиться отъ этихъ сомнѣній... тутъ слава Карамзина нисколько не страдаетъ, и памятникъ его навсегда останется выраженіемъ общаго къ нему уваженія. Но, полагая, что и Карамзинъ, обезсмертившій себя своими славными трудами на поприщѣ отечественной словесности и исторіи—все-таки былъ человѣкъ, все-таки могъ ошибаться, а если не ошибался съ намѣреніемъ, то могъ неумышленно смотрѣть на разные предметы съ своей точки зрѣнія, — мы и сами хотимъ смотрѣть на избранный нами предметъ съ той точки, которая намъ кажется настоящею; а ссылаясь на тѣ же источники, которые были въ виду Карамзина, мы этимъ самымъ признаемъ и ту еще его заслугу, что онъ всѣхъ насъ заохотилъ къ изученію отечественной исторіи, частію совокупилъ воедино, но еще болѣе указалъ на самыя драгоценныя свѣдѣнія и всѣмъ намъ далъ возможность, опираясь на его же труды, писать вопреки тому, что онъ самъ написалъ.

Тѣмъ же самымъ уваженіемъ, которое мы питаемъ къ трудамъ Карамзина, проникнуты мы къ трудамъ и другихъ историковъ, съ которыми мы, однакожь, не можемъ согласиться безусловно, но которыхъ извѣстность заставляетъ насъ не упускать изъ вида нѣкоторыхъ ихъ выводовъ и положеній.

Отъ лѣтописцевъ перейдемъ къ историкамъ. Изъ нихъ поименуемъ только «историографовъ» Миллера и Карамзина, а о «всехъ по столпамъ его ходящихъ» признаемъ за благо—прейди молчаніемъ.

Миллеръ, такъ справедливо признанный отцомъ сибирской исторіи, заслуживаетъ полной признательности за предпринятый имъ громадный трудъ. Онъ одинъ только вполне списывалъ царскія грамоты. Онъ вполне обладалъ критическимъ талантомъ и готовъ былъ распутать гордіевъ узелъ въ сибирской исторіи, но, къ-несчастью, Обярскій сынъ Ремезовъ, харезмскій или хивинскій ханъ Абульгазы и амстердамскій бургомистръ Николай Витзенъ, еще болѣе сблели его съ толку и Миллеръ даже не разсѣкъ своего узда, указавъ, однакоже, другимъ, позднѣйшимъ писателямъ на концы, которые пре-

жде всего надобно изъ этого узла вытлнуть. Надобно, однакожь, сказать, что Миллеру вовсе, кажется, не были известны, по крайней-мѣрѣ не казались ему правдивыми, ни строгиновская, ни есиповская лѣтописи и хотя въ сочиненіи своемъ онъ неоднократно говоритъ «про простыя лѣтописцевъ» и приводитъ обстоятельства, которыя могли быть ему извѣстны только изъ этихъ двухъ источниковъ, или изъ ихъ первообразовъ, однако мы никакъ не можемъ хорошенько понять, кого именно онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ; знаемъ только навѣрное, что въ его рукахъ былъ «Новый Лѣтописецъ», котораго онъ называетъ «Лѣтописью о Матяхахъ». Кромѣ этого, вторая, главнѣйшая заслуга Миллера состоитъ во множествѣ собранныхъ имъ в цѣланныхъ въ сѣбѣ оффиціальныхъ документовъ и царскихъ грамотъ, указовъ, наказовъ, памятей, росписей и другихъ актовъ, совершенно объясняющихъ быть сибирскаго народонаселенія въ описываемое имъ время.

Что касается до Карамзина, то при всей огромности уваженія нашего къ его обширнымъ трудамъ и заслугамъ, мы должны, однакожь, сказать, что Карамзинъ не съ надлежащей точкой смотрѣлъ на исторію Сибири, а спеціальная статья его «Первое Завоеваніе Сибири» — есть только компиляція лѣтописей Есипова, Ремезова и строгиновской. Это бы еще и ничего: въ громадѣ твореній Карамзина этотъ грѣхъ выкупленъ безчисленнымъ множествомъ другихъ красотъ великихъ трудовъ его; но досаднѣе всего, единственно отъ уваженія къ труду его, то, цитируя царскія грамоты къ Строгоновымъ, онъ, въ полнотѣ убѣжденія, почелъ незаслуживающими вниманія нѣкоторыя довольно-важныя фразы и исключилъ ихъ изъ текста, обозначивъ выпущенныя мѣста однѣми точками: изъ однѣхъ точекъ, конечно, нельзя узнать, въ чемъ тутъ дѣло; но въ нихъ-то, можетъ-быть, и заключается разрѣшеніе задачи?

Чтобъ совершенно отстранить отъ себя малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ произвольномъ толкованіи лѣтописей или царскихъ указовъ, мы рѣшились составить «Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей», которыя выше поименовали и которыми имѣли случай пользоваться. Есиповскую лѣтопись, подобно какъ и другія, мы напечатали по спискамъ, самими нами прочтеннымъ, дополнивъ первую въ примѣчаніяхъ сближеніемъ текстовъ нашего и изданнаго г. Спасскимъ. Въ «Сводѣ» этотъ мы не помѣстили «Строгиновекой Лѣтописи» во всей ея полнотѣ, потому-что подлиннаго ея списка мы сами не видали, а новое изданіе текста 1821 года составляетъ авторскую собственность Г. И. Спасскаго, на которую мы не имѣли никакого права. Ремезовская лѣтопись также не вошла въ «Сводъ», но въ замѣнъ ея мы помѣстили главнѣйшіе выводы г. Миллера, руководствовавшагося, какъ мы уже замѣтили, преимущественно тобольскимъ лѣтописцемъ. Надѣемся, что безпристрастный и просвѣщенный читатель согласится съ нами въ необходимости подобнаго «Свода» и проверитъ съ нимъ собственные наши выводы и положенія. «Человѣкъ бо есмь»: можетъ-быть, наши ошибки еще грубѣе тѣхъ, на которыя мы сами указываемъ.

Что касается до царскихъ грамматъ, то мы непремѣнною обязанностью считаемъ размѣстить ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ цѣликомъ почти всѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя посланы были къ Строгоновымъ отъ Ивана-Грознаго и которыя разрѣшаютъ намъ вопросъ: виноваты ли Строгоновы въ преступленіи передъ государемъ? Но чтобы не затруднить чтеніемъ подлинныхъ грамматъ тѣхъ читателей, которые будутъ нерасположены слѣдить въ нихъ строка за строкой, мы печатаемъ курсивомъ существенныя въ грамматахъ выраженія, на которыя и просимъ обратить преимущественное вниманіе.

Объяснившись такимъ образомъ на-счетъ главнѣйшихъ источниковъ, мы, по крайнему убѣжденію и по причинамъ, объясненнымъ выше, почитаемъ за справедливое слѣдовать преимущественно лѣтописи Есипова, не отвергая, однакожъ, вовсе и строгоновской или другихъ, но пользуясь только ими съ крайнею осторожностью.

Обстоятельства, подкрѣпляющія нашу вѣру въ первую, состоятъ въ слѣдующей къ ней припискѣ, которую мы извлекаемъ изъ 644 Примѣчанія къ IX тому «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина:

«О исправленіи лѣтописи сія.

«Въ лѣто 7.129 (1.621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь, въ Тоболескъ, во архіепископы Кипріанъ, бывшій Хутынскаго Монастыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырства своего воспоминаю атамана Ермака Тимофѣева Повольскаго; и онъ, добрый пастырь, повелѣ спросити ермаковыхъ казаковъ: како они придоша въ Сибирское Царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они придоша въ Сибирь и о бояхъ.

«Сія лѣтопись о Сибирскомъ Царствѣ въ Тобольску градѣ (вѣроятно, пропущены слова: окончена писаніемъ) въ лѣто 7.145 сентября въ 5 день (1.636).

«Слогатай человекъ грѣшенъ: имя его (изображено числительными буквами, по разложеніи которыхъ выходитъ) Савва Есиповъ.

«Иное же писахъ съ писанія прежняго, списавшаго вѣчто, и стѣняма рѣчью, азъ же распространихъ,—иное же очима своимъ видяше.

Вѣроятно, объ этой-то лѣтописи свидѣтельствуешь одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, что Кипріану «потомство обязано до-стоинными свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири». «Кипріанъ» говоритъ онъ: «зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ сказаній любопытную лѣтопись».

Наконецъ, болѣе-строгая оцѣнка событій, составляющихъ основу и той и другой лѣтописи и писателей, наиболѣе-касавшихся этого предмета, будетъ заключаться въ самомъ изложеніи обстоятельствъ покоренія Сибири.

Повергаемъ на судъ просвѣщеннаго читателя нехитрыя наши изслѣдованія: не смѣемъ считать ихъ безошибочными, но чтобы и другихъ не ввести въ ошибку, прилагаемъ на лицо всѣ данныя, которыми мы сами пользовались, и ждемъ правосуднаго приговора.

ГЛАВА II-Я.

ЗАУРАЛЬЕ ДО ЦАРЯ ИВАНА - ГРОЗНАГО.

Ильинъ старинныхъ ученыхъ о Зауральи. — Положеніе Югры, Обдорія, Сибиря. — Походъ Курьскаго при Иванѣ III въ Югру. — Пясковолю слово объ Обдорахъ и Удорахъ, объ Югре и о Ляпинъ-городкѣ. — Царскіе титулы до Грознаго. — Тюмени.

«Въ исходѣ XV столѣтія знаменъ Москвы уже разивалась на сибирномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ и воеводи Юзвнн III возгласилъ его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша и Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей монархъ именовался въ своемъ титулѣ «Югорскимъ», сынъ его «Обдорскимъ» и «Кондвнскимъ», а внукъ «Сибирскимъ», обложивъ давнюю сію Могольскую или Татарскую державу».

Н. М. Карамзинъ.

Составленіе древней карты части зауральскаго края приваллежитъ прибывшему, въ 1517 году, въ Москву посломъ отъ императора Максимилиана, при государѣ царѣ Василіѣ Ивановичѣ, барону Сигизмунду Герберштейну. Изъ карты этой, составленной въ 1549 году (1), видно, что ученые мужи тогдашняго времени имѣли о прдлежащихъ къ Уралу странахъ слѣдующее мнѣніе:

Зауралье отдѣляется отъ Московія хребтомъ горъ, вѣдственнымъ полъ названіемъ «Земнаго-Пояса» (montes, diclae cingulus terrae, Poiassa), то есть Уральскимъ-Хребтомъ. Изъ западныхъ отклоновъ этихъ горъ вытекаетъ рѣка Печора (Peczoga), въ которую, съ правой стороны ея теченія, впадаютъ вытекающія изъ тѣхъ же горъ рѣки—Артавиша (Artawischa), Щугоръ (Sczughora) и Уса (Ussa). Первал намъ неизвѣстенъ, но двѣ послѣднія дѣйствительно и доселѣ такъ называются. На югозападъ отъ Печоры лежатъ «Двинская провинція». Между вершинами рѣкъ Печоры, Пинеги и Юга—къ югу оттуда лежитъ провинція «Чермъ». Къ югу отъ Черми, между Чермью и Казанью, обитаютъ Черемисы.

По ту сторону «Земнаго-Пояса», гдѣ-то далеко, лежатъ великое «Китай-Озеро» (Kitthay-lacus), изъ котораго вытекаетъ огромная рѣка Обь (Obu). Въ Обь, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Сосва (Sossa), при устьѣ которой стоятъ «Обскій городокъ» (Obca-castel)—вѣроятно то, что мы въ послѣдствіи называли Березовымъ-городкомъ. Сосва принимаетъ въ себя рѣку Сибуть (Sibut)—(вѣроятно, это наша Сыгва), на которой

---

(1) Герберштейнъ: *Regum Moscovitarum commentarii*; нѣмецкое изданіе 1567 года, латинское 1600 года.—Титулъ приложенныхъ при нихъ двухъ одинаковыхъ картъ слѣдующій: «*Moscovia. — Sigismundi, liberi baronis in Herberstein. Neiperger et Gutenbay. Anno M. D. XL. IX.*».

стоятъ городокъ Лепинъ (castrum Lepin); здѣсь обитають Вогуличи. Южнѣе Сосвы въ Обь впадаетъ река Иртышъ (Irtischa); на впадающей въ нее рѣкѣ (можетъ-быть, Герберштейнъ разумалъ тутъ Тоболъ, хотя и начерталъ его такъ, что онъ пришелся съ правой стороны теченія Иртыша) стоятъ два городка—Иеромъ и Тюмень, владетелей которыхъ называютъ югорскими князьями: они, какъ говорятъ, дѣвннкіи московскіе. Тюмень дѣйствительно была на Тоболѣ, а объ Иеромѣ (если только это не сибирскій Ирдымъ-городъ, какъ Русскіе называли одно мѣсто на Оби, выше Иртышскаго устья) можно по картѣ Герберштейна догадаться, что, можетъ-быть, это было то городище, съ прежнимъ его названіемъ, гдѣ въ-послѣдствіи мы находимъ городъ Сибирь. Вся эта ири-обская сторона называется Обдорією (2). Тутъ жили и Вогуличи и Юричи.

Со ту сторону Оби лежатъ страна Югра (Jugra), откуда вышли Венгерцы (inde Ungarorum origo): отъ Югры къ сѣверу лежатъ страна Кондорія, а къ югу—Лукоморія; за нею идутъ города Грустина, Серпонowitz и Кумбазикъ (это, сколько извѣстно, монгольское названіе Печкина); отсюда къ югу идетъ Китайское Царство (3). Однимъ-словомъ, видно, что за Обью, до самаго Катая, шли невѣстные народы, которыми давнѣ были произвольныя названія, а весь сѣверъ былъ занятъ югорскими племенами).

Къ югу отъ «озера Катая» вытекла рѣка Яикъ (Jaick; съ недавняго времени мы возомъ эту рѣку Ураломъ); по ту и другую сторону вершинъ этой рѣки была Сибирь (Sibir), въ близкомъ соседствѣ ногайскихъ Татаръ, кочевавшихъ по обоямъ берегамъ Волги.

(2) Herberstein, *Reç. Moscov. comm.* (1660) pag. 60, такимъ-образомъ описываетъ путь къ Оби:

« Ab Staughorae ostiis adverso flumine usque ad Poiassa, Artawische-Cameni, maioremque Poiassa, iter trium hebdomadarum. Porro ad montem Camen trium dierum ascensus est, a quo descendendo ad fluvium Artavischea, inde ad Sibut fluvium, a quo castrum Lepin; a Lepin ad Sossam fluvium pervenitur. Hujus fluvii accolae Wogolici nuncupantur. Sossa autem a dextris relicto ad fluvium Oby, qui oritur ex Kitaysko lacu, pervenitur: quem vix uno die et celeri cursu traiecerunt, adeo vasta hujus fluvii latitudo est, ut ad octoginta fere verst extendantur. Hunc quoque Wogulici et Ugritzschi gentes accolunt. Ab Obea castello secundum Oby fluvium ascendendo, usque ad Irtische fluvium, in quem Sossa ingreditur, ostia est trium mensium iter. In his locis duo castra sunt,—Jerom et Tumen, quibus praesunt domini—Knesi Jugorski, magno Duci Mosco, ut ajunt, vestigales. Multa ibi animalia, pelusque quamplurimae.

« Ab Irtische fluvii ostiis ad castrum Grustina, duorum mensium iter, a quo ad lacu Kitai, per Obi fluvium, quem fontes suos in hoc lacu habere dixi, est plus quam trium mensium iter. Ab hoc lacu plurimi homines nigri, communis sermonis expertes veniunt merces varias, in primis autem uniones, lapides preciosos, secum adherentes, quas populi Grustintzi et Serponowitz mercantur: hi a castro Serponow, Lucomoryae ultra Obi fluvium in montibus sitae,—nomen habent...»

(3) Про Югру, Печору, Сибирь, Обдорію, Кондорію, Лукоморію говорить и авторъ «*Russia, seu Moscovia, itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustratae*».—Lugduni Batavorum, 1630. Сочиненіе это, по словамъ автора, писано въ 1613 году; это повтореніе словъ Герберштейна; но тутъ уже упоминается и о Тобольскѣ, о Нарымѣ, Томѣ, Енисейѣ, о Тунгускѣ, о Мангазеѣ, которому авторъ называетъ «*Mangan zoiscoigoratum*» т. е. Мангазейскій городокъ.

Этимъ другозороиъ ученныя свѣдѣнiя и ограничивались (4).

Изъ «Книги Большому-Чертежу», составленiе которой въ томъ видѣ, въ какомъ книга эта нынѣ намъ известна, относится къ 1627 году — т. е. къ тому времени, когда Сибирь была покорена Русскими вплоть до самаго Енисея, мы опять встречаемъ (5): «Обдорю», вѣроятно, Самоѣдовъ — въ низовьяхъ рѣки Оби; «Югру», вѣроятно, Остяковъ и Вогуличъ — по Оби же, но выше Обдеря, и «Сибирь» собственно по Иртышу, по рѣкамъ въ него впадающимъ и, отчасти, по прилегающему къ Иртышу лѣвому берегу Оби — значитъ, еще южнее Югры; и Сибирю, вѣроятно, называли вообще все отатарившияся, посредствомъ мухаммеданства, племена Югры, то-есть Вогуловъ и Остяковъ; оба эти племени и нынѣ непосредственно слѣдуютъ за Самоѣдами и для насъ заобская сторона есть какъ-будто настоящая отчизна.

Такимъ образомъ, можно будетъ понять, что все между Иртышемъ и Янкомъ называлось у Герберштейна Сибирю, безъ точнаго разграниченiя Сибири отъ Кайсаковъ и Ногаевъ, и что къ югу отъ Сибири были «Козатская кочевая орда да Колмыки», какъ говорить объ этомъ «Книга Большому Чертежу».

Составленiе «Книги Большому Чертежу» и собственно старшiй ея чертежъ, по которому книга эта составлена, по описываемой тутъ местности, должно отнести или къ послѣднимъ годамъ царствованiя Федора Ивановича, или къ началу царствованiя Бориса Годунова, если только въ ихъ правленiе дополнительные свѣдѣнiя о Сибири не наносились на болѣе-древнiй чертежъ. Слѣдовательно, географамъ тогдашняго времени, принявъ въ соображенiе полноту и отчетливость Большаго Чертежа, надо отдать полную справедливость и сказать, что о сторонахъ зауральской они имѣли весьма ясное понятiе, для насъ только нѣсколько затруднительное по названiямъ, которые намъ кажутся произвольными. Хотя нѣкоторыя положенныя на чертежъ, по повелѣнiю царей Федора

(4) Авторъ «*Russia seu Moscovia*» etc. (стр. 28 и 29) говоритъ о Сибири (Sibir): «*Hæc provincia ad Samam fluvium jacet, inter Permlam atque Viatkam; videtur uribus et castris omnino vacua: regio tota palustris et sylvis opaca et ob vicinitatem Tartarorum magnam partem deserta. Indigenæ proprio idiomate utuntur: panis usum nesciunt, ferina carne vescuntur. — Mercimonis aspredora pehibus (qui apud illos præstantissimi reperuntur) exerceant, eisdemque Magno Russiæ Duci, pro tributo, pendunt. In hac provincia Jausk ingens fluvius oritur, qui per Tartarorum campestria Caspium mare petit*» То-есть: «Эта провинция, или область, прилегаетъ къ рѣкѣ Камѣ, между Вяткою и Пермью; въ ней находится, нѣтъ ли городовъ, или крѣостей; вся страна болотиста, дѣвства и, отъ соседства Татаръ, по-большой-части пустыня. Жители нѣтъ ли свой особый языкъ; хлѣба они не знаютъ, а питаются зѣбрынымъ мясомъ. Торговля они ведутъ пушными товарами (которые у нихъ действительно драгоценны): ими же они платятъ и дань русскому великому князю. Въ этой области, начинается начало большая рѣка Янкъ, которая, протекая по татарскимъ степямъ, впадаетъ въ Каспiйское-Море.

(5) Книга Большому Чертежу, изданiе второе, С. Петербургъ, 1838 стр. 311: Рѣка Обь великая, и по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее впади: Отъ устья — вверхъ — обдорскiе города. А выше обдорскихъ городовъ — югрскiе. А выше югрскихъ городовъ — сибирскiе.

и Годунова, мѣста и не вписаны въ «Книгу Вольшому Чертежу», не тѣмъ не менѣе свидѣлїя, вписанныя туда не съ ученыхъ изысканїемъ, а прямо изъ устъ не учнаго народа, превосходны и отвѣчаютъ совершеннымъ званїемъ по оренной страны (6).

(6) Рѣка Обь — великая пала въ море, въ лѣтнюю раннюю зорю (это по нашему мнѣнїю значитъ: съ той стороны, съ которой въ Москвѣ, лѣтомъ — зари занимается), а течеть отъ Бухарской земли съ правой стороны.

А за рѣкою за Обью, 200 верстъ, пала въ море рѣка Тазъ.

А въ Тазъ-рѣку пала рѣка Пуръ.

Протоку Тазъ рѣки—890 верстъ, а рѣки Пура протоку—400 верстъ.

А по рѣкѣ по Тазу—Мангазей, Самойла—Няки.

А на Оби на рѣкѣ, на острову, отъ моря вверхъ по Оби 530 верстъ, городъ Негѣй.

А отъ Негѣя вверхъ 70 верстъ—городъ Носовой.

Противъ Носоваго—Обдора.

А съ лѣвой стороны въ рѣку въ Обь пала рѣка Пузга, течеть отъ варымскаго берега 250 верстъ, а протоку той рѣки 180 верстъ.

А отъ Носоваго 70 верстъ, съ правой стороны Оби, городъ Ирка.

А отъ Ирки—40 верстъ—Войкаръ или Ночкой (Ночной). Нынѣ есть селеніе Войкарски, на рѣкѣ Войкаръ, впадающей въ Обь слѣва.

А выше Войкара—Уркарь, или Бѣлой.

А выше Бѣлого 130 верстъ—Лосма.

А выше Лосмы пала въ Обь рѣку, съ востоку, Казымъ рѣка: протоку той рѣки 480 верстъ.

А на устьѣ той рѣки городъ Казымъ (нынѣ на устьѣ Казыма — Кушевatz, а въ верхнїи Казыма—Казымска).

А выше того, на другой сторонѣ, 40 верстъ, рѣка Казымъ, а на ней городъ Кельчикаръ (Кельчикаръ).

А выше Казымъ 180 верстъ на Оби городъ Чомашъ (Чомашъ нынѣ существуетъ).

А выше Чомашъ 70 верстъ Шоркаръ (нынѣ Шоркальской).

А выше 70 верстъ—Ненцгаркоръ. (Въ Атласѣ изданномъ Росс. Академіей въ 1745 году обозначены юрты—Натакарски).

А выше 70 верстъ—Куримъшъ—Юрганъ.

А выше 60 верстъ—Атлымъ (нынѣ есть Больше-атлымская деревня).

А выше того на Оби 140 верстъ—Карымканъ (нынѣ Карымкара).

А выше 60 верстъ—Видмръ. (Въ атласѣ 1745—Видерекіе-юрты).

А выше 20 верстъ—Калымъ.

А выше 10 верстъ — Обскій Большой (городокъ воеводы Мансурова; нынѣ Самарово).

А противъ того, съ другой стороны, въ Обь рѣку пала рѣка Иртышъ.

А выше Обсково Большово 70 верстъ—Ласлымъ.

А выше Ласлымъ 170 верстъ пала въ Обь рѣку рѣка Васюганъ; протоку Васюгана рѣки 220 верстъ (можетъ-быть, протее Юганъ, соединяющійся изъ Большого и Малаго Югановъ: Васюганъ гораздо-выше).

А выше Васюганъ-рѣки пала въ Обь рѣку рѣка Сургутъ; протоку рѣки Сургута—160 верстъ.

А выше Сургута 170 верстъ—Дунпукъ-вышней (названіе это сохранилось въ «Думпокольской волости»; нынѣ Думпокольско выше р. Ваха).

А выше того 108 верстъ—Нарымъ, по нынѣшнему—Пѣгал ора.

А выше того 20 верстъ—Вышней Нарымъ.

А подъ вышней Нарымъ пала рѣка—Нарымъ; протоку ея 130 верстъ.

А выше того—въ старомъ Чертежѣ (то-есть въ томъ, съ котораго Чертежъ 1687 года списанъ)—объ рѣкахъ не описано. (Изъ этого видно, что составленіе стараго Чертежа относится или къ концу концу XVI-го, или къ самому началу XVII столѣ-

Между-тѣмъ, страна зауральская задолго еще до того времени была очень-хорошо знакома нашимъ промышленникамъ: торговля связи Великаго-Новогорода со странами замскими и зауральскими, въ XI—XIV столѣтїяхъ, разумѣется, въ смыслѣ мѣны продукта на продуктъ— не

тія, потому-что такихъ обширныхъ, мелочныхъ и правильныхъ подробностей до 90-хъ годовъ XVI столѣтія составителю чертежа приобрести было невозможно; а послѣ 1612 свѣдѣнія эти были недостаточны, потому-что Сибирь была уже хорошо знакома и многое было положено на новые чертежи. Известно, что во времена Годунова, сибирскіе начальники представляли въ приказъ собственные свои, составленные на мѣстѣ чертежи племенъ и ихъ обиталищъ, прозванныхъ у нихъ городами, волостями и юртами; но видно свѣдѣнія эти въ Книгу Большому Чертежу, 1627 года не вошли, потому-что многихъ названій въ ней вовсе не встрѣчается: въ ней есть, на-примѣръ, Тобольскъ, а нѣтъ Сибири; есть рѣка Сыкырья и другія, а нѣтъ Томи).

По рѣкѣ жъ по Обѣ, по другому, по лѣвому берегу, ниже Пузги рѣки, пала рѣка Падъ—90 верстъ, а Падъ рѣки тожъ течетъ изъ горъ, протоку 280 верстъ; и на устьѣ той рѣки городъ Сабань.

А отъ той рѣки Пузги—100 верстъ до Сабанна.

А выше 20 верстъ—Сускаръ, или Роговой.

А отъ Рогового, на Оби, городъ Березовой.

А выше Березова, подъ городомъ, пала рѣка Сыса. А вытекла Сыса рѣка изъ той же горы, съ Падъ рѣкою верховьемъ близко; протоку Сыса рѣки 700 (5) верстъ; рѣка течетъ не прямо (нынѣшняя Сосва).

А въ Сысу рѣку пала рѣка Гудырья, вытекла изъ Камени отъ горъ; протоку 300 верстъ.

А отъ верку рѣки Сысы до верку рѣки Гудырья горою—400 верстъ.

А промежъ рѣки Сысы и рѣки Гудырья пала въ Гудырью, за 30 верстъ отъ устья Гудырья рѣки, рѣка Сыкырья.

А отъ верку Сысы до верку Сыкырья рѣки 160 верстъ.

А къ Сыкырью изъ горъ же пала Киртасъ рѣка, а вытекла Киртасъ рѣка отъ верку Гудырья рѣки — 60 верстъ, а протоку Киртаса рѣки — 120 верстъ.

А отъ горы до усть Киртаса 70 верстъ.

А ниже устья рѣки Гудырья пала въ Сысу рѣку—рѣка Сосва (Малая). Остальныя рѣки, нынѣ переимѣнныя уже названія, мы разобрать затрудняемся. Но для этого представляемъ вкратцѣ систему рѣки Сосвы:

Большая Сосва

въ нее справа начиная отъ вершины вдали

Татуй

Вогулка

Вогулья

Сыгва

въ нее справа

Манья

Щокуръя

Въ Сосу

сплыва т—

Вышня

Малая Сосва.

А по Сысѣ и по Сосѣ города:

Сверху на Сосѣ городъ Юль (Юльскія юрты, вогульская деревня во времена Миллера).

А съ другой стороны, на низѣ, 30 верстъ—Мункусъ. (Мужность; во времена Миллера на рѣкѣ Сыгѣ была еще вогульская деревня Мужкостъ-дуль, по-русски—Мужкасскія юрты).

А ниже Мункуса 30 верстъ,—Диницъ (камень, претягиваемій для разрѣшанія во-

подвержены никакому сомнѣнію. Потому, когда Новгородъ палъ, связи Русскіе съ дальними краями Востока поддерживались купцами, вывозившимися изъ Новгорода въ Устюгъ, Вологду и печерскіе города. Но такъ-какъ, при этихъ сношеніяхъ, учетныя разписанія не составляли

хода Курбскаго при Иванѣ III въ Югорскую Землю. Города эти въ концѣ XVI столѣтія считались обскими остатками городками; ихъ считалось 6, именно Куповатъ, Няча, Липинъ, Мункосъ, Юнль, и Березовъ, см. прим. 71).

А ниже Липинъ 60 верста, на другой сторонѣ, на Сосѣ — Искръ (этотъ ищется именемъ окрестнаго Карамзинъ городъ Сибирь-аѣтовиспова, называъ ее — Искеромъ).

А ниже 80 верста—Тапсы.

А ниже 40 верста—Нячисъ (Начинъ).

А съ другой стороны 30 верста—Заглай.

А ниже Заглая 50 верста — Вороней (это должно быть русское переименованіе; аѣтвное названіе неизвѣстно).

А ниже Воронья 50 верста—Хюликаръ.

А ниже Хюликара 60 верста—Естынь.

А на устьѣ рѣки Сосвы, съ верхней стороны—Мялтинъ (Хялтинъ).

А съ нижней стороны—Березовой.

И тѣ города по Смысѣ и по Сосаѣ — Югра (значить до Смысы и до Сосам была Обдорія, а къ югу отъ Смысы и Сосам — Сибирь).

Рѣки жь текутъ въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ сибирскіе города:

Въ рѣку Обь пала рѣка Иртышъ.

А въ Иртышъ пала рѣка Тоболъ.

А сверху въ Иртышъ пала рѣка Сундышъ, отъ Сибирскаго, отъ Сургутъ (Сургу-ча) города за 350 верста. (Между Тоболомъ и Ишимомъ мы знаемъ только рѣку Вагай; о Сургутѣ или Сургуцѣ—догадаться не можемъ).

Въ Иртышъ выше Сургута (Сургуца) города, пала Ишинъ (т. е. Ишимъ) рѣка, а вышла Ишинъ рѣка изъ горы. На той же рѣкѣ островъ 150 верста, а на томъ острову дикіе аѣглія лошади: добръ ихъ много. (О аѣгліяхъ лошадахъ говорить и Абульгазы, но упоминаеть о нихъ потому что бывшій на устьѣ Уйгуръ-Мурана городъ Алакдинъ получилъ отъ нихъ свое названіе).

Изъ той же горы вытекла рѣка Тоболъ (этого, положимъ, въ тѣ времена и нельзя было знать, чтобъ не сказать ошибки).

А изъ той горы 170 верста—гора Улутона (должно быть—хребетъ Улу-тау), по нашему Великая-Гора, а въ ней олово (аѣйствительно въ Улу-тау въ наше время открыто олово).

Изъ Улутонной горы потекли три рѣки, — одиниъ прозвѣщень въ три — Сорилы: Верхняя Сорила пала въ Ишимъ рѣку, а середняя и нижняя, обѣ Сорилы рѣки, — пали въ Тоболъ рѣку.

Изъ той же горы потекли три рѣки Кендерлины, да рѣка Зиланчина, а въ ней во берегу краски желтыя да черчатыя.

А нѣко той горы, за 40 верста отъ горы, течеть рѣка Сарсу.

А въ рѣку Сарсу пала рѣка Кендерликъ.

А промежь рѣки Кендерлика и рѣки Сарсу—Коватская кочевая орда да Колыки.

А промежь Тобола-рѣки и Ишини-рѣки, пала въ Иртышъ-рѣку — Ариншъ (Ар-нинъ) рѣка.

А въ Тоболъ-рѣку за 330 верста отъ устья Тобола, пала рѣка Тура.

А рѣка Тура течеть изъ горы, изъ камня, противъ города Соли-Камскаго (Кам-ской) за 80 верста отъ Усоляя (Соли-Камской), а отъ вѣдикіа-Тюмени за 550 верста.

А отъ Тюмени 120 верста пала Тура въ рѣку Тоболъ.

На рѣкѣ на Турѣ—городъ Верхотурье.

Въ рѣку Туру пала рѣка Таига (Тага), вытекла изъ горы Усоляя Камскаго (Со-ли-Камской) за 200 верста. (Должно быть здѣсь рѣчь идетъ о Тагилѣ).

главного предмета, то наши купецкаго чина люди, невольно набираясь этнографических знаний, но не придавая им особенной важности — все незнакомыя намъ племена просто называли Чудью: по сю сторону Урала, за «волоками» на северныя водныя системы, была Чудь заводская или заводочская, а по ту сторону Урала была просто Чудь. Но русскій человекъ всегда вѣренъ своей натурѣ: наделяя и европейскіе народы и свою братью Русскихъ характеристическими эпитетами, онъ не забылъ и восточныхъ своихъ сосѣдей отличать разными прозвищами. Такъ Татаръ — онъ звалъ «ордой проклатою», Мордву — чествовалъ «Сурдой-поганою», Вогуловъ казанскихъ звалъ — «Гамалью-чусовою», Сибирь клевалъ «ивымшоною», а всю Чудь — «заблудящею».

Въ Туру рѣку, отъ Тюменскаго за 50 верстъ, съ правой стороны, пала рѣка Ница; протоку Ницы — 100 верстъ.

А ниже Ницы 50 верстъ, пала въ Туру — Пышъ рѣка; протоку 70 верстъ. (Это Пышма).

А ниже Туры рѣки 250 верстъ, пала (т. е. въ Тоболѣ) рѣка Тавда.

Отъ устья Тавды прямо степью — то Тавда рѣка, а выше того съ лѣвой стороны — рѣка Дозва, а другая рѣка — Сосва; вытекаю изъ горы; а какъ стеклись тѣ рѣки вмѣстѣ — и той рѣкѣ прозвище Тавда. (Нынѣ три вершины Тавды: суть Тавда или Пелымъ, вторая — Дозва, а третья Другая-Сосва).

А Дозва рака вытекла изъ горы, противъ верховья Вишеры рѣки за 20 верстъ и пала въ Сосву рѣку.

А въ Сосву (Дозву) изъ горъ пала Удыль (Ула) — рѣка, а на устьѣ Удыля (Уды) рѣка — городъ Дозвинской.

А отъ верха Дозвы рѣки до верха Туры рѣки — 490 верстъ.

Рѣка Пелымъ пала въ рѣку Тавду съ лѣвой стороны; протоку Пелыма 100 верстъ.

А ниже той рѣки, на устьѣ, — городъ Вышней-Пелымъ (нынѣ Пелымска) а ниже того — Нижней-Пелымъ, 20 верстъ на рѣкѣ Тавдѣ (нынѣ Пелымское).

А ниже города Пелыма 100 верстъ, пала въ Тавду рѣчка Таборы, а на устьѣ — городъ Таборы. (По изслѣдованіямъ Миллера это была вогульская волость на устьѣ рѣки Иксы, какъ, вѣроятно, называлась рѣчка Таборы, нынѣ селенія Таборинска и Табаринское на самой Тавдѣ).

А ниже города Таборинъ, на Тавдѣ, городъ Ашуки (Ашуки нынѣ неизвестны; а встрѣчалось имъ названіе Кошуконъ въ грамматикѣ 1594 года. По изслѣдованіямъ Миллера Кошукъ была вогульская волость по рѣкѣ Паченкѣ; нынѣ село Кошукское).

А ниже Тавды рѣки пала въ Тоболѣ рѣка Суклемъ; протоку Суклема рѣки 160 верстъ. (На устьѣ ея нынѣ село Суклемское, близъ устья Тобола въ Иртышѣ).

А на устьѣ рѣки Тобола, на рѣкѣ Иртышѣ, на другой сторонѣ рѣки Иртыша — городъ Тобольскъ.

А выше по Иртышу, отъ Тобольска 40 верстъ, городъ Рамзанъ. (Названіе это сохранилось въ названіи рѣчки Рамзанки въ Тобольскомъ Округѣ).

А ниже Рамзана 20 верстъ — городъ Уки (названіе это нынѣ сохранилось въ названіи деревни Уковской-Заводъ и Укою, близъ Ялуторовска).

А ниже Тобола рѣки до устья Иртыша рѣки, до рѣки до Оби — 450 верстъ.

А выше Иртыша, на Оби, — городъ Ярлынь.

А выше Ярлына, отъ устья Иртыша 30 верстъ, городъ Мазымъ.

А выше 30 верстъ — городъ Лиркѣ.

А выше Лирки 20 верстъ — городъ Лунгуей.

А выше Лунгуей 25 верстъ — городъ Салыра (Салаира).

А выше 60 верстъ, — городъ Салымъ (Салымъ). Вѣроятно на устьѣ р. Салымъ.

(Книга Большому Чертежу стр. 211—220). — Далѣе смотри примѣчанія 6, 12 и 58.

Между вообще чудскими племенами немаловажную роль играют Югрыча, имя которыхъ еще въ 1488 году встрѣчается въ титулѣ Ивана III (7).

Лѣтописа наши говорятъ о покореніи Иваномъ III Югорской-Земли; некоторые историки утверждаютъ, что покореніе это произведено за Ураломъ, именно по рѣкѣ Оби; и что только дѣльство этого покоренія, государя наши стали именовать «кондійскими», потому-что русское знамя развивалось на берегахъ рѣки Конды, а «обдорскими» потому-что русское оружіе прославилось на берегахъ рѣки Оби, при военныхъ дѣйствіяхъ воеводы князя Курбскаго.

Отложимъ въ сторону разрѣшеніе вопроса: могло ли цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человекъ, идти въ походъ за Уралъ на самую Обь, по горамъ почти неприступнымъ, чрезъ лѣса почти непроходимые, между народами малочисленнымъ и дикимъ, незнавшимъ употребленія хлеба? Мы спросимъ только нашихъ историковъ: возможно ли, чтобъ цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человекъ, при такихъ обстоятельствахъ, совершало этотъ походъ болѣею частью на лыжахъ? Гдѣ оно должно было помѣщаться, когда сама природа заставляла его укрываться отъ морозовъ и снѣговыхъ бурь? Чѣмъ оно прокормится могло во все продолженіе своего похода? Не могло же оно, въ такомъ огромномъ количествѣ и столь долгое время, питаться однею рыбою! Наконецъ, съ кѣмъ же этому полчищу приходилось сражаться?.. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, весьма-незатруднительное, отдалеко бы насъ слишкомъ дало: мы только проследимъ сказаніе лѣтописцевъ.

«Въ лѣто семь тысящ седьмаго мѣсяца марта въ 12 день князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ ратию, князя Семена Федоровича Курбскаго, да князя Петра Федоровича Ушатаго, да Василья Ивановича Бражника на Югорскую-Землю, въ Кудуна и «Вогуличи, а съ ними Устюжане, Ватчане, Двиняне, Важане, Пинежане (8). Они же шедше—города поимаша и землю повоюваша и князевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей въ ротъ (9) приведоша по ихъ вѣрѣ за великаго князя, а иныхъ князей и иныхъ людей, Югрыча и Гогуличъ, тамо побитша и привдоша снѣ Москву къ великому князю—все здраво, лѣта 7008 марта» (10).

Въ розрядныхъ книгахъ, походъ этотъ описывается съ слѣдующими замѣчательными подробностями:

---

(7) Ист. Гос. Рос. Карамзина, Т. VI. Примѣч. 287: «Божію Милостію Государя всея Русіи и Великій Князь Иванъ Васильевичъ Володимирскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ,—всегомоу в чествѣйшему Матеашу, Божію Милостію Царскому и Чешскому и инымъ земель Кралю и Князю Австріе,—самъ, брату почтенному и другу «шлему — здравіе!» (1488 іюля 29).

(8) Лѣтописецъ (по каталогу лѣтописей Румянцоваго Музеума № 246); Описаніе рукописей Румянцоваго Музеума 1842 стр. 337. Ист. Гос. Рос. Т. VI, прим. 462: «на Куду и на Гогуличи».

(9) «Шерть» и «рота крѣпкая»—присяга.

(10) Миллеръ, стр. 66.

«Послалъ великій Князь Петра Федоровича Ушатого, да подалъ ему «даты бѣгскаихъ Воложжанъ, а пошла до Пинежскаго-Волочку рѣкою «2,000 верстъ. Да тутъ сождался съ Двиняны да съ Пинежаны, да съ Ваханы (т. е. обитателями рѣки Ваги). А пошла съ Ильина-дня (20 июля) «Колодою-рѣкою 150 верстъ, съ Оленьяго-Броду на многія рѣки ходила и пришла въ Печору-рѣку, до Усташа-града. И тутъ «воеводы сождался, князь Петръ (Ушатый) съ княземъ Семеновъ «Курбскимъ, да съ Васильемъ Ивановичемъ Гавриловичемъ (Бражникомъ), «да тутъ осеняли в городъ зарубилъ. А съ Печоры-рѣки воеводы «пошли на Введеніевъ-день Свѣтлыя-Богородицы (21 октября). А отъ «Печоры воеводы шла до Камени двѣ недели и тутъ разнелися воево- «ды князь Петръ (Ушатый) да князь Семеновъ (Курбскій) чрезъ Кошени «щелью, а Камени въ облакахъ не видѣти, а воля вѣтрено—ни облака «раздвратъ, а дына его отъ моря до моря» (вероятно, отъ Карскаго и до Бѣлаго). «И убили воеводы на Камени — Самоѣди 50 человекъ, а «связалъ 200 оленей. Отъ Камени шла недѣлю до перваго городка, Ля- «шима: всѣхъ по тѣ мѣста шла 4,650 верстъ. Изъ Лашима встрѣчили съ «Одора на оленяхъ югорскіе-князи, а отъ Лашима шли воеводы» (куда: «впередъ или назадъ? вероятно, назадъ, потому-что со званіемъ Лашима «рѣкаказываютъ о результатѣ всего похода) «на оленяхъ, а рать — на «себянахъ. Лашинъ взялъ и повмалъ 31 городъ, да взялъ 1,069 чело- «векъ лучшихъ людей, да 50 князей привелъ. Да Василей же Бражникъ «сказалъ 8 городы да 8 головъ. И пришелъ къ Москвѣ,—дакъ Богъ здо- «рово воево,—на Великъ-День къ государю» (11).

Упомянутый здѣсь Олений-Бродъ, по смыслу повѣствованія, дол- жень находиться между пинежскимъ волокомъ и Печорой, гла-внѣе по Мезени; пинежскій же волокъ находился между вѣтовыми Пинеги и Сѣверной-Двины; вѣнѣе существуетъ селеніе—«Пинежскій Волокъ» по лѣвому берегу Пинеги — подъ 59 градусомъ долготы и 65 градусомъ сѣверной широты, приблизительно. Далѣе встрѣчаются названія сла- душннхъ мѣстъ, трудно объясняемыхъ:

Кодунъ, или Кодуны, или Куды, или Кода, какъ кажется — племя, вѣстѣ съ Вогулячами обитавшее въ Югорской-Землѣ.

Колода—рѣка.

Усташъ—городъ.

Лашинъ—городъ.

Одора—неизвѣстно что, но, кажется, рѣка; и наконецъ —

Югра. (Слово щель, въ смыслѣ разсѣлины, ущелія, не можетъ при- вести къ рѣшительнымъ результатамъ по своей общности; въ двинской странѣ мы находимъ это слово въ обозначеніи мѣстностей Ущельскій, Карашеле, Бѣлощельско и др.)

Усташъ-городъ совершенно, кажется, начевъ изъ памяти народа, и объ немъ мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что онъ, какъ видно, былъ въ вѣстствѣ съ Колодою-рѣкою, вѣнѣе на рѣкѣ Печорѣ.

---

(11) Тамъ же, стр. 63; Каравинъ т. VI, стр. 468. У него сказано на Угор-скую-Землю—на Куды и на Вогуличи.

Колода-рана существуетъ и нынѣ подъ названіемъ «Колода»; она слева впадаетъ въ рѣку Вычегду и могла протекать по пути, по которому проходили во времена русскіе отъ рѣки Пинеги на Печору.

Кодумы, куда или Кода, соседн. Вогудичъ; во-видимому, это были именно Остаци, потому-что и въ-последствіи времени всякая мѣстность, занимаемая остяцкимъ племенемъ, называлась Кодскою-Землею.

Названіе Одора или Удора встрѣчается и донынѣ во многихъ мѣстахъ по сѣю сторону Урала: есть рѣка Удора, которая, въ Вологодской-Губерніи, впадаетъ справа въ рѣку Вашку; есть деревня Удоры по рѣкѣ Юльѣ, текущей въ рѣку Вычегду; есть еще третье названіе Удоръ, рѣки, текущей, какъ видно изъ «Атласа Россійскаго», изданнаго Академіею въ 1745 году, прямо въ Мезень. Походъ Курбскаго именно на рѣку Обь стараются поддерживать тѣмъ, что въ слово Одора вставляютъ букву б и подраиваютъ цытатами, что Обдорскій народъ былъ въ близкомъ соедѣненіи съ народами перыскими, съ которыми у него было одно общее божество, Войпель. Но названіе это нѣтъ основаніи относить исключительно на рѣку Обь, во-первыхъ, потому-что при описаніи похода Курбскаго говорится про Одору, а не про Обдору, а во-вторыхъ, слово Обдора и по ту сторону Урала имало нѣсколько значеній.

Во-первыхъ—Обдора—былъ народъ по низовьямъ Оби; во-вторыхъ, это былъ городъ на правомъ берегу Оби, въ 620 верстахъ отъ устья Оби; въ-третьихъ, Обдору же назывался царь неизвестнаго народа между Китайской Стѣной и Бухаровъ (12). Относите помяну къ горскимъ

(12) Изъ «Хронографа» (стр. 841).

О государствахъ, что за Сибирью.

Лѣта 3 того же ОѢ (1587) году по государему царю и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи указу посланы были прорѣдывать, за Сибирь, государства атаманъ и казаки Иванъ Петровъ да Бурнашъ Ялычевъ и вывели тѣмъ государствомъ роспись, которые за Сибирью государства:

Китайскому государству и Мунгалской землѣ и изъ государства живымъ и кочевымъ и великіе Оби рѣки и прочныя рѣкамъ и дорогамъ.

Отъ Киргизу, города Сибирскаго, отъ рѣки Бакана ъзду 5̄ (6) дней.

А отъ Бакана до Кумчаку рѣки ъзду 4̄ (9) дней.

А отъ Кумчака рѣки до Большаго-Езера, — гдѣ Иванъ Петровъ да Бурнашъ Яковлевъ Ялычевъ сказывалъ въ езерѣ самопѣтвой камень — 3̄ (7) дней ъзду, а около его ъзду 11̄ (12) дней конемъ; а въ то езеро 4̄ (4) рѣки съ востоку до полудне, съ западу къ сѣверу, а тѣ 4̄ рѣки текутъ въ езеро смѣсью, а въ езерѣ вода ни прибываетъ, ни убываетъ, да въ то же езеро рѣка впадея промѣжь востокомъ и сѣверомъ, а имя той рѣки Печелакъ.

По той рѣкѣ отъ езера и до вершины гдѣ царь сошелъ съ кочевьемъ 11̄ (16) дней; а дорога вся—ити ѣти по камению.

А отъ царя до улуса итти 5̄ (5) дней, а улусы зовуть Аагу-стевъ, а въ немъ князь Тормошихъ.

А отъ Тормашанича улуса ѣхати за Утчеркукушъ, а въ немъ князь Каракула, ѣхати до того улуса 5̄ (5) дней.

князей изъ мѣста пераго значенія — значить ничего не сказать, относить ее ко второму—слишкомъ-далеко, а къ третьему уже и не идти; да и вообще не видется никакой надобности читать не такъ, какъ написано, и видѣть опечатку тамъ, гдѣ слово поставлено правильно: даю

А отъ Чинисова улуса до князя Тангичиритка ѣхать ̄ ̄ дней.

А отъ Тангичириткина улуса до князя Чеченюлюкѣ уѣзду ̄ ̄ дни, безъ воды.

А отъ Чинисова улуса—Тани-катуна: ѣхати ̄ ̄ дни.

А отъ Тани-катулана улуса до царя Башкуты ѣхати ̄ ̄ дни.

А отъ царя Башкуты до княгини Манлювъ до Мунгалской земли итти ̄ ̄ дней.

А не дошедъ Мунгалской земли, за два дни, итти щелью межъ камени, а изъ щели вышелъ—въ Магачскую землю.

А на выѣздъ изъ щели два города Мунгалскихъ, каменные, а имена городовъ—Кадербашъ и Башшъ: а на Мбанъ-городѣ воевода князь Талам-тайша, а въ Башнихъ городѣ воевода князь Онба-тайша.

А третей городъ въ Мунгалской землѣ Лобинскобы каменной, а царствуетъ въ немъ женщина, имя ей царица Мачи-катуна да сынъ ея царевичъ Ангитамъ. А та царица Мачи-катуна указываетъ во всей Мунгалской землѣ по всѣмъ градамъ; а кто ни прѣидеть, да отъ нея поидеть въ китайскую землю—и она дастъ грамоту и печать; въ городъ, въ которой прѣидешь да поидешь къ рубежу и покажешь сторожамъ грамоту и печать, и они пропустятъ за рубежъ, въ китайскую землю; а будешь итъ отъ нея грамоты съ печатію—и они въ китайскую землю не пропустятъ за рубежъ.

А земля Мунгалская велика, долга и широка, отъ Бухаръ и до моря; а города въ Мунгалской землѣ дѣланы на четыре угла, а по угламъ башни, а съ исподу у городовъ вложены сѣрой камень, а сверху кладеи кирпичъ: а у воротъ городовыхъ своды также что и у русскихъ городовъ; а на вратахъ на градныхъ, на башнѣ, колоколъ и дѣланъ вѣстовой, пудовъ въ 20. А башни крыты образцами кирпичными. А дворы въ Мунгалской землѣ кирпичные: дѣланы на четыре угла; а ограды кругомъ двора велики и высоки; а во дворѣ полаты кирпичныя не высоки, а подволоки у полатъ высоки, писаны травами и красками,—цвѣты различными украшены.

Да въ той же Мунгалской землѣ стоятъ два храма, лобинскіе, кирпичные, какъ дѣлаютъ храмы,—клячатые, а стоятъ храмы дверчи межъ востоку и полудни, а на храмѣхъ крестовъ итъ; а стоятъ на храмѣхъ звѣри, невѣдомо какія: каменные.

А во храмѣхъ—незрѣченное диво! Какъ лѣзешь во храмъ — противъ дверей сидитъ три болвана, великіе, женскіе: сажени по полторы; а вызолочены сусальнымъ златомъ съ головы и до ногъ. — А сдѣлать высоко на дверехъ каменныхъ; а двери всякими красками выкрашены; а на рукахъ болваны держатъ по горшчу съ кашею. А предъ ними горятъ свѣчи не угасимыя, съ саломъ говажимъ.

А на правой рукѣ стоятъ восемь болвановъ мужскаго полу: а на лѣвой странѣ стоятъ восемь болвановъ,—все дѣвки—вызолочены съ головы и до ногъ сусальнымъ же златомъ; за руки протянули чтобы поклонаться, какъ кланяются мунгалскіе люди.

А по-сторонѣ тѣхъ болвановъ трехъ, которые предъ храмомъ на дверехъ, стоятъ два болвана наги, какъ бы человѣкъ въ тѣлѣ: не распознаешь издали, что тѣло — какъ бы живъ. А свѣчи предъ ними тонки, что солома, горятъ безъ огня углемъ.

А поютъ во храмѣхъ въ двѣ трубы великія: сажени по полторы труба. А какъ зарубить въ трубы великія, да станутъ бить въ бубны, да припадутъ на колѣна, да руками сядесутъ, да расклатятъ руки, да ударятся о землю—и лежатъ съ полчаса! И въ тѣ поры въ храмъ лѣзти нельзя. Какъ поютъ—страхъ великъ человѣку обмычетъ: незрѣченное диво во храмѣхъ. А крыты тѣ храмы образцами кирпичными.

въ томъ, что воеводы встрѣтили прелводителей до-уральской Ю. ры, которые, съ рѣки Удоры или Олора, пробивались за Уралъ.

Названіе Лапина-города сохранилось въ «Книгѣ Большому Чертежу», какъ обозначеніе местности собственно по рѣкѣ Сысвъ, между города-

А хлѣбъ въ Мунгалской землѣ водится всякой: просо, пшеница, ярица, рожь, ячмень, овесъ, и иныхъ сѣменъ много. А овощи въ Мунгалской землѣ и сады всякіе есть: яблоки, вишни, дыни, арбузы, тыквы, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ, и иные овощи всякіе.

А люди въ Мунгалской землѣ — мужескій полъ нечисты, а женскій чистъ добръ. А платье носить по своей волѣ хорошо: бархатное и камчатное, а ожерелья у кастановъ мужескихъ и у женскихъ большія, по плечамъ. А сапога носить своимъ образомъ.

А лошадей добрыхъ въ Мунгалской землѣ, катырей и шековъ, много.

А орютъ плугомъ, а сохи также какъ и у Тоболскихъ Татаръ: а бороны долги; а вино курятъ въ Мунгалской землѣ изъ всякаго хлѣба, безъ хмѣлю.

А каменія драгога въ Мунгалской землѣ нѣтъ: жемчугъ не доброй есть. А серебра много—а идетъ серебро изъ Китайской землѣ.

А Кутухты у нихъ—Кутухъ-то по нашему патриархъ—два; одинъ лѣтъ въ двадцать, а другой лѣтъ въ тридцать: нѣтъ у нихъ ни усовъ, ни бородъ. А во храмѣхъ имъ сдѣланы мѣста: какъ принудить во храмы, да сидеть по мѣстамъ, а по ихъ вѣрѣ имъ всѣ поклоняются: царь кутухтамъ.

А то солгано отъ выходецъ изъ Китайской орды, что кутухта умре, да въ землѣ лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ: то соврано, что умре да опять ожилъ!

А лоба (ламѣ) потому что наши старцы,—а у нихъ то лоба; а постригаются лѣтъ десятъ, а блада женокаго не вѣдаютъ, а бороды и усы брѣютъ и щиплютъ. А ходить безъ штановъ, а масо ѣдятъ по вся дни. А шапки у нихъ камчатны, разные цвѣты; а бороды у шапекъ что у нашихъ старцовъ; а клобуки у нихъ желтые; а говорятъ такъ: «Како-де ваша вѣра въ насъ нашею была, а вы-де старцы черныя, а наши бѣлыя; а не вѣдаемъ какъ ваша вѣра отъ нашей отбыла».

А за Мунгалскою землею къ Бухарямъ три царства: *Турское*, царь въ немъ Ювачка, а городъ каменной, а царство богато;

да царство *Шиницкое*, а царь въ немъ Саланчигъ, а городъ каменной же;

да царство *Городишаръ*, а царь въ немъ Темиръ-желъзавый: а то царство не далеко отъ Бухаръ; изъ того царства идетъ отъ желъзнаго цара въ китайское царство камень алмазъ.

А тѣ всѣ три царства стоятъ подъ полудень; а по другую сторону Черныхъ Мунгаловъ Желъзные Мугулы и до моря.

А отъ Мунгалской землѣ, отъ Манчи-катунина города до Китайскаго-мриму, до рубежу, вѣду коверъ два дни; а рубежная стѣна пошла на полдень, а къ Бухаромъ два мѣсяца ходу до Обдормъ царя; а городъ у Обдормъ царя древяной, а царство велико и богато вельми; а другой конецъ пошелъ на востокъ до моря, четыре мѣсяца ходу. А стѣна вельми кирпичная, а мы сочли по рубежной стѣнѣ башенъ сто, по обонимъ концамъ; а къ морю, сказываютъ, и къ Бухаромъ башни и числа нѣтъ. А башня отъ башни стоитъ по стрѣльбашу.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

А воюются (китайскіе люди) отъ мунгалы отъ желтыми и у мунгаловъ бой, а въ китайской землѣ люди робяны; про Обь великую и славную—устья познаемъ.

И государя цара и великаго князя Юанна Васильевича всея Россіи посланникомъ, атаманомъ Ивану Петрову да Бурнашу Ялычеву сказывали китайскія же земли люди, польчатіи: «Обя-де мы рѣки великія не знаемъ и не слышали: а изъ-морья-де къ намъ прибѣгаютъ Манцы, по нашему Нѣмцы на корабляхъ по вся годы

шани Исхаромъ в Мункусомъ (13); но по всему видно, что это не тотъ городъ, про который говорится въ описаніи похода Курбскаго: его Лапнъ—былъ первый городъ за Камнемъ, а Лапнъ Большаго Чертежа есть третій городъ по той рѣкѣ, которую мы въ настоящее время именуемъ Сыгвою; она течетъ въ Сосву, а та въ Обь.

Въ наше время существуютъ на рѣкѣ Маньѣ «Щокурянскія-Юрты», иначе называемыя «Ляпнскою». Щокурянскія онѣ называются не потому, что въ Маньѣ много ловится рыбы щокуровъ, но названіе это онѣ заимствовали отъ рѣки Щокурьей, которая вмѣстѣ съ Маньею течетъ въ Сыгву, впадающую въ Сосву. Въ вершинахъ Маньи и стоялъ Лапнъ-городокъ, что будетъ согласно и съ Герберштейномъ. Согласно съ Герберштейномъ же надо сказать, что здѣсь дѣйствительно жили Вогуличи, имя которыхъ до-сихъ-поръ осталось за двумя впадающими въ Сосву же рѣками — Вогульей и Вогулкой: онѣ то, вмѣстѣ съ вершиною Большой Сосвы, въ «Книгѣ Большому Чертежу» и названы — Гудырью, Квртасомъ и Сыкырью.

Очень жалеемъ, что не принадлежимъ къ блаженной памяти въкамъ «корнесловія». Тогда мы слово «Кодуны» переименовали бы въ «Колдуны», отъ слова «Куда» произвели бы «кудесниковъ» и доказали бы, какъ дважды-два, что Кодунами или Кудами у насъ звали всѣ племена, которыхъ взрванія утверждались или состояли въ волхвованіяхъ ихъ шамановъ или колдуновъ и кудесниковъ. Скажемъ только, что и Кодуны—были Югра, то-есть Остики или Огаки, и имя это сохранилось до насъ въ названіи Большаго-Кодуна и Малаго-Кодуна, двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Щугоръ, текущую сива въ Печору: вершины ихъ сближаются съ вершинами Маньи и Щокурьей. Вся сѣверная сторона Зауралья, вплоть до самой рѣки Сыни — впрочемъ въка и донынѣ есть исключительное обиталище Самоэдовъ; непосредственно за Самоэдами всюду слѣдовали и слѣдуютъ Остики; они были на Сосвѣ; на Сосвѣ же, или, какъ ее тогда также именовали — Сысвѣ (подразумывая подъ Сосвою то, что мы нынѣ зовемъ Мадою-

---

съ товары, какъ свѣтъ стоитъ; а того де мы не вѣдаемъ и не слышали куда они дорогу отыскиваютъ или съ товары приѣзжаютъ; а про разбой де корабельный — у насъ не слышать въ китайскомъ царствѣ, у Манцовъ гдѣ бы на море корабль разбили; а Нѣмцы де къ намъ прибѣгаютъ съ Чернаго-Моря, съ востоку и съ западу. А того де мы не вѣдаемъ и не слышали куда Манцы шли дорогомъ, дороги продолжать.

Да государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи посланникомъ, атаманомъ козачьимъ Ивану Петрову да Бурнашу Ялычеву сказали при сиротѣ въ китайскомъ пригородкѣ а въ Челказѣ Броикой мужикъ Куштанъ про Обь. — великую рѣку: «Есть де рѣка великая, а имя ей Каратилъ; а на той де рѣкѣ Каратилъ есть у насъ кочуть, кашгалъ; а вверхъ-де той рѣки Каратилъ у насъ кочуютъ Алтынъ Царь: съ своими улусы прикочиваетъ; а та де рѣка впаде въ ту рѣку Обь рѣку великую, а то де мы вершины не вѣдаемъ, а устья де мы не знаемъ.

Срез. у Карамзина Т. IX стр. 648.

Также см. в. 20 и 58 наши примѣчанія.

(13) См. прим. 6 и Слоцова «Историческое Обзорѣніе Сибири» (1838 и 1844 г.) Ч. 2 стр. VI и XXXI.

Сосвою), жили в Вогуличь: следовательно, неограниченность и смешение этих племен и составляли ту Югру, на которую ходил Курбский, в «Книга Большому Чертежу» определяет положительно эту сторону, сказавъ рѣшительно, что «по Сисвъ и по Сосвъ—Югра».

Названіе Югры, вошедшее въ титулъ Ивана III, мы находимъ въ исчисленіи лѣтописцами племенъ, составлявшихъ прежде такъ-называемую Чудь-Заволоцкую (14); значить, Югра была и по сю сторону Урала. Но такъ-какъ нѣтъ законныхъ причинъ, которыя давали бы намъ право отвергать походъ русскихъ воеводъ на Ляпичъ, когда весь походъ такъ основательно изложенъ въ старинныхъ документахъ, то по этому несомнѣнному свидѣтельству мы безотговорочно можемъ принять, что воеводы наши, съ весьма небольшимъ отрядомъ людей, вполне знакомыхъ съ мѣстностью, съ звѣропромышленниками, дѣйствительно перешли Уралъ и достигли городка Ляпича, или до рѣки Маньи, впадающей черезъ Сыгву въ Сосву и оттуда въ Обь; но вся громада русской рати, въ цѣломъ своемъ четырех-тысячномъ составѣ, переходить Уралъ, а тѣмъ паче достигать береговъ Оби—никакимъ образомъ не могла, и не могла возвращаться въ Москву «далъ Богъ здорово вове».

Карамзинъ, ссылаясь на акты о дѣлахъ прусскихъ (15), говоритъ, что сынъ Ивана III, Василий, употреблялъ въ титулахъ названіе югорскаго, в удорскаго, и обдорскаго, и кондинскаго и иныхъ. Если Ляпичъ была Югра, а весь сѣверъ назывался Обдоріей, то имена эти, вмѣстѣ съ именемъ Удоры, должны были входить въ его титулъ. Намъ, однакожъ, извѣстно изъ отечественныхъ лѣтописцевъ только, что онъ повелѣлъ именовать себя, кромѣ казанскаго и астраханскаго (хотя ни Казань, ни Астрахань не были еще тогда русскими провинціями), царемъ и государемъ перскимъ, вятскимъ, болгарскимъ и обдорскимъ, и всея Россіи государемъ и обладателемъ. Слово «кондинскій» тутъ не упомянуто (16). Но если онъ и дѣйствительно имено-

---

(14) «Въ Стѣпен. Кн. такъ поименованы народы Пермь и другихъ окрестныхъ земель: Двиняне, Устюжане, Виланяне, Вылегмане, Пинежане (по Пинегѣ), Южане (по р. Югу), Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличь, Самоядь, Пертасы, Пермь, Гамаль-Чусовая (Карамзинъ, т. V, стр. 125).

(Объ Остякахъ и Вогулахъ до-уральскихъ см. «Имянытыя люди Строговыми» стр. 37—42 и «Книга Большому Чертежу» стр. 181.

(15) Карамзинъ Т. VIII, гл. III, и прим. 357.

(16) «Великое княженіе въ Россійской земли великаго князя Василія Іоанновича всея Россіи.—ЗМ (7040—1822).

«Великій Государь и Великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи бѣ бо мужествомъ, на супротивныя враги велие храбрство показа, яко и цари окрестныя многія съ державами своими приходяще къ нему и покоряющеса служити ему».

«Сего ради и титулу великаго державы себѣ состави и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ писатъ себѣ повелѣ, дѣи же зашеиетъ въ русской землѣ, даже отъ Гюрика Великаго князя, никто же бѣ отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ, яко сей—сице:

«Божією Милостію Царь и Великій князь Василій Іоанновичъ—Владимірскій, Московскій, Новгородскій и Псковскій, Казанскій, Астраханскій, Государь Тверской,

вался кондинскимъ или кандинскимъ, то названіе это могло происходить или отъ названія одной изъ рѣкъ Двинской-Страны, Кавды или Кявды, недалеко отъ Онеги и близь озера Нижны (17), или въ-самомъ-дѣлѣ отъ сибирской рѣки Конды, о которой мы могли звать по наслышкѣ, во которая, однакожь, въ «Книгу Большому Чертежу» не внесена, не смотря на всю свою значительность.

Югра (страна и народъ), бывшая въ древнія времена, можетъ-быть, тамъ же, гдѣ была и рѣка Югъ (Югъ, вмѣстѣ съ Сухоною, составляетъ Сѣверную-Двину), прозваніе котораго обратилось сначала въ Юговичи (по примѣру Вымичи, Вятича и др.), а потомъ въ Югривчи, могла въ-последствіи времени разсѣлиться и по обѣимъ берегамъ Оби; но извѣстная намъ наша Югра, наша Остачи и Вогуличи, жили только по сю сторону Урала и именно по Чусовой, по Сыльвѣ, по Яйвѣ, по Вишерѣ, по Кодунамъ и вообще въ верховьяхъ Печоры. Можетъ-быть даже, что подъ категорію Югры мы подводили и своихъ Самоѣдовъ, по примѣру того, какъ мы и нынѣ смѣшиваемъ иногда Самоѣдовъ съ Остачами и уже позже, приучая себя къ правильному раздѣленію племенъ, бросили названіе Югры, и имя ея; рѣдко уже встрѣчающееся въ актахъ XVII вѣка, понадается, однакожь, во время соправленія царей Петра и Іоанна, въ концѣ XVII столѣтія, въ названіи Югорскихъ Самоѣдцовъ (18).

Ростовскій и Ярославскій, Вологодскій и Пермскій и Вятскій, Болгарскій и Обдорскій и Рязанскій и всея Россіи Государь и Обладатель. (Изъ хронографъ, рукописи конца XVII вѣка, по каталогу Румянцовскаго Музеума № 457).

Вѣроятно отъ Конды, по которой жили Вогуличи — и вся долина Кондѣйская получила названіе Кондорин.

(17) Книга Бол. Черт., стр. 188.

(18) Изъ граммати, 1688 года марта 10, царей Петра и Іоанна и царицы Софьи кеврольскому и мезенскому столбнику и воеводѣ Мих. Ром. Воейкову о прекращеніи междоусобицы между Самоѣдами Мезенскаго тьунскаго берега съ Югорскими и Лизовыми Самоѣдами, видно, что Югорскіе и Лизовые были въ отношеніи къ Мезенскимъ, дальніе. (Собраніе Архангелогородскихъ грамматъ съ 1652 по 1688 годъ).

Сюда же внесемъ и слѣдующую граммати 1637 года, показывающую, около какихъ мѣстъ намъ надобно искать нашу Югру (Изъ Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 40 и Миллеръ стр. 71):

«Божіею милостію, отъ царя и великаго князя Івана Васильевича всея Русіи Владимірскаго, и Новгородскаго, Казанскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Астраханскаго, Пермскаго, Югорскаго и иныхъ, — въ нашу отчину въ Юсерскую-землю Закавказскаго, въ Сорскордо князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкіе — земли и лучшими людьми, и середними и молодыми Ирмомскими людьми Сорыкидцкіе — земли.

«Послалъ еси по свою дань Івашка, Васильева сына, Иковинкова, да Нечайка, Ивановова сына, Вычегженна, да Офоньку, Федорова сына, Гоніунина, да Ваську Лантева. — И какъ къ вѣжъ, въ Оркорду, посылаши по нашу дань пріѣдутъ — и ты князь Певгѣй и всѣмъ княземъ Сорыкидцкіе-земли лучшіе люди, и середніе и молодые — собрали бѣ есте нашу дань своей Сорыкидцкіе-земли всю сиолна, со всякого человѣка по соболію, а собравъ бѣ есте нашу дань — да съ тою бѣ есте данью князь Певгѣй былъ къ намъ къ Москвѣ, или бѣ есте прислалъ къ Москвѣ съ нашею данью брата своего, или племянника, да земскихъ людей: а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беретчи, подъ своею рукою держать.

«А не соберете вы нашей дани со всякого человѣка по соболію и къ намъ на Москву не пришлите — и мѣй на васъ послать рать своя и вострая саблѣ!

Вообще же Югрой назывался народъ, разсѣянный по западнымъ и по восточнымъ склонамъ Урала; по сию сторону его — въ верховьяхъ Камы и Печоры, по ту сторону — «по Сысѣ и по Сосѣ». Но это была именно Остяки и Вогуличи, аборигены этого края, а не другое какое-либо племя, потому что изъ сличенія разныхъ мѣстъ, гдѣ упомянуто имя Югры, мы не найдемъ нигдѣ намека на то, чтобъ названіе это было исключительно присвоено какому-нибудь одному, вышершему въ теченіе XVI столѣтія, племени; но оно давалось только или Остякамъ, или Вогуламъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Если же Югра или Югрія, а не Угра или Угорія, въ обширномъ смыслѣ, была страна между Карою и Печорою (19), включая сюда и опредѣленные уже нами южные ея предѣлы; и если вліяніе наше за Ураломъ ограничивалось одною рѣчкою Мавьей — значитъ, то, что мы звали Сибирью, съ ея рѣками Тоболомъ, Иртышемъ и Обью-Великою, до царя Ивана-Грознаго, никогда не было ни покорено, ни покоряемо. Только Грозному и Ермаку, который узналъ про Сибирь изъ-сѣдствіе связей, заведенныхъ съ Сибирью царемъ Иваномъ IV, мы обязаны обладаніемъ этой обширной страны, этой вѣрной опоры и неизмѣнной надежды Россіи въ будущемъ.

Однakoжъ, промѣ Югры, мы и про Сибирь давно и хорошо знали. Въ XV столѣтіи, Русскимъ извѣстно было много Тюменей, но они умѣли различать Хвалынскую Тюмень отъ той, которая лежала за Аралтовой-Горой, то-есть, за Ураломъ: жители Великой-Перми передавали Москвѣ вѣсти о набѣгахъ отъ Тобола разныхъ сагановъ, да

«А Устюжскихъ и Вычегоцкіе-Соли выборнымъ судьямъ на тѣхъ нашихъ дашниковъ съ наше царскіе службы, съ пути кто скоротитъ, или чѣмъ изобидитъ — и тому отъ меня, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, — быть въ опалѣ и въ проторжи.

«А провозать нашихъ дашниковъ — Югорскимъ княземъ, и Югричемъ, и людемъ добрымъ отъ городка до городка, и отъ людей до людей, и беретчи нашихъ дашниковъ во всемъ по ряду, какъ прежь сего.

«А прійхати вамъ Сорыкитскимъ княземъ и вашимъ людемъ къ вамъ на Москву, и отъ насъ отъѣхать вамъ добровольно, безъ всякіе зацепки.

«А ся вамъ наша грамота — жалованная и опасная.

«Писано на Москвѣ, лѣта 3336 году.»

(На оборотѣ:)
«А у подлинныи Великаго Государя грамоты — печать на шелковомъ мутовозѣ, серебрянная и вызолочена; а на печате — Великаго Государя въ лице — орля двоеглавнѣ съ коруны, а поади той печати чеканено: Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ.»

(19) «Сѣверо-Восточная часть Европейской Россіи, — пространство между Печорою и устьями рѣки Кары — есть самая суровая, дикая и уединенная страна, прорѣзываемая понижаяющимися отраслями Уральскаго Хребта. Это древняя Угорія (Ugria). Внутренность этой страны есть льдистая, тундристая, равнина, изрѣдка посѣщаемая промышленниками, звѣроловами и занятая по мѣстамъ подвижными юртами Самоѣдовъ; въпрочемъ, Самоѣды располагаются болѣе по берегамъ рѣкъ Печоры, Усы и Кары. — Пустозерскъ, по широтѣ 67° 40' есть почти единственное здѣсь селеніе Русскихъ, занятыхъ собираніемъ всяка и морскими промыслами.» (К. И. Арсеньевъ. Статистическіе очерки Россіи. С. Пб. 1848 стр. 169).

и Русскіе не упускали случая отплачивать неваричимъ за ихъ вражескія нападенія (20).

Но Сибирь все была не наша.

(20) А. 1. Тюменка рѣчка течеть 130 верстъ въ Хвалыиское-море. (Кн. Бел. Чер. стр. 63).

2. Тюменскій городъ на устьѣ Тюменки (id. стр. 63 и 164).

3. Тюмень-городъ на устьѣ Теркѣ, въ 180 верстахъ отъ Тарковъ и въ 500 верстахъ отъ Астрахани. (id. стр. 60).

В. Рѣка Яикъ (нынѣ называется Уралъ) вытекла поровень съ Аралтовою-Горою противъ верховъ Тоболы-рѣки.

Отъ Великіе Тюмени рѣка Яикъ вытекла за 230 верстъ (id. стр. 66).

А рѣка Тура течеть изъ Камени отъ великіа-Тюмени за 530 верстъ.

А отъ Тюмени 120 верстъ пала Тура въ рѣку Тоболь. (ibid. стр. 217).

С. 1805 годъ.—Въ понедѣльникъ, на острастной, рать пришла безъ вѣсти отъ Тюмени на великую Пермь, Кудукъ-Салтанъ, Исака Царева сынъ, съ братьею и съ дѣтьми,—города не взяли, а землю нижнюю завоевали, въ Усольѣ на Камѣ русаковъ вывели и выскли; и князь Василій Коверъ, на полъ-водѣ, въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ и догнави въ Сыды, на перевозѣ залюю заставу — да и побилъ.—(Карамзинъ Т. VI, дополнительныя выписки изъ лѣтописей).

Д. Было и еще названіе Тюмени, какъ обозначеніе мѣстности въ вершинахъ рѣки Оби, въ Великой Перми. (См. Атласъ Росс. изд. Акад. 1743.)

Для поясненія древняго значенія приуральскихъ странъ дозволяемъ себѣ заимствовать слѣдующія изслѣдованія П. С. Савельева изъ сочиненія его «Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи» (С. Петербургъ 1847):

«На самой Камѣ съ Булгаріею граничила Пермь, «Украина» финскаго міра (1), которую знали скандинавскіе мореплаватели подъ именемъ *Берміи*, или *Біарміи*, давая это неопредѣленное названіе всей сѣверо-восточной полосѣ Россіи отъ Благо-Моря до горъ Уральскихъ. Уже въ половинѣ IX столѣтія смѣлый норвежскій викингъ, по имени Оттеръ, обогнувъ Капъ-Нордъ, приплылъ къ Бѣлому-мору, встрѣтилъ здѣсь Пермяковъ и самъ проникъ въ глубь страны... По слѣдамъ Оттера толпы викинговъ устремились на (сѣв.) Двину для торговли или грабежа и имя *Біармаланди* сдѣлалось славнымъ на скандинавскомъ сѣверѣ... Последнее путешествіе Скалдинавовъ къ берегамъ Благо-моря, о которомъ упоминается въ сагахъ, совершено было въ 1222 году. Съ той поры, въ теченіе трехъ столѣтій, Европа забыла сѣверо-восточный путь къ бѣломорскому побережью, и онъ вновь открытъ былъ англійскимъ мореходомъ Чанселдоромъ уже во времена Іоанна Грознаго и Маріи Стюартъ ..

«Подобно Скандинавамъ, Новгородцы вели съ Біарміею и торговлю и войну. Они именовали ближайшую къ нимъ часть Біарміи Скандинавовъ *Заволочьемъ*, то-есть, страню, лежащую за волокомъ, который отдѣляетъ Онегу отъ Двины, восточной же половинѣ ея они давали уже названіе Печоры. За ними уже, по склонамъ Уральскаго кража, лежалъ край *Югорскій*. (Стр. CVIII—CXIII).

«Югра лежала за Уральскимъ Хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ Оби, простирался до береговъ рѣки Аляхъ на востокъ. Жители ея и до-сихъ-поръ называются *Воиулами*, именемъ, которое, по свойству финскихъ нарѣчій, есть не иное что, какъ діалектическое измѣненіе имени Угровъ. Они обитали, можетъ быть, и по сю сторону Урала. Новгородъ торговалъ съ ними по-крайней-мѣрѣ съ XI вѣка; первая наша лѣтопись сохранила о томъ современное сказаніе Юрія Тороговича, богатаго Новгородца, который послалъ своего отрока (отрокъ — молодой парень, парень, молодецъ; нынче «молодой» значитъ «прикащикъ») въ Угру. «Угра же суть людіе злыи млыи и соблзати съ Сомолдью (2) на полунощныхъ странахъ... и еже кто дастъ имъ желѣзо и они давятъ скорою (мѣхами) противу» (Несторъ подъ 1096 годомъ). Вѣроятно, и Волжскіе Булгары X и XI вѣка пронаводили такой же мѣшовой торгъ въ извѣстной точкѣ Урала, не переходя за горы: привозили сѣкеры (клянки), о которыхъ говорятъ арабскіе писатели, а Югры «давали скорою противу». Эти клянки, замѣчаютъ Арабы, были самыя простые, безъ рукоятки, безъ надписей и украшеній и Югры

ГЛАВА III-Я.

ОТНОШЕНИЯ ЦАРЯ ИВАНА-ГРОЗНАГО КЪ СИБИРИ ДО ЕРМАКА.

ОБЩЕПОНЯТОЕ ПОНЯТИЕ О СИБИРИ. — СИБИРЬ—СТРАНА, ЦАРСТВО И ГОРОДЪ. — МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ СИБИРИ, — БѢГЪ СИБИРЦОВЪ ТОГДАШНЯГО ВРЕМЕНИ. — ОФФИЦІАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО РУССА СЪ СИБИРЬЮ. — О ДАРѢ ИЛИ ДАНИ. — ЕТИМЪЛЪ. — ЕТИМОЛОГИЧЕСКІЕ ПОСЛАМЪ. — ПОЯВЛЕНІЕ КУЧУМА. — ГРАММАТА КУЧУМА КЪ ГРОЗНОМУ. — КУЧУМОВЫ ПОСЛАМЪ У ГРОЗНАГО. — РУССКОЕ ПОСОЛСТВО ВЪ СИБИРЬ.

«Можемъ постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртыши и нарече «Сибирь» и ту, живъ, умре: го и «бѣ» начальный градъ Сибирь, потомъ же и вся «страна та» прозвася «Сибирь». — Гради же ко «сидло свое или шлуть по прилученію и по «смотрѣваю, обще же «Сибирь» именуется, «яко же и Римская страна и Италия нарицаются — отъ Италіи вѣчного, обладавшего «странами кечерными (Кроника Латинская); гради же всеа римскія страны разны имена имѣють, обще же и Италія наречется. — А какъ «Сибирскіи гради именани нарицаются — и се «свѣдомо имъ отъ кого же и не испытанно, по «веже бо преже живяше по всей Сибирской «земли чюдъ; посему и писанія несть.»

Первооубавъ Есимовской Лѣтописи.

Сибирью, сколько догадываться можно, попросту называли у насъ все, что лежало за Камой и къ северу и къ востоку. Знали мы, что въ странѣ этой есть горы, есть «Югорскій Камень» и есть «Каменный

перелѣзывали ихъ въ багры или гарнубы для рыбной ловли... Торговныя сношенія Булгаръ и съ зауральскою Югрой могли облегчать Вогуламъ, живущіе доселѣ по сую сторону горъ по рѣкѣ Вышерѣ, впадающей въ Каму. Еще въ XVI столѣтіи Югра не утратила торговаго своего значенія на северѣ и въ Москву вывозили оттуда не только пушные товары, но и драгоценныя камни, которые получались Юграми (3) съ юга, отъ иноземныхъ купцовъ (это говорятъ Герберштейнъ и Лербергъ; но надобно предположить, что не Югра, а русскіе промышленники производили мѣшу съ Бухарскими торговцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла Югра, то-есть въ притокахъ Камы, по сую сторону Урала, и за Ураломъ).» (Стр. CIV—CVIII).

1) *Пермь*, *Рягмш*, есть финское слово, которое доселѣ употребляется въ значеніи «окраинныя», «укрепныя», — *Ambricia*, *placa marginatis*, *inde margo*, *circuitus*; но у Зырянъ—*Перма* означаетъ вообще «возвышенность, преимущественно дѣсную». *Сугій*— синонимъ того же слова, — *margo*, *locus marginalis*,— и сверхъ того «волокъ» — *isthmus*, *terra tepidis inter maria*. Слѣдовательно *Пермь* и *Зыряне* названія синонимическія и значать «уираншцы». Одна изъ зырянскихъ волостей, въ Сольвычегодскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, до нашихъ временъ сохранила названіе *Малой Пермь* или *Пермицы*. Въ частности, *Зыряне* суть жители *Сугіи* или волока, «Волочане», *Заволоцкая Чудь*, *Заволочане*, *Zauolocsenses* позднѣйшихъ писателей. (*Ibid.* примѣч. 198).

2) Значеніе народнаго имени *Самѣдовъ* не имѣетъ однакожъ ничего общаго съ наею любовью, а есть не иное что, какъ ослабленное *Самоди*, какъ по-ую сторону называютъ ихъ ближайшіе ихъ сосѣди, жители Архангельской-Губерніи, потомки высельцевъ Великаго-Новгорода (стр. СХІХ).

3) По замѣчанію г. Шегрена названіе *Юры*, *Jögra*, сохранилось доселѣ между Зырянскими: они называютъ *Jögrajass* (*jass* есть окончаніе ихъ множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ Остяковъ. Арабскіе писатели знаютъ Югру подъ именемъ *Юрд*. «Югры», говоритъ Абу-Хамедъ, «не имѣютъ пажитей, но живутъ въ болотахъ (тундрахъ) и питаются рыбою; путь въ ихъ страну всегда покрытъ снѣгомъ.»—Готъ Лорендесъ, писатель VI вѣка, передаетъ извѣстіе, что Югра живетъ за Хозарами и Булгарами (*Ibid.*).

Полюсь», но не имели точнаго понятія ни о земляхъ, къ нимъ прилегающихъ, ни о направленіи этихъ возвышенностей. Самое различіе этихъ словъ «Камень» (гора) и «Полюсь» (хребетъ) даютъ поводъ къ уразумѣнію того, что Югорскимъ Камнемъ называли у насъ отроги Урала, распространяющіеся къ сѣверу отъ Карскаго-Моря до Каминна-Носа, бивъ котораго полагаемъ, можетъ-быть, окончаніе этихъ отроговъ, известное подъ именемъ «Югорскаго-Шара» (21); Каменнымъ же Полюсомъ или Земнымъ Полюсомъ назывался весь Уралъ, въ-послѣдствіи уже известный у насъ подъ названіемъ «Араловой-Горы» (22).

Со словомъ «Сибирь» соединялось значеніе, близко подходящее къ тому, какое встарину мы придавали слову «нѣмцы». На западѣ и Швецъ, и Французъ, и Цесарецъ были, въ понятіяхъ русскаго, неученаго народа,—одна нѣ-христь, та же нѣмцы. Такъ и на дальнемъ сѣверо-востока: и Остякъ, и Вогуличъ, и Киргизъ, и Нагаецъ — все это была та же нѣ-христь, все одна чужь заблудшая, басурманы изъ Сибири. Но такъ-какъ племена эти, подъ одними и тѣми же наименованіями, обитали и по сю и по ту сторону Урала, съ тѣмъ различіемъ, что Чужь зауральская не была подчинена вашему владычеству, то и Сибирь, въ общемъ значеніи страны, населенной чужью или чужью, можно разделить на двѣ стороны: на Сибирь русскую и на Сибирь нѣмцѣнскую.

Земли по-сю-сторону Урала за Камою, хотя и мало намъ знакомыя, но покоренныя русскимъ оружіемъ и подчиненныя русскому вліянію, составляли конецъ русскаго края, сибирскую Украину, которую въ-послѣдствіи тоже стали звать Сибирью. Эта русская Сибирь кончалась за Югорскимъ-Камнемъ, въ границахъ воображаемыхъ, но неопредѣленныхъ ясно. Въ тѣхъ предѣлахъ этого края, куда русское оружіе не проникало, право наше основывалось на правѣ первоначальнаго занятія (*ius primæ occupantis*) страны хотя и населенной, но дикой, невѣдественной, незаключавшей въ себя никакой идеи о государствѣ. Слово «Сибирь» въ устахъ народа до-сихъ-поръ осталось за тою частію Пермской-Губерніи, которая лежитъ между Камою и Ураломъ; до-сихъ-поръ собственно закамскіе жители называютъ себя Сибиряками и, говоря передъ нами про свою землю, говорятъ весьма-часто: «у насъ въ Сибири», а про наши края—«у насъ въ Расен».

За этой русской Сибирью, по ту сторону Урала, лежала не наша Сибирь, Сибирь настоящая, по равноплеменности своихъ обитателей до-сихъ-поръ удержавшая за собой данное ей народомъ прозваніе «нѣмцѣнской». Здѣсь мѣста были намъ незнакомыя и вполне неизвѣстныя, а обитатели ихъ не были нашими земляками.—Это второе значеніе слова «Сибирь», въ обще-употребительномъ смыслѣ всего Зауралья.

Но Сибирь имѣла еще третье, болѣе-тѣсное значеніе—значеніе отдельнаго политическаго союза племенъ, составлявшихъ самостоятельное, отдельное цѣлое. И этимъ-то словомъ мы преимущественно именовали особенное

---

(21) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 296.

(22) См. Привѣч. 20 — В, 6, 12 и 58.

вогуло-татарское... положимъ—ханство, «Сибирскій-Юртъ» воинствен-ныхъ, полу-идолопоклонническихъ, полу-мухаммедавскихъ племенъ. Слово «юртъ» мы прививаемъ въ тоглашнемъ его значеніи, которое у Курбскаго опредѣляется словами «царство, само по себѣ стоящее» (23), или независимую орду, у которой въ извѣстныхъ мѣстахъ были или постоянныя жилища или опредѣленные привалы, подлежащимъ образомъ огражденные и называвшіеся юртомъ, городищемъ, городкомъ и даже городомъ.

Главный притонъ Сибирскаго-Юрта, столица, или собственно говоря «ханская ставка» сибирскаго владѣтеля—былъ городъ Сибирь, и здѣсь слово Сибирь является въ тѣснѣйшемъ, четвертомъ и последнемъ своемъ значеніи. Мѣстоположеніе этого города, по свидѣтельству лѣтописцевъ, было на Иртышѣ, выше вышшняго Тобольска; новѣйшіе писатели говорятъ, что городъ Сибирь былъ въ шестнадцати верстахъ отъ соединенія Иртыша съ Тоболомъ.

Караванъ главный городъ сибирскаго юрта на Иртышѣ называетъ и Сибирью, и преимущественно Искеромъ. Такого города на Иртышѣ вовсе не существовало. Былъ городъ Искаръ, но не на Иртышѣ, а на Сосвѣ, въ 120 верстахъ отъ города Юваля, лежавшаго въ вершинахъ рѣки Сосвы, и верстахъ въ 300 отъ устья Сосвы, но это былъ городъ не татарскій, а именно югрскій, то-есть вогульскій, какъ видно изъ того, что предки наши понимали подъ Югрою. Но такъ-какъ собственно «Ис-каръ», по толкованію знатока татарскаго языка, означаетъ вообще всякое старое городище (24), то развѣ только въ этомъ смыслѣ мы и можемъ принять названіе города Сибиря, замѣнявшее, можетъ-быть, встречающееся у Герберштейна названіе Иерома.

По соображенію сказаній лѣтописцевъ о Сибирскомъ Царствѣ мы можемъ вывести заключеніе, что самыя обширныя границы сибирскаго юрта были на сѣверъ—устье Конды, впадающей въ Обь, на западъ—верховья Конды, Тавды, Туры, Тягила, Ницы, Пышмы и Исети, на югъ—лѣвый берегъ Ишима, а на востокъ—Иртышъ. Южнее Ишима шла Верхняя-Земля (вверхъ по Иртышу), но отъ кого находилась она въ непосредственной зависимости—отъ Сибиря или отъ Ногаевъ—положительно рѣшить трудно. Въ-последствіи времени, сліяніе Сибиря съ югомъ происходило незаметно и по овладѣніи нами до-иртышскою страной, мы находимъ нынѣ заиртышскія, барабинскія и около-обскія племена подъ вліяніемъ прежняго царя сибирскаго, а нынѣ подъ вліяніемъ Ногайцевъ. Надобно, однакожь, сказать, что «Книга Большому Чертежу» опредѣлительно обозначаетъ главные пункты собственно «Сибирскаго Царства».

Объ этой-то до-иртышской Сибиря и о покореніи ея Русскими мы и будемъ здѣсь говорить, потому-что съ покореніемъ ея все, куда ни

---

(23) «Измаилитскимъ языкомъ обыкло нарицаться Царство само въ собѣ стоящее». — Сказанія князя Курбскаго. 1833 г. Ч. I стр. 41.

(24) «Историческое Обзорніе Сибири», Словцова, Ч. I, стр. XXIII.

двигалось русское народонаселение на северо-востокъ отъ Москвы — все было Сибирь, и еслибъ мы успѣли, то-есть захотѣли, распространиться далѣе и завладѣть Пекиномъ—то и Пекинъ былъ бы Сибирью, то-есть въ Сибири.

Природные, туземные жители до-уртѣйской страны, которую мы будемъ звать просто Сибирью (тамъ правдѣнее, что царь Иванъ-Грозный посылалъ русскихъ людей въ Азію проваживать государствъ за Сибирью, значить за определенной мѣстностью, и приказалъ имъ разузнавать о великой рѣкѣ Обь, о Мунгалахъ и о китайской землѣ), были Вогулчи и Остяки, идолопоклонники, или, какъ въ Сибири обыкновенно выражаются—были люди «камлѣрскаго-толка», съ тою разницею, что жрецы северныхъ племенъ назывались «шаманами», а жрецы южныхъ, киргизскихъ племенъ — «камами» (25); жертвенныя дѣйствія первыхъ выражались глаголомъ «шаманить», а жертвенныя дѣйствія послѣднихъ — глаголомъ «камлать» и «камлѣрить»: отсюда и камлѣрскій-толкъ.

Прочіе, не аборигены, люди пришлые и обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были мухаммедане, Татары: тутъ были и Ногаи, и Киргизы, и Бухарцы, и другіе выходцы изъ Средней-Азіи, стремившіеся къ северу по двумъ направленіямъ—по Аму-Дарьѣ на Яикъ и по Иртышу.

Въ это время, то-есть, въ половинѣ XVI столѣтія, по Сибири сильно распространялось мухаммеданство, и въ-слѣдствіе этого-то распространенія становятся понятными встрѣчающіеся иногда въ старинныхъ грамматахъ выраженія, въ которыхъ одинъ и тотъ же человекъ, в чело-вѣкъ съ значеніемъ, именуется то Вогуломъ, или Остякомъ, то Татаривомъ. Такъ, на-примѣръ, извѣстный въ свое время Тувонча Кувандыковъ вездѣ именуется Остякомъ, а братъ его, еще-болѣе знаменитый—Епанча (Япанча) именуется то остяцкимъ головою, то татарскимъ княземъ, или просто—княземъ и просто Татаривомъ: это мы и доселѣ видимъ у себя—всякаго крещенаго въ православную вѣру мы зовемъ Русскимъ, а вѣрующій въ Мухаммеда, кто бы онъ ни былъ—просто Татаривъ.

Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и бродячіе. На-примѣръ, отдельные юрты «спамчинъ», «неболсинъ», «аккана» и нѣкоторые другіе были осѣдлые и имали пашни; другіе, менѣе цивилизованные, кочевали по берегамъ рѣкъ, перерезывавшихъ Сибирское Царство,—третьи безвыходно бродили по лѣсамъ и въ нихъ снискивали себѣ пропитаніе.

Сибирцы вообще веда жизнь, какую мы и нынѣче встрѣчаемъ въ племенахъ, которыя не доросли еще до европейскаго образованія; занятія ихъ ограничивались немногими: они занимались ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ рощахъ и тайгахъ; на тучныхъ степяхъ пасли свои стада; поля засѣвали хлѣбомъ и производили мѣну звѣриными шкурами съ сосѣдними народами, вѣроятно и съ нашими промышленниками, давнымъ-давно выславшими въ Сибирь, съ меркантильными цѣлями, Зы-

(25) «Кам-камлу у Абульгазы, по словамъ Клапрота, были восточные Киргизы. (Sur quelques antiquités de la Sibirie, par Mr. Klapproth, Paris 1823) Волхвы вышѣшнихъ при-алтайскихъ Телеутовъ и Калмыковъ тоже называются «камами».

ранъ, которыхъ мы, при открытіи Сибири, встречаемъ въ ней осёдлыми жителями, а съ которыхъ въ 1594 году русскіе воеводы брали аманатовъ—«заклады». Еще въ половинѣ XVI столѣтія извѣстно было, что Татары по Тоболу пашни пашутъ плугами и сохами; но, не смотря на то, что Енисирцы обитали въ странѣ, богатой роскошными рѣками, мы не находимъ убѣдительныхъ доказательствъ, которыя показывали бы, что Татары знакомы съ искусствомъ плавать по рѣкамъ на судахъ: напротивъ еще все удостовѣряетъ насъ, что въ эпоху Ермака, имъ, какъ кажется, вовсе были незнакомы ни плоты, ни лодки, и долго уже спустя они научились строить ихъ отъ Русскихъ, но и тогда рѣчные суда не были у нихъ въ общемъ употребленіи. Съ одной стороны, оно и естественно: кочевой житель дорожить степью и при перекочевкѣ, по нуждѣ, какъ и теперь это дѣлается, переплынетъ рѣку на лошади: значить, рѣка ему не помѣха.

Официальное наше знакомство съ Сибирью относится къ 1555 году, когда одинъ изъ владѣтелей Сибири—Етигеръ (изъ сличенія ясачныхъ списковъ видно, что имя это производилось—Етыгарь) прислалъ къ царю Ивану-Грозному своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго и выразить желаніе, чтобъ мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли (26). При этомъ прислалъ онъ въ дань, или, вѣрнѣе, въ дару—соболей и бѣлокъ.

Съ этого времени, Грозный сталъ именоваться повелителемъ Сибири (27).

Дару эту можно принимать или какъ настоящую дань, до чего Грозный и хотѣлъ довести Етигера, или только какъ поминки, какъ обычный поларокъ, какъ, по настоящему, и слѣдовало бы намъ смотреть на эту присылку.

Чтобъ уваряться въ томъ, что подобныя присылки были въ обычаѣ, оставляя въ сторонѣ то, къ чему онъ могъ повести, мы приведемъ слѣдующія строки изъ интереснаго путешествія атамановъ и казаковъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, которыхъ Грозный, въ 1567 году, посылаалъ проваживать государствъ за Сибирью.

Разсказывая о своемъ путешествіи въ землѣ черныхъ и желтыхъ Мунгаловъ, они описываютъ прибытіе свое въ Китай и говорятъ, что въ бытность свою въ столицѣ китайскаго царства, они у самого царя не были «в царя не видали, потому, что нѣ съ чьимъ къ нему было «идти. И посольскій дьякъ сказывалъ: таковъ-де у насъ чинъ въ Китайской-Земли—безъ поминковъ передъ царя нашего не ходять. Хотя «бы-де вашъ государь послалъ къ нашему царю съ вами посланника—«ми что не великое: и то бы-де онъ привалъ за великій даръ. А вашъ «бы царь съ своими посланниками, къ вашему государю тако жъ бы «послалъ дары свои да и васъ бы, посланниковъ, пожаловалъ и оче

(26) Карамзинъ Т. VIII, гл. V.

(27) Hakluyt's Navigations, II, 235. Въ грамматѣ къ англійскому королю Эдуарду VI Грозный именованъ Commander of all Siberia. Карамзинъ относитъ это къ 1554 году: см. его И. Г. Р. Т. VIII, Пр. 421.

«бы далъ свои владычи. А нынѣ-де нашъ царь и дастъ вамъ грамоту къ вашему государю-царю, а пословъ не пошлетъ... На то-де дорого, что поминки: то-де дорого, что государь московскій царю нашему дару послалъ» (28).

Обычай этотъ всегда существовалъ у всѣхъ восточныхъ владѣтелей; достаточно вспомнить только посольство Спафарія въ Китай, гдѣ и наши подарки вздумали считать данью (29). Такой же обычай и у насъ могъ существовать и существовалъ действительно. А въ-отношеніи къ сибирскимъ владѣтелямъ намъ, какъ народу сильнѣйшему, и нельзя уже было считать эти дары иначе, какъ данью, хотя приношенія эти были ничтожныя и ограничивались дѣшь нѣсколькими сотнями дорогихъ шкуръ; даже и въ-последствіи, когда царь выразилъ ясно свою

---

(28) Изъ Хронографа: «о Государствахъ за Сибирью». Также Карамзинъ. Т. IX, пр. 648.

Вотъ, напримеръ, еще отрывокъ изъ грамоты жигатскихъ мурзъ, 1597 года:

....«Молитва и поклонъ во томъ мѣстѣ, гдѣ былъ царь. Не говорили есмь и не смирялись—и нынѣ къ мирному мѣсту пришелъ есмь. И мы съ кѣмъ ни станемъ смириться—ложно не станемъ говорить: впередъ Богомъ правду учнемъ говорить. «А нынѣ бѣ естя на насъ не побранили—*лекой поминокъ послали есмь, сорокъ соболей.*» (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, часть II, № 64).

(29) Въ журналѣ, веденномъ въ Пекинѣ по случаю прибытія изъ Россіи посланника Николая Гавриловича Спафарія, грамоту царя Алексѣя Михайловича Китайцы называли «докладомъ», а подарки, привезенные отъ него къ Богдохану—«данью».

Китайскіе министры представляли повелителю Средняго Царства, о нашемъ посольствѣ, слѣдующія рѣдкости и курьёзности, съ разрѣшенія нашего правительства въ-последствіи времени и у насъ обнаруженные:

Переводъ съ китайскаго.

«Россійскаго Бѣлаго-Царя государство—лежитъ отъ нашихъ владѣній къ сѣверному морю въ самой отдаленности, отсюда изъ самой глубокой древности въ Средняе Царство никогда посольствъ не бывало.

«Нынѣ же, по особенному уваженію къ премудрому вашему величеству правленію—ихъ государь прислалъ приближеннаго своего министра съ докладомъ и данію, что самое заслуживаетъ одобреніе» и проч.

(Резолюція Богдохана). «Все сіе, въ общемъ князей и министерствъ собраніи со всякою подробностію разсмотрѣвъ, доложить намъ со справкою».

(Снова слѣзанъ былъ докладъ, въ которомъ между прочимъ значится):

«Россійскій Бѣлый-Царь, по чрезмѣрной отдаленности. прежде дань никогда не присылалъ.

«Нынѣ же, преклонившись къ мудрости вашего величества, въ первый разъ, чрезъ своего министра, доставилъ оную.

«И потому, для одобренія сего слѣдуетъ послать къ нему указъ, и когда на сіе воспослѣдуетъ высочайшее вашего величества соизволеніе, то изготовленіе оного предоставить сенату.

(Резолюція Богдохана). «Поступить по докладу.»

(Далѣе на вопросъ о посланникахъ сказано:)

«Бѣлый-Царь хотя чрезъ посланника своего и прислалъ дань, но таковыя призовы дани не утвердительны. Если же впередъ ежегодно оную присылать, будетъ, тогда съ нашей стороны должно ли будетъ послать посланника, или нѣтъ?—Управляющій ихъ дѣлами, Монгольскій Трибуналъ, по разсмотрѣніи, долготъ нѣтъ войти съ докладомъ.»

(См. Сибирскій Вѣстникъ 1823 года, часть II.)

волю брать дань, а не подарки, то и тогда дань эта не превышала тысячу штук соборей. Напротивъ того, при покореніи Сибири, когда Сибирь сдѣлалась настоящею данницею, дань эта опредѣлена болѣе чѣмъ въ миліонъ шабурокъ.

Грозный не упустилъ Сибири изъ виду и положилъ твердое намѣреніе крѣпко держать ее въ своей могучей рукѣ.

Такъ, на-примѣръ, въ 1557 году, «отъ сибирскаго князя Едыгера прислалъ посолъ ко царю и великому князю. И дань привезе; — но не исполнену: и того ради государь на сибирскаго посла опалу свою возложилъ и все вѣнчаніе его повелѣлъ взятъ на себя; въ Сибирь же посла своего «посланника съ писаніемъ, яко да исправятся предъ нимъ. И привезоша дань исполнену со всея земли сибирскія — а во вѣки поработишася» (30).

Въ слѣдующемъ же году, Едыгеръ «учинилъ себя въ холопствѣ» царю и великому князю всея Руси.

Вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыли три посланца. Всѣ они были изъ Сибири: Чибичень отъ сибирскаго князя Едыгера, Маминшихъ отъ сибирскаго царевича Муртазы, и Тагикинъ отъ царевича Ахметъ-Карея. Всѣ они, по случаю стычекъ кочеваго племени, подъ предводительствомъ узбека Кучума съ юртомъ Едыгера, и въ слѣдствіе того остановки дани нашему царю — были задержаны въ Москвѣ и не отпущены въ обратный путь.

Это обстоятельство заставило владѣтеля одной ногайской орды хотѣть выступить передъ царемъ объ ихъ выпускѣ. «Между мною и сибирскимъ царемъ» писалъ преемникъ Измаила: «ходятъ люди востовые и ты бы Маминшиха и Тагикина-батыря, пріѣхавшихъ къ тебѣ изъ Сибири, отпустилъ: они люди мои, изъ Тюркмен-Улуса, а сибирскій посланецъ Тагикинъ въ Сибири былъ мнѣ другомъ».

Но царь, посылая къ ногайскому князю посланца, велѣлъ ему объявлять, что сибирскій царевичъ Муртаза — надѣлалъ данникамъ нашимъ множество обидъ, и поэтому Маминшиха и Тагикина отпустить непри-

---

(30) «7065 году мѣсяца ноября пришелъ изъ Сибири Митька Куровъ, посолъ царя и великаго князя, и съ нимъ пришелъ отъ Едыгера, князя сибирскаго, посолъ Болуда, а привезъ царю и великому князю дани — семьсотъ соборей, а обысвой (объ оной) дани писалъ Едыгеръ князь и вся земля сибирская, что ихъ воевалъ шибанскій царевичъ, и людей поималъ многихъ. А Митька Куровъ сказывалъ, что имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ. И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу положили, велѣли его животы поимать, а ему за сторожи сидѣть, а въ Сибирь послали служилого Татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ государемъ справили.

«7066 году пріѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служилые татаровя — Девлетъ Кожа да Сабана Рязановъ, а съ ними Едыгера князя посланники Истомаръ съ товарищи, и привезли дань сибирскія земли сполна, тысячу соборей, да дорожной пошланы сто соборей, да 69 соборей за бѣлку, да гранату шерстную привезли со княжескою печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положили впередъ ежегодъ безпереводно царю и великому князю со всей сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустили, и очи свои далъ (видѣти), и пожаловалъ — отпустилъ, а съ нимъ послали служивыхъ Татаръ по дань въ передній годъ. (Миллеръ стр. 73).

гоже; но еще прежде того въ грамматѣ къ нему царь писалъ: «Твоей дочери, жены сибирскаго князя, и сына ея не отпускалъ къ тебѣ для того, что зять твой, сидя въ Сибири на нашемъ юртѣ, не даетъ дани, за что я ему хочу мстить и достигать тотъ юртъ, дабы послѣ надѣлать имъ твоего внука. На сей разъ я не отпускалъ къ тебѣ Сибирянина Тагикна, потому что онъ пришелъ ко мнѣ изъ Сибири, въ посылство отъ царевича Ахметъ-Кирей» (31).

Въ этихъ выраженіяхъ мы видимъ новое доказательство, что Иванъ Грозный, покоривъ Царство Казанское, твердо хотѣлъ и дальній востокъ держать въ покорности и заставить тамошнихъ владѣтелей признавать его верховную волю.

Что касается до третьяго етигерова посланца, Чибичена, то онъ былъ отпущенъ въ 1563 году, а именно 16-го сентября, вѣроятно, въ то время, когда до Москвы дошло извѣстіе, что сынъ Муртазы, сдѣлался царемъ сибирскимъ (32).

Объ этомъ событіи лѣтописецъ нашъ, Савва Есиповъ, рассказываетъ коротко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Приде степью изъ казачей орды царь Кучумъ, Муртазынъ сынъ, со многими воинскими людьми. И доиде до града Сибири, в градъ Сибирь иза, князей же Етигера и Бекбулата уби и прозвася — сибирскій царь. И мнози языцы повинны себѣ сотвори. Царь же Кучумъ царствова въ Сибири лѣта донольно во изобиліи и радости и веселіи мнози, дани и оброки со многихъ языкъ имаше, даже до лѣта повелѣнія Господня, въ ны же Богъ восхотѣ царство его разрушити и предати православнымъ христіаномъ».

Кучумъ, котораго потомство представляетъ себѣ сначала удалимъ и счастливымъ наездникомъ, а потомъ хилымъ, слѣпымъ, несчастнымъ старикомъ-скитальцемъ, происходилъ, какъ можно предполагать, изъ

---

(31) Ист. Обзор. Сиб. Словцова, Т. I стр. XVIII и XIX. По изысканіямъ Миллера, Ахметъ-Кирей былъ старшій сынъ Муртазы, братъ Кучума; онъ въ послѣдствіи убитъ былъ бухарскими посланцами. (Миллеръ стр. 57).

Изъ этихъ отрывковъ можно заключить, что Сибирью тогда называли 1) всѣ татарскія племена за Ураломъ, и 2) собственно Етигеровъ-юртъ.

(32) «1563 сент. въ 16, отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чагмбея по измалеу Челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данію и задержанъ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю извѣстили, дами государевымъ даньщикамъ давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигеря князя: *государскаго даньщика Едигеря — царевичъ казанскій убилъ*» (Каразинъ Т. IX. примѣч. 257). Такъ-какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о плѣнномъ казанскомъ царѣ Едигерѣ же, проживавшемъ въ Россіи и извѣстномъ подъ именемъ Смесьна, великаго князя тверскаго, то ясно, что послѣднія слова выписки совершенно перепутаны. Ближе къ истинѣ будетъ, если мы станемъ читать такимъ образомъ: «Сибирскіе люди... извѣстили, дани... давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь другаго царевича: *Едигеря князя, государскаго даньщика, Кучумъ царевичъ казацкій убилъ*». Можно указать множество примѣровъ тому, что простоватые переписчики лѣтописей, вмѣсто казацкій пишутъ — казанскій, а вмѣсто казакъ, мвож. казацы, пишутъ — казанцы. (Ср. Акты Историч. Т. I № 179 — рѣчи князя Шкиты Ромодановскаго. См. ниже примѣч. 35).

племени Ногаевъ, и именно въ той ихъ орды, которая извѣстна была подъ именемъ Алтаульской. Орда эта кочевала около Арала и была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Хивой и Бухарой. Завѣда родственными связи съ разными предводителями ногайскихъ ордъ (33), Кучумъ зналъ отъ нихъ о русскомъ Бѣломъ Царѣ, еще подробнѣе узналъ объ немъ въ Сибири, но, окончивъ свои перекочевки овладѣніемъ сибирскаго юрта, онъ увлекся, можетъ-быть, легкою побѣдою, не захотѣлъ слѣдовать примѣру Етигера и не думалъ посылать къ Бѣлому Царю своей авы...

Въ 1569 году, въ московской тюрьмѣ сидѣлъ Татаринъ изъ Сибири, по имени Аиса. Кто онъ былъ такой, когда онъ явился въ Москву, какъ попалъ въ тюрьму — мы не знаемъ. Достоверно, однакожь, извѣстно, что Грозный обратилъ на Аису свои милостивые взоры, повелѣлъ его отпустить на родину, довести его на казенный счетъ до Перми, съ тѣмъ, чтобъ воевода тамошній, князь Никита Ромодановскій, принявъ шари переслать его въ Сибирь немедленно.

При отъѣздѣ Аисы изъ Москвы, въ мартѣ 1569 года, ему вручена грамота для передачи ея новому властителю Сибири.

Грамота эта до насъ не дошла; но отрывокъ ея сохранился въ старинной книгѣ, названной «Титулярникомъ», вмѣстѣ съ отрывками другихъ грамотъ; изъ двухъ посольствъ Кучума въ немъ составлена общая выписка, которая въ томъ же видѣ, въ какомъ она помещена въ «Титулярникъ», перепечатана потѣмъ у Карамзина и во второмъ томѣ «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (34). Изъ этой выписки, составленіе которой должно отнести къ гораздо — позднѣйшему времени, чѣмъ упоминаемые въ ней документы, видно, что Иванъ Грозный напоминалъ, въ своей грамотѣ 1569 года, сибирскому сосѣду о его обязанностяхъ такими словами: «Прежь сего сибирскій Етигеръ князь на насъ смотрѣлъ, и съ сибирскіе земли, со всеѣ, «на всякъ годъ давъ къ намъ присылалъ... Чтѣ дальше было сказано — неизвѣстно.

Въ это время между нами и Сибирью все было спокойно. Бывшій до 1570 года въ Пермь князь Ромодановскій свидѣтельствовалъ, что во все время пребыванія его въ тѣхъ мѣстахъ, намъ отъ сибирскихъ людей «задору некотораго не было», только однажды они уведѣ съ Чусовой (но въ которомъ именно году, неизвѣстно) трехъ Чермяковъ,

---

(33) Кучумъ сына женилъ своего Алея на дочери ногайскаго владѣтеля Тинъ-Ахмета, а дочь выдалъ за ногайскаго же владѣтеля Акъ-Мирзу, или Нкъ-Мирзу (Карамзинъ Т. IX прим. 658 и Словцовъ Ч. I стр. XVIII); въ концѣ своей горькой жизни Кучумъ всѣ надежды свои полагаетъ на Ногаевъ и Бухаръ (Карамзинъ Т. XI прим. 21 и Акты Истор. Т. II № 5); одинъ изъ изятыхъ Русскими въ плѣнъ сыновей его, Махметъ-Куль, состоя въ русской службѣ, явился по отчету, не Кучумовичемъ, а Алтауловичемъ, можетъ-быть, въ память того рода Ногаевъ, къ которому онъ принадлежалъ. Во многихъ мѣстахъ Махметъ-Кула называютъ братомъ Кучума, но другой сынъ Кучума, Абдуль-Хамръ, называется Махметъ-Кула своимъ братомъ. (Сибр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 67). См. также прим. 82.

(34) См. ниже примѣч. 36, равно Акты Историческіе Т. I. № 172.

Ивашку Поздьева съ двумя товарищами. Ивашко Поздьевъ былъ въ самой Сибари, у Етигера. Въ разговорахъ и бесѣдѣ съ Ивашкой, сибирскій салтанъ сказывалъ ему, что онъ собираетъ дань Бѣлому Царю, хочеть послать къ нему пословъ, говорилъ также, что для него настало плохое время: война у него съ казакскимъ (кайсацкимъ) царемъ. «Одолзеть меня царь козацкой! Сядеть онъ на Сибиря!.. да вамъ все равно—вамъ онъ тоже будетъ дань присылать».

Ровно черезъ годъ послѣ отправления въ Сибирь Татарина Ансы, именно 17 марта 1570 года, пріѣхалъ въ Москву изъ Перми князь Никита Ромодановскій и привезъ съ собою татарскую грамату, о которой объявлялъ, что ее доставилъ къ нему 6 декабря 1569 года Вогулетьивъ изъ Пельима, съ рѣки Конды, Ивака Иванкинъ сынъ и сказалъ только, «что тоѣ грамоту дали ему изъ Сибири».

Царя въ это время не было въ Москвѣ: онъ жилъ въ слободѣ Александровской.

Князь Ромодановскій передалъ грамату въ Боярскую Думу. Бояре перевели грамату на русскій языкъ, увидѣли, что это грамата отъ Кучума, навела справки въ дѣлахъ и всѣ эти бумаги, вмѣстѣ съ изложениемъ приведенныхъ выше рачей, 21 марта 1570 года отправили къ царю въ слободу при слѣдующей отпискѣ:

«Господарю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи —

«Холопи твои Иванецъ Бѣлскій, да Иванецъ Мстиславскій, да Михалецъ Воротыинскій, и всѣ бояре, челомъ быють!

«По твоему Государеву приказу отъ тебя господаря отпущенъ съ Москвы, изъ тюрьмы, сибирскій Татаринъ Анса въ Сибирь, къ сибирскому царю съ граматою, въ семьдесятъ седьмомъ году въ мартъ мѣсяцъ; а вельно его изъ Перми отпустати князю Микитѣ Ромодановскому.....

«И привезъ, господарь, изъ Перми князь Микита Ромодановскій грамату сибирскаго царя татарскимъ письмомъ, и что, господарь, Микита рачію сказывалъ—и мы рачи тѣ, написавъ на списокъ, и съ сибирскіе граматы переводъ, послали къ тебѣ, господарю».

Грозный прочелъ всѣ бумаги и отвѣчалъ:

«Бояромъ нашимъ князю Ивану Дмитріевичю Бѣльскому, да князю Ивану Федоровичю Мстиславскому, да князю Михаилу Ивановичю Воротыинскому, и всѣмъ нашимъ бояромъ.

«Писали еста къ намъ, про спросъ князя Микиты Ромодановскаго, и переводъ съ граматы сибирскаго царя къ намъ прислали.

«И намъ тѣ вѣсти вѣдомы.

«И вы бѣ о томъ поговорали:

«привоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатись?

«и почему въ Сибирь Татаринъ къ царю отпущенъ?

«и что съ намъ писано?

«и въ которомъ году отпущенъ?

«Да что ваша будетъ мысль—и вы бѣ приговоръ свой къ намъ отписали, да и граматы, (которые) посланы отъ насъ къ царю сибир-

скому (съ) Татариниоу Ансою прислали къ намъ, не машкавъ часа того.

«Писано въ слобода лѣта 7078...» (безъ сомнѣнія, въ мартъ же мѣсяцъ; иначе царь не торопиль бы бояръ, приказавъ имъ не машкать ни часа).

Вѣроятно, бояре поняли мысль государя, что при такой грамматѣ ссылатся съ сибирскимъ царемъ нашему царю не пригоже—и дѣло до 1571 года оставалось, по-видимому, въ забвеніи.

Граммата, которую Кучумъ въ 1569 году прислалъ къ Ивану Грозному, имѣла цѣлю мирныя условія и дружественное расположеніе, но по духу, которымъ она проникнута, по манеръ изложенія обстоятельствъ дѣла, и по разнымъ особенностямъ она такъ странна и такъ резко очерчиваетъ степнаго Киргиза, превратившагося въ сибирскаго царя, что мы не можемъ не привести ее здѣсь для лучшаго уясненія дѣла, подлинникомъ и, разумѣется, безъ измѣненій. Вотъ она отъ слова до слова:

«Богъ богатъ!

«Вольный человекъ Кучумъ—царь, великій Князь—Бѣлый—Царь.

«Слыхали есмь... еси и справедливъ. Мы, и весь народъ,—земли воюютца, а не учаютъ воеватца—и овъ мирятца. Съ нашимъ отцомъ твой о(тець) гораздо помирився и юсти на обѣ стороны ход(или), потому что земля твоя близка. Люди наши въ упокоѣ были, а межи ихъ лиха не было, а люд... въ упокоѣ въ добръ жили. И нынѣ, при нашемъ и при твоёмъ времена, люди черные не въ упокоѣ.

«А по ся мѣста граматы къ тебѣ не посылаъ есмь, потому что съ нѣкоторымъ намъ война была, и мы того недруга взяли. И нынѣ похощъ миру—и мы помиримся, а похощъ воеватся—и мы воюемса. Пяти, шти человекѣвъ въ пойманъ (аманѣтахъ) держать: земля въ томъ что?

«Язъ пошлю посла и юстей, да гораздо помиримся—только похощъ съ нами миру. И ты възъ тѣхъ людей одного, которые въ поиманъ садятъ (можегъ-быть, Кучумъ разумѣлъ подъ ними Тагикина и Мамин-шиха), отпусти и своего человека съ нами къ намъ пришли гонцомъ.

«Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже. Будетъ въ дружбѣ бывалъ—ниво въ дружбѣ и быти! Кого отецъ обрѣлъ сего дру(га) и брата—сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ... помиримся, братомъ старѣйшимъ... чимъ учинимся въ отечествѣ...ствѣ—только похощъ миру!

«И ты наборзе къ намъ гонца пришли.

«Молва съ поклономъ грамату послалъ». (35).

---

(35) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ Т. II № 42. Въ сокращеніи граммата эта приведена у Карамзина Т. IX. пр. 287. Объ отпискахъ бояръ и царя см. Акты Истор. Т. I № 179. Мы въ нихъ прибавили два слова, исчезнувшія отъ времени: отсутствіе ихъ было обозначено точками.

Сверхъ помѣщенныхъ въ текстъ подлинникомъ отписки бояръ и грамматы Кучума, прилагаемъ и слѣдующую выписку рѣчей князя Ромодановскаго, тоже въ подлинникѣ:

«Лѣта 7088 Марта 17 сію грамату Сибирскаго царя Кучума привесть изъ Перми

Въ предѣлахъ, смежныхъ съ юртомъ сибирскимъ, обитали бродячіе племена тѣхъ же народцевъ, отдѣльные роды которыхъ, по-сю-сторону Урала, находились уже въ покорности русскимъ властямъ въ чемъ насъ еще болѣе убѣждать въ-послѣдствіи строгоновскія грамматы. Кучумъ, распространяя мухаммеданство («законъ же царя Кучума — Махмета проклятово!» говорятъ летописцы), а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое вліяніе далѣе къ сѣверу и западу отъ Иртыша, подчинилъ себя сосѣднихъ намъ Югрячей, Остяковъ и Вогуличъ; а такъ-какъ въ одну категорію съ ними легко могли попасть нѣкоторые изъ действительныхъ нашихъ данниковъ, что, можетъ-быть, и было причиною бунта Черемсы, которой сибирскіе люди помогали, то эта путаница дѣлъ, оставка въ обычной подати, страхъ мести и особенное желаніе мира заставили Кучума разсмотрѣть ближе свое положеніе и заяскать себя благоволеніе русскаго государя.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, было поводомъ къ приведенной выше грамматѣ Кучума—дикой, конечно, для нашихъ современныхъ понятій, но достаточно-убѣдительною по понятіямъ Киргиза.

Кучумъ сдержалъ свое слово, и въ 1571 году въ Москвѣ явился отъ него посолъ Тамасъ, въ сопровожденіи того же Аисы, въ оффиціальномъ званіи гонца, которому Москва была уже знакома. Они привезли съ собою вторую граммату отъ Кучума.

Обстоятельство это подало царю Ивану IV поводъ ясно выразить желаніе свое взять Сибирь сначала только подъ свое покровительство, вѣя, какъ выражено въ актѣ — «подъ свою высокую руку и обереганье», а

князь Микита Ромодановскій, а сказалъ, что пріѣхалъ онъ изъ Перми по государевѣ граматѣ, а тою грамату привезъ къ нему Гогудетинъ изъ Колды, Ивака, Ивакинъ сынъ, съ Пельма, о Николинѣ-дни осеннемъ. — А ему Ивакѣ, сказалъ (Микита), тоѣ грамату даяи изъ Сибири.

«А которой Татаринъ сибирской Аиса прислалъ отъ государя въ Пермь, ко князю Микитѣ съ граматою, а велѣно его отпустить въ Сибирь,—и того Татарина привезъ Сѣрой Дубровинъ въ Пермь, Іюня 3-го, а князь Микита, сказываетъ,—того Татарина отпустилъ въ Сибирь тогда жъ.

«А какъ князь Микита жилъ въ Перми—и при немъ, сказываетъ, отъ сибирскихъ людей задору ни котораго не было.

«А взяли было сибирскіе люди на Чусовой, послѣ Ильина дни, трехъ Перняковъ, Ивашка Поздѣва съ товарищи, и былъ Ивашко у царя въ Сибири дѣтъ съ десять и отпустилъ его на подводахъ до Перми, а дву товарищевъ его оставилъ, а хотѣлъ и тѣхъ отпустить; а обиды, сказалъ (Поздѣвъ), не учинилъ нѣкоторые, а говорилъ,—сказываетъ (Поздѣвъ), ему царь: вынѣ-ден дань собираю господарю вашему царю и великому князю; послонъ пошлю; а вынѣча-ден мяѣ война съ казацкими царемъ; и одолѣть-ден меня царь казацкой; и сидеть на Сибири;—ино и тотъ господарю дань учнетъ же давати.»

Мы не знаемъ назвѣно, съ котораго именно времени князь Ромодановскій жилъ въ Перми, и въ которомъ именно году сибирскіе люди заволокли-было Ивашку Поздѣва. Но несомнѣнно, что здѣсь сибирскимъ царемъ называють Етигера, а казацкимъ царемъ—Кучума.

Если Кучумъ окончательно овладѣлъ городомъ Сибирью около Николина-дни, 1569 года, то онъ властвовалъ въ ней 12 лѣтъ, а считалъ себя сибирскимъ царемъ почти 30 лѣтъ.

(См. также примѣчаніе 32).

потомъ уже подвести ее подъ совершенное подданство. Весь процессъ приема пословъ и отписки къ Кучуму проливаютъ яркій свѣтъ на умную попытку царя Ивана. Цѣль Грознаго была та, чтобъ безъ высылки воинства, безъ большихъ пожертвованій — обезпечить себя подчиненность Сибири формальнымъ договоромъ, съ тѣмъ, чтобъ Сибирь, на первый разъ, признала себя странною покровительствуемою, обложенною легкимъ приношеніемъ, или данію «по прежнимъ примарамъ» и обязанною намъ въ вѣрности шертною, то-есть, прислжною записью, на которую стеченіе обстоятельствъ вынуждало Кучума. Дипломаты наши представляли будущему времени докончить дѣло, которому положено умно-разсчитанное начало.

Второй кучумовой грамоты мы въ подлинникъ не имѣемъ и снова должны обратиться къ указанной уже нами выпискѣ изъ «Титулярника» для того, чтобъ и читателей нашихъ избавить отъ излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ распространеній, да и самихъ-себя не поставить въ необходимость не такъ передать весь колоритъ слѣдующихъ подробностей, о содержаніи заготовленныхъ къ подписи Кучума бумагъ (36).

«А се начало писано отъ Кучума къ царю и великому князю съ посломъ его Тамасомъ да съ гонцомъ Авсою ꙗ (7080—1571) году:

«Крестыанскому Бѣлому Царю и великому князю всеа Русіа».

«Да на поля: «Кучюмъ - Богатырь, царь, — слово наше».

да: «послалъ о томъ, чтобъ его царь и великій князь взялъ въ свои руки, а дань, со всея сибирскіе земли ималъ по прежнему обычаю».

«А на свершенце у грамоты написано: «писано съ нишаномъ»; — а лѣта не написано.

«И царь и великій князь сибирскаго царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и обереганье принялъ и дань на него положилъ на годъ тысячу соболей, да посланнику государьскому, который по дань пріѣдетъ—тысячу бѣлокъ. Да и грамоты и записи тому написаны. А къ Кучуму царю, съ жалованною грамотою, послалъ государь своего сына боярскаго, Третьяка Чабукова, и записи, какову написали посолъ Тамасъ да гонецъ Авса и шерть по ней учинили, покрѣпити, да и дань у Кучюма царя взяли.

«А се начало въ государевы грамоты:

«Всемогущаго, безначальнаго Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ крестыанскаго закона еднѣ правый царь и великій князь..... Сибирскіе земли начальнику, Кучуму-царю, милостивое слово любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслію великое защищенье и богособноу наше вла-

---

(36) Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. II № 45 и Карамзинъ Т. IX, примѣч. 257. Карамзинъ говоритъ, что излагаемая здѣсь выписка помѣщена въ государственной книгѣ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, № 3, л. 79—84. Разница въ томъ подлинной первой кучумовой грамоты и помѣщенной въ выпискѣ, отказъ пословъ приложить печати или сдѣлать подписи, и убіеніе нашего посла—не вселяютъ слѣдующаго убѣжденія, чтобъ прошеніе самого Кучума о выисканіи съ него дани было действительно выражено—такъ, какъ оно передается въ выпискѣ.

«сти всего твоего улуса людемъ безстрашною пребываніе и крѣпкое ово-
«во то.....»

«А въ свершеніе писано:

«И того для къ сему ярлыку на большое удрученіе волотуи своею
«печать есмь приложилъ. Отъ созданія Адама ~~въ~~ октября мѣсяцъ въ
«государства нашего дворя града Москвы, а нашего лѣта 979 (гиджры):

«А се начало въ записи шерстной, которую написали посолъ Тамасъ,
да гонецъ Анса, да и къ шерти на той записи приведены:

«Божіямъ изволеніемъ а царя и великаго князя Ивана Васильевича
«всего Русіи жалованьемъ язъ Кучумъ посылалъ есмь своего посла, бью-
«чи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и тысячу соборей послалъ
«есми..... и посолъ нашъ и гонецъ, благодаря Бога и царя и великаго
«князя жалованье—нашею душею, и всякъ нашихъ добрыхъ людей ду-
«шею, и всякъ чорныхъ людей душею — царю и великому князю рѣ-
«ту крѣпкую и шерть дали на сей записи».

«А свершеніе въ записи:

«Язъ, Кучумъ—царь, печать овою приложилъ, а лучшие сибирскіе
«люди — руки свои приложилъ; и сю шерстную записъ писалъ Магмедъ
«бакъ, Хозеяиновъ сынъ, лѣта 979».

«А въ приписи:

«А на томъ на всемъ язъ, посолъ Тамасъ да гонецъ Анса, аи госу-
«даря своего Кучюма-царя и за всякъ его лучшихъ людей, и за всю
«землю сибирскую, крѣпко есмь шерть учинилъ на томъ: какъ будетъ
«у государя нашего посланникъ Третьякъ Чабуковъ — и Кучюму-царю
«и лучшимъ его людемъ на сей записи и на царевъ и великаго князя
«жаловальномъ ярлыкъ—шерть учинити и печать своя иъ сей записи го-
«сударю нашему Кучюму-царю приложити..... А печатей нашихъ, шибъ
«Тамасовы и шибъ Ансины и рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому
«что грамотъ и писати не умѣемъ».

«А въ рѣчи Третьяку велію отъ государя — Кучюму-царю поклони-
«справити и рѣчь говорити по наказу.»

Но Кучумъ — убилъ Чабукова (37)...

Значитъ, дѣло приняло дурной оборотъ: Сибирь намъ не поддавалась.

Но тѣмъ не менѣе царю Ивану-Грозному, лично ему одному, при-
надлежала первая мысль украсть за собою Сибирь средствами, не тре-
бовавшими огромныхъ пожертвованій. Тридцать лѣтъ эта мысль не по-
выдала его.

Здѣсь мы видаемъ только одну сторону постепеннаго развитія этой мы-
сли; есть еще и другая сторона: тамъ мы тоже увидимъ, какъ стремился
Грозный къ своей цѣли — овладѣть Сибирью.

---

(37) Карамзинъ Т. X, стр. 35 и 37; Словцовъ Ч. I, стр. XX, Миллеръ, стр. 87.

ГЛАВА IV-Я.

СВЯЗЬ ИМЕНИ СТРОГОНОВЫХЪ СЪ СИБИРЬЮ.

Перевративши землю за Камью.—Граммата Строгоновымъ на Каму.—Сравненіе ихъ съ другими современными и древнѣйшими родовыми же грамматами.—Граммата Строгоновымъ на Чусовую.—Навѣгъ Черемисы.—Вѣсти о сибирскомъ салтанѣ.—Граммата Строгоновымъ на всю Сибирь.—Строгоновскіе города.—Поклепъ историковъ на Строгоновыхъ.—Поводъ летописца къ этому.

«Помните — въ прежнихъ временахъ великаго князя Василья Васильевича окупили изъ племени: какой великой чести сподобились!»

ЦАРСКАЯ ГРАММАТА СТРОГОНОВЫМЪ 29 МАРТА 7118 Г.

Въ-продолженіе этого времени, русскій промышленный людъ, по слѣдамъ Новгородцевъ, продолжалъ знакомиться съ зауральскимъ населеніемъ. Зыряне, разсыпанные, какъ кажется, въ западныхъ предѣлахъ допртышской страны и всегда отличавшіеся своимъ меркантильнымъ направлевіемъ, посредственно и непосредственно укрѣпляли торговые связи Руси съ Сибирью. Вологжане, Устюжане и жители Великой-Перми успѣли пробвѣдать про царство сибирское: ихъ сношенія и знакомство двора московскаго съ Етагеромъ какъ - нельзя - лучше соответствовали видѣмъ и ожиданіямъ царя Ивана-Грознаго на страну, богатую лучшими товарами и изобильную драгоценными металлами. Повороте Казани придвинуло насъ еще ближе къ Арагтовой-Горѣ, надвинутой въ давнія времена Великій-Новгородъ закамскимъ серебромъ.

Въ 1558 году, одинъ изъ представителей торговаго дома въ тогдашней Восточной-Руси, «купецкаго чина человекъ», то-есть, промышленникъ, Григорій Анкиевъ Строгоновъ, возвилъ правительству, что за Чердыню, по обвину сторонамъ рѣки Камы, до самой Чусовой, то-есть, по-сю-сторону Урала, есть мѣста пустыя, дикія, никакъ необитаемыя, дикому непринадлежащія, для всякъхъ бесполезныя, и просилъ позволенія поискать въездъ *разсолъ*, варить соль, призывать работниковъ, и рубить лѣсъ; но при этомъ обязывался поставить дворы, и построить

на свой счет городокъ, имѣть при немъ пушки и беречь нашу границу отъ ногайскихъ и иныхъ ордъ (38).

Мѣсто было незнакомое и неизвестное: вѣльно навести справки.

Разспросили тамошнихъ людей — и узнали, что за Чердынью земля точно лежитъ впускъ, что съ этой пустоши нетолько теперь никакихъ пошлинъ въ царскую казну не поступаетъ, но даже и прежде, Казанскому-Царству обитатели этихъ мѣстъ никакихъ податей или ясаковъ не возносили: значить, земля эта была чисто-ничья, *res nullius*.

Царь исполнилъ просьбу Григорья Строгонова и 4-го апреля 1558 года далъ ему одну изъ тѣхъ грамотъ, какія обыкновенно и всегда давались разнымъ людямъ на пустоши, въ определенной формѣ, въ казенныхъ выраженіяхъ и съ извѣстнымъ ограниченіемъ срока пользованія. Но такъ-какъ мѣстность эта находилась въ соседствѣ съ ногайскими и иными ордами, то и на этотъ счетъ, согласно видамъ царя Ивана, сообразно съ мѣстными обстоятельствами и по просьбѣ самого Строгонова, сдѣлано было надлежащее опредѣленіе.

Мѣсто на безобочное пользованіе землею и на выварку соли назначено отъ устья рѣчки Лысвы, по обѣ стороны Камы, до впаденія въ нее рѣки Чусовой; на черныхъ-лѣсахъ, гдѣ было мѣсто крѣпко и острожливю, дозволено городокъ поставить и на немъ пушечки и пищали учинить для береженья отъ невѣрныхъ; разрешено искать разсола и соль варить; позволено, по общепринятому порядку, подзывать къ себѣ изъ Русскаго-Царства людей, только съ условіемъ, чтобы примаенные люди были не письменные и не тяглые, то-есть, не утвержденные за поземельными владѣльцами и другими людьми кабальной записью; льгота отъ платежа податей со стороны будущихъ пахарей, будущихъ колонистовъ дана на двадцать лѣтъ. Но тутъ же строго внушено Григорью Строгонову — и это обстоятельство, упущенное

---

(38) Замѣтить здѣсь кстати, что Строгоновы въ это время были обыкновенные люди купецкаго чина, а именитыми людьми, т. е. купецкими людьми съ правомъ на емчъ, сдѣлались они уже съ 1582 года по слѣдующему случаю: Въ 1582 году Борисъ Годуновъ долго не являлся ко двору; когда Грозный, по навітанъ Феодора Нагизы (Нагаго), заподозрилъ Годунова въ оскорбительномъ для величества неудовольствіи и злобѣ его на государя, между-тѣмъ, какъ Борисъ отзывался болѣзнію, то, чтобъ увѣриться въ истинѣ этой болѣзни, царь самъ поѣхалъ къ Годунову и лично убѣдился въ его немощахъ, осмотрѣвъ его раны. «Тогда государь (говорить «лѣтописецъ»), видѣвъ Бориса обогана, и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзнь сію? Онъ же отвѣща, яко цѣлить моя лъвы Великія Пермь купецкаго чина человекъ, именуемый Строгоновъ (Строгоновычъ). Царь же повелѣвъ принти ему предъ себѣ и «вопрошаше о настоящей борисовой скорби. Свидѣтельствовалъ же и увѣдѣ истину «и повелѣвъ того купца назвати емче гостя. И отъ того времени тѣ Строгоновы начаша именоватися съ емчею, — именитыми людьми..... Значить, это было вовсе не званіе и не сословіе, какъ имѣе сдѣлалась доказать, а только почетное величанье, именованье, дарованное царемъ одному изъ Строгоновыхъ, которые, сдѣлавшись именитыми людьми, остались тѣми же купцами, что и прежде. Новыя заслуги дали имъ при Петрѣ-Великомъ дворянство и титулъ бароновъ; дальнѣйшіе подвиги увѣнчаны титуломъ графскимъ. Изъ этого видно, до какой степени правъ строгоновская лѣтописецъ, и до какой степени правы историки, возложившіе на нее свою вѣру. (См. Карамзина И. Г. Р. т. IX, стр. 356 и прим. 618 и 633.)

изъ виду некоторыми писателями, мы просимъ особенно замѣтить — чтобъ онъ не дерзалъ принимать къ себѣ «воровъ и боярскихъ людей бѣлыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ»; царь предупреждалъ его, что если «Григорій станетъ не по сей грамматѣ ходити, или учнетъ воровати—и ся наша граммата не въ граммату».

Въ некоторыхъ ученыхъ сочиненіяхъ, проникнутыхъ духомъ Строгоновской Летописи, говорится объ этой грамматѣ какъ о чудѣ удивительномъ: «грозный царь жаловалъ Строгоновыхъ землями! давалъ имъ несудимую граммату! только одного себя признавалъ ихъ судью! это были владѣтельные князья того времени! у нихъ были цѣлые города! огромныя деревни, свои крестьяне...!»

Заслуги Строгоновыхъ незабвенны въ нашей исторіи: если мы вспомнимъ только про старину, то уже однихъ приписываемый имъ иными окупъ князя Василія-Темнаго и подтверждаемое неоспоримыми документами самоотверженіе ихъ въ годину междоцарствія укажутъ намъ, кто были для Россіи Строгоновы; потомъ, сколько предки этого дома надѣлали добра своею казною казною государственной, сколько подвиговъ они совершили для науки, для исторіи и въ прошедшей и въ настоящемъ — это уже всѣмъ извѣстно.

Но эти-то самыя заслуги и не позволяютъ намъ говорить про Строгоновыхъ неправду, особенно если неумѣстное увлеченіе можетъ повлечь за собою какой-нибудь, даже малѣйшій, укоръ ихъ въ худомъ дѣлѣ.

Оставляя въ сторонѣ ихъ собственную личность, обратимся къ нашему предмету и прослѣдимъ слѣдующую граммату.

«Граммата Царя Ивана Грознаго отъ 4 апрѣля 7066 (1558) года объ отдачѣ Григорію Строгонову *въ аренду* земель по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой.

«Се азъ, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Григорья, Анкиева сына, Строгонова, что намъ блачломъ, а сказывалъ, что-де

«Въ нашей отчинѣ, ниже Великія Перми, за восемьдесятъ за восемь верстѣ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки—съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону рѣки Камы противъ Пыскорскія Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовья рѣки—мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустыя, а всего-де того пустаго мѣста сто сорокъ шесть верстѣ. *И прежде де сего на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не ставили и въ мою де царева, великаго князя, казну съ того мѣста пошла никакая не бывала и оны не отданы ни кому и въ писцовыхъ де книгахъ и въ купчихъ и въ правесныхъ то мѣсто не написано ни у кого.*

«И Григорій Строгоновъ былъ намъ челомъ, а *хочетъ въ томъ мѣстѣ городокъ поставити и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ устроить для береженія отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ съчи и пашни, расчиствъ, пахати и дворы ставити и людей называти неписменныхъ и не тяглыхъ, и росолу искати и гдѣ найдется росоль и варницы ставити, и соль варити. И въ бы*

Григорья Строгонова пожаловати, велѣти ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собою, и на городъ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ устроить собою для береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи и пашни расчистити велѣти пахати и дворы ставити и людей велѣти называти и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росоу дскати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити.

«И здѣсь, на Москвѣ, казначей наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула — а прѣвжалъ изъ Перми ото всѣхъ Пермичъ съ данию; и казначеемъ нашимъ Пермитинъ Кодаулъ сказалъ: о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетчеломъ и тѣ де мѣста искони вѣчно лежатъ спустъ и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ никотораго.

«И оже будетъ такъ, какъ намъ Григорей бьетчеломъ в Пермичъ Кодаудъ, и съ тѣхъ будетъ съ пустыхъ мѣстъ прежь сего нашихъ дани не шло и нынѣ съ нихъ дани никоторыя нейдутъ и съ Пермичъ не тлчутъ ни въ какія подати и въ Казань ясакоевъ не даютъ и прежь того не давали и Пермичамъ и провжнимъ людямъ никоторыя споны не будетъ, —

«И азъ царь и великій князь Иоаннъ Васильевичъ всеа Русіи Григорья, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ, велѣлъ есмь ему на томъ пустомъ мѣстѣ ниже Великія Перми за восемьдесятъ за восемь верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пыскорскія Курьи, дннзъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовья рѣки, на черныхъ лѣсахъ, городокъ поставити, гдѣ бы мѣсто было крѣпко и осторожно, и на городъ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ и вротниковъ велѣлъ ему устроить собою (т. е. на собственный его, Строгонова, счетъ) для береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бѣ того городка ему по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка распашивати и дворы ставити и людей ему въ тотъ городъ не письменныхъ и не тлчлыхъ называти; а изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Григорью тлчлыхъ людей и письменныхъ къ себѣ не называти и не приимати.

«А воровъ ему и боярскихъ людей, бѣлыхъ съ женоюмъ и татей и разбойниковъ не приимати же.

«А прѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей тлчлые люди съ женами и съ дѣтьми и стануть о тѣхъ тлчлыхъ людехъ присылати намѣстники, или волостеди, или выборныя головы, и Григорью тѣхъ людей тлчлыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жѣ города, изъ котораго города о которыхъ людяхъ отпшуть иманно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не приимати ихъ.

«А которые люди кто прѣдутъ въ тотъ городъ нашего государства, или иныхъ земель люди съ деньгами или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людямъ вольно туто товары свои продавати и у нихъ покупати безо всякихъ пошлннѣ. А которые люди

пойдутъ въ Пермь жить—и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ не писанныхъ и не татлыхъ.

«А идѣ съ тою дѣлать росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озерамъ съ тѣхъ мѣстахъ рыба ловити безоброчно.

«А идѣ будеть найдеть руду серебряную или медную, или оловянную и Григорью тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ нашимъ казначамъ, а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати безъ нашего вѣдома, а съ дѣржскія ему убоженъ и съ рыбныхъ ловли не сходити.

«А льготныя годы ему дати на 20 лѣтъ отъ Благовѣщеньева-дня лѣта семь-тысячь шестьдесятъ-шестого, до Благовѣщеньева-дня семь-тысячь восемьдесятъ-шестого. И кто къ нему людей въ городъ, и на посадь и около города на нашихъ, и на деревни, и на починки придутъ какими не писанными и не татлыми людьми—и Григорью съ тѣхъ людей въ тѣ льготныя 20 лѣтъ ненадобъ моя царева, великаго князя, дана, ни мокія даны, ни мочожныхъ, ни повоинная служба, ни городское дѣло, ни выдъ мноторымъ подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель съ тѣхъ мѣстѣхъ.

«А которые люди едутъ мимо тѣхъ городовъ нашего государства, или иныхъ земель съ товары или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати ни которыхъ, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онѣ или повлзетъ ту соль или рыбу по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы всякія пошлины давати, какъ и съ иныхъ съ торговыхъ людей наши пошлины едутъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городѣ людей жить пашенныхъ и непашенныхъ, и нашихъ переіскимъ нальотникомъ и ихъ тиуномъ Григорья Строгонова, и что его городна людей и деревенскихъ — не судити ни съ чѣмъ и привадиномъ и доводчикомъ и ихъ людямъ къ Григорью Строгонову а къ его городка и деревенскимъ людямъ не въѣзжати и на поруки ихъ не дати, и не высылаютъ ихъ ни по что, а едѣтъ и судитъ Григорій всякъя слобожанъ самъ во всемъ.

«А кому будеть выхъ городовъ людямъ до Григорья какое дѣло—и тѣмъ людямъ на Григорья здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обонитъ, выдѣмъ и отвѣткамъ, безприставно едѣтъся на Москю предъ нашими казначамъ на тотъ же срокъ, на Благовѣщеневъ-день.

«А какъ та урочная дѣла едойдутъ, и Григорью Строгонову наши изъ людей велети съезити на Москю съ нашу казну на тотъ же срокъ, на Благовѣщеневъ-день, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ.

«Также вѣдма Григорья, Анкіева сына, Строгонова пожаловалъ: коли наши посылы едойдутъ съ Москвы съ Сибирь или изъ Сибири къ Москю, или съ Казани наши посланники войдутъ въ Пермь, или изъ Перми съ Казань дѣла тотъ во городѣ — и Григорью и его слобожанамъ нашимъ сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ воезавникомъ, въ тѣ его льготныя 20 лѣтъ, подводъ и приводинковъ и корму не дати (подразумѣвается — даромъ), а шальбы и соль и всякой запасъ торговыхъ людей въ городъ держати, и посломъ, и токцомъ, и про-

люди продавати по цѣль, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы, и суды, и гребцы, и коридики наймутъ полюбиво всякіе люди провжжіе, кому надобенъ и хто у нихъ дешевле похочется наняти.

«Также есьми Григорья, Анкіева сына, Строгонова пожаловали: съ Пермичи ему никоторыя тѣлы не тлѣнны и счету съ ними не держати ни въ чемъ до тѣхъ урочныхъ мѣстъ, и во всякія угоды Пермичамъ, въ земляныя и лѣсныя, отъ Лысвы рѣчки по Камъ по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ до Чусовья рѣки, у Григорья не вступатися ни въ которыя угоды въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми угожен, которыми изстари владѣли.

«А Григорей владѣетъ своими новыми угожен, съ которыхъ угоженъ и со всякихъ угодей въ нашу казну никоторыхъ пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну не плачивали, и прежь того въ Казань не даывали.

«А что будетъ Григорей намъ, по своей челобитной, ложно бычеломъ или станеть не по сей грамматѣ ходити, или учнетъ воровати,— и ся моя граммата не въ граммату.

«Дана граммата на Москвѣ, лѣта 7066, апрѣля 4 дня.»

У подлинной грамматы на шнуру вислая красная печать.

На оборотъ грамматы написано:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии.

Приказали Окольничій Федоръ Ивановичъ Умнои,

да Алексѣй Федоровичъ Одашевъ,

да Казначей Федоръ Ивановичъ Сукнинъ,

да Хозяинъ Юрьевичъ Тютунъ (39).

Подобныхъ грамматъ было множество и прежде и послѣ этого времени; такъ, на-примѣръ, при Грозномъ же, именно 20 мая 1578 года, дана была граммата попу Іеву на разсолъ въ Колмогорскомъ—Уздѣ на Шаршемскомъ—Озерѣ на пустомъ мѣстѣ. Граммата эта не такъ обширна, потому-что поппъ Іевъ не просилъ позволенія ни крѣпостей строить, ни людей созывать: онъ просилъ только безоброчной выварки соли, всего на семь дѣтъ. О людяхъ и о самосудѣ и походу еще ничего не сказано, что поппъ Іевъ заявилъ, что къ той церкви, при которой онъ состоялъ, «приходу крестьянъ нѣту ни откуда, и церковь отъ волостей далече».

Если бы порыться хорошенъко въ старинныхъ грамматахъ, издалика можно бы было начать нить документовъ, подобныхъ строгоновскимъ грамматамъ—документовъ тѣмъ болѣе важныхъ, что они пролили бы яркій свѣтъ на систему постепеннаго усиливанія Московскаго—Великокняжества. Къ нашему предмету рѣчь объ этомъ не идетъ; мы люди простые, и потому беремъ за первую учебную книгу по части старинныхъ грамматъ (40) и найдемъ въ ней подкрѣпленіе нашей мы-

(39) Миллеръ, стр. 77 и слѣд.

(40) Изъ «Собранія Палеографическихъ Слѣдковъ» г. Иванова (Москва, 1842 года) здѣсь помѣщены первыя четыре приводимыя нами грамматы; остальныя двѣ грам-

сли, т. е. что фразы, которыми иные восхищаются — *фразы, общія мѣста*.

Въ 1448 году дана была грамота отъ великой княгини Софїи (Витовтовны) игумену Сергіевскаго-Монастыря Мартыняну на село Кувакинское съ деревнями и пустошами. Въ этой грамотѣ, кромѣ разныхъ льготъ, сказано, на счетъ переманиваемыхъ крестьянъ («кого перезовутъ не изъ моихъ волостей, ни изъ селъ»), между-прочимъ слѣдующее: «А волостели моя къ тѣмъ людямъ, старожильцамъ и пришлымъ, «не всылають ни по что, ни кормовъ у нихъ не емлють, ни доводника, «ни праведники у нихъ не берутъ, ни судять ихъ ни въ чемъ опрочъ «душегубства, а судятъ свои люди игумень самъ, или кому прикажетъ». А волостель и его тиунъ не вступаются въ монастырскаго человека ни въ правотаго, ни въ виноватаго».

Въ такихъ же выраженїяхъ дана грамота сыномъ ея великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ въ 1449 году жонѣ какого-то аменитаго человека, Капинна, Марьѣ и сыну ея Фодору. Въ этой грамотѣ дается льгота отъ податей и другихъ повинностей—на старожильцовъ на пять лѣтъ, а касательно тѣхъ крестьянъ, которыхъ Капинна вновь къ себѣ перезоветъ—на десять лѣтъ. И въ этой грамотѣ встрѣчаются выраженїя: «оже будетъ такъ!»; «которые люди перезе того тутю не живали, а перезовутъ изъ нныхъ княженей, а не изъ моихъ, великаго князя, отчины»; «а кому будетъ чего искати на Марїи и на еѣ сынъ, или на ихъ приказникъ, ино ихъ сужу язъ самъ, великій князь».

Въ грамотѣ великаго князя Ивана III симоновскому архимандриту съ братїемъ, отъ 1464 года, сказано: «Не надобъ моя дань и ии-«которая пошлина на пять лѣтъ; а письменныхъ имъ людей моихъ, «великаго князя, и не письменныхъ къ собѣ не принимати; а въдасть «ни судить архимандритъ своихъ людей самъ, или кому прикажетъ; а «намастницы мои, и волостели, и ихъ тиуны къ нимъ не всылають «ни по што, ни кормовъ своихъ у нихъ ни которыхъ не емлють.»

Точно такія же грамоты даны въ 1517 году Степанку, Осефу, и Володкѣ Фодоровымъ и Ромашкѣ Фролову на земли въ Устюжскомъ-Уездѣ, и въ 1524 году Наумку Кобелю на соляныя варяницы и другія угоды въ устюжской землѣ на рѣкѣ Юрѣ.

Изъ соображенїя этихъ извлеченїй съ тою грамотою, которая дана была Григорью Строгонову на лысвинскїя пустоши, можно вывести заключенїе, что въ строгоновской грамотѣ не было ничего чудеснаго.

Если предположить, что приводимые нами, для сравненїя, документы не были извѣстны нашимъ ученымъ изслѣдователямъ о сибирскомъ искорененїи (чего, по нашему убѣжденїю, допускать вовсе нельзя), то тѣмъ неменѣе все-таки для насъ кажется непонятною, кромѣ пропуска на-

---

маты, подобныя строгоновскимъ, Ромашкѣ Фролову и Наумкѣ Кобелю, читатель можетъ найти въ I-мъ томѣ «Актовъ Археографич. Экспедици»: одну подъ № 163, а другую подъ № 383.

которыхъ фразъ, еще и та легкость, съ которою ученые наши читали Строгоновскія грамматы, не углубляясь, кажется, вовсе въ ихъ настоящій смыслъ.

Съ чего, на-примѣръ, некоторые изъ нихъ полагаютъ, или заставляютъ своихъ читателей полагать, будто-бы Строгоновы, въ описываемую эпоху, сдѣлались, въ-сдѣдствіе этихъ грамматъ, *вотчинниками* закамской стороны? Почему они сдѣлались вотчинниками чувственныхъ земель въ-послѣдствіи времени—это другой вопросъ; но были ли они вотчинниками именно въ описываемую эпоху?

Съ чего ученые наши взяли, будто-бы Строгоновы имѣли свои *юртады*? Зачѣмъ они не объяснили значенія этого слова читателямъ, незнакомымъ съ дьяломъ? Съ чего они взяли, что Строгоновы имѣли своихъ людей и, при томъ, въ такомъ еще количествѣ, что, въ 1581 году, могли имѣть среды ихъ, нить въ своихъ распоряженіи триста человекъ разноплеменныхъ *ратниковъ*, которыми они усилили, будто-бы, ормакову дружину?

Извѣстно, что во-времена Ивана-Грознаго поземельная собственность основывалась или на правѣ помѣстномъ, или на правѣ вотчинномъ, или на правѣ possessiономъ — назовемъ его кортомою, кортомленьемъ, даже арендою.

Очевидно само-себею, что земли, уступленныя Строгоновымъ, не могутъ быть подведены подъ первый разрядъ; подъ второй ихъ подвести нельзя, потому-что, если даже признать царское пожалованіе— дарственнымъ записью, дареніемъ, то и въ этомъ случаѣ вотчинное право не обусловлено, или не выражено никакимъ положительнымъ опредѣленіемъ. Напротивъ, грамматы ясно говорятъ, что Строгоновымъ предоставлено было только *пользованіе*, въ извѣстныхъ случаяхъ, естественными богатствами данной мѣстности, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, которые неразрывно связаны съ правомъ собственности полной; тѣмъ, вѣсть съ правами, предоставленными лично Строгоновымъ, некоторыя такого же рода права предоставлены и будущимъ переселенцамъ на эти мѣста, и что, наконецъ, существованіе и результатъ царскаго дара заключались главнѣйше въ *пожалованіи* Строгоновымъ *лютою*.

Собразивъ эти обязательства съ тѣмъ, что предполагаемые колонисты закамской стороны не были, по тогдашнимъ правамъ, крѣпкія земля, а тѣмъ наче лицу, что каждому свободному человеку дано было полное право селиться, по собственной волѣ, на земля, предоставленной въ пользованіе Строгоновымъ, что идея какъ первой, такъ и остальныхъ строгоновскихъ грамматъ, состояла исключительно въ государственныя виды на Сибирь, съ цѣлю колонизаціи сибирской уральскими полагаемъ, съ своей стороны, за справедливое признать, что упомянутыя въ грамматахъ къ Строгоновымъ земли даны были имъ не въ вотчину, а въ possessiю, въ аренду, въ кортому... и сердечно сожалѣемъ, что наши ученые изслѣдователи не обратили на этотъ важный предметъ никакого вниманія, не объяснивъ действительныхъ правъ Строгоновымъ на всю Сибирь, по третьей грамматѣ, 1574 года, которую мы тоже приведемъ здѣсь, и упущеніемъ всего этого изъ виду

дали право или поводъ некоторымъ писателямъ выразить мысль печатно, даже въ 1848 году, что *Строгоновы подарили русскаго царя Сибирью!*

Вотъ причины, которыя взвѣняютъ насъ въ томъ, что, обшая легкіе рассказы нашимъ читателямъ, мы потчуемъ ихъ до-сихъ-поръ полновѣсными тяжелыми главами; но это необходимо для разьясненія фактовъ... Обратимся же къ нашему предмету.

Получивъ первую грамоту, Строгоновы разослали бирючей по соседнимъ мѣстамъ и кликнули влччъ; переходъ крестьянъ отъ одного поземельнаго владѣльца къ другому былъ тогда свободный; къ Строгоновымъ явился народъ—и черезъ шесть лѣтъ мы уже видимъ у нихъ Канкоръ-городокъ, или слободку, на Камѣ, и желаніе богатаго солеваря основать другую слободку, но все еще не въ Закамскомъ-Краѣ, не въ чужи, а почти во-своихъхъ.

Дать черезъ десять послѣ того, другой Строгоновъ, Яковъ, нашелъ новый разсолъ, опять-таки по сю же сторону Урала, на пустошахъ не подвластныхъ ни теперь Руси, ни прежде Казани. Строгоновъ видѣлъ, что это мѣсто ничье и, какъ добрый подданный, довелъ объ этомъ до свѣденія государя, прося его дозволить ему и тутъ, заодно ужъ, распространять свои промыслы.

Царь Иванъ IV былъ очень-доволенъ, видя новый случай еще ближе придвинуться къ Сибири, которая его давно интересовала. Онъ разрѣшилъ просьбу Строгонова и, въ-свѣдствіе этого, далъ ему сладкую, дополнительную къ первой, грамоту:

Отъ 25 марта 7076 (1568) года, объ отдачѣ Якову Строгонову въ аренду земель по обѣ стороны Камы, отъ устья Чусовой внизъ на 20 верстѣ и по всемъ притокамъ чусовской системы.

«Се азъ царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Якова, Анкиѣва сына, Строгонова, что онъ намъ былчеломъ, а сказывалъ, что-де

«Онъ, въ нашей отчинѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя мѣста дали есми имъ на льготу, да и грамоту жаловальную брату его Григорью отдала отъ Лысвы рѣчки до Чусовья рѣки, по обѣ стороны Камы рѣки, мѣста пустыя, лѣсы черныя, рѣчки и озера дикія, а всего-де того пустого мѣста по Камѣ на сто на сорокъ на шесть верстѣ.—А по Чусовой рѣкѣ вверхъ, на пустомъ мѣстѣ, при наволокахъ, нашли росолъ, и оны-де у того росолу, безъ нашего вѣдома, крѣпости учинити не смѣютъ; а по другой-де сторону Чусовья рѣки съ устья и до вершины и отъ Чусовья рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору, по обѣ стороны Камы рѣки, острова и наволоки, мѣста пустыя, лѣсы черныя, и рѣчки и озера дикія; а всего-де того пустого мѣста на двадцать верстѣ имъ не даны и *въ нашей жалованной грамотѣ тѣхъ у дикъхъ пустыя мѣста не написаны*, и пашни на томъ мѣстѣ не пахиваны, и дворы не становали, и въ нашу де цареву и великаго князя дѣзну съ того мѣста пошла никакая не бывала, и не отдано-де то мѣсто никому, и въ писцовыхъ-де книгахъ, и въ купчихъ, и въ пра-

вежныхъ грамматахъ то мѣсто не написано ни у кого, и у Пермичъ де въ тѣхъ мѣстахъ, писменныхъ въ писцовыхъ книгахъ ухажествъ пять некоторыхъ.

«И Яковъ хочетъ у того у соленого промыслу *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставити* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ и городской нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроить, и сторожей держати собою жь, для приходу ногайскихъ *лошадей* (людей?) и иныхъ ордь. — И намъ бы Якова, Анкиѣва сына, Строгонова пожаловати на томъ пустомъ мѣстѣ у соленого промыслу въ Чюсовой рѣкѣ, которое мѣсто имъ дано на льготу отъ Лысвы рѣчки внизъ по рѣкѣ по Камѣ до Чюсовой рѣки, а отъ устья рѣки Чюсовой по рѣкѣ по Чюсовой вверхъ и по другую сторону у Чюсовой рѣки съ устья и до вершины, и отъ Чюсовой рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору по оба стороны Камы рѣки — *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставити* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ, и городской нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроить, и *сторожей держати* собою жь для приходу *ногайскихъ людей и иныхъ ордь*, и около того мѣста *лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ съчи, и пашни пахати, и съма розчиствя* косити, и всякими *угодь владѣти*.

«И оже будетъ такъ, какъ намъ Яковъ, Анкиѣвъ сынъ, Строгоновъ былчеломъ!

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи Якова, Анкиѣва сына, Строгонова, по его челобитью, пожаловалъ, велѣлъ ему на томъ пустомъ мѣстѣ на Чюсовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя мѣста за ними въ нашей прежней жаловальной грамматѣ написаны у соленого промыслу, гдѣ они нынѣ росолъ нашли, *крѣпости подьлати* и *городокъ поставити, и городской нарядъ скорострѣльной, пушечки и затинные пищали и ручные учинити, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроить* и *сторожи держати* собою для *береженія отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордь*, и около бы городка у соленого промыслу *варницы и дворы ставити, по обѣ стороны Чюсовой рѣки, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чюсовой рѣки по обѣ стороны Камы рѣки внизъ на 20 верствъ до Ласвинскаго бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ съчи и пашни пахати, и пожни расчищати, и рыбными угодь и иными всякими владѣти, и людей неписменныхъ и нетяглыхъ называти, а нашей бы казнь въ томъ убытка не было.*

«А изъ Перміи и изъ иныхъ городовъ нашего государства Якову *тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти и не принимати, а воровъ ему, бѣлыхъ съ животомъ, татей и разбойниковъ не примати жь.*

«А прївдетъ кто къ Якову изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и съ дѣтьми, и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати наши намѣстники, или волостели, или вы-

борные головы—и Якову тѣхъ людей тяглыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ города, изъ котораго города о которыхъ людехъ опишутъ ямянно, в у себя ему тѣхъ людей не держати и не привмати ихъ.

«А которые люди кто прїдетъ въ тотъ городъ нашего государства, или изъ иныхъ земель люди, съ деньгами, или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, в тѣмъ людемъ волюно товары свои продавати, и у нихъ покупати безъ всякихъ пошлинъ.

«А которые люди пойдутъ изъ Пермн жати, и тѣхъ людей Якову ямати съ отказомъ неписменныхъ и нетяглыхъ.

«А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставитъ, и соль варити, и по рѣчкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстахъ рыбы ловити безоброчно.

«А гдѣ будетъ найдутъ руду серебрянную, или мѣдную, или оловянную—и Якову тотчасъ о тѣхъ рулахъ отписывати къ намъ, а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати безъ нашего вѣдома.

«А въ пермскіе ужожен и въ рыбные ловли Якову не входитьи, которые писаны у Пермичъ въ писцовыхъ книгахъ и въ правожныхъ грамотахъ.

«А льготы есми ему далъ на тѣ новыя мѣста, о которыхъ намъ Яковъ былчеломъ по другую сторону Чусовыя рѣки и отъ Чусовыя рѣки по Камъ внизъ на 20 верстѣ по обѣ стороны Камы рѣки до Ласвинскаго бору на 10 лѣтъ въ ту жъ льготу, чѣмъ ихъ прежь того пожаловалъ по Григорьеву челобитью, отъ Благовѣщеньева-дня лѣта семь-тысячъ семдесятъ-шестаго, до Благовѣщеньева жъ дня лѣта семь-тысячъ восемдесятъ-шестаго.

«И кто къ нему людей въ городокъ, и на посадъ, и около города на пашни, на деревни, и на починки, придутъ жити неписменныхъ и нетяглыхъ людей—и Якову съ тѣхъ людей, въ тѣ льготные 10 лѣтъ, ненадобъ моя, царя и великаго князя, дань, ни ямскіе, ни ямчужныя денги, ни посонная служба, ни городовое дѣло, ни иные некоторыя подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстахъ.

«А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства или иныхъ земель съ товары или безъ товару—и съ тѣхъ людей пошлины не ямати некоторыя, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онъ, или пошлетъ, ту соль или рыбу по инымъ городамъ—и ему съ той соли и съ рыбы всякія пошляны давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей пошляны емлютъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жати пашенныхъ и непашенныхъ—и нашимъ пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тїуномъ Якова Строгонова, и что его городка людей деревенскихъ, не судити ни въ чемъ, а праведникомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Якову Строгонову, къ его городку и ко деревенскимъ людемъ, не вѣжжати ни по что, и на поруки ихъ не дають, и не всылають къ нимъ ни по что, а ѣдаеть и судитъ Яковъ своихъ слобожанъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ.

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова. какое дѣло—и

тѣмъ людямъ на Якова здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обонимъ, ищелымъ и отвѣтчикамъ, безприставно *стася* на Москву предъ нами на тотъ же срокъ, на Благовѣщеневъ-день.

«А какъ те урочныя лета отойдутъ—и Якову Строгонову наши еслъ ведаемъ велѣти *езыти* на Москву въ нашу казну на тотъ же срокъ, на Благовѣщеневъ-день, чѣмъ ихъ наши пшцы обложить.»

«Также есми Якова, Анкиѣва сына, Строгонова пожаловалъ: коли отъ, или его люди, или его слободы крестьяне пойдутъ отъ Вычегоцкя-Соли мимо Пермь на Каму въ слободу, или изъ слободы къ Вычегоцкой-Соли — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тиуны и доводчики, и всѣ приязные люди въ Пермь, Якова и его людей и его слободы крестьянъ — на поруки ихъ не дають и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлахъ.»

«Также есми Якова, Анкиѣва сына, Строгонова, пожаловалъ: коли наши послы пойдутъ съ Москвы въ Сибирь, или изъ Сибири къ Москвѣ, или изъ Казани наши посланники пойдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань, мимо тотъ его городокъ — и Якову и его слобожаномъ нашимъ сибирскимъ *посломъ* и всякимъ нашимъ *посланникомъ*, въ тѣ его льготные 10 летъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати, а *хлѣбъ*, и *соль*, и *ескій запасъ* торговымъ людямъ въ городъ держати, и *посломъ* и *гонцомъ* и *прозжимъ* людямъ и *дорожнымъ* *продавати* по *цѣнѣ*, какъ межъ себя кунать и продають; и *подводы* и *суды* и *гребцы* и *кормищники* наймуютъ всякіе люди *прозжіе*, кому надобъ и кто у нихъ дешевле похочеть ся наняти.»

«Также есми Якова, Анкиѣва сына, Строгонова пожаловалъ: съ Пермичи ему некоторымъ туглы не тмиуть и *счоту* съ нами не держати ни въ чѣмъ до тѣхъ урочныхъ летъ и во всякія угоды Пермичамъ, въ *рѣчные* и въ *лѣсные*, отъ Чюсовыя рѣки по оба стороны Камы рѣки, до *Ласвинскаго бору* по *рѣкамъ* и по *озерамъ* и до *вершинъ* — у Якова не вступателъ ни въ которые угоды въ новыя, которыхъ угоды у Пермичъ въ *пшцовыхъ* *книгахъ* и въ *правенныхъ* *грамотахъ*, не *дѣлаемо*; а *владѣютъ* Пермичи старыми *угоженъ*, которыми *изстари* *владѣли* по *пшцовыхъ* *книгамъ*.»

«А Яковъ *владѣеть* своими *новыми* *угоженъ*, отъ которыхъ *угожеевъ* ни во *всякихъ* *угодахъ* въ нашу *казну* на которыхъ *пошлинъ* не *шле*, и въ *Казань* *асаковъ* нашимъ *бѣграмъ* и *воводамъ* въ нашу *казну* по *пшциномъ*.»

«А что *будеть* намъ Яковъ по своей *челобитной* *ложло* *блчеломъ*, или *станеть* не по сей *грамотѣ* *ходити*, или *учнетъ* *воровати*, и *ѣ* *мо* *грамота* не *ѣ* *грамоту*.»

«Дана грамота на Москвѣ, лета 7076, марта въ 25 день.»

У *подлинной* *грамоты* *приложена* *вслая* *красная* *печать*.

На *оборотъ* *подписано*:

Царь и *велькій* *князь* Иванъ Васильевичъ, *всѣа* *Русіа*.

Дьякъ Дружина Володимеровъ (41).

Тутъ Строгоновы недвижуваясь дальше и время-отъ-времени стали заселять мѣста уже по той сторонѣ Камы, по Сыльвѣ и по Яйвѣ, то-есть на сѣверѣ и на югъ новой дачи, заселяя ихъ работниками и неработниками, то-есть, казаками (42).

Въ 1572 году, царь (или отъ его имени — дьякъ), получивъ вѣсти о безпокойствахъ въ Пермь и о скваткахъ, произведенныхъ Черемиссою, поспѣшалъ послать къ Строгоновымъ новую грамату. Но такъ-какъ и это событіе нѣсколько переначено нѣкоторыми учеными, то мы и здѣсь считаемъ необходимымъ привести эту грамату тоже вполне, тѣмъ охотнѣе, что здѣсь чрезвычайно-картинно выставляются всѣ стороны и тогдашняго быта и тогдашней политики (43).

«Отъ дара и великаго князя всея Русіи въ слободку на Каму, Якову да Григорью, Анкиевымъ, дѣтямъ Строгонова.

«Въ нынѣшнемъ (3) ꙗ (7080—1572) году писалъ къ намъ съ Перми осведома нашъ, князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ, съ своимъ человекомъ, съ Ивановомъ съ Борисовымъ, о вѣстяхъ про черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ. Да Князь же Иванъ писалъ къ намъ, что писалъ къ нему, съ устья, человекъ емиш (надеемся, что никто не будетъ понимать подъ этимъ вѣрнопостнаго человека) Третьячко, юда въ 15 день, что приходили-де наши измѣнники, Черемиса, на Каму, сорокъ человекъ, да съ ними-де Остяки и Башкирцы и Бушцы собною, и побѣды де на Камѣ Пермичь, торговыхъ людей и ваташниковъ, 87 человекъ.

«И какъ къ вамъ съ наша грамата придетъ, мейте бѣ юмемъ съ делами»

---

(41) Миллеръ, стр. 81 и слѣд. Встрѣчающіяся въ этой и въ слѣдующей граматѣ выраженія: съ Строгоновыхъ всякіи пошлыми брати нишъ и съ иныи черемисыи людѣи—логически доказываютъ, что Строгоновы, какъ и другіе торговые люди, въ то время, были — купцы, и всѣ умствования, съ цѣлю доказать противное, падаютъ сами собою при ясныхъ выраженіяхъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича: въ 94 дум., гл. X Строгоновы поименованы послѣ боярскихъ дѣтей и подьячійхъ — и въ одной группѣ съ купцами, посадскими и другими: но, при нечисленнѣ ихъ, они поставлены выше гостя. Мы не умѣемъ навѣрное сказать, существуютъ ли въ наше время въ этихъ мѣстахъ соляныя варницы, или эта отрасль промышленности прекратилась, и отъ какихъ причинъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что у промышленныхъ людей соль была дѣломъ второстепеннымъ: гораздо-больше угвѣшеній сушила мѣховая промышленность; изъ-за нея дѣйствительно стоило городокъ построить и пушечки учинить.

(42) Словома казакъ—у насъ, кайсакъ—у Татаръ, обозначали человека пришедшаго, свободнаго, бездомоваго, не земледѣльца постоянного, и не исключительно воина. Таковы и теперь казаки въ Сибири, и городовые и горные. Такъ въ иныхъ мѣстахъ и нынѣше зовутъ на Уралѣ—розсыльныхъ, въ Тверской-Губерніи — на емнаго-изъ чужихъ (женщину по деревнямъ называютъ казацыха, въ-слѣдствіе простонароднаго измѣненія ч на ц, на-примѣръ, цѣкъ, голубоцкѣкъ). Возможно также, по-иному, были почти то же, что мы встарину видѣли въ Норманнахъ, Варягахъ, Руссахъ, послѣ въ Поморцахъ; они были не конники, не конница, а матросы, ладьяры, и конница ихъ составляла промышленно-грабительскую флотилію.

(43) Карамзинъ, т. IX, стр. 377; «Именные Люди Строгоновы» стр. 36, и Миллеръ стр. 85.

кими береженъемъ; а выберетъ у себя голову добра, да съ ними охочить казаковъ, сколько приберется, со всякими оружьемъ, съ ручницами и съ сайдаки, да в Остяковъ и Вогуличъ, которые намъ прямиать, съ охочими казаками, которые отъ насъ не отложились, велели прабрать, а женамъ ихъ и дѣтямъ велели бытъ въ острогъ.

«А какъ голову выберете—да в охочихъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ, велели написати на списокъ; а сколько Остяковъ и Вогуличъ, охочихъ людей, сберется, и вы бѣ то велели жъ писати на списокъ же, по имяномъ написать, и разобравъ ихъ по статьямъ, кто съ конемъ оружьемъ и сколько тѣхъ охочихъ людей, в Остяковъ и Вогуличъ, всѣхъ на нашихъ измѣнниковъ въ собранъи будетъ, да оставя у себя противень, а съ того имянного списка списавъ, прислатъ, за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву, съ приказъ Казанскаго-Дворца, къ дьякамъ нашимъ Андрею Щелкалову, да къ Кирею Горнину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было ведомо; да тѣ бы есте головы съ охочими людьми, съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ Остаки, и съ Вогуличи—посылали войною ходитъ и воевати нашихъ измѣнниковъ на Черемису и Остяковъ и на Вотяковъ и на Нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились.

«А которые наши измѣнники учнутъ приходити на слободскія мѣста войною, и тѣ бѣ охочіе люди на тѣхъ черемисскихъ людей приходили, чтобъ ихъ повоевати, а себя отъ нихъ уберегати, и отъ нихъ отходить самимъ бережно и усторожливо, а однолично бѣ имъ нашихъ измѣнниковъ Черемису и Остяковъ и Вотяковъ и Нагай, которые намъ измѣнили и отъ насъ отложились—повоевати.

«А буде которые Черемиса, или Остаки—добрые, а похотятъ къ своимъ товарищамъ приказывати, чтобъ они, отъ воровъ отставъ, намъ прямили, и на ихъ будетъ что станется, и вы бѣ тѣхъ не убивали и ихъ берели, и мы ихъ пожалуемъ.

«А которые, будутъ, и поворовали, а вынѣ похотятъ намъ прямиать и правду свою покажутъ, и вы бѣ имъ велели говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ и ихъ воевали, и въ войнѣ ихъ побивали. А котораго повоюютъ—и тому тово животъ, а жены и дѣти—имъ съ работу.

«А котораа Черемиса учнутъ намъ прямиать, а обратятся къ намъ вставою, и нашихъ измѣнниковъ повоюютъ, и измѣнничьи жены поемлютъ, и лошади, и коровы, и платье, и иной какой всякъ животъ—и вы бѣ у нихъ того полѣнскаго живота однолично отнимати не велелимъ кому.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7080, Августа въ 6 день.»

У подлинной грамоты приложена восковая черная печать.

На оборотъ подписано:

Царь и великій князь всеа Русіи.

Дьякъ Кирей Горницъ.

Здѣсь нѣтъ ни под-слова о Сибири, то-есть, о Татарахъ за-уральскихъ, а говорится только именно о тѣхъ племенахъ, которыя обитали по-сю-сторону Уральскаго-Хребта и были въ сосѣдствѣ съ Черемисою; следовательно, граммата эта, по существу своему, не имѣла никакого прямого соотношенія съ Сибирскимъ-Юртомъ.

Впрочемъ, какія были послѣдствія этой назидательной граммати, неизвестно; но, вѣроятно, поводы къ подобнымъ стычкамъ подали сами же Строгоновы, расселиаясь въ мѣстахъ кочевья прикамскихъ Остяковъ и Вогуличъ (44), которые, очень-естественно, по грубости понятій, возставали противъ чуждой имъ цивилизаціи. Не должно, однакожь, казаться удивительнымъ, что Строгоновы, получая подобныя, въ некоторомъ родѣ воинственные граммати въ своей глуши и удаленіи отъ центра тогдашняго русскаго населенія по Камь, не дѣлали какихъ-нибудь важныхъ завоеваній, на основаніи общихъ терминновъ граммати *идти войною* и *повоевать*: они не имѣли на это средствъ, и вся ихъ дѣйствія въ этомъ случаѣ должны были ограничиваться расширеніемъ своихъ угодій, да согласнымъ сожительствомъ съ дикарями. Но и это много значило: ужь одно спокойствіе придвигало насъ помаленьку къ золотому дну и соболонному царству.

Главнѣйшая заслуга Строгоновыхъ состояла въ томъ, что они представляли собою первое торговое общество въ огромномъ размѣрѣ: это были торговцы—политики, родственныи союзъ которыхъ былъ дѣйствительно первою большою сибирскою компаніею, и въ этомъ отношеніи связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью несомнѣнна, вліяніе ихъ операцій на послѣдующія событія естественно и неоспоримо. А все это — заслуга очень немаловажная.

Въ-послѣдствіи времени, Строгоновы доносили государю слѣдующія подробности на сибирскаго салтана; вѣроятно, они разумѣли подъ нимъ Кучума, а не другаго какого-нибудь предводителя племенъ въ Сибири. Они говорили:

1) что за Югорскимъ-Камдемъ, межъ Сибири и Ногаи и Тахчей, есть рѣка Тахчей и рѣка Тоболь, гдѣ собираются сибирскіе люди; но прибавили, что это именно въ сибирской украинѣ, то-есть, на границахъ съ Сибирью, не въ территоріи Сибирскаго-Юрта, а въ участкѣ, который Грозный можетъ назвать своей отчиной, то-есть, государственнымъ достояніемъ;

2) что Тахчевы жили по дорогѣ отъ Вычегодска въ ихъ Строгоновыхъ слободу Орель;

3) что Маметкулъ, «братъ сибирсково», приходилъ въ сосѣдство строгоновскихъ промысловъ съ цѣлію «проводать дорогъ въ Пермь»;

4) что сибирскій салтанъ убилъ посланника нашего Третьяка Чабукова;

---

(44) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 37 — 42. Въ «Книгѣ Большому Чертежу», при исчисленіи рѣкъ Великой-Перми (стр. 151), сказано: «по тѣмъ рѣкамъ и живутъ Вогуличи по дѣсамъ, а селитьбы у нихъ нѣтъ.»

5) что служилыхъ Татаръ, которые шли въ Казницкую-Орду, сибирскій же побилъ;

6) что онъ убилъ нашего данника, Остяка Чагира, съ товарищами;

7) что иныхъ данщиковъ нашихъ сибирскій же имаеть, а иныхъ и убиваеть;

8) что онъ не велитъ нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ платить данъ въ нашу царскую казну;

9) что сибирскій салтанъ и на рать съ собою емлетъ насильствоитъ въ судяхъ, воевать Югричь — тыхъ же Остяковъ и Вогуличъ;

10) что въ то время, когда намъ Черемиса измѣняла, сибирскій послалъ (неизвестно что, должно быть имъ помощь) черезъ Тахчей и перевелъ Тахчеевъ къ себѣ;

11) что эти Тахчеевы, ни намъ теперь дани, ни прежде въ Казань ясаковъ не давали, а платили ясакъ Ногаймъ,

и 12) что они, Строгоновы, сами собой, безъ спроса, не осмѣливаются послать своихъ казаковъ (т. е. сторожей) въ погоню за сибирской ратью (Строгоновы не пытались даже просить дозволенія мѣстнаго воеводы: имъ нуженъ былъ только царскій вѣдомъ).

Въ-свѣдѣніе всего этого, Строгоновы просили позволить имъ въ тыхъ мѣстахъ соль варить, пашни пахать, железо плавить и всякими угодами владѣть, а вмѣстѣ съ тымъ, для обороны себя, поставить тамъ, въ усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости, нанять сторожей и держатъ огненный нарядъ съ тымъ, чтобъ защищать русскихъ подданныхъ отъ «сибирскаго».

Иванъ Васильевичъ, никогда не упуская изъ виду плановъ своихъ на Сибирь, радъ былъ, особенно теперь, неожиданному случаю примкнуть наконецъ къ Тоболу, который давно былъ уже известенъ московскому двору, и основать русское населеніе вблизи владѣній сибирскаго царя Кучума, служившаго единственною помѣхою въ дѣлѣ, такъ удачно приходившемъ уже, повидимому, къ концу. Полагаясь на Строгоновыхъ, что они поймутъ его планы и, для собственной своей выгоды, не преминутъ при первой же возможности воспользоваться удобными мѣстностями за Аралтовой-Горой, царь далъ имъ все, и чего просили Строгоновы, и *чего даже вовсе не просили* онъ дозволилъ имъ селиться и крѣпости ставить гдѣ имъ угодно—и на Тахчелѣхъ (что это за рѣчка—неизвестно), и на Тоболѣ, и на Иртышѣ, и на Великой-Обѣ, и на *имѣхъ рѣкахъ*.

Не можетъ быть, чтобъ царю Ивану Васильевичу не было известно—приблизительно, по-крайней-мѣрѣ—раздѣленіе племенъ въ Сибири въ мѣстныхъ мѣстахъ, направленіе главныхъ ея рѣкъ и вообще вся свѣданія, которыя нашему двору необходимо должно было у себя имѣть. И въ-самомъ-дѣлѣ, при Иванѣ IV, въ царскомъ архивѣ существовалъ цѣлый ящикъ дѣлъ «о Сибири»: значить, ему было откуда знать, какова Сибирь и что въ ней особеннаго. Прочитавъ со вниманіемъ следующую граммату, мы убѣдимся, что въ прошеніи Строгоновыхъ не было никакого намѣренія входить въ столкновенія съ сибирскимъ царемъ, но что столкновенія этого искалъ только одинъ Грозный.

Эта граммата покажетъ, какъ расчитанно и тонко она написана и ка-

кия мудрыя мѣры предприсылалъ царь Строгоновымъ для утверженія могущества Россіи въ краю, который, сближая насъ съ Среднею-Азією, в тогдѣ уже сулилъ огромныя выгоды.

Но ученые мужи наши смотрѣли на грамату совершенно съ другой точки и, по правдѣ сказать, совсѣмъ ее переначили, увлекшись, можетъ-быть, действительно огромными выгодами, которыми царь чествовалъ Строгоновыхъ.

Чтобъ упрекъ въ самовольномъ искаженіи истины не падалъ и на насъ, мы находимся въ необходимости, для пользы самой исторіи, приложить и здѣсь эту грамату вполнѣ.

Грамата Царя Ивана Грознаго отъ 30 мая 7082 (1574) года объ отдачѣ Якову и Григорью Строгоновымъ въ аренду земель по рѣкѣи всей Сибирн.

«Се азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ еси Якова и Григорья, Анкиевыхъ, дѣтей Строгонова.

«Были намъ челомъ, что *въ нашей отчинѣ, за Югорскимъ Камнемъ, съ Сибирскойъ Рѣкыи, межъ Сибири и Ногай — Тахчей и Тоболь рѣка съ рѣкѣи и съ озерами и до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди сибирской салтана да ходять ратью. А въ восемьдесятъ де первомъ году, о Ильинъ-днѣ, съ Тоболя де приходилъ сибирскова салтана братъ Маметкуль, собрався съ ратью дорогъ проведывати, куды итти ратью въ Пермь, да многихъ де нашихъ данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, а посланника нашего Третьяка Чебукова и служилыхъ Татаръ, кои шли въ Казацкую орду, сибирской же побилъ. А до ихъ острогу, гдѣ за нами наше жалованье, промыслы ихъ, сибирской не доходилъ за пять верстъ. А онъ де, Яковъ и Григорей, въ наше жалованье, изъ своего острога, своихъ наемныхъ казачковъ за сибирскою ратью, безъ нашего вѣдома, послали не смѣють. Да и прежде того, сибирской же салтанъ ратью нашихъ данныхъ Остяковъ, Чаширя съ товарищи, побилъ въ тѣхъ же мѣстѣхъ, гдѣ ихъ, Яковлеву да Григорьеву, промыслъ. А многихъ данщиковъ нашихъ сибирской илаетъ, а иныхъ и убиваетъ, а не велитъ нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ и Югрячамъ наше дани въ нашу казну давати, да и на рать съ собою емлетъ съ насильствомъ въ судѣхъ, воевати Югряи, тѣхъ же Остяковъ и Вогуличъ, а къ нашимъ де измѣнникамъ, къ Черемисѣ, какъ намъ-было Черемиса измѣнила, посылалъ сибирской черезъ Тахчей и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего Тахчейны дани и съ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ съ Ногаи, а которые живутъ Остяки кругъ Тахчей — и тѣ Остяки прикалываютъ, чтобъ имъ наша дань давати, какъ иные наши Остяки дань даютъ, а сибирскому бѣ дани и ясаковъ не давати и отъ сибирсково бѣ имъ боронити за одно.*

«И намъ бы Якова да Григорья пожаловати на Тахчель и на Тоболь рѣкѣи, и кои въ Тоболь-рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ игогъ освободити крѣпости дѣлати и сторожей наймовати и обильной каравъ держати собою и желѣзо дѣлати, и пашни пахати и чюдья владѣти. А кои Остяки отъ сибирсково отступятъ и намъ

дань давати учнутъ, и тѣхъ бы Остяковъ отъ сибирскаго оборо-
няти.

«И оже будетъ такъ, какъ намъ Яковъ да Григорей били че-
домъ!»

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, Яко-
ва да Григорья, Анкиевыхъ, дѣтей Строгонова, по ихъ челобитью,
пожаловалъ на Тихчелъхъ и на Тоболь-рѣкъ крѣпости имъ подѣлати, и
снарядъ военной и пушкарей, и пицальниковъ и сторожей отъ сибир-
скихъ и отъ ногайскихъ людей держати и около крѣпостей у желѣз-
наго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны То-
боль-рѣки и по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ дворя ставити, и
лѣсъ сѣкти, и пашни пахати, и угодья владѣти, а людей называти
не писемныхъ и не тямыхъ.

«А воровъ имъ и боярскихъ людей, бѣлыхъ съ животы, и татей и
разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати и отъ всякаго
мѣха беретчися.

«А гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ найдутъ руду желѣзную — и имъ руда дѣ-
лати, а мѣдяну руду, или оловянную, свинчатую и сыры горючія гдѣ
найдутъ — и тѣ руды на испытъ дѣлати. А кто похочетъ и иныхъ людей
то дѣло дѣлати — и имъ дѣлати освобождати, да и въ оброкъ ихъ
приводити, какъ бы нашей казнѣ была прибыль.

«А которые люди и за тотъ промыселъ имутца и тѣмъ бы изъ чего
было дѣлати, да о томъ писати къ намъ, какъ которое дѣло учнетца
дѣлати, и во што которые руды въ дѣлѣ пудъ учнетца ставити и
какъ которымъ людямъ въ оброкѣхъ бити, и мы о томъ указъ учи-
нимъ.

«А льготы на Тихчей и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озера и до
вершинъ на пашни дали есми отъ Троицына-дня лѣта 7082 до Трои-
цына-дня лѣта 7102 году, на 20 лѣтъ.

«И кто въ тѣ крѣпости къ Якову и Григорью жити придутъ, и де-
ревни и починки учнутъ ставити и пашню распахивати неписанные
и не тяглые люди — и въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобъ
моя, царя и великаго князя, дань, ни ямскіе, ни ямчужные деньги и
посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные ни котары подати, ни
оброкъ съ ихъ промысловъ и уюдей въ тѣхъ мѣстахъ до урочныхъ
лѣтъ.

«А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старья села и деревни и починки и въ
нихъ жильцы — и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатися, а бы-
ти тѣмъ по старому въ тяглы и во всякихъ нашихъ податяхъ.

«А товары, которые Яковъ и Григорей и тѣ люди, которые на но-
вые мѣста придутъ жити, повезутъ или пошлютъ куда по инымъ гора-
дамъ и имъ пошлина давати какъ и съ иныхъ торговыхъ людей по на-
шимъ указамъ.

«А кои Остяки и Вогуличи и Югричи отъ сибирскаго отстанутъ, а
почнутъ намъ дань давати — и тѣхъ людей съ данью посылати къ на-
шей казнѣ самихъ, а не повдуть кои сами съ данью — и Якову да Гри-
горью, выбравъ изъ жильцовъ кому мочно вѣрети, кто почнетъ въ но-

вѣхъ мѣстѣхъ жити, да и тѣхъ жильцовъ съ нашею данью къ нашей казнѣ присылати, да отдавати въ нашу казну.

«А *неданныхъ* Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ и съ жены ихъ и съ дѣти *отъ Сибирцовъ* *отъ* ратныхъ приходу беретим Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на сибирсково Якову и Григорью *збирая охочихъ людей* и Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ в Самовдъ съ своими масными казаки и съ нарядомъ своимъ *посылати воевати, и въ полонъ Сибирцовъ имати и въ дань за насъ приводити.*

«Также есмь Якова да Григорья пожаловалъ: почнуть къ нимъ въ тѣ новыя мѣста приходити торговые люди Бухарцы и Казацкія-Орды и изъ новыхъ земель съ лошадыи и со всякими товары, а къ Москву которые не ходятъ — и *имъ у нихъ торювати всякими товары вольно безпошлинно.*

«А кто у нихъ учнетъ, въ тѣхъ крѣпостяхъ, людей жити пашенныхъ и непашенныхъ — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тиуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить на въ чемъ, и праведники, и доводчики и ихъ люди къ Якову да къ Григорью и къ ихъ слободскимъ людямъ не въѣзжаютъ ни по что, и на поруки ихъ не даютъ и не высылаютъ къ нимъ ни по что, *а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ.*

«А кому будетъ новыхъ городовъ людемъ до Якова и Григорья какое дѣло — и тѣмъ людемъ на Якова да на Григорья имати управные грамоты у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обомъ, ищеламъ и отвѣтчикомъ, *безпроставно ставитъся на Московъ передъ нами на тотъ же срокъ, на Троицынъ-день; а какъ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову да Григорью наши естъ подати велѣти возити на Москову въ нашу казну на срокъ, на Троицынъ-день, по книгамъ, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ.*

«Также есмь Якова да Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова, пожаловалъ: коли они, или ихъ люди, или ихъ слободы крестьяне, пойдутъ *отъ Вычегодскіе-Соли* мимо Пермь на Тахчей въ слободу или изъ слободы къ Вычегодской-Соли, и наши пермскіе намѣстники, и ихъ тиуны, и доводчики, и все приказные люди въ Пермь — Якова и Григорья, и ихъ людей, и ихъ слободы крестьянъ, на поруки не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлахъ.

«Также есмь Якова да Григорья пожаловали: *коли наши послы или посланники пойдутъ съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую-Орду, или изъ Сибири и изъ Казацкіе-Орды къ Москву, мимо ту ихъ крѣпость, и Якову да Григорью и ихъ слобожаномъ нашимъ сибирскимъ и казацкимъ посламъ и всякимъ нашимъ посланникамъ, въ тѣ ихъ льготные 20 лѣтъ, подводу и проводниковъ и корму не давати, а хлѣбъ и соль и всякій запасъ посломъ и юнцомъ и проезжимъ людемъ и дорожнымъ поукатъ по цѣль, какъ тамъ межъ себя купать и продаютъ, а проезжіе люди всякіе подводы и суды и гребцы и кормщики наймуютъ по тамошнему обычаю, какъ пригоже.*

«Также есмь Якова и Григорья пожаловалъ *на Иртышъ, и на Обь, и на иные рѣкы, идѣ приидителъ — для береженья и охочимъ (охот-*

ликамъ) на опочивъ (для отдыха), крепости дѣлать и сторожей, съ логненнымъ нарядомъ держати и изъ крепости рыба и зверь левить безоброчно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ.

«Дана грамота въ Слободу (Александровской) лѣта 7082 года мая въ 30 день».

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русии.

Дьякъ Петръ Григорьевъ (45).

Изъ этихъ грамотъ читатель безпристрастный видитъ, что единственною мыслію Строгоновыхъ было—распространять свои владѣнія, увеличивать свои промыслы соляными варницами и рудами, расширить нашу торговлю съ Востокомъ; постоянною же мыслію правительства было занимать своими подданными земли ничьи, расширять свои владѣнія, заселять неизвѣстныя преже мѣста, сближаться съ бродячими племенами и, буде можно, подводить ихъ подъ нашу власть. Бѣлыхъ видовъ ни съ той, ни съ другой стороны и предположить нельзя. Еслибы государь хотѣлъ действительно покоренія Сибири въ томъ рамагъ, какъ наши ученые хотѣтъ приписать это исключительно Строгоновымъ — дарю стѣло только вспомнить примаръ Ивана III и послать свое повѣство подъ начальствомъ боярина въ Сибирь: его планы на дѣла бы осуществлялись, безъ постороннихъ заискиваній. Но царь Иванъ понималъ, что походъ рати въ Сибирь громадою — невозможно.

У Строгоновыхъ, при предоставленіи имъ въ первые разы украинскихъ пустошей, вскоре за тѣмъ заводились тамъ и селенія. Однакожь, получивъ грамоту на Тоболъ и прочія рѣки Сибири, они, въ теченіе семи лѣтъ, не только не основали во вновь-отданной имъ въ пользова ніе земля ни слободки, ни даже какого-нибудь ничтожнаго почивка, но говоря уже про городки, про крепостцы (это вѣроятно почти то же, что нынѣшнія казачьи станицы по кавказской или сибирской линіямъ, только еще менше), они даже и не переходили Урала, безъ-сомнѣній отъ того, что не вышло къ этому оредствъ и возможности, а строились, какъ во писцовымъ книгамъ видно, около подвластныхъ уже намъ мѣстекъ — Остяковъ на Сылва, да Вогуличъ на Чуовой, народа чрезвычайно-сибиряге и кроткаго.

Кромѣ Камы, гдѣ у Строгоновыкъ въ это время была слободка Орель (въ ней, въ 1580 году, было 90 дворовъ крестьянскихъ и цинцельничихъ, да 7 дворовъ пустыхъ, и самая слободка называлась уже слободой) и еще три деревни, мы къ 1580 же году видимъ, что у Строгоновыхъ, въ замаской стороны, во все еще по-сю-сторону Урала и далеко отъ Сибири, въ-теченіе почти 22 лѣтъ, со времени выдачи имъ первой грамоты, пришлые колонисты поселились въ слѣдующихъ мѣ-сткахъ:

(45) Миллеръ, стр. 87 и слѣд. Срав. Карамзина т. IX, стр. 378 и 379 и прим. 661 къ тому же тому.—Г. Н. Спасскій въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ въ 1821 году «Сибирской (Строгоновской) Лѣтописи» говоритъ, что Миллеръ не вполне выискивалъ царскія грамоты, но вѣрно онъ пользовался другимъ, а не первымъ изданіемъ Исторіи Миллера (1750 года), гдѣ содержаніе гримитъ вполне согласно съ изданіемъ г. Спасскаго.

1) На Чусовой — у нихъ была слобода Чусовая съ острогомъ, а къ ней пять деревень и шестнадцать починокъ;

2) На Сыльвѣ—у нихъ была слобода Сыльва съ острогомъ, а къ ней три деревни и пять починокъ, и

3) На Яйвѣ—у нихъ была только слободка Яйва.

Всего же въ этихъ мѣстахъ, за Семеномъ (Аникинымъ сыномъ) и Максимомъ (Яковлевымъ сыномъ) Строгоновыми, было двѣ слободы и одна слободка, при нихъ восемь деревень съ двадцатью-четырьмя починками, а число всѣхъ крестьянскихъ дворовъ на этомъ огромномъ пространствѣ не прѣвышало 113 (46).

При такой ограниченномъ положеніи, когда у Строгоновыхъ, на неизмѣримомъ пространствѣ, было всего только *одинадцать населенныхъ мѣстъ*, изъ которыхъ на каждое, круглымъ числомъ, приходилось по десяти *крестьянскихъ дворовъ*—Строгоновымъ, естественнымъ образомъ, какъ умнымъ и разсудливымъ промышленникамъ, не могла входить въ голову мысль о *завоеваніи* Сибири: у нихъ людей на это не было, а еслибъ и пришло вновь нѣсколько человекъ, то Строгоновымъ следовало — не пускать ихъ на варную смерть въ войну съ Сибирцами, а лучше оставить у себя, для заселенія своихъ *слободокъ*, или, какъ ихъ величаютъ наши ученые—*тородовъ*, и для охраненія своихъ собственныхъ дачъ отъ тѣхъ разграбленій, которыя угрожали имъ въ самое это время, какъ увидимъ далѣе. Но еслибъ воинственный духъ Строгоновыхъ действительно стремился къ завоеваніямъ, то имъ нужно было сформировать армию хотя въ нѣсколько тысячъ человекъ, послать ее въ край, который имъ самимъ былъ неизвѣстенъ, и пожертвовать ею мечтѣ, безъ всякаго разсчета, въ надеждѣ на одинъ авось; а между-тѣмъ, возбуждивъ противъ себя сосѣдей, они бы дѣйствовали совершенно наперекоръ основнымъ началамъ каждаго торговаго дома и вопреки логическихъ правилъ коммерческой политаки—они испортили бы собственное свое дѣло.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что ни одна изъ приведенныхъ нами грамматъ не можетъ навести на слѣдующія ученые мысли, признаваемыя за неоспоримыя: 1) что Строгоновы, гораздо-прежде пришествія Ермака, задумали «внести свое оружіе» въ предѣлы Сибири, и 2) что Ермакъ былъ призванъ ими «именно для войны съ Кучумомъ». Гораздо-естественнѣе противоположное мнѣніе, что Строгоновымъ нельзя было и думать о Сибири: имъ нужно было прежде всего подумать о себѣ и объ охраненіи того, что принадлежало русскому государю, предоставившему закамскія земли въ ихъ пользованіе.

Мы объ этомъ предметѣ распространились именно для того, чтобъ раскрыть истину, такъ, какъ мы сами ее понимаемъ, и показать, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ справедливости укоренившееся у насъ въ большинствѣ публики мнѣніе о причинахъ покоренія Сибири—мнѣніе, выраженное въ нѣсколькихъ положеніяхъ, признаваемыхъ за аксіомы. Мы не считаемъ нужнымъ подробно исчислять эти положенія, блистательно

опрровергнутыя знаменитыми потомками Строгоновыхъ: они въ свои фамильные документы частію сдѣлали общедоступными всей публикѣ, а частію представили въ Императорскую Академію Наукъ, какъ-будто желая этимъ самымъ сказать намъ: «вотъ вамъ акты, судите по нимъ, какъ было дѣло!» Мы не можемъ, однакожъ, не сказать, что мысль приплести имя Строгоновыхъ къ имени Сибири и приписать имъ ея покореніе—могла блеснуть въ умъ котораго-нибудь изъ недогадливыхъ лѣтописцевъ гораздо-позже покоренія Сибири, особенно, когда они серьёзно увидѣли, что призваніе Ермака я въ царскихъ грамотахъ XVII столѣтія приписывается Строгоновымъ. Услужливый лѣтописецъ восхитился этою мыслью и основалъ на ней все свое твореніе. Онъ заблаторазсудилъ скрыть тѣ обстоятельства, которыя могли бы обнаружить истину, далъ другое направленіе и словамъ и дѣлу, и прибавилъ, что послѣ покоренія Сибири Иванъ-Грозный, на радости, прислалъ Семену Строгонову *царскую грамоту за красною печатью*. Но

Во-первыхъ, всѣ грамоты отъ имени царя были *царскія*.

Во-вторыхъ, большая часть грамотъ, особенно жалованья — были съ красными печатями, о чемъ прибавлялось и въ самой грамотѣ, что-де «у подписи сей грамоты на шнуру, или на мутовозѣ,—красная вислая печать»; были однакожъ грамоты съ печатями и другаго цвѣта; грамоты опальные и вообще невеселаго содержанія были съ черными печатями;

Въ-третьихъ, той грамоты, на содержаніе которой указываетъ лѣтописецъ, *вообще не существовало*, что ясно доказывается обнаруженною описью фамильныхъ документовъ Строгоновыхъ (47).

И въ-четвертыхъ — о призваніи Строгоновымъ Ермака серьёзнымъ образомъ говорится уже въ царской грамотѣ 1673 года (48), то-есть, почти черезъ цѣлое столѣтіе послѣ прибытія Ермака на Чусовую; но здѣсь это приписывается только одному Семену Строгонову, а Грозный, въ современномъ актѣ, въ собственной своей грамотѣ, по доносу одного чиновника, обвинялъ въ томъ не Семена, а именно Максима и Никиту.

Но пойдёмъ далѣе и посмотримъ, лежитъ ли на историческомъ имени Строгоновыхъ какая-нибудь тѣнь, которою хотѣлъ запятнать его доносчикъ Пелепелицынъ, обвиняя Строгоновыхъ въ призывѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ, въ стачкѣ съ ними и въ измѣнѣ государю... Посмотримъ, ужъ за одно, какъ они подарили *свою* Сибирь русскому царю... Напоминаемъ благосклонному читателю, что мы опираемся на тѣ же самые документы, которые приняты въ основаніе и нашими учеными мыслителями; только результатъ у насъ выходитъ діаметрально противоположный ихъ окончательнымъ выводамъ.

---

(47) См. «Опись Фамильныхъ Документамъ Строгоновыхъ», приложенную въ концѣ книги «Именитые Люди Строгоновы».

(48) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 88.

ГЛАВА V-Я.

Е Р М А К Ъ.

ИРОИСХОЖДЕНІЕ ЕРМАКА. — СВЯЗЬ МЕЖДУ ИМЕНЕМЪ ЕРМАКА И ИМЕНЕМЪ СТРОГОНОВЫХЪ. — ЕРМАКЪ НА ВОЛГѢ. — ПОДЪЯВЛЕНІЕ ЕГО НА ЧУСОВОЙ. — ПИЛЫМСКІЙ КНЯЗЬ. — НАБѢГЪ ЕРМАКА НА СИБИРЬ. — ОПАЛЬНАЯ ГРАММАТА ЦАРЯ КЪ СТРОГОНОВЫМЪ.

Какъ на Волгѣ, да на Камышенкѣ
Казакѣ живутъ, люди вольные.

У казакѣ былъ атаманушка,
Ермакомъ звали Тимоѣичемъ.

Не злата труба вострубила имъ,

Не она звонко заговорила рѣчь —

Взговорилъ Ермакъ Тимоѣевичъ:

«Казакѣ, братцы, вы послушайте,

«Да мнѣ думашку попрядумайте:

«Какъ проходить ужь лѣто теплое,

«Наступаетъ зима холодная —

«Куда жь, братцы, мы зимовать пойдѣмъ?

«Намъ на Волгѣ жить? — все ворами слыть!

«На Янкъ итти? — переходъ великъ!

«На Казань итти? — грозенъ царь стоять —

«Грозенъ царь Иванъ, сынъ Васильевичъ!

«Онъ на насъ послалъ рать великую,

«Рать великую — въ сорокъ тысячей...

«Такъ пойдѣте жь мы — да возьмѣмъ

Сибирь!»

Пѣсня Уральскихъ Казакѣвъ.

«Въ нѣкоторой сибирской исторіи упомянуто о родѣ атамана Ермака, яко бы по его собственному объявленію.

«Дѣдъ Ермаковъ былъ города Суздаля посадскій человекъ, а жизнь въ великой скудости, искалъ себѣ пропитанія и переѣхалъ въ городъ Володимерь.

«Его звали Аеонасій, Григорьевъ сынъ, прозваніемъ Аленинъ.

«Тутъ въ Володимерьъ вскормилъ онъ двухъ сыновъ, Родіона и Тимоѣя; самъ кормился извозомъ; занимался иногда возить разбойниковъ въ Муромскихъ-Лѣсахъ и, вмѣстѣ съ ними, попался въ тюрьму. Черезъ нѣкоторое время бѣжалъ, взявъ жену и дѣтей, въ уѣздъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую въ вотчины Строгоновыхъ и слыли повольскими.

«У нихъ были сыновья — у Родіона Димитрей да Лука, у Тимоѣя — Гаврило, Фроль и Василей.

«Василей былъ весьма-силенъ и рѣчистъ, ходилъ въ работу на стругахъ по Камѣ и Волгѣ; наконецъ, кинувъ работу, прибралъ себѣ артель и пошелъ съ ней на разбой атаманомъ.

«Еще работая на судахъ, Василей отъ товарищей своихъ былъ названъ Ермакомъ, служа имъ кашеваромъ, ибо они симъ именемъ называли дорожный артельный таганъ, а по волскому нарѣчію «Ермакъ» значитъ еще жерновой ручной камень (49).»

Объ этомъ извѣстїи нельзя, кажется, сказать вмѣстѣ съ Карамзинымъ «это сказка—думаю», потому уже, что у насъ въ календарѣ нѣтъ православнаго имени Ермакъ, которое знаменитый исторіографъ, свѣдѣль Ремезову, переводитъ словомъ Германъ; а во-вторыхъ, и въ припискѣ къ лѣтописи Саввы Есипова, какъ мы уже упомянули въ главѣ I, къ прозванію Ермака тоже прибавлено прозваніе Повольскаго. Но такъ-какъ приводимое извѣстіе согласуется и съ отчествомъ Ермака, и съ свидѣтельствомъ лѣтописи, и съ неизвѣстнымъ чувствомъ, которое манило Ермака съ Волги на Каму, а между-тѣмъ, не подтверждается никакими, болѣе-положительными, доказательствами, то, для оцѣнки этого извѣстія, мы можемъ только ограничиться извѣстною поговоркою: «сі не ѣ вето — ѣ вен тровато»; а между-тѣмъ, мы сами чувствуемъ, что тутъ есть зародышъ правды въ томъ отношеніи, что между Ермакомъ и Пермью должна быть какая-нибудь неразрѣшенная еще тайна.

На Волгѣ Ермакъ примкнулъ къ шайкѣ другихъ бродягъ бездомныхъ. Они буйствовали по широкому раздолью, грабили и своихъ и чужихъ, и не давали спуска ничѣму и никому, были ли то торговые Бухарцы, или смиренные горожане, или суда съ царскою казною. Держать огромной шайки дошла до того, что для усмиренія ея и для прекращенія разбоевъ нужно было послать особые отряды во всѣ приволжскіе города съ повелѣніемъ отъ государя предать разбойниковъ немедленно смерти (50).

(49) Карамзинъ, т. IX, прим. 664; Словцовъ, т. I, стр. XXV.

Что касается до слова «атаманъ», то оно образовалось изъ слова «ватманъ», что у насъ на Руси означало прежде всякаго начальника на риболовнѣ суднѣ, начальника экспедицій промышленниковъ, начальника вѣтчи (см. Акт. Археогр. Эвек., т. I, стр. 22). «Ватаманъ» есть голландское слово «Water-man», которое и дѣлѣ употребляется въ голландскомъ и въ англійскомъ языкахъ въ смыслѣ шкипера; а ватаманъ или атаманъ значитъ у насъ «лучшій человекъ», «выборный», «голова» ватаги.

Замѣтимъ также, что въ тѣ времена у насъ на Руси была мода на замѣну именъ, даннаго при св. крещеніи, другою кличкою; такъ мы встрѣчаемъ прѣзвѣнія «Вонь», «Истоманъ», «Третьякъ», «Хосманъ», «Шеудача» и мнозія другія.

(50) «Да Удеса же (князь погарскій) говоритъ: приколдан-де государевы казани едо дѣта и Сарайчикъ возвали и сожгли, не токмо чте людей сѣкли — и мертвыхъ изъ земли вынимали и гробы ихъ разорали.

И ми (говорить царь) на Волгу и къ Сарайчику казакѣ не посылалъ, а вербали сами, безъ нашего вѣдома, и вшитыи послать, вытѣтъ съ вешими, перекрѣбили; и дѣлже того они веровали, и ми дѣтъ, съскалы, вавити вѣдали; а дѣлѣ еси на Волгу людей своихъ изъ Казани и Астрахани многихъ послали, а вѣдѣли ихъ тѣхъ зоровъ велскихъ и довскихъ казакѣхъ перевѣшати.

«А для атамановъ Ивана Кольца да Барбоши и для иныхъ казакѣхъ послали го-

При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли честные, набожные люди Строгоновы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворами посылать «ласковую граммату»? Могла ли умнымъ промышленикамъ Строгоновымъ прійти въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армию грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой стати Строгоновымъ, стѣжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшиться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя—предлагать подвигъ чести» осужденнымъ преступникамъ, особенно, когда для каждый разъ подтверждалось «воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животоми, и татей и разбойниковъ къ себѣ не принимати, и что если они не будутъ отъ этого «беретчися», то всѣ царскія грамматы пойдутъ не въ грамматы»? Что подобныя мысли Строгоновымъ не приходили въ голову, доказательство — ихъ собственные слова, что ясаинныхъ казаковъ (т. е. своихъ работниковъ, а не волжскихъ воровъ) безъ царскаго вѣдома они не смѣли даже посылать въ погоню за сибирскою ратью: тѣмъ болѣе они не могли осмѣливаться призывать къ себѣ Брмака и отнимать у правосудія жертвы его справедливой кары.

Ни предъидущія обстоятельства, ни обстоятельства послѣдующія, ни послѣдовательность событій, ни уваженіе къ имени Строгоновыхъ, ни уваженіе къ нашему, лично, убѣжденію не позволяютъ намъ соглашаться съ распространенною нашими учеными «сочинителями» мыслию, что Строгоновы вели переписку съ волжскими разбойниками. Напротивъ, все въ малѣйшихъ подробностяхъ доказываетъ, что заводить на Строгоновыхъ подобныя укору значить слѣпо, безъ всякой критики, слѣдовать неправдивой лѣтописи.

Волжскіе разбойники, какъ извѣстно, не съ разу усмирились: долго эти артели продолжали то же ремесло, ремесло рѣчныхъ пиратовъ, ремесло съ которымъ они сроднились и которое не казалось имъ ни омерзительнымъ, ни преступнымъ; по-временамъ скрывались они отъ преслѣдованій, по-временамъ снова появлялись и злодѣйствовали по дорогамъ и около перевозовъ, гдѣ имъ удобнѣе было нападать врасплохъ на приманчивую добычу и гдѣ защитнымъ людямъ не-подъ силу было бороться съ проповѣдниками теоріи данн «добровольно, наступя на горло».

Но когда мѣстныя власти стали ихъ все болѣе-и-болѣе тѣснить, когда разбойники увидѣли, что имъ уже нечего больше дѣлать, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ, тогда они раскинулись по разнымъ мѣстамъ

сударь во всѣ украинныя города, а велѣлъ тѣхъ волжскихъ атамановъ казнити смертью.

«И мы (государь) на тѣхъ казаковъ на волжскихъ, на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева, опалу свою положили, казнити ихъ велѣли смертью, предъ твоимъ человекомъ (Урусовымъ, въ Москвѣ).» (Карамзинъ, изъ Ногайскихъ Дѣлъ 1881 года. Смори его Н. Г. Р. т. IX, прим. 663 и прилагаемый нами ниже Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей.)

украинныхъ волостей, а нѣсколько шаекъ, подъ предводительствомъ Ермака и неразлучнаго его товарища Кольца—и это мы особенно просимъ замѣтить — скрылись.

Говорятъ, опираясь на строгоновскую лѣтопись, что Строгоновы послали къ Ермаку и ко всѣмъ казакамъ призывную, ласковую грамоту, подписанную 6-мъ числомъ апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ пятьюстами казаками явился къ Строгоновымъ 21 июня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучумомъ, и 1 сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь (51).

Разсмотримъ же, есть ли хоть какая-нибудь логика въ этомъ извѣстии? есть ли тутъ хотя тѣнь правды?

Посыльный съ строгоновскою грамотою могъ ѣхать изъ пермской земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака, достигъ до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Строгоновыхъ и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ.

Кажется, эти предварительныя и необходимыя мѣры должны были потребовать нѣкотораго времени? Но это еще не все.

Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто-бы дѣлали ему Строгоновы, сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ, убѣдиться чѣмъ-нибудь видимымъ въ выгоды этого зва и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ болѣе населенныхъ.

Въ семидесять-пять сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало дѣйствительно 6 апрѣля, все это начать, устроить и покончить—не было физической возможности.

Понять можно только одно, что Ермаку трудно было имѣть для всѣхъ своихъ людей надежныя лодки и идти на веслахъ, и что ему гораздо удобнѣе было плыть на плотахъ, большихъ и малыхъ, гдѣ безопаснѣе онъ могъ сложить все награбленное достояніе, гдѣ легче было помѣститься людямъ въ большомъ числѣ и гдѣ возможнѣе было разсѣяться въ случаѣ нападеній: иначе — ему слѣдовало идти въ баркахъ и бросить ихъ въ устьѣ Чусовой, потому-что большое судно, удобное для большой рѣки, не годилось уже для рѣки не столь-значительной, какъ Волга или Кама. Но большія суда — бѣда казаку: на нихъ въ разсыпную не кинешься.

Съ Ермакомъ это точно такъ же могло случиться, какъ обыкновенно случается и теперь со многими въ Сибири, когда нужда прійдетъ пуститься въ путь водой, забрать съ собою больше клади или взять

---

(51) Карамзинъ, т. IX, стр. 381 и 382.

больше народу. Плоть всегда можно скоро устроить, а маленькіе плоти, или плотки, связанные из небольшого количества бревенъ, еще и тѣмъ удобны, что на нихъ возможно плаваніе по быстрымъ рѣкамъ, несудоходнымъ и даже *несплавнымъ*. До-сихъ-поръ, это можно видѣть въ Сибири, гдѣ бродяги и бѣглые рабочіе стремятся на маленькихъ плотахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возможность плаванія кажется невѣроятною.

Но, допустивъ даже, что у Ермака были превосходныя суда, «кочи» и «коломенки», въ родѣ употребляемыхъ нынѣ байдаръ и росшивъ, и легкія косыя лодки, и сообразивъ время, потребное для перехода строгоновскаго посланца съ Чусовой на Волгу, и время, употребленное на походъ казаковъ съ Волги на Чусовую, постоянно противъ теченія воды, мы легко убѣдимся, что сказаніе объ этомъ строгоновской лѣтописи есть — ложь, и ложь капитальная.

Ермакъ съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгоновыхъ: два года кормить пятьсотъ человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей и бесполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи строгоновскихъ арендъ — было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ; два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по-крайней-мѣрѣ, пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобъ правительство само не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно. Слѣдовательно, сказаніе строгоновской лѣтописи объ этомъ есть вторая, тоже капитальная ложь.

Казаки, и съ ними Кольцо, не могли прійти на Чусовую къ Строгоновымъ въ 1579 году, потому-что имя неразлучнаго и довѣреннаго товарища ермакова — Ивана Кольца, встрѣчается въ официальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи волжскихъ набѣговъ 1580 года (52). Значитъ, въ этомъ отношеніи, строгоновская лѣтопись сказала третью капитальную ложь.

Но перейдемъ къ историческому событію, которое еще болѣе и положительнѣе убѣдитъ насъ, какъ въ совершенной чистотѣ поступковъ Строгоновыхъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что въ дѣлѣ завоеванія Сибири — они рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

Съ самаго начала 1581 года, вогуло-остяцкія племена, подъ предводительствомъ пельмскаго князька (голови), тѣснили владѣнія Строгоновыхъ и угрожали Перми. Еслибъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгоновыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія было бы то, что его или Строгоновы, или земская власть заставили бы защищать русскіе предѣлы: Строгоновымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака Богъ-знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгоновы, должно-быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака: иначе — надо допустить, что

---

(52) См. прил. 50.

(въ началѣ 1581 года) прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строгонова, что онъ не даетъ имъ подмоги, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей ермаковой шайки, и такимъ образомъ, посредствомъ жи, довели царя къ понужденію и Никиты и пермскихъ влостей грамотою отъ 6 ноября 1581 года.

Соображая это число съ мѣстными обстоятельствами и принимая во вниманіе, что у Строгоновыхъ не одинъ день прошелъ въ распрѣ съ Никитою на счетъ подмоги противъ нашествія пельмскаго князька, что много времени должно было пройти, пока жалоба Строгоновыхъ была написана, послана, доведена до Москвы, рассмотрѣна въ приказѣ, доложена государю, разрѣшена имъ и удостоена отвѣтомъ отъ 6 ноября 1581 года, на что, вѣроятно, употреблено не менѣе полу-года — мы увидимъ, что набѣгъ пельмскаго князя, предводительствовавшаго вогуло-остяцкими племенами, былъ учиненъ въ началѣ весны того же года, или еще ранѣе, когда, по всей вѣроятности, Ермака тутъ еще и не было. Иначе, такой царь, каковъ былъ Иванъ-Грозный, который зналъ все, что въ его государствѣ дѣлается, и не любилъ давать потачки и спуску никому — не простилъ бы подобнаго поступка Строгоновымъ никогда и не счелъ бы за необходимое посылать следующей грамоты:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи Никитѣ Григорьеву Строгонову.

«Били намъ челомъ Семень да Максимъ Строгоновы, а сказали: приходитъ-де войною пельмскій князь съ Вогуличи на ихъ слободы, и деревни многія выжгли и крестьянъ въ полонъ емлютъ, и нынѣ де пельмскій князь съ Вогуличи стоитъ около чудовскаго острогу; и намъ бы пожаловати вельти имъ дати ратныхъ людей съ Пермю съ великія, а ты де съ ними противъ Вогуличъ не стойшь, и людей на помощь не даешь.

«И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ—и ты бѣ съ семеновыми и съ максимовыми людьми на Вогуличъ посылалъ людей своихъ, сколько пригоже, и стояли бы твои люди съ семеновыми и съ максимовыми людьми за одинъ, и себя оберегали сопчѣ.

«А съ Пермю земскимъ старостамъ людей въ помощь собравъ, посылати вельти жъ есьмя, смотря по людямъ, сколько колѣ Вогуличъ воинскихъ людей придетъ, и вельти имъ стояти съ семеновыми и съ максимовыми людьми противъ пельмскаго князя сопчѣ, за одинъ.

«А ты бѣ таково жъ вельтъ своихъ людей, съ пермскими людьми и съ семеновыми и съ максимовыми, стояти противъ пельмскаго князя и воевать имъ не давали, чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчись.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7090 (1581), ноября въ 6 день.

«Царь и Великій Князь всеа Русіи.»

На оборотѣ приложена восковая черная печать (53).

Еслибъ Строгоновы посылали Ермака воевать Сибирь—они послали бы его туда въ надлежащую пору, при началѣ дѣла, а не осенью, какъ это въ-самомъ-дѣлѣ случилось, когда не было разумной цѣли посылать туда людей на-зиму и самую природою препятствовать исполненію собственныхъ плановъ, если только химерическая мысль *завоевать Сибирь* могла быть у умныхъ людей Строгоновыхъ.

1-го сентября 1581 года, Ермакъ не могъ идти въ Сибирь какъ воинъ, съ цѣлію покорить ее: онъ могъ бѣжать туда какъ казакъ, съ цѣлію грабить Татаръ и скрыться отъ преслѣдованія законныхъ властей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ермакъ скрылся съ Волги единственно для того, чтобъ избѣжать заслуженной казни. Нельзя отвергать также, чтобъ въ его душѣ не гнѣздилося желанія воспользоваться чужимъ добромъ, обезпечить свое существованіе, добыть себѣ довольство посредствомъ ремесла, въ которое онъ втянулся, которое было для него легко и прибыточно, съ которымъ онъ сроднился... А разъ забравъ въ голову какую-нибудь мысль и вѣру на хорошую поживу и на лучшую долю, чѣмъ петля или тяжкая работа, неподатливая натура такого человѣка, каковъ былъ Ермакъ, врядъ ли могла имѣть столько силы воли, чтобъ освободиться отъ чарующаго обаянія грѣшныхъ наважденій: и духъ времени и обстоятельства—все благопріятствовало Ермаку продолжать разыгрывать взятую имъ на себя роль, перемѣнивъ только мѣсто дѣйствія, но не средства.

Трудно предположить, чтобъ «Ермакъ прослезился отъ умиленія», подучивъ грамату, навязываемую Строгоновымъ,—грамату, которой никто не видалъ, никто не читалъ, и которая врядъ ли когда-нибудь существовала. Не ближе ли къ природѣ, къ тогдашнему порядку вещей, къ собственнымъ чувствамъ Ермака—откинуть нѣмецкія теории, на основаніи простой русской сметки допустить, что онъ за тѣмъ именно избралъ себѣ закамскую страну, что надѣялся здѣсь безпрепятственно продолжать свои подвиги казачества со смиренными Вогулами и Остяками, которыхъ слабость и безеніе могли быть ему извѣстны, и которые заманивали его къ себѣ множествомъ дорогихъ мѣховъ? Надежда на безнаказанность въ краю далеко, увѣренность въ могущество заряженнаго ружья, выстрѣломъ котораго ему не разъ, вѣроятно, случилось разогнать даже русскія селенія (что и на нашей памяти бывало черѣдко, и не въ одной Сибири), вѣсти о зауральскихъ Татаряхъ, мысль обогатить себя безъ всякихъ опасеній за собственную участь, заставили Ермака избрать именно этотъ край театромъ своихъ будущихъ дѣйствій, подлестили и собственному его самолюбію безбоязненно владычествовать вдали отъ всѣхъ—и пришлось по плечу каждому изъ членовъ его воровскаго братства.

Бродяжничая по разнымъ направленіямъ и отдаляясь все далѣе отъ прежнихъ мѣстъ грабежа, казаки, въ 1581 году, могли очутиться на Камѣ и, утвердившись въ предпріятомъ намѣреніи, пуститься далѣе.

Они пошли вверхъ противъ теченія Камы и достигли Чусовой. Далѣе по Камѣ они не пошли, зная, что тамъ—настоящее заселеніе

Строгоновыхъ, резиденція ихъ: оттуда близко Чердынь, гдѣ, значить, ихъ всѣхъ легко было переловить, перевязать и, пожалуй, перевѣшать. Они своротили на Чусовую и пришли на нее среди или въ концѣ лѣта 1581 года.

Встрѣтивъ здѣсь русскихъ людей, строгоновскихъ крестьянъ (въ смыслѣ вольныхъ пахарей, а не кабалныхъ людей—значить, такихъ, до которыхъ Строгоновымъ не было никакого дѣла) и казаковъ (въ смыслѣ простой вольницы-бездомовницы, прислуги по разнымъ промышленнымъ порученіямъ), Ермакъ естественнымъ образомъ приступилъ къ нимъ съ разспросами. Тѣ рассказали ему про свое горе, что пельмскій-де князь зорить ихъ и обиждаеть, тутъ же, за одно, передали вѣсти о Строгоновыхъ и о Кучумѣ, и пояснили, что сибирская земля близко, что она бокъ-о-бокъ, за Камнемъ (54).

Ермакъ пропустилъ мимо ушей рассказы о нападеніи пельмскаго князька: боялся ли онъ честнаго боя съ врагами отечества, надѣялся ли на плохую съ нихъ поживу, опасался ли земскихъ начальниковъ и Строгоновыхъ—неизвѣстно. Но мысли, вѣроятно, недобрыя ходили у него въ головѣ; высокихъ помысловъ не могли раздѣлять всѣ пятьсотъ человекъ его товарищей: казачество, набѣги, грабежъ—были ихъ стихіями. Не съ чистыми цѣлями товарищи его пошли въ Сибирь, безчестно хотѣли бѣжать оттуда отъ Кучума, безчестно и убѣжали наконецъ, послѣ смерти Ермака, всѣ до одного—и тогда только царское уже войско покорило намъ Сибирь.

Ермакъ рѣшился — оставить Русскихъ на произволъ судьбы и бѣжать на чужую сторону. Мысль грабежа у Татаръ, у Кучума, неслышавшаго никогда выстрѣловъ, богатаго всякимъ добромъ и знакомаго съ бухарскими купцами, принята была ермаковыми товарищами съ одобреніемъ: спѣшили скорѣй привести ее въ исполненіе.

Долго собираться было нѣ для чего—ружья кой-у-кого изъ казаковъ, вѣроятно, были; струги, на которыхъ они приплыли, готовы: дѣло за провіантомъ.

У русскихъ промышленниковъ, въ дорогѣ, провіантъ до-сихъ-поръ—одинъ: сухари, да иногда крупа; воды вездѣ вдоволь. Больше и нѣ для чего и нельзя. Въ тѣ времена, какъ это каждому изъ насъ легко догадаться, главнымъ жизненнымъ запасомъ для дороги было толокно: оно и мѣста занимаетъ несравненно-меньше, чѣмъ сухари, и чрезвычайно-питательно: даже иностранные писатели свидѣтельствуютъ, что русскій народъ, ратный и нератный, считалъ эту пищу капиталною, вкусною и здоровою. Кромѣ толокна, крупы и соли, Ермаку нѣчего было заготовлять, а отъ мяса онъ долженъ былъ отказаться, еслибъ даже оно и могло случиться у Строгоновыхъ — для Ермака оно было бесполезно и только обременяло бы въ пути, тѣмъ болѣе, что въ далекой перспективѣ ожидали казаковъ вкусныя стерляди и жирныя вельмы.

---

(54) См. Сводъ Лѣтописей Сибирскихъ: на нихъ мы основываемъ и весь слѣдующій рассказъ о покореніи Сибири.

Какъ бы то ни было, Ермакъ все-таки долженъ былъ позаботиться о провіантѣ и не стѣснять себя излишнею тяжестью, которую, по Ураму, ему нужно было переносить или на себя, или на вьючныхъ лошадахъ, потому-что по горамъ тайгою, то-есть, дремучимъ лѣсомъ, въ телегѣ прѣхать нельзя. Еслибъ даже предположить, что Ермаку было извѣстно, что у Татаръ на Тоболѣ есть свой хлѣбъ (55), то даже и въ этомъ случаѣ ему нужно было запастись, хотя бы и однимъ толокномъ, на громаду въ 540 человекъ, которые, въ продолженіе одного мѣсяца, должны были потребить тысячу пудовъ хлѣба, полагая, что каждый изъ нихъ въ цѣлый день съѣдалъ его только по два съ половиною фунта. Въ этомъ случаѣ, ему не легко было обѣжать за Уралъ безъ содѣйствія посторонней помощи.

Строгоновымъ, которымъ угрожало конечное разореніе отъ присутствія на ихъ землѣ огромной ватаги безпутныхъ воровъ, неодолющихъ никакой помощи противъ враговъ, обступившихъ уже, въ самое это время, пермскую землю, Строгоновымъ нельзя было съ ними сладить, приказать защищать родную землю; имъ нужно было забыть о незнакомыхъ гостяхъ и по неволѣ уступить всѣмъ ихъ требованіямъ, снабдить ихъ толокномъ, солью, можетъ-быть, даже порохомъ, но, безъ сомнѣнія, съ расчетомъ и не обезсиливая себя въ предстоящихъ крайнихъ нуждахъ. Наши ученые мужи, следуя знаменитой летописи, увѣряютъ насъ, что Строгоновы снабдили Ермака даже и артиллеріей: эту выдумку мы даже и опровергать теперь не будемъ, хотя въ послѣдствіи (глава X) постараемся при случаѣ доказать, что у Ермака не могло быть ни одной пушки.

Можетъ быть даже и то, что Строгоновы, имѣя въ виду общія выраженія царской грамоты 1574 года, о посылкѣ ратныхъ людей, о воеваньи, сами рады были случаю прикрыть этимъ дозволеніемъ свои вынужденныя Ермакомъ распоряженія, чтобъ скорѣй освободиться отъ казаковъ, поджигать ихъ замыслы надеждою на вѣрный успѣхъ.

А можетъ-быть, дѣло обошлось и еще проще, безъ всякаго знанія и тутъ се стороны Строгоновыхъ: Ермакъ, прибывъ на Чусовую, въ августѣ 1581 года, могъ, своей рукой властной, безъ излишней и не свойственной ему деликатности, обратить чусовскихъ крестьянъ въ 1-го

(55) См. прим. 12 и 58.

Провіантъ русской армии составляютъ — сухари, то-есть хлѣбъ, нарезанный въ малкіе куски и высушенный въ печкѣ; крупа ячменная, просяная, а наиболѣе овсяная (*seour qui est fait de millet et orge mondé; mais le principal est fait d'avoine*); толокно, то-есть поджаренный и вымученный овесъ, замоченный въ муку (его употребляютъ разными способами, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотками соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранины, свиное и рогатаго скота; масло; сыръ, истертый въ муку — его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсянкою крупною и толокномъ, съ небольшими количествами соли.

(Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie... depuis l'an 1580 jusques en l'an 1608... par le capitaine Margeret.)

же сентября того же 1581 года скрыться такъ, что его и слѣтъ про-
стыль.

Оно такъ почти и выходитъ: сами Строгоновы на Чусовой не жили,
а жили на Камѣ, выше устья Чусовой; чусовское населеніе не въ со-
стояніи было слѣмать отпора разбойникамъ, превосходившимъ изъ
своею численностію и завербовавшимъ въ свою шайку сорокъ чело-
вѣкъ строгоновскихъ же крестьянъ и казаковъ; Ермакъ пропалъ, и ни-
кто не зналъ, куда именно онъ отправился (какъ это обнаруживается
изъ слѣдующей царской грамоты).

Изготовившись къ пути, Ермакъ нагрузилъ свои струги разною
кладью и, взявъ съ собою *проводатыхъ*, пошелъ по Чусовой и под-
нялся рѣчкою Серебрянкою столько, сколько было возможно идти во-
дою. Здѣсь надлежало ему остановиться, бросить свои струги и идти
черезъ горы пѣшкомъ, не иначе. Перевезя всю кладь за одинъ разъ
на вьючныхъ лошадяхъ, а можетъ-быть перенеся ее на плечахъ или
даже на волокушахъ, на ту сторону Урала, казаки вышли на рѣку Та-
гиль, срубили здѣсь для себя плоты и — пошли-себѣ съ Богомъ въ не-
издомый путь! Очень-вѣроятно, что во время дѣловокъ и разныхъ
остановокъ, они ладили себѣ суда, однодерѣвки, струги, но безъ со-
мнѣнія понемигоу и исподоволь: изготовить разомъ суда для всѣхъ
540 человекъ — невозможно.

Дойдя до рѣки Туры, казаки вступили въ область кучумова юрта,
или въ такъ-называемое у насъ Сибирское-Царство («и вышедъ на
рѣку Туру: ту бѣ и сибирская страна»).

Вогуло-остяцкія племена, бывшія уже съ пельскимъ княземъ пре-
жде на Чусовой и двигавшіяся въ это самое время далѣе по Перми,
съ самаго прибытія казаковъ слѣдили, вѣроятно, за толпами новаго
народа, нагнавшаго съ Ермакомъ на строгоновскія владѣнія; но, не
получая ни откуда отпора, они съ новымъ ожесточеніемъ бросились
на Русскихъ и разграбили всю сторону пермскую. Нападеніе это, какъ
мы видѣли, было вовсе не нечаянное, какъ говоритъ Карамзинъ, а
давно предвидѣнное и давно заставившее Строгоновыхъ заявить пра-
вительству о грезящей бѣдѣ обитателямъ Камы.

Иванъ Васильевичъ, какъ царь и какъ человекъ, былъ пораженъ до-
несеніемъ о грабежахъ Вогуловъ; огорченный вѣстями объ участи рус-
скаго народа, а еще болѣе взволнованный и разгнѣванный донесеніемъ
чердынскаго воеводы Пелепелицына (который, какъ основательно замѣ-
чаетъ знаменитый и правдивый исторіографъ Миллеръ, изъ желанія
заподозрить Строгоновыхъ къ черномъ дѣлу стачки съ грабителя-
ми (56), написалъ къ Государю на нихъ извѣтъ), Грозный, понявъ,

---

(56) Миллеръ, стр. 143. Можетъ-быть, вѣсти о Ермакѣ достигли до Пелепелицына
по жалобѣ чусовскихъ обитателей на казакскій грабѣжъ, и Пелепелицынъ рѣшился
употребить собранныя имъ свѣдѣнія въ дѣло противъ Строгоновыхъ, не разумеая,
куда именно ушелъ Ермакъ съ казаками и отписать объ этомъ свѣдѣніи «и на Во-
тани и на Пелыцыи и на Сибирцы».

Карамзинъ (И. Г. Р. т. IX, прим. 671), полагая, что Грозный могъ черпать изъ

что Ерику невозможно было скрыться безъ содѣйствія Строгоновыхъ, увлекся черными мыслями, обвинилъ ихъ, невиныхъ, въ измѣнѣ и послалъ къ нимъ свою опальную грамоту.

У насъ иные эту грамоту ставили въ укоръ самому царю Ивану Васильевичу: мы, признаться, не видимъ никакой вины со стороны Грознаго : видимъ только одно—что, вѣря воеводѣ, царь былъ правъ въ опалѣ и еще очень—снисходителенъ къ Строгоновымъ.

Но вотъ и самая грамота; она пышетъ огнемъ и царственнѣмъ гнѣвомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и участіе царя къ самимъ Строгоновымъ. Представляемъ ее вполнѣ:

Грамота царя Ивана Грознаго отъ 16 ноября 7091 (1582) года
Максиму и Никитѣ Строгоновымъ,—опальная.

«Отъ цари и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Чусовую, Маженму, Яковлеву сыну, да Никитѣ, Григорьеву сыну, Строгоновымъ.

«Писалъ къ намъ изъ Пермїи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, *вссать Вотляки и Вогуличи и пельмскія и сибирскія мѣста сентября въ 1-й день.*

«А въ тотъ же день, собрався, пельмскій князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною въ наши пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побилъ, и многіе убытки нашимъ людямъ починили.

«И то сдѣлалось *вашею измѣною!* Вы Вогуличъ и Вотляковъ и Пельмцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ съ салтаномъ ссорили насъ; а волжскихъ атамановъ къ себѣ *призававъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу.*

«А тѣ атаманы и казаки прежь того ссорили насъ съ ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убытки чинили. И имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу пермскую землю оберегать — и они *сдѣлали съ вами мсть потому жъ какъ на Волгѣ чинили и воровали!*

«Въ *какой день къ Черми, къ Чердыни, приходили Вогуличи, сен-*

силь узнать, что дѣлается въ Пермїи, сомнѣвается, чтобы она не раньше какъ черезъ цѣлый годъ узнала о набѣгѣ пельмскаго князя.

Если предположить, что 1-го сентября 1581 года пельмскій князь началъ дѣлать набѣги съ рѣки Чусовой, что набѣги эти на Чердынь и на всю пермскую страну продолжались нѣсколько недѣль, а можетъ—быть и мѣсяцевъ, что одни переходы Вогуличъ и Остяковъ доуральскихъ (бывшихъ тоже въ волжскіи) съ одного мѣста на другое требовали много времени и что въ тѣ времена трудно было передавать вѣсти на Москву съ быстротою, имѣя доступною, то намъ и не будетъ казаться удивительнымъ, что опальная грамота была послана въ ноябрѣ 1582 г.

тября въ 1-й день—и въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи! А Пермь ничѣмъ не пособили!

• И то все случилось вашимъ воровствомъ и измѣною! А только бы вы намъ служили—и вы бы тѣхъ казаковъ въ тѣ поры въ войну не послали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашия земли пермскія оберегать!

• И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ, Ермака съ товарищи, взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолье Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣлсая, и изъ тѣхъ мѣстъ на пельымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есмья тѣмъ всѣмъ казакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди Пельымцы и Отяки и Вогуличи съ сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и нашия земли не завоевали; а велѣли есмья тѣмъ казакамъ быти въ Пермь до весны, и на Отяки и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать и ихъ въ нашу волю приводить по нашему указу.

• А вы бѣ, обсылаея въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ, посылали отъ себя воевать Вогуличъ и Отяковъ, и однолично бѣ естя, по сей нашей грамматѣ, казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали; а будетъ для приходу вамъ въ острогъ быти нельзя — и вы бѣ у себя оставили немногихъ людей, человекъ до ста, съ которымъ атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь однолично тотчасъ.

«А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоеева съ товарищи, а учите ихъ держати у себя, и пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такую вашу измѣною, что надъ пермскими мѣстами учинитца отъ Вогуличъ и отъ Пельымцовъ и отъ сибирскаго салтана людей впередъ — и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая!

«А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали—великъ перевишати!

«И вы бѣ тѣхъ казаковъ однолично отпустили отъ себя въ Пермь, и нашимъ дѣломъ надъ Пельымцы и на Вогуличи и на Вотяки промышленяли по нашему указу, ссылаяся о томъ съ Васильемъ Пелепелицынымъ и съ Воиномъ Оничковымъ, чтобъ далъ Богъ ихъ завоевать, и въ нашу волю привести, а пермской земли и вашихъ остроговъ уберечи.

• Писана на Москвѣ, дѣта 7091 (1582), ноября 16 днѣ.

У грамматы приложена черная восковая печать.

На оборотѣ подписамо:

Царь и великій князь вѣса Русіи.

Дѣлъ Андрей Щелкаловъ (57).

Но «гдѣ гнѣвъ—тамъ и милость!» говоритъ старинная русская поговорка. Строгоновы сами чувствовали, что онѣ тутъ чисты и рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

И они, да и сами казаки, были спокойны и не тревожились этой гнѣвной грамоты грознаго государя.

Они ужь знали, съ какимъ гостинцемъ къ царю поѣхалъ вѣрный товарищъ Ермака — извѣстный уже намъ, давно приговоренный къ смерти, Иванъ Кольцо...

Да, много великихъ дѣлъ дѣлается на свѣтѣ, какъ-будто невзначай!

ГЛАВА VI-Я.

ВЪЯТІЕ СИБИРИ.

Ермаковы подвиги въ Сибирѣ. — Первые стычки на Турѣ — Вѣсти къ Кучуму. — Оплотеніе Кучума. — Махмет-Куль. — Битва при Бабасанѣ. — Покореніе Карачека-Улуса. — Битва на берегахъ Иртыша. — Засада. — Ночной советъ — Битва подъ Чувашинымъ. — Пораженіе Махмет-Кула. — Бѣгство Кучума. — Вместе съ казакомъ въ кучумову столицу, Сибирь.

«Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ, скажемъ, что они, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истинною и, подъ именемъ дѣтонисовъ — обманывали самихъ историковъ.»

Н. М. Карамзинъ.

Ермакъ, съ подчинившимися ему артелями бездомныхъ промышленниковъ-искателей приключеній, явился за Ураломъ, въ предѣлахъ сибирскаго юрта, къ осени 1581 года: цифры этого года вырѣзаны и на памятникъ ему въ Тобольскѣ.

По дорогѣ, Ермакъ всюду встрѣчалъ кочевья и мелкія сборища туземныхъ племенъ, которыя и не думали ему сопротивляться, потому что, ведя жизнь кочевую или бродячую, они переходили съ одного мѣста на другое, не знали о поземельной собственности и не имѣли, значить, никакого повода препятствовать походу толпы, дотошъ имъ невидѣнной. Тѣ изъ сибирскихъ обитателей, которымъ созваніе освѣдлости было уже доступно и которые, можетъ-быть, не такъ хладно-

---

(57) Миллеръ, стр. 146. Въ этомъ же году врачеваній Годунова, Строгоновъ получилъ право на «именищность»: въ этомъ же году пришло в воеводство Ермака въ Москву: стеченіе этихъ обстоятельствъ, если выкинуть въ нихъ смыслъ, еще болѣе убѣдитъ въ несправедливости начала Строгомурской дѣтонисы. (Н. Г. Р. т. IX, прим. 611, 617 и 653).

кровно смотрѣли на своихъ незваныхъ гостей, не могли повѣрить казакамъ; никакого препятствія; тѣ, которые жили далѣе отъ берега, не видѣли самодѣльной флотиліи казаковъ, тѣ же, которые видѣли ее, не могли пуститься въ погоню за нею: плаваніе на судахъ и въ лодкахъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, не было у нихъ въ общемъ употребленіи.

Углубляясь далѣе и далѣе въ пустынные мѣста, Ермакъ явился на Турѣ. Первое, что онъ встрѣтилъ здѣсь, что напоминаю ему жизнь, нѣсколько похожую на жизнь нашего народа — были пашенные юрты или улусы Вогуловъ и Остяковъ, находившихся въ непосредственномъ заглабываніи или кучумова брата, или остяцкаго князя Епанчи. О населенности тамошнихъ мѣстъ мы имѣемъ кой-какія, хотя и чрезвычайно-краткія, но достовѣрныя статистическія данныя, извлеченныя нами изъ неопровержимыхъ документовъ, царскихъ грамотъ, наказныхъ памятей и другихъ актовъ (58). Хотя данныя эти относятся и

---

(58) Мы изъ «Сибирской Исторіи» Маллера и изъ помѣщенныхъ въ ней грамотъ и разныхъ документовъ сдѣлали слѣдующее извлеченіе. Извлеченіе это, содержащее въ себѣ статистическія свѣдѣнія за время около конца XVI и начала XVII столѣтій, будетъ служить какъ-бы продолженіемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ 6, 12, 20 и 83 примѣчаніяхъ. Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы Исторіи Маллера перваго, 1750 года, изданія.

Таборы (230 и 237) былъ городъ или городище на Тавдѣ, пониже устья Пелына (по Ки. Бол. Черт. стр. 218 — онъ лежитъ на рѣкѣ Таборы, текущей въ Тавду).

Кожуки (270) — вогульская волость на рѣкѣ Паченкѣ (Ки. Бол. Черт. стр. 219 — Ашука на Тавдѣ, ниже Таборовъ), нѣтъ по рѣкѣ Тавдѣ существуютъ селенія: Табаринское, ниже ея — Табаринское, а за нимъ Кожуки.

На чертахъ въ 1600 году были уже положены слѣдующія мѣста (364):

I. Отъ Верхотурья (отъ Нероикары) до Туринска (до Епанчина-Юрта):

Вайгаринъ
Колмакъ
Иласовъ
Ургучинъ
Кокучовъ

} — всѣ пять — пашенные юрты.

II. Отъ Туринска къ Тюмени:

Ембайковъ — пашенный юртъ.

Далѣе отъ Туринска верста съ пять поле, десятинъ съ 50; за нимъ:

Ногосовъ,

Акканъ,

Неболсинъ, что было городище кучумова брата,

Берсегеневъ,

Девлетовъ,

Кабачинъ,

Два юрта непашенныхъ.

О тогдашнемъ народонаселеніи этихъ мѣстъ изъ тѣхъ же документовъ извѣстно слѣдующее (355 и 361):

Епанчинъ — юртъ; около него жили Татары, и Остяки, и Вогуличи. Нимъ это мѣсто зовется «Туринскъ».

«А у Епанчи въ юртѣ всего — восемь человекъ, да и тѣ стары и нужны: послати для вѣстей нѣкогого.

Юрты Епанчина собору:

I. Верста по Турѣ (между Туринскомъ и устьемъ Тагала):

изъ воздѣйствію нѣсколько времени, но все-таки они могутъ нанести намъ на мысль о суммѣ сопротивленій, которыя предстояли Ермаку во время его похода.

Объ отношеніяхъ обитавшихъ здѣсь шеродецъ къ князькамъ, а князьковъ къ Кучуму, мы можемъ сказать только то, что, *эролтно*,

Отъ Туринска (Княичина) въ 5-ти верстахъ—Иркузовъ, всего 6 человекъ. } въ тѣхъ
 А верста съ вѣтъ отсюда Ургучинъ, — 6 человекъ. } юртахъ
 Въ полуднищѣ отъ Епанчина Иласовъ, — 6 человекъ. } нашенскихъ
 Въ днищѣ отъ Епанчина Багаринъ да Колышковъ, — 6 человекъ. } Осака.
 Верста со сто отъ Епанчина юрта Саякинъ, — 8 человекъ.
 Выше тагильскаго устья—нашенскихъ Татаръ, то-есть, Вогуловъ и Остяковъ мукан-
 моданъ—итъ.

II. Вверхъ по Никѣ.

Во днищѣ отъ Епанчина юрта Ногаетъ—30 человекъ.

III. Внизъ по Турѣ.

Въ пяти верстахъ отъ Епанчина юрта Енбайковъ—2 человека.

У этихъ Татаръ и Остяковъ — и были лошади, но къ 1601 году люди сбились, потому-что лошади въ полдовахъ распропади (362).

Туринскіе Вогулячи (354 и 369).
 (Платили асаку съ Епанчинными Татарами.)
Юрты отъ Усть-Тамла вверхъ по Турѣ рѣкѣ.

Всего живыхъ въ
 1601 г. мужескаго по-
 ли взрослыхъ.

Нелуковъ — четверо женатыхъ; пятеро холостыхъ; одинъ старъ добръ: асаку съ него азать не на комъ.	10 человекъ.
Тураляковъ — одинъ женатый.	1 —
Талкинъ — одинъ женатый, двое холостыхъ, одинъ старъ добръ изувѣченъ: кормится по юртамъ, да одинъ за зѣремъ не ходитъ: медвѣдь испортилъ — асаку за нихъ взяти не на комъ.	5 —
Курманчинъ—двое женатыхъ; одинъ старъ—асаку давно не платитъ; а одинъ умеръ	3 —
Хабарчинъ — двое холостыхъ	2 —
Янашовъ — четверо женатыхъ, одинъ холостой	5 —
Перонкары или Перонкуры (Верхотурье), старое чудское городище; въ этомъ юртѣ было четверо женатыхъ, двое холостыхъ, двое старыхъ, да двое умерло — итого	8 —

А всего въ семи юртахъ. . . . . 34 человекъ.

(Асаку бралось: съ женатаго—по 10 соболей, а съ холостаго— по пяти соболей.)
 Вотъ какъ описывали это городище въ 1597 году бывалые люди для городского и осторожнаго дѣла:

«Отъ рѣки отъ Туры, по берегу, крутово камень горы (утесы) отъ воды вверхъ высотою сажень съ дѣцнадцать и больша, а саженьми же итряно; а та гора крута, сучась. И тово мѣста по Турѣ по рѣкѣ, по самому берегу—шестидесять сажень большихъ. И по смѣтѣ тому мѣсту городоваа стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто добре крѣико—ни которыми дѣламъ влѣсти не можно! И по смѣтѣ (коли смекнутъ) —тому мѣсту городоваа стѣна не надобѣ, потому что мѣсто, и безъ городовые стѣны, всякова города крѣиче. Развѣ въ тому мѣсту велѣтъ хоромы поставитъ сардѣ—что городъ же; да избы подлѣзатъ а дворы бѣ поставитъ поштѣнно, а по угламъ города, отъ рѣки отъ Туры — поставитъ наугольыма башни» (336).

Волости по рѣкѣ Иртышу.

Асъ-Пугль и Куль-Пугль (231, 232 и 295), въ коцкой землѣ; ихъ называли свѣчлае Василульская-Волость и Колыкуткая-Волость или Василукукъ и Колыкукукъ;

и въ тѣ времена между ними существовали тѣ же самыя отношенія, какія и нынѣ находимъ у кочевыхъ народовъ Сибири, то-есть, *кибитка, юрта* — соединеніе членовъ одного и того же семейства, *улусъ* — соединеніе нѣсколькихъ семей; *суля* — связь всѣхъ семей въ поколѣніе, подъ одну власть или *волость*; *орда* — соединеніе

потомъ Асуколокъ и Кулпуколокъ волости, наконецъ, Асукольскія-Юрты и Колпукольскія-Юрты; по правому берегу Иртыша, между рѣками Демьянкою и Обью, ближе къ Оби, имѣетъ деревня Заводинская, Колпукое — тожь.

Волости отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, въ Верхнюю-Землю, къ новому городу къ Ялому, гдѣ поставлены будутъ города государевы на Тарѣ рѣкѣ (1594 г.).

Въ 1594 году	Курдакъ, нынѣ Каурдацкая (четыре дни ѣзды по Иртышу отъ Тобольска), въ ней князь Канкулъ; народу	350 человекъ.
половину	Соргачъ, нынѣ Соргачка, при устьѣ Ишима (восемь дней отъ Тобольска), а въ ней князь Янбышъ; народу	80 —
асака плати-	Отузъ (ходу два днища), народу	15 —
ли царю рус-	Таву (ходу два днища), лучшей человекъ Ангильдей; народу	10 —
скому, а дру-	Урусъ, народу	6 —
гую полови-	Токузъ, въ ней лучшей человекъ Башшевъ; народу Супра.	3 —
ну лавали	Аялы (также Оялы, Ялы, Ялымъ, нынѣ Тара), а въ ней Ясаулъ Ямукъ, а другой Ямилъдей; ходу до той волости отъ Тобольска до города въ судѣхъ вверхъ по Иртышу пятнадцать днищъ; народу у нихъ .	800 —
Кучуму.		
		Всего около 1000 человекъ.

Мералый-городокъ;
Турашъ;
Кирпичи;
Малогорцы или Малогородскія волости, за Тарой вверхъ по Иртышу.
Вузюковы волости на Вузюковъ-Озерѣ (въротно, близъ Оми или Чанъ).
Въ 1594 году эти волости были за нагайскимъ мурзою Алеемъ (272).

Волости эти исчисляются слѣдующимъ образомъ (295):

Городокъ Тувусъ, князь Чапгула-Мурза (нынѣ есть селеніе Тувуска на рѣкѣ Тарѣ, на границѣ Тобольской и Томской Губерніи).

Волости: Чапгула, Лугуй, Люба, Кедема, Турашъ, Барама, Кирпичи, } За Алеемъ, мурзою нагайскимъ; въ 1595 году асаку Москѣ не лавали; они были преданными приверженцами Кучума и никакихъ асаковъ до того времени московскому двору не платили, отправляя разнаго рода повинности натурою Алею и Кучуму, на-иримѣръ, распахивая ему поля, снабжая его рыбою изъ озера и защищая его отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ. (По Барабинской-Стени близъ Оми и Убинскаго-Озера.)

Кетскія волости.

Цыган-Орда или Нарымъ, при устьѣ р. Кети въ Обь (320, 327). У Цыган-Орды было два городка: «Нижній Нарымъ» на р. Нарымѣ и «Верхній Нарымъ» въ двадцати тогдашнихъ тысяча-саженныхъ верстахъ отсюда.

У сей волости:

- Дарбодиска,
- Каскопиковская,
- Миткасская,
- Чюрубарская (въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи выше села Тогура).
- Шамская.

Кадышская волость вверхъ по Кети.

Нарымскій и Кетскій остроги, на Раздорѣ, на лѣвой сторонѣ Оби и кетскаго устья (318).

всѣхъ поколѣній, и наконецъ сибирскій юртъ—совокупная связь всѣхъ этихъ единичныхъ дѣленій. Глава этого юрта былъ сибирскій царь или ханъ; Сибирь—была то же, что ханская ставка; отдѣльные предводители племенъ, ауловъ, волостей, имѣли отношеніе къ нему, какое нынѣшніе киргизскіе султаны имѣютъ къ своему хану: они были лучшіе люди изъ мѣстныхъ народовъ и назывались князьками и ясаулами; а духовенство мухаммеданское, ахуны и сенты, и родственники хана, царевичи, были его думными, карачами.

Какъ ни ограниченно, можетъ-быть, было туринское населеніе, но Ермакъ понималъ, что здѣсь дѣло не обойдется безъ битвы, потому-что удусники были въ необходимости защищать ту землю, которая имъ принадлежить по праву. Ермакъ рѣшился дать тутъ «сраженіе»... но при первыхъ же выстрѣлахъ дикари пришли въ смятеніе.

Оглушивъ непривычное ухо ружейною пальбою, Ермакъ прогналъ испанчинскихъ Татаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ передаетъ строгиновскій лѣтописецъ ощущенія сибирскихъ дикарей, такъ хорошо понятыя и какъ-будто-бы отъ нихъ подслушанныя, но переданныя тогдашнимъ книжнымъ языкомъ:

«Таковы бо суть Рустин воини сильни: егда стрѣльнуть изъ луковъ «своихъ — тогда огонь пышетъ и дымъ великій исходить и громко «голкнеть, аки громъ на небеси. А ущититься отъ нихъ никакими «ратными сбруями не мочно: кюяки и бехтерадцы и пансыри и коль-«чуги наши не держать—все пробиваетъ на вылетъ.»

Первый шагъ и первая побѣда оправдали надежды Ермака. Отъ пустился далѣе, пошелъ внизъ по Турь, вышелъ на Тоболь и, достигнувъ устья Тавды, встрѣтился съ толпою Сибирцевъ или Татаръ, предводительствуемыхъ приближеннымъ къ Кучуму сановникомъ, но имени Таузаномъ. Казаки переловили Татаръ и Таузана представили Ермаку. Ермакъ принялся его разспрашивать, и Таузанъ, которому были показаны омыты всемогущества русскаго ружья, со страху

Тогуръ — тамъ же.

Сургутъ — внизъ отъ Нарыма, по Оби; князь Бардакъ.

Томскія волости (392) 1604 года.

Кухта, на Томи, князь Толызъ; народу 300 человекъ.

Чатская или Чаты, десять дней пути отъ Тома. Впрочемъ, барабинскіе Татары у озера Чаты.

Киргизы, семь дней пути отъ Тома; князь Немча; народу 1000 человекъ (по Юсу, Урюпу и Чулымму).

Волости князя Биженъ: отъ Тома до ближняго Бинеева кочевья 10 дней пути, до дальняго 5 недѣль; народу 10,000 человекъ (Миллеръ полагаетъ, что это должны быть Калмыки, кочелавшіе между Иртышомъ и Обью.)

Телеуты; князецъ Обакъ; отъ Тома 5 дней пути до дальняго кочевья; народу 1000 человекъ.

Чаты; у низъ Уманскій князецъ; ходу до него отъ Тома 14 дней; народу 300 чел. Мы уже виѣли, въ 1847 году, случай обнаружить свои дѣлаши, что это была имен-но татарская кійская волость во главѣ XVII столѣтія, по р. Кизъ, текущей въ Томъ.

Кузнецы—или Кузнецкая волость, дѣлѣлась нынѣшніаго Кузнецкаго-Округа.

смерти «повѣда имъ вся по ряду про сибирскихъ царей и князей, про мурзъ и улановъ и про царя Кучума». Ермакъ, добывъ языка и разузнавъ всѣ подробности, отпустилъ его съ миромъ, «да скажетъ Кучумови салтану пришествіе ихъ».

Кучума удивилъ неожиданный приходъ Русскихъ, а чудеса, рассказанныя про казаковъ Татарами, заставили его крѣпко опасаться грознаго непріятеля. По рассказамъ лѣтописцевъ, «Царь Кучумъ оскорбленъ и опечаленъ весьма зѣло и въ недоумѣніи мнозѣ бысть; и посылаетъ во всю свою державу по градомъ и улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ Сибирь на спомоганіе противу русскихъ сильныхъ вой. Въ малѣ же времени собрашася къ нему все множество вои его, князи, и мурзы, и уланове и Татарове и Остаки и Вогуличи и прочая лъзцы подъ властію его вси».

Собравъ рать, Кучумъ послалъ ее противъ Ермака, назначивъ начальникомъ надъ избранными имъ людьми сына своего Махмет-Кула. А самъ, между-прочимъ, оставаясь въ своей резиденціи, Сибири, въ ожиданіи приближенія Ермака къ Иртышу, велѣлъ, на всякій случай, въ недалекомъ разстояніи отъ Сибири, внизъ отъ нея по Иртышу, ближе къ Тоболу, при урочищѣ Чувашевомъ, приготовить новый городокъ или ограду, укрѣпленную валомъ, которую (слѣдуя лѣтописцамъ) онъ приказалъ «засыпати землею и каменіемъ и обрѣпвити, яко же есть достойно утверженію» — однимъ словомъ, приготовился какъ слѣдуетъ.

«Маметкудъ же, съ вои своими, доиде до нѣкоего урочища, иже Бабасанъ именуемо, и тутъ, на Тоболѣ, между Тавдою и Иртышемъ, встрѣтился съ нашими «вотязми». Вотязи наши, по одному лѣтописцу, «не мало убояшася», а по другому лѣтописцу «ни мало того устрешшася». Чтѣ было вѣрнѣе—не знаемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что казакамъ не совсѣмъ это полюбилось».

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ этого времени дѣло принимаетъ болѣе-серьезный оборотъ, и положеніе нашихъ будущихъ завоевателей становится болѣе-затруднительнымъ. Во-первыхъ, враги наши были фанатики, мухаммедане, люди, въ-слѣдствіе вновь воспріятыхъ ими идей, сами-по-себѣ воинственные; во-вторыхъ, это были люди, которые, съ разу привыкнувъ къ грому ермаковъхъ пищалей, медлятъ обращаться въ бѣгство и сами уже дерзаютъ осыпать казаковъ тучами стрѣлъ; въ-третьихъ, наконецъ, это были уже не бродячія племена, ни къ чему непривязанныя, а люди болѣе цивилизованные, люди съ сознаніемъ права: дорожа роднымъ клочкомъ земли, они бьются жестоко съ казаками.

Такова была первая битва, при урочищѣ Бабасанъ. Здѣсь Ермакъ хотя и не затмилъ славы своей первой побѣды, однакожь, уступая численности Татаръ, принужденъ былъ, не ожидая бѣгства непріятелей, самъ пуститься на стругахъ своихъ внизъ по Тоболу. Между-тѣмъ, Татары, не имѣя лодокъ, да и на сухомъ-то пути боясь еще близко подступиться къ нашимъ удалцамъ, заняли выгодную позицію на воз-

вышешныхъ мѣстахъ и изъ-за береговыхъ утесовъ преслѣдовали казаконъ меткими стрѣлами.

«Неизвѣстная Рукопись», служившая первообразомъ для составленія «Строгоновской Лѣтописи», такъ описываетъ это событіе: «Русіи воини видѣвше ихъ (невѣрныхъ), Бога на помощь призвавше, на нихъ устремившася. Она же, сопротивъ ихъ крѣпко бующеся и отъ бой ихъ много падоша, но проидоша мимо ихъ въ стругахъ казацы».

Ермакъ продолжалъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія—мы употребляемъ это слово, потому—что каждый шагъ Ермака, въ странѣ чуждой, былъ уже побѣдой: гдѣ онъ прошелъ, тамъ приобрѣлъ право собственности, налагая свою руку на богатства прибрежныхъ обитателей; гдѣ онъ разбивалъ мухаммеданъ въ битвѣ, тамъ въ ихъ глазахъ, въ ихъ убѣжденіи былъ ихъ законнымъ покорителемъ.

На рѣкѣ Тоболѣ, Ермакъ встрѣтилъ новую татарскую осѣдлость, кучумовыхъ же подданныхъ: этою мѣстностью правилъ какой-то думный кучумовъ карача: имя его неизвѣстно. Слово это означаетъ вообще «набольшаго» (59), но мы будемъ употреблять его какъ собственное имя, по примѣру другихъ, писавшихъ о ермаковомъ набѣгѣ. Ермакъ не замедлилъ сразиться и съ Карачею. Онъ вышелъ на берегъ, далъ «брань не малую», разбилъ Карачу въ пухъ, разорилъ его улусъ, взялъ богатую добычу, все, что нашелъ тутъ, даже медъ, перенесъ на свои плоты и поплылъ на новые подвиги далѣе, внизъ по Тоболу, ближе къ Иртышу.

Близъ устья Тобола, его настигли Татары. На этотъ разъ, Ермаку трудно было уплыть, жалѣя зарядовъ. Не всѣ враги были пѣши, многіе были на коняхъ: они слѣдили за ходомъ ермаковыхъ плотовъ, старались преградить ему дорогу своими стрѣлами и надѣялись ввести казаконъ въ засаду.

Сынъ Кучума, Махмет - Куль, поджидалъ своего непріятеля въ новомъ укрѣпленіи, цодъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близъ самаго устья Тобола и мужественно кинулся на набѣдниковъ и на пѣшую рать. Битва его увѣчалась успѣхомъ: Татары обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и, распростившись съ Тоболомъ, стали подниматься вверхъ по Иртышу. У нихъ въ этой битвѣ «мало убіено бысть: тоію кійждо уязвленъ быша» (60).

(59) «Царь со всѣми карачи, духовными и мірскими». — «Я отдаша намъ царя своего со единымъ карачемъ, что наибольшимъ ихъ; царю же было бусурманское имя Идигеръ (казакскій), а князю оному—Земіюшъ» (Сказанія Князя Курбскаго. 1833, ч. 1, стр. 44).

Карамзинъ (стр. 387, т. IX, И. Г. Р.) полагаетъ, что эта битва была на Карачинскомъ Озерѣ. Откуда вывелъ это исторіографъ — не понимаемъ и очень бы желали знать, какими способами могли казаки въ лодкахъ пробраться внутрь страны, если дѣйствительно, сраженіе было при озерѣ. Не можетъ быть, чтобъ казаки бросили свои струги и отирались туда пѣшкомъ.

(60) Лѣтопись Сибирская (Строгоновская) 1821 г., стр. 33. Карамзинъ, т. IX, прилѣч. 683.

Взятое Ермакомъ направленіе, то-есть, именно то, что Ермакъ поплыль вверхъ, а не внизъ по Иртышу, что, казалось бы, для него было и удобнѣе и сподручнѣе—доказываетъ уже, что хитрый казакъ дѣйствовалъ по здраво-обдуманному и умно-разсчитанному плану. Зная, вѣроятно, что внизъ по Иртышу и далѣе, по Оби, живутъ Остяки, питающіеся преимущественно одною рыбою, хотя и не менѣе богатые дорогими мѣхами, Ермакъ сообразилъ, что въ этихъ мѣстахъ зимой, средства къ жизни и прокормленію многочисленныхъ товарищей его будутъ недостаточны. Вверхъ же по Иртышу были юрты пашенные, народъ богаче средствами къ осѣдлому проживанію; близко тутъ же самъ царь Кучумъ жилъ; къ Кучуму ходили торговые Бухарцы. Ермакъ, можетъ-быть, и разсчитывалъ, что, поднявшись съ осени подальше отъ Сибири, онъ весной, по вскрытіи водъ, отдохнувъ хорошенько зимой, съ свѣжими силами нахлынетъ на Сибирь, и тогда что Богъ дастъ! а пожива вѣрная и богатая. А до того времени, владѣя отъ Кучума, онъ съ пятьюстами удалцовъ надѣялся, можетъ-быть, при помощи ружья, мирно и согласно прозимовать съ сосѣдями, которыхъ ему Богъ пошлетъ.

Можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ такъ разсчитывалъ Ермакъ, но не такъ вышло на дѣлѣ.

Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ Татаръ и о походѣ Ермака по Иртышу къ Сибири, обрадовался случаю отплатить нарушителю своего спокойствія должною местию. Онъ пошелъ самъ къ нему на встрѣчу и отправился подъ Чувашево для усиленія въ новомъ укрѣпленіи рати своего сына.

Это было 22 октября 1581 года, въ пятьдесятъ-второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня, казаки подплыли къ Чувашеву, и такъ-какъ ночью подниматься вверхъ, въ сосѣдствѣ отъ Сибири, было слишкомъ-опасно, то, замѣтивъ старое городище (въ которомъ были ли въ то время обитатели—неизвѣстно), называемое Аты, или городокъ Атикъ-мурзы, засѣли въ немъ, не зная, какъ кажется, о приготовленной для нихъ засадѣ (61).

---

(61) Вотъ точка зрѣнія, съ которой смотритъ на все это событіе «Строгоновская Лѣтопись» (стр. 33, изд. г. Суасскаго):

Глава XVII.

О взятіи городка Атика-Мурзы.

Пришла русское воинство подъ городокъ Атикъ-Мурзы и взяша его и сѣдше въ немъ, уже ноци пришедши, тмѣ нашедшу.

Видѣше же казаки у засѣки толкое поганыхъ собраніе — они же сего устрашавша и рекоша себѣ: како можетъ стати протяну толкаго собранія? И начаша размышляти въ себѣ, и учини кругъ, и совѣтъ благъ сотвориша о томъ и глаголаша другъ ко другу: «отойти ли намъ мѣста сего, или стати единолушно?» И никъ же начаша мыслити и глаголати: «лучше бы намъ было, аще отыдемъ отъ нихъ въ отходъ.» А и никъ же супротивъ глаголюше жестостію твердо:

«О, братія наша единомысленная! Како намъ бѣжати? Уже осени достагашу и въ срубкахъ ледъ смерзается: не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не полу-

Утомленные недавнею битвою и трудностью пути, казаки расположились было на покой; но горючіе глаза стражи замѣтили страшное полчище невѣрныхъ, заранѣе радовавшихся ожидающей ихъ побѣдѣ. Многочисленность непріятелей испугала натпихъ витязей. Поднялась тревога; паническій страхъ объялъ казаковъ: они рѣшились бѣжать!

« чимъ, ни укоризны на себя не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога. Не отъ многихъ бо вы побѣда бываетъ — но свыше, отъ Бога, помощь дается: можетъ бо и безпомощныи Богъ помочь. Слышали есмь, братія, сами коликѣ зла сотворихъ безпомощи выи и оканяни Агаряне сибирскіи земли, Салтаръ Кучумъ, ишей ардской, перигтій земли: государевымъ городовъ заустѣаніе, православнымъ крестьяномъ посѣченіе и пѣваніе. И Строгоновымъ острожкомъ колико зла увидѣли? — Того ради всемогій Богъ мститъ имъ, оканянымъ, за кровь ихъ крестьянскую! — Воспомнимъ, братіе, обѣщаніе свое, какъ мы честнымъ людямъ (Строгоновымъ) обѣты и слово свое даша и уѣрившеса крестьянымъ пѣваніемъ, елико всемогій Богъ намъ помощи подастъ, а овиюль не побѣжати, хотя до единого воѣвы упрети — а вопять водаратится не можемъ, ерама ради и преступленія ради слова своего, яже съ клятвою обѣщавомся (Строгоновымъ). Аще намъ всемогій, въ Троицѣ славимый, Богъ поможетъ — то и по смерти нашей память наша не оскудѣтъ въ стѣзѣхъ стрѣлахъ и слова наша вѣчно будутъ!»

И посемъ атаманъ и казаки утвердишася вси единодушно и мужественно укрѣпшася и уѣрившася до единого и вси глаголаху едино вкущъ:

«Готови умерти за святыхъ Божіихъ церквей! и за истинную православную вѣру пострадати! и благочестивому государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу цесарю Руси послужимъ! и стоимъ противъ поганыхъ твердо до крови и до самыхъ смертей! и того, братіе, во превѣннии обѣта своего и вси единодушно на томъ стоимъ непоколебими!»

И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ.

И уже ноши пршедши, святаюшу днєви и солнцу просіявшу, — просѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ; Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печетася и рече дружинѣ своей со слезами:

«О друзья и братіе! — Помолитесь Богу, и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодиюмъ Его, — дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашестви!»

И выйдша изъ городка на бой мѣсяца октября въ 23-й день, на память святого апостола Іакова, брата Господня, и вси вкущъ, яко едиными устами, глаголаху: «съ нами Богъ!» и иже: «Господи, помози намъ рабамъ твоимъ!» И начавъ приступати къ засѣлкѣ мужественно и сурово зѣло — и бысть съ погаными брань велика: Поганіи же пустиша стрѣлы тьмочисленныя сверху засѣлки и изъ бойницъ и муртѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ увзвѣляютъ, а ныихъ смертно побиваютъ. Поганіи же, видѣвши храбрыхъ мужей паденіе, — и разломивша сами засѣлку свою въ трехъ мѣстѣхъ, и выйдша на вылазку, надѣяуся казаковъ невозвратному бѣгству предати. И въ то время на вылитѣ сооставишася брань велика, крѣпко бѣющеса, дошложе другъ друга за руки емлюше стѣхася. Казацы же на поганыхъ аси единодушно устремившася и показаше храбрость свою и жесточъ надъ нечестивыми и безбожными Агаряны.

«Но малу же времени поганіи начаша оскудѣвати въ силѣ своей — Богъ же казнилъ на поганыхъ побѣду даи; казацы же поля приобрѣтають, и отъ засѣлки отбѣжаша и эмелиши своя на засѣлку поставиша, и царевича Маметаула увзвѣниа — до выи увзвѣниа на малой лодцѣхъ къ Иртышъ рѣку.

«Царь же Кучумъ, стояше на высоцѣхъ мѣстѣхъ и видѣвъ своихъ Татаръ паденіе и сына своего Маметкула увзвѣненіе и бѣгство скоро, — повелѣ мулламъ своимъ клекати свою скверную бусурменскую молитву и начаша призывати къ себѣ на помощь скверныя свои боги — и не бысть имъ ни мало помощи.

«И на то время князь отященіи отойдоша съ своимъ людемъ каждо по-своему.

Они — но не Ермакъ.

Собрался кругъ или совѣтъ. Казаки толковали: время позднее; сибѣ; не трудно и зазимовать въ чужой странѣ; тогда Татарникъ окружить и извезеть ихъ всѣхъ по одиночнѣ. Положено — бѣжать.

О рѣшеніи казацкой дружины доведено было до свѣденія Ермака. Зная характеръ своего предводителя, своего удалаго атамана, неизъявлявшаго желанія отступать ни на шагъ предъ непріателемъ, старѣйшіе изъ его шайки, вѣроятно, старались убѣдить его къ побѣгу доводами, по ихъ мнѣнію, самыми неопровержимыми, на счетъ того, что, конечно, въ животѣ и смерти Богъ воляетъ, однакожь — оно все-таки недурно бы предотвратить бѣду, пока есть еще къ этому возможность.

«Батюшка нашъ, Ермакъ Тимоѣичъ (говорили, можетъ — быть, они), ну, самъ ты подумай: видишь Татаръ-то сила какаа — несметное множество рати! А нашихъ всего пятьсотъ человекъ: такъ царь-то Кучумъ насъ доскомъ положить, живой души не оставитъ, завтра же всѣхъ перебьетъ! Чтѣ жъ пользы изъ этого будетъ? Сибири не возьмемъ; сами погибнемъ; добычи лишнимся; родной земли не увидимъ и сгинемъ, какъ всы какіе-нибудь, безъ креста и молитвы... Ну, дивнѣ-бы случилось такъ, что мы побѣдили Кучума, и богатства набрали и зажили бѣ въ полнѣмъ довольствѣ, а то теперь... ну, ты самъ посуди — чтѣ насъ впереди ожидаетъ, если и точно случится намъ завтра счастливо пробраться впередъ?.. Нынче и осень въ исходѣ, и сибѣ ужъ идетъ, и зима на дворѣ, и рѣка скоро станетъ: на стругахъ ужъ не проберешься... Мы зазимуемъ въ степяхъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды, и тогда или сами погибнемъ съ голоду въ сѣжныхъ сугробахъ, или насъ окружатъ Татары кучумовы, будутъ тѣснить и угонять насъ ни за что ни про что! Такъ убѣжимъ-ка куда мы цѣлы: благо уйдемъ не съ пустыми руками!»

Ермакъ, котораго честолюбіе и какое-то странное и доселѣ непонятное имъ самимъ чувство ужаснулись этой низкой мысли Русскихъ — бѣжать въ виду врага отъ битвы, старался отговорить названныхъ товарищей отъ предпринятаго ими намѣренія, урезонивая ихъ тѣмъ, что имъ нѣтъ выхода на Русь! Они пропали дома! ихъ головы оцѣнены въ Чердыни!

— Ребята, говорилъ Ермакъ: — потрудись маленько! Богъ милостивъ! Сибирь близка, наживы много... поработай, ребята! Возьмемъ Сибирь!

— Мы ужъ и то поработали! отвѣчали казаки: — пора и до дому! Чего намъ дожидаться? Чтѣбъ всѣхъ насъ перебили?... Идемъ! Бѣжимъ!.. Есть мѣсто намъ и безъ Чердыни!..

Вотъ единственная минута, которая окупаетъ всю протекшую жизнь Ермака и въ которую могла вспыхнуть въ груди его мысль о славѣ. Постоянная забота о мелочныхъ потребностяхъ, постоянныя тяготы, не смотря на постоянныя побѣды, еще заглушали то высокое чувство, которое должно было разгорѣться въ пылкой душѣ его только въ минуты сильнаго потрясенія. Теперь только Ермакъ могъ об-

нять умомъ прошедшее нить поприще; оцѣнить, что его ожидаетъ тамъ, дома, что ожидаетъ здѣсь, и рѣшить то, что успѣлъ онъ совершить въ отдаленномъ краѣ, понять и важность своихъ подвиговъ, проверить тѣ послѣдствія, которыя непремѣнно должны были быть плодомъ нечаянна-заброшеннаго семени.... Съ этой минуты онъ уже не простой волжскій казакъ, онъ не разбойникъ, не одинъ грабежъ—дѣло его: для грабежа онъ могъ найти себѣ другой притонъ, могъ соединить свои интересы съ интересами огромной своей шайки и, раздѣлая мнѣніе большинства, могъ закончить свой сибирскій набѣгъ и возвратиться благополучно туда, куда надежды хорошей добычи указали бы ему дорогу. Рѣшался на битву, Ермакъ является героемъ, которому нуженъ только одинъ шагъ — и онъ на вершѣ славы. И вдругъ, въ такую минуту, шайка грубыхъ буяновъ безъ стыда совѣстается въ трусости, хочетъ бѣжать, испровергнуть все его дѣяныя, стереть съ лица земли его доброе дѣло, затоптать въ грязь его славу..

Ретивое заговорило!

Ермакъ остановилъ казаковъ. Онъ вдохнулъ въ нихъ храбрость звуками, на которую отозвались непорванныя еще струны въ сердцахъ цоронь-завоевателей, и они рѣшились: «погибнуть—такъ погибнуть съ честью!»

Утромъ, 23 октября, казаки пошли къ Чувашеву на приступъ.

Битва была жестокая; пули и стрѣлы свистѣли; богатыри сибирскіе валились подъ ударами казаковъ, хотя число Татаръ и превосходило наши силы въ двадцать разъ.

Кучумъ, наблюдая съ высокой горы за движеніями ратниковъ, приносилъ мольбы Аллаху о побѣдѣ надъ Русскими; но казаки были непобѣдими. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о «быть или не быть»; съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу; съ обѣихъ сторонъ ярость дошла до остервенѣнія—бросились въ рукопашную: «и бысть съча зла — за руки емлюще съчахуся!»

Толпы Татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичъ Махмет-Куль былъ раненъ и переплавленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; остяцкіе князцы оставили Кучума и удалились во-своихъ.

Покинутый всѣми Кучумъ увидѣлъ бездну, которая такъ неожиданно подъ нимъ разверзлась: ему угрожалъ плѣнь, а малочисленность его ратниковъ не могла долѣе бороться въ открытомъ полѣ съ богатыремъ казаковъ. Кучумъ возвратился къ своему дому, собралъ весь свой кочевой скарбъ и съ оставшимися въ живыхъ своими подданными пошелъ искать пріюта, куда глаза глядятъ! (62).

---

(62) Вотъ другой образецъ той же дѣлщины, для критическаго соображенія на счетъ распространенія переказовъ цареобраза и для присодиненія не возможности имени Строгоновыхъ:

«Царь же Кучумъ, видя свою могобель и царства своего и богатства лишентіе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькими плачемъ:

«О, мурзы и уланы! Побѣдивъ, не подлинъ — сами бо велики своего царства

Сибири не стало. Но казаки не знали об этомъ.

Потерявъ въ битвѣхъ подь Чувашевымъ патуо часть своей дружины и утомившись отъ продолжительнаго и упорнаго боя, окончившагося только съ наступленіемъ темноты, Ермакъ расположился на покой и поставилъ крѣпкую стражу, опасаясь вѣроломства Татаръ. Утромъ слѣдующаго дня, казаки отправились къ Сибири. Какъ далеко Чувашево лежало отъ Сибири — навѣрное неизвѣстно; кажется, однакожь, что это очень-близко отъ нынѣшняго Тобольска, востакъ въ трехъ или около, отъ устья Тобола, вверхъ по Иртышу: воспоминаніе обь этомъ мѣстѣ сохранилось нынѣ въ названіи Подчувашскаго-Перевоза и селенія Подчуваши: значить, казакамъ предстояло пройти менѣе шестидцати верстъ.

Казаки пошли къ Сибири, какъ увѣриютъ лѣтописцы «бевъ боленъ». Но когда они приблизились къ ней, то, къ удивленію своему, не увидѣли ни одной души. Раздумье начало на казаковъ; они стали прислушиваться — «и не бѣ никакого гласа». Мертвая тишина и запустѣніе поразили ихъ. Казаки, подозрѣвая, что Татары снова скрылись въ засадѣ, что они притворяются, въ надеждѣ заманить къ себѣ побѣдителей, долго не рѣшались входить въ запустѣлый городъ, «мняще, яко лукавствуютъ поганіи надъ ними и ничто лукавующе». И только 26-го числа, совершенно убѣдившись въ напрасномъ безпокойствѣ, они рѣшились войти въ Сибирь.

Сибирь была пуста.

Но Ермакъ былъ уже владыкой всего Зауралья, вплоть до самаго Иртыша.

Въ два мѣсяца онъ совершилъ весь свой походъ, побѣдилъ Татаръ — покорилъ Сибирь.

«Лашеніе: сладинъ наши—изъомогота и хребринъ воини—вонъ шебени быша! О, горе смиді! Что сотворю? или како бѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди — си царства моего лишихъ? Простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ свои мнѣ истати обиды, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи не со многими своими людьми — и тыи насъ, шашель, побѣди и толіко намъ сада сотвори: войство мое избаша, и сына моего узаша — еле жива отъ вѣчиъ чувезоша, и мене самого пообраи и отъ царства моего отгна! И неправда моя свѣде на мя: азъ бо чужая съ радостію прияхъ, русскую землю завоевахъ, Пермь-малыскую и Строгоновыхъ острожки — а нынѣ всего своего лишень быхъ и самъ пообѣжденъ бысть! Нѣсть бо тоя радости на земли, иже не превѣнитъ на жалость!»

«И прибѣже, оказавшии, въ градъ Сибирь, и взя себѣ мало—ничто отъ сокровищъ своихъ, и владѣша невозвратному бѣгству; а градъ Сибирь оставиша пустъ.» (Стр. Лѣтоп. 1821 г., изд. г. Сиваскаго, стр. 38.)

Какъ значительны были богатства сибирскаго царя — мы не знаемъ; но вотъ, напримеръ, исчисленіе конискованныхъ въ 1594 году, въ пользу короны, «животовъ» кондайскаго князька: «два звѣника серебряныхъ; двѣ чепочки серебряныхъ; лешка серебра; а у ней шесть плащей серебряныхъ, замѣца серебра: чарка серебра; 426 соболей; 13 лисецъ — черныхъ и бурныхъ; 61 бордъ; 1000 бѣлиа (это бѣлокъ были положены тогда противъ одного рубля); заѣвъ дорожинена, а оушенъ камташкомъ двоалишномъ.» (Миллеръ, стр. 253.)

Объ относительной стоимости бѣлокъ и соболей можно вывести заключеніе изъ того, что когда Етнгеръ прислалъ Нязву Грозному по 1000 соболей и по 1000 бѣлокъ, то однажды прислалъ отъ нему «за бѣлку—69 соболей». (Миллеръ, стр. 73.)

ГЛАВА VII-Я.

УТРАТА СИБИРЬ!

Умерщвление казаковъ. — Плясъ Махмет-Кула. — Посольство къ царю. — Подмога изъ Москвы. — Князь Болховской. — Указъ Строгановымъ. — Ожесточеніе Татаръ. — Вѣроломство Карауля. — Осада Сибиря. — Походъ Ермака къ Вагаю. — Смерть Ермака. — Бѣгство Казановъ.

«Великіи! адъ бы ты ни роллюя
«Хотя бы въ варварскихъ вѣдкахъ —
«Твой подвигъ жизни совершился!
«Хотя бы исчезъ твой самый прахъ,
«Хотя бы смны твои, погонки,
«Забывъ дѣла предка громки,
«Скатались въ дѣбряхъ и лѣсахъ
«И жили въ лачныхъ волкахъ,
«Но ты, великій человекъ,
«Пойдешь въ ряду съ полубогами
«Изъ рода въ родъ, изъ зѣка въ зѣкъ,
«И славы лучъ твоей затмится
«Когда померкнетъ солда свѣтъ,
«Со трескомъ небо развалится
«И время на кося падеть!»

Н. И. Дмитріевъ.

Ермакъ, ваявъ Сибирь, или, какъ въ то время чрезвычайно-вѣрно выражались сами казаки—«сбилъ съ куреня царя Кучума». Изъ пяти-соть-сорока человекъ, первоначальнаго числа дружины, у него стало гораздо-меньше. Порохъ вышелъ. Запасы истощались. Сообщеній съ Русскими на Камѣ не было и не могло быть. Зима...

Остался въ Сибири— останешься если и не безъ хлѣба, то уже навѣрное безъ сарядовъ; отправиться самому за Уралъ — Сибирь опять потеряна.

Положеніе Ермака было незавидное.

Не смотря на то, что на четвертый же день послѣ занятія имъ запустѣлаго города, возвратились туда и обитавшіе въ немъ Остяки, что они видали въ Ермакѣ героя непобѣдимаго, что, не имѣя сочувствія къ личнымъ выгодамъ Кучума, князедъ остяцкій снабдилъ ермакову дружину, сколько могъ, всѣми жизненными запасами, не смотря на то, что семейства этихъ Остяковъ и ихъ жены скоро подружились съ покорителями, Ермаку надо было подумать о будущемъ и оградить себя, сколько это было возможно въ его положеніи, отъ козней Кучума и Махмет-Кула, которыхъ местопребываніе было ему неизвѣстно.

Однакожъ, казаки, съ первыхъ же недѣль своей зимовки, утѣрились, что теперь имъ вѣчего беспокоиться, что подвиги ихъ на долго упрочили

въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе; они доверчиво стали выходить изъ Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ собратій на порядочное разстояніе.

Такъ однажды, 5 декабря, отиранившись на рыбный промыселъ къ урочищу Абалякъ (это названіе сохранилось и понынѣ въ названіи селенія Абаляцкаго, верстахъ въ пяти отъ бывшей Сибири вверхъ по Иртышу), казаки устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой но сгражи не разгавили. Махмет Кулъ воспользовался ихъ безбдительностью, шазалъ на нихъ, и умертвилъ ихъ всѣхъ до единаго.

Узнавъ объ этой потерѣ, Ермакъ съ дружиною бросился за нихъ въ погоню, догвалъ его и разбилъ: Татары разбѣжались.

Этотъ случай, послужившій Ермаку новымъ доказательствомъ, что положеніе его было слишкомъ не обезпечено, заставилъ его обсудить свое дѣло со всѣхъ сторонъ.

Въ слѣдствіе двѣ дѣланныхъ соображеній, или печально, сказать навѣрное трудно, Ермака осмыслила очтастливая мысль — рѣшиться на предпріятіе небывалое, на послѣднюю крайность, на которую могъ рѣшиться только человѣкъ съ сильной энергіей и въ самомъ безвыходномъ положеніи: мысль эта была — послать посольство къ царю!

Оставившись на этомъ, и объяснивъ благосклонному читателю, что здѣсь мы должны немножко отступитъ отъ того порядка, въ которомъ лѣтописцы передаютъ намъ послѣдующія событія. Чтобы понять вполне дѣло, намъ нужно, вооружившись чистою логикой, войти въ соображеніе этихъ событій съ ихъ естественною послѣдовательностью въ томъ видѣ, въ какомъ они, по нашему мнѣнію, должны были простекаать одно изъ другаго; намъ нужно войти въ тогдашнія обстоятельства Ермака, примѣнить къ нимъ мѣстные особенности и распутать темное доселѣ дѣло самыми простыми причинами, определяя не только съ тѣмъ и хронологическій порядокъ происшествій, который самими Карамзиннымъ признанъ запутаннымъ (63).

Дѣло въ томъ, что до-сихъ-поръ, сколько по-крайней-мѣрѣ намъ это извѣстно, не было положительно определено нашими писателями:

- 1) Отъ-чего царь поздно будто-бы узналъ о взятіи Сибири?
- 2) Когда Ермакъ послалъ къ царю пословъ?
- 3) Когда царь узналъ о плѣнѣ Махмет-Кула?
- 4) Когда пришло въ Сибирь царское войско?
- 5) Что дѣлалъ Ермакъ въ-теченіе весьма-продолжительнаго періода? и
- 6) Когда умеръ Ермакъ?

О времени плѣна Махмет - Кула нашъ лѣтописецъ, Есиповъ, ничего не говоритъ, но изъ разстановки главъ его лѣтописи выходитъ,

(63) Путаница годитъ замѣчательна Карамзина, что онъ самъ, однимъ мѣстѣ просто краснорѣчиво говоритъ, что остается или не вѣрить хронологіи драматы — или (писать) вопреки лѣтописямъ. (Ср. П. Г. Р. т. IX, стр. 382 и 397, и примѣчанія къ тому же тому 670, 671 и 705.)

что видны. этот случился как-будто послѣ отбытія нѣкоторыхъ казачковъ на Москву. Известно положительно, что Махмет — Куль отпразднѣвъ къ царю немедленно по прибытіи въ Сибирь посланной туда Грознымъ рати, воеводы которой объявили Ермаку повелѣніе Грознаго о высылкѣ Махмет — Кула (64): значить, Грозный, при посылкѣ рати, зналъ о цѣльи Махмет — Кула. Посольство къ царю, отъ Ермака было только одно, объ одномъ только и упоминаютъ всѣ мѣтописцы: знавить, Махмет — Куль былъ взятъ къ цѣльи до отсылки Ермакомъ послать въ Сибирь. Если выводъ этотъ вѣренъ, то одинъ изъ существенныхъ вопросовъ разрѣшенъ согласно съ строгиновскою мѣтописью.

Плѣнъ Махмет — Кула происходитъ по слѣдующему случаю:

Отецъ и сынъ, Кучумъ и Махмет — Куль, послѣ несчастныхъ для нихъ происшествій подъ Чудашевымъ, раздѣлились и, кажется, ночевали разою.

Ермакъ приулавъ къ себѣ Татаръ, дадилъ съ ними и умѣлъ расположить ихъ въ свою пользу. Добрыя Татарки, вѣроятно, играли тутъ тоже не послѣднюю роль. Повѣствованія о расселеніяхъ Русскихъ по Сибирь, въ продолженіе всего послѣдующаго столѣтія, наводятъ насъ, сторонюю, на мысль, что туземцыа обитательницы этихъ краевъ много дѣлали добра нашимъ героямъ; нѣтъ сомнѣнія, что многими удачами казаки были обязаны именно женщинамъ. Поэтру мы никакъ не можемъ вѣровать въ то, во что вѣровалъ Карамзинъ, именно въ удивительную, неземную чистоту нравовъ нашихъ уральцовъ, въ отношеніи къ сибирскимъ красавицамъ и въ непонятную, непостижимую скромность, при которой наши казаки не смѣли будто-бы тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Иди строгиновскому мѣтописцу, а съ нимъ дѣлать и Карамзину, не были известны подлинныя слова цѣлой массы дарскихъ грамматъ и груды другихъ не менѣе достойныхъ актовъ, которые могли ясно показать имъ, что дѣлывалось въ бывалые годы въ Сибирь, или они но считали ермаковъхъ казаковъ за казаковъ (погдашняго времени). Безпристрастный читатель и самъ знаетъ, что участь войны и другія обстоятельства набрасываютъ на многое очень-темныя тѣни: для чего же эти черныя пятна выставяли въ несвойственномъ имъ видѣ? И въ XIX вѣкѣ мы видимъ мародеровъ сплошь и рядомъ: дурныя стороны — сами-по-себѣ; но дѣло въ томъ, что, не смотря на насидія, казаки умѣли привязать къ себѣ покоренныя племена и пользовались этою привязанностью какъ-вакзалъ-лучше.

Итакъ, Татары любили Ермака. Одинъ изъ нихъ, бодво-усердный къ видамъ: патрикъ богатырей, пришелъ къ Ермаку съ доброю вѣстью и разсказалъ, что вотъ тамъ и тамъ, въ такомъ-то мѣстѣ, у рѣки Вагазъ, кочуетъ Махмет — Куль съ такими-то толпами.

Ермакъ собралъ отрядъ самыхъ расторопныхъ и удавыхъ молодецовъ,

(64) Карамзинъ И. Г. Р. Т. IX, прим. 712.

и послалъ ихъ въ указанное мѣсто съ приказомъ навестать наши потери и отплатить царевичу за его варварскую жестокость при Абалакѣ.

Казакъ полетѣли, достигли до становища махмет-куловой орды, выждали ночи, подкрался къ «шатрамъ» (вѣроятно, къ кибиткамъ), накрыли ихъ, ударили, перерубили всѣхъ Татаръ и захватили въ плѣнъ Махмет-Кула. Они пощадилъ жизнь «сибирскихъ странъ богатыря» и съ торжествомъ представили его къ Ермаку.

Умный Ермакъ обошелся съ Махмет-Куломъ какъ нельзя лучше: онъ принялъ его съ подобающею сану царевича честью, старался утѣшить его въ печальномъ удѣлѣ вонискаго счастья, окружилъ его заботами, «повѣдаетъ ему царское великое жалованіе и ублажаетъ ласкосердыми словесы». Единоборства съ нимъ у Ермака никакого не было, и знаменитому стиху «то сей, то оный на бокъ гнется!» надобно уже дать другое значеніе. Но тѣмъ не менѣе поэтъ постигъ великость этой минуты, и Ермакъ дѣйствительно могъ и долженъ былъ высказать свои чувства въ родѣ того, какъ они переданы у Н. И. Дмитриева.

Несчастный отецъ узналъ объ участи сына и горько его оплакивалъ. Страшась за жизнь его, онъ смиренно переносилъ свою тяжелую долю, боясь Ермака прогнѣвить.

Теперь Ермаку нельзя было долѣе медлить: пора было привести свою мысль въ исполненіе и послать къ царю посольство.

Для этого Ермаку слѣдовало раздѣлить свою дружину на двѣ неравныя части. Съ однимъ, значительнѣйшимъ отрядомъ, онъ самъ остался въ покоренной странѣ, увѣренный, что добудетъ себѣ запасы отъ мѣстныхъ жителей, и для лучшаго успѣха въ этомъ рѣшился оставить при себѣ кучумова сына Махмет-Кула. Другой отрядъ, разумеется, менѣе-значительный, Ермакъ послалъ за горы, какъ говорятъ, съ вѣрнымъ своимъ товарищемъ, обреченнымъ уже казни, Иваномъ Кольцомъ (65). Кольцо, проводивъ своихъ охранителей до чусовскихъ слободокъ, долженъ былъ ѣхать къ царю, упросить его претворить гнѣвъ на милость ради новаго царства и заявить тутъ же, что сынъ кучумовъ вѣдетъ въ плѣнъ и находится при Ермакѣ, а между прочимъ просить о высылкѣ воинства, для скрѣпленія слабыхъ еще узъ Россіи съ Сибирью. Провожатые Кольца, вѣроятно, должны были остаться на Чусовой, приготовить запасы и осенью доставить ихъ Ермаку.

Если предположить, что плѣнъ Махмет-Кула принадлежалъ непосредственно за умерщвленіемъ казаковъ при Абалакѣ (5 декабря 1581 г.), то Кольцо, окончивъ сборы, не могъ отправиться въ путь ранѣе начала 1582 года. А ида, въ краткіе зимніе дни, дремучими лѣсами, въ горахъ, на лыжахъ, или много-что въ нартахъ, на оленяхъ, по указаніямъ вожатовъ изъ мѣстныхъ племенъ, и притомъ съ порядочною толпою своихъ людей, онъ не имѣлъ возможности ранѣе февраля или марта 1582 года достигнуть центра пермской земли, не для того, какъ думаетъ Карамзинъ, чтобъ рапортовать Строгоновымъ объ уснѣдахъ

---

(65) См. прим. 30 и начало главы X.

предпріятія, и для того, чтобъ явиться къ чердынскому воеводѣ и отъ него получить должное содѣйствіе къ дальнѣйшему путешествію. Долженъ ли былъ Кольцо выждать здѣсь вскрытія рѣкъ и тогда именно онъ отсюда отправился, неизвѣстно, но достоверно одно, что онъ явился въ Москву позже 16 числа ноября 1582 года, т. е. того дня, въ который была подписана приведенная выше опальная грамота Строгоновымъ. Значитъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, царь узналъ обо всемъ во-время, что и требовалось доказать.

Нежданная вѣсть должна была обрадовать царя: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, особенно послѣ набѣга пельмского князька, послѣ тщетныхъ ожиданій короткихъ связей нашихъ съ Сибирью и притомъ въ такое время, когда правительство занято было съ одной стороны войною съ Шведами, а съ другой, усмиреніемъ общаго бунта въ Черемисской-Землѣ — для царя Сибирь точно съ неба упала. Онъ простилъ и награждалъ Кольцо, Ермака и всѣхъ казаковъ, и забылъ ихъ старыя вины; увѣряютъ даже, что Грозный пожаловалъ Ермаку дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогие панциря, но такъ-какъ эта награда ничѣмъ не подтверждается, то и намъ не на что опереться, чтобъ ей повѣрить.

Немедленно по полученіи этого радостнаго извѣстія, царь назначилъ въ новую свою провинцію воеводѣ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ тремястами ратниками, стрѣльцами, которыхъ, въ послѣдствіи, тоже стали называть казаками, въ смыслѣ войсковою черни, простыхъ солдатъ.

Естественно, что въ слѣдствіе этого Болховской отправился изъ Москвы не рѣше весны 1583 года. Въ строгиновскія дачи онъ пришелъ къ зимѣ того же 1583 года. Ему данъ былъ приказъ: взять у Строгоновыхъ, въ подмогу къ своей рати, 50 человекъ конныхъ, отправиться съ ними въ Сибирь и немедленно выслать къ царскому двору царевича Махмет-Кула.

Зимой, въ горахъ, въ снѣгахъ, по непроходимой дорогѣ нельзя было ѣхать верхомъ. Болховской не могъ изготовить своему войску ни лыжъ, ни нартъ, ни достаточнаго количества запасовъ: это было выше его средствъ и возможности. Сосѣднія племена не могли сеудить его своими лыжами или нартами, что у кого было, или всѣми запасами, на триста пятьдесятъ человекъ и амшиться черезъ это средствъ къ собственному существованію.

Но Болховской былъ въ Сибири, приказалъ отправить Махмет-Кула къ царю и умеръ отъ распространившейся въ станѣ болѣзни, отъ которой гибли его воины, претерпѣвая страшный голодъ и нужду при недостаточности своихъ запасовъ и истомившись сверхъестественными трудами отъ Чусовой до Иртыша, но дорогѣ, которая, если даже предположить ее самую краткою, прямою линіею—не могла простираться менѣе пятисотъ верстъ.

Но прежде еще, чѣмъ вѣсть объ этомъ достигла до Москвы, Иванъ Грозный, не зная, что Болховской успѣлъ совершить такой переходъ, но только прослышавъ объ опасностяхъ пути черезъ Уралъ, поспѣшилъ

послать Болховскому повелѣніе, чтобъ онъ остался въ Пермь до весны слѣдующаго 1584 года и до полои воды не велѣлъ въ Сибирь.

Но было уже поздно.

Чтобъ не случилось остановки за Строгановыми, и къ нимъ послать было слѣдующій приказъ:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии — Семену, Онякіеву сыну, да Максиму, Яковлеву сыну, да Иванѣ, Григорьеву сыну — Строгановымъ.

«По нашему указу велѣно было у васъ взять, съ остроговъ вашихъ, князю Семену Дмитріевичу Болховскому, на нашу службу, въ сибирской зимней походѣ пятьдесятъ человекъ на коняхъ.

«И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь, зимнимъ путемъ, на коняхъ, пройтить не мочно, и мы князю Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны, до полои воды, ходить есмь не велѣли, и ратныхъ людей по прежнему нашему указу, пятьдесятъ человекъ конныхъ, итати у васъ есмь не велѣли.

«А на веснѣ велѣли есмь князю Семену, итати въ Сибирь, взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ—пятнадцать струговъ, со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бѣ струги подняли по двадцати человекъ съ запасомъ; а людей ратныхъ и подводъ и проводниковъ еликимъ у васъ есмь не велѣли, и обилы есмь, итати въ Сибирь, зимнимъ путемъ и крестьянамъ никакія чинить не велѣли.

«И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ—и вы бѣ тотчасъ велѣли къ веснѣ, ко князю Семенову приѣзду Болховскому, приготовить подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бѣ подняли по двадцати человекъ съ запасомъ, да какъ по веснѣ съ нашею ратью и съ запасомъ князь Семенъ Болховской, или голова Иванъ Киреевъ да Иванъ Глуховъ, въ Сибирь пойдутъ, и вы бѣ тотчасъ тѣ суды со всѣмъ судовымъ запасомъ дали подъ нашу рать и подъ запасъ князю Семену Болховскому, или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми стругами, въ вашихъ острогахъ, и часу не мѣшкати.

«А не дадутъ судовъ подъ наши ратные люди вскорѣ, со всѣмъ судовымъ запасомъ тотчасъ, а нашему дѣлу учинится поруха—и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ.

«Писавъ на Москвѣ лѣта 7092 (1584) генваря въ 7 день.»

(На оборотѣ приложена черная восковая печать) (66).

Что же дѣлать Ермакъ въ продолженіе этого времени, въ 1582 и 1583 годахъ?

---

(66) Миллеръ, стр. 171. Царской подьяца тутъ вовсе не имѣется.—Прессамъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе, что ни въ этой бумагѣ нѣтъ приказа, ни въ другихъ грамотахъ Строгановы являю не почтенованы, еликимъ, единственнымъ правомъ именитыхъ людей.

Послѣ этого указа, въ которомъ смотрятъ на Строгановыхъ съ общей точки, какъ на пермскихъ купцовъ, а не какъ на хозяевъ-покретелей Сибири, о другой еликимъ черкою съ красной печатью—нѣтъ видѣ, кромѣ вѣдѣщихъ сочиненій, писанныхъ

Стараясь жить въ ладахъ съ окрестными племенами, съ Кучумомъ и другими коноводными властителями, которые были тутъ же около него; и ограничивался взглядами на отдельные племена, кочевавшія въздоль Иртышу. Кучума онъ держалъ въ рукахъ, не подавая поводъ къ ссорамъ; и ласкалъ Махметъ-Кула, за жизнь котораго страшился отендъ, а кожущимся бездѣятельностью онъ усыплялъ всѣ подозрѣнія сибирскаго народа. Одни вовсе не почувствовали интереса къ Кучуму, до котораго имъ не было никакого дѣла; а другіе, не видя ни усилія ермаковой рати, ни особенныхъ притѣсненій, можетъ быть, и подумывали иногда о странномъ появленіи въ ихъ глуши чуждыхъ людей и о вѣчныхъ результатахъ прежнихъ битвъ и браней, но всегда оканчивали свои размышленія утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что и впередъ хуже того, чѣмъ теперь есть, уже не будетъ.

Но когда Татары увидѣли, что силы Ермака усугубились новыми силами, когда они узнали, что Махметъ-Кула отправленъ въ Москву и, значитъ, то, что связывало ихъ съ Ермакомъ, разрушилось, когда они пошлию толкую полетку Ермака, убѣдились въ участіи, которая теперь ихъ ожидаетъ, то, желая забыть хитрость хитростью, рѣшились на всѣ возможныя коварства. И съ 1584 года мы видимъ въ Сибири новыя движенія, новыя убійства, новыя потери, окончившіяся послѣдствіемъ жестокою утратою.

Началось съ того, что Татары, карачева улуса, притворявшись добрыми къ Ермаку и къ делицамѣрной дружбѣ его съ ними, явились къ нему съ жалобами на хищничество сосѣдней казачьей (кайсацкой) орды и просили у него на помощь, какой-нибудь отрядъ казачковъ, чтобы устранили своихъ непріателей. Ермакъ сначала не до-

уверенъ историкомъ, не случалось слышать. Но вотъ сказаніе объ ней двухъ авторъ:

Карымзинъ

«Строгоновы, сіи усердныя, знаменитые граждане, истинные епископы столь важнаго приобрѣтенія для Россіи, — уступивъ свое Государству, не остались безъ возмездія: Іоаннъ, за ихъ службу и радніе, пожаловалъ Семѣну Строгонову два мѣстечка, — Большую и Малую Соль на Востгѣ, а Максимъ и Никитъ — право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безплатно» (Кар., т. IX, стр. 399).

Острогановская Лѣтопись

«Государь, за ихъ (Строгоновымъ) службу и радніе пожаловалъ города Солью Большую, еже есть на Востгѣ, и Солью Малую и грамоту свою царскую на тѣ мѣста Семѣну Строгонову пожаловалъ, за красною печатью, за приписью дьяки Авдѣя Щепалова, потому ему тѣмъ городами владѣти; а Максима и Никиту, Строгановыхъ же, пожаловалъ въ городкахъ и въ острожкахъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людямъ, безплатно» (Карым., т. IX, прим. 704).

Чтобы убѣдиться, много ли въ этихъ словахъ правды, слѣдуетъ только сравнить ихъ съ вѣдомою «Описью фамильныхъ документовъ Строгановыхъ», приложенною въ концѣ книги «Известные Люди Строгановы»: тутъ этой грамоты вовсе не упоминано.

Будь подлинная на это грамота, найдись оффиціальныи документъ, подтверждающіе слова неслуживающей вѣрности лѣтописи — и тогда мы врядъ ли скажемъ, что онъ данъ Строгановымъ за Сибирь.

вѣрять имъ; но когда они поняли, что не причинятъ Русскимъ никакого зла, то, посоветовавшись съ товарищами и, вѣрнѣе, прельстившись какими-нибудь существенными выгодами, при возможности распространить свое вліяніе, они согласились на ихъ просьбу, собрать отрядъ въ сорокъ человекъ, вѣрять его повеленію возвратившагося уже изъ Москвы атмана Ивана Кольца и отступилъ ихъ къ Карачѣ.

Татары, коварно заведя ихъ въ засаду къ Карачѣ, всѣхъ ихъ предали смерти и ни одного въ живыхъ не оставили (67). Всѣ лѣтописи единогласно говорятъ, что Ермакъ плакалъ о нихъ, какъ о родныхъ лѣтахъ.

Слухъ о такой важной для Ермака потерѣ быстро разнесся по всѣмъ улусамъ. Злобно радуясь нашей погибелѣ, Татары стали всюду преслѣдовать казаковъ, умерщвляя ихъ вездѣ, гдѣ только ихъ встрѣчали и гдѣ могли одолѣть ихъ силою, или измѣною.

Довольный общемо враждою и возстаніемъ Татаръ, Карача самъ двинулся на казаковъ, въ полной увѣренности, при многочисленности своихъ приверженцевъ, лишить Ермака могущества въ Сибири. Великимъ постомъ онъ обложилъ городъ Сибирь обозами и таборами, прекратилъ казакамъ всѣ сообщенія, надѣясь голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, а самъ укрѣпился лагеремъ при урочищѣ Саускамъ, близъ города, въ трехъ верстахъ (поприщахъ) отсюда. Казаки мужественно выдерживали осаду до іюня мѣсяца. Находясь въ послѣдней крайности, казаки рѣшились на вылазку и, выждавъ удобную ночь, вышли тайно изъ города, подобралась къ Саускану, напали на погруженныхъ въ сонъ Татаръ и начали кровопролитіе. Битва была удачна; Татары гибли; двое сыновъ Карачи пали подъ ударами казаковъ; въ станѣ поднялось смутеніе: враги разсѣялись.

Во тмѣ ночной они разметались въ разные стороны, и многіе изъ нихъ, достигнувъ Сибири, уже тамъ опомнились отъ пораженія, рассказали своимъ единовѣрцамъ о постигшей ихъ участи и, воспламенивъ ихъ негодованіе и сами горя местию, снова, вмѣстѣ съ ними, бросились въ Саускамъ, гдѣ все еще оставались казаки.

Загорѣлась новая битва; она продолжалась до полудня и кончалась совершеннымъ пораженіемъ Карачи; онъ снялъ осаду и отступилъ со срамомъ, разбитый на голову горстью храбрецовъ, которые и въ этой послѣдней своей битвѣ не положили на свое оружіе дурной славы. Власть ихъ надъ окрестными племенами снова утвердилась.

Лѣто 1584 года проходило для казаковъ благополучно, и Ермакъ, казалось, забылъ о своихъ утратахъ.

Въ исходѣ лѣта, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, приверженные къ Ермаку Татары дали ему знать, что по Иртышу идутъ торговыя Бухарцы, но что Кучумъ задержалъ ихъ и не пропускать.

Наложило ли Ермаку бездѣйствіе, или разлакомили его притесненныя

---

(67) Строев. Лѣтописи, изд. г. Сиверскаго, стр. 53. Карамзинъ, т. IX, прим. 715, и Сводъ Лѣтописей.

вѣсти, или изъ какихъ-нибудь другихъ видовъ — онъ рѣшился идти на выручку Бухарцевъ, выбралъ себѣ отрядъ самыхъ надежныхъ хан-бурцевъ и немедленно самъ пустился въ путь, для наказанія Кучума.

Кучумъ, какъ было уже извѣстно Ермаку, по удаленіи изъ города Сибири, скитался къ югу отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Ермакъ. Какъ казакъ, какъ кочевой житель — Кучумъ переходилъ съ одного мѣста на другое по степямъ, прилегающимъ къ рѣкѣ Вагаю, впадающему въ Иртышъ между Тоболомъ и Ишимомъ, куда казаки наши однажды уже и заходили для плѣна Махмет-Кула, но самъ Ермакъ тамъ не бывалъ еще.

Ермакъ приготовилъ стругъ, запасся всѣмъ необходимымъ и отправился вверхъ по Иртышу до устья Вагая. Здѣсь надѣялся онъ встрѣтить Бухарцевъ или Кучума — но не встрѣтилъ. Онъ рѣшился попробовать проплыть немножко подалее, поднялся по Вагаю и достигъ урочища Атбашъ, гдѣ и по нынѣ еще существуетъ селеніе того же имени.

Здѣсь онъ опять никого не встрѣтилъ. Плывъ вверхъ по рѣкѣ, люди, конечно, устали, но остановиться въ незнакомомъ мѣстѣ они не рѣшались; и самъ Ермакъ, понимая, какъ неблагоприятно было бы заходить въ мѣста, гдѣ всюду грозила опасность горсти его войска, а этимъ словомъ можно уже было почтить ермакову дружину, предпринялъ обратное плаваніе тѣмъ болѣе удобное, что ему безъ хлопотъ и безъ трудовъ приходилось совершать его по теченію рѣки.

Темнота ночи и поднявшаяся буря заставили, однакожъ, Ермака сдѣлать привалъ; а можетъ-быть, Ермакъ, не желая возвращаться съ пустыми руками, хотѣлъ здѣсь поджидать Бухарцевъ, не подозрѣвая ни вѣроломства, ни какихъ-нибудь враждебныхъ покушеній со стороны Кучума.

Выбравшись ближе къ Иртышу, Ермакъ причалилъ къ тому берегу, который былъ къ нему ближе, который принадлежалъ уже ему, который ограничивалъ русское сибирское царство—именно къ лѣвому. Но онъ вышелъ не на самый берегъ, а на островъ, образованный «перекопомъ», прорывомъ, протокою, рукавомъ рѣки. Нѣкоторые наши ученые даже понынѣ увѣрены, что эта естественная протока, есть «древнѣйшій російскій каналъ» (68), которымъ будто-бы мы обязаны Ермаку. Блаженны вѣрующіе!

---

(68) Желательно бы, чтобъ наши ученые объяснили намъ ремазовскую сказку, а вовсе не преданіе народное, объ «Ермаковой-Перекопцѣ» и растолковали намъ, какими судьбами успѣлъ Ермакъ прорыть этотъ каналъ. Не-уже-ли онъ дѣйствовалъ «по шутьему велѣнію, по своему прошенію»? Намъ этого мѣста не удалось лично видѣть;

Приблизив стругъ къ первой попавшейся лѣсной, казаки вышли на островъ, раскинули свои шатры и расположились на покой.

Они не поставили стражи, надѣясь, что рѣка глубока и имъ опасаться нечего.

Ночь была, какъ пишутъ лѣтописцы, бурная, дождь лилъ какъ изъ ведра, и истомленная дружина, а вмѣстѣ съ нею и Ермакъ, заснули крѣпкимъ сномъ.

И послѣднимъ!..

Кучумъ былъ близко. Онъ слѣдилъ за движеніями казаковъ.

Пользуясь темнотою ночи и шумомъ непогоды, Татары перебрали рѣку, подкрались къ людямъ, которыхъ считали своими притѣснителями, бросились на сонныхъ съ остервенѣніемъ и всѣхъ ихъ умертвили...

«Токмо единъ утече—и Ермакъ убиенъ бысть!» восклицаютъ лѣтописцы (69).

но что «Ермакова-Перекопь» есть именно рукавъ рѣки Вагаи, то заключеніе это мы выводимъ изъ сличенія текстовъ (см. Сводъ Лѣтописей). — Миллеръ, осматривавшій это мѣсто, говоритъ (стр. 179):

«Что касается до перекопи, то въ семъ спорить не можно, чтобъ она отъ Ермака или по его приказу выкопана не была..... Она длиною на версту и кончается не въ дальнейшемъ разстояніи отъ устья рѣки Вагаи.... На полуостровной сторонѣ перекопи, не въ маломъ разстояніи есть на ровномъ низкомъ лугу бугоръ.... не натурою сдѣланъ, но наносною землею насыпанъ.... (Есть преданіе, что этотъ бугоръ сдѣланъ дѣлками, которая землю наносила въ своихъ пололахъ....)»

Далѣе (стр. 180) онъ говоритъ: «Дѣло... въ томъ: вѣроятно ли, что помнятъ перекопь въ то время (при Ермакѣ) сдѣлана?... должно думать, что она либо уже прежде того сдѣлана....»

Неизвѣстный у насъ въ «Сводѣ Лѣт.» Новый-Лѣтописецъ говоритъ: «Ста вочевати въ промѣвъ... Кучумъ же... вѣдѣ ихъ на острову.»

«Неизвѣстная Рукопись употребляетъ выраженіе перекопѣ, а не перекопъ.

(69) Значитъ, Ермаку некогда уже было одѣваться, въ просонкахъ, въ жалованную броню, которая послужила будто бы ему же на погибель.— Впрочемъ, старые лѣтописцы и не говорятъ о жалованной бронѣ, а просто прибавляютъ «понеже одѣванъ бѣ желѣзомъ».

Намъ кажется, что это—чистая риторика. Положимъ, Ермакъ легъ спать въ одеждѣ; естественно, что подъ нею была и кой-какая кольчуга: но не могла же она, наконецъ, быть тяжелою до такой степени, чтобъ совершенно обезсилить здороваго, плотнаго Ермака?

И въ этомъ случаѣ Карамзинъ, подражая Миллеру, повторяетъ слова Ремезова, повѣствующаго, что тѣло Ермака найдено черезъ недѣлю при Епанчинскихъ-Юртахъ, отстоявшихъ будто-бы только на 12 верстѣ отъ Абалака вверхъ по Иртышу (ихъ тутъ вовсе не было—они были на Турѣ), и что какой-то Татаринъ вытащилъ «бездушнаго исполннѣ» изъ воды за *болтавшіеся поперехъ седьмъ ногъ, вакавуъ на нинъ петлю*. Оставивъ въ сторонѣ разсказъ о томъ, что нашего героя дѣйствительно выудили изъ воды, и о прочемъ (Миллеръ, стр. 193 и слѣд.), мы не можемъ понять

Горько народному самолюбію допустить, что Ермака, героя—убили сонного! И хотя лѣтописецъ, упоминая о какомъ-нибудь происшествіи, всякій разъ объясняетъ, что оно случилось въ такое-то лѣто («по убіеніи ермаковѣ»), однакожъ, уступая собственному чувству, онъ какъ будто сознается, что ему не хотѣлось бы такой смерти покорителю Сибири: онъ хочетъ, чтобъ Ермакъ погибъ лучше въ пучинахъ, не подъ ножомъ убійцы...

Но не оскорбительнѣе ли для нашей гордости допускать, что Ермакъ думалъ искать спасенія въ бѣгствѣ, бѣжалъ, какъ низкій трусъ, въ такую минуту, когда его братьевъ рѣзали? Не могъ Ермакъ бѣжать: онъ долженъ былъ пасть!

Ермакъ убитъ ночью 5 августа 1584 года.

Эта цифра стоитъ и на обелискѣ Ермаку.

Эта же самая цифра клеймитъ позоромъ бѣглецовъ: оставшіеся въ Сибири казаки и стрѣльцы, узнавъ объ участи, постигшей Ермака — всѣ до одного бѣжали! (70).

Мы потеряли Сибирь.

=

только одного: какимъ образомъ трусъ очутился «вверхъ Иртыша»? Черный народъ, преимущественно жевскаго пола, вѣрить у насъ, что «трусъ утопленника всегда плыветъ противъ воды»; но каждому засѣдателю земскаго суда извѣстно, что теорія эта противорѣчитъ практикѣ.

Въ выпискѣ изъ Тобольскаго Синодика сказано: «атаману Ермаку, съ товарищи — сорокии челоуѣкомъ — вѣчная память!» (Карамзинъ. т. IX, прим. 720.)

(70) Задѣе у лѣтописцевъ разногласіе на счетъ пути бѣглецовъ: Есиповъ, его первообразъ и Новый-Лѣтописецъ—говорятъ, что казаки бросились внизъ по Иртышу и по Оби и уже оттуда бѣжали на Русь. Строгоновская Лѣтопись, избѣгая слова *блжжаша* и употребляя глаголъ *пойдоша*, даетъ поводъ выводить заключеніе, что одна шайка этихъ бѣглецовъ, подъ предводительствомъ своего атамана Матѣя Мещеряка, пошла путемъ Ермака, то-есть по Турѣ, гдѣ она и встрѣтилась съ новыми московскими воеводами (Карамзинъ, т. IX, прим. 725 и т. X, прим. 31). Не изъ сказаній лѣтописцевъ о приходѣ въ Сибирь новаго воеводы Мансурова ясно, что этотъ воевода не встрѣчался съ Мещерякомъ; у нихъ именно сказано, что Мансуровъ, приплывъ къ Сибири, увидѣлъ тамъ множество Татаръ и «слыша яко казаки побѣгоша изъ града — и убояшеса, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу». Еслибъ воевода встрѣтился съ Мещерякомъ, то новыя вѣсти о бѣгствѣ не произвели бы на него такого впечатлѣнія. Да притомъ же идти на Туру значило бы затруднить себя походомъ противъ теченія рѣки, а Иртышемъ и Обью они и вѣрнѣе и скорѣе могли скрыться.

Въ помѣщенномъ у насъ въ «Сводѣ Лѣтописей» Новомъ-Лѣтописцѣ сказано:

«Воевода Иванъ Глуховъ и атаманы и казаки, испужася того, изъ городка погребли рѣкою Иртышью, а рѣкою Обью догребли до рѣки Соби (такъ, кажется, слѣдуетъ читать) и до Березова, а отъ Березова, черезъ Камень пришли къ Москвѣ.»

Въ Книгѣ Большому Чертежу есть два Березова: одинъ—на Оби, повѣше городовъ Роговата и Сабдинъ, другой—на Оби же, при устьѣ рѣки Сосвы.

Сабдинъ или Сабдинъ, можетъ-быть, былъ при устьѣ Соби, гдѣ нынче селеніе

Царское войско скоро возвратило намъ утраченную добычу казакъ.

Но надлежало начать дѣло съизнова, предпринимать новыя покоренія.

Вмѣсто одного Кучума; у насъ явилось теперь много враговъ.

Надо было отъ нихъ избавиться, но избѣгать кровопролитія.

==

«Собскн»: въ такомъ случаѣ одинъ Березовъ могъ быть по лѣвой сторонѣ Оби, на рѣкахъ Эриамбо, Хони, или Харовой. Другой Березовъ и повинъ стоить при устьѣ Сосвы, по лѣвому берегу Оби.

(Основываясь на собственныхъ нашихъ личныхъ изслѣдованіяхъ о Югрѣ, помѣщенныхъ во II главѣ, и на картѣ Зауралья, представленной нами въ Русское Географическое Общество вмѣстѣ съ пояснительнымъ текстомъ, — мы имѣемъ претензію думать, что мы перые достаточно опровергли мнѣніе Лерберга и Гарберштейна о Югрѣ и прояснили понятіе о томъ, что такое была Югра. Пользуясь случаемъ, мы не можемъ не указать на кажущуюся намъ ошибочность мнѣнія г. академика, I. X. Гамеля, полагающаго, что городъ, или городище Роговой былъ по сю сторону Урала. Мысль, что Роговой-городъ долгое время былъ на сѣверъ центромъ торговыхъ сношеній Европы съ Азією кажется намъ слишкомъ преувеличенною и не основательною. Такъ-какъ пѣлое ученое сословіе единогласно признало, что г. академикъ Гамель прояснилъ темныя стороны русской географіи и даже исправилъ нѣкоторые болѣе или менѣе важныя погрѣшности нашихъ историковъ, то надѣемся, что замѣчанія наши господинъ академикъ приметь за выраженіе сердечнаго участія къ вѣчнымъ трудамъ его и какъ свидѣтельствомъ личнаго уваженія нашего къ ученому, посвятившему себя въ русскомъ царствѣ разработкѣ отечественной географіи).

Если казаки доплыли до Соби, то пробираясь, къ ея вершинамъ, они должны были выйти за Ураломъ только на вершинныя рѣки Усы и тамошними тундрами достигнуть Печоры. Но, принявъ въ соображеніе позднее время года, дальность пути и численность бѣглецовъ, трудно допустить, чтобы они, со страха, такъ далеко и притомъ бесполезно забирались.

Вѣроятно допустить, что они достигли южнаго Березова. Въ такомъ случаѣ, по Сосвѣ, потомъ вверхъ по Сыгвѣ они должны были выйти на р. Манью, на Ляпинъ-городокъ, собрать поведеніе извѣстія, помѣщенныя нынѣ въ Книгу Большому Чертежу о городахъ по Сосвѣ. Отъ Ляпина они прошли черезъ Уралъ и должны были выйти на рѣку Шугоръ, или прямо на Печору, на тотъ путь, которымъ шелъ Курбскій при Иванѣ III.

Вотъ особенности скромнаго памятника, воздвигнутаго Ермаку въ Тобольскѣ, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ окрестностью:

Онъ состоитъ изъ мраморнаго пирамидальнаго обелиска, сѣраго цѣнта, поставленнаго на гранитномъ подножій.

Подножіе это имѣетъ $1\frac{1}{2}$ аршина вышины; вѣсу до 5.300 пудовъ.

Самый обелискъ — вышиною въ 7 сажень; вѣсу около 6.500 пудовъ.

Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ западной, обращенной къ Россіи, — «Покорителю Сибири, Ермаку»;

съ восточной — «Воздвигнуть въ 1839 году»;

съ южной — «1581»;

и съ сѣверной — «1584».

При памятникѣ Ермака предпологалось даже развести садъ; на этотъ предметъ отведено мѣсто въ двѣ десятины, поставлена чугунная рѣшетка и слѣданы дорожки: деревья въ почти всея мѣстѣ.

ГЛАВА VIII-Я.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Появленіе въ Сибирѣ царевича Алей. — Занятіе Сибирѣ княземъ Сейдякомъ. — Воевода Мансуровъ. — Враждебныя дѣйствія Остяковъ. — Воевода Сукнинъ. — Воевода Чулковъ. — Основаніе городовъ Тюмени и Тобольска. — Тогдашнее положеніе воеволаъ. — Вынужденныя мѣры. — Званный себѣдъ. — Планъ враговъ Россіи. — Сибирь—русская провинція. — Колонизація. — Остатки города Сибирѣ.

«И Божиимъ милосердіемъ и государевымъ счастіемъ — ста Сибирь подъ государскюю высокою рукою до-вѣка, покаместа Богъ изволитъ вселенцѣи стоять.»

Отписка казаковъ.

Бѣгство казаковъ и стрельцовъ не могло оставаться тайною для Татаръ. Приверженцы Кучума торжествовали. Хотя Кучумъ и былъ живъ, но теперь онъ не стоитъ уже на первомъ планѣ, а всюду является старшій сынъ его, Алей; подъ его вѣдѣніемъ и владычествомъ находились всѣ татарскія волости вверхъ по Иртышу и послѣ по Барабинской-Степи, и его, кажется, оффиціальныя документы того времени имену-ютъ ногайскимъ мурзою, исчисляя племена, которыя не платили данн московскому двору.

Алей безпрепятственно занялъ Сибирь.

Но задолго еще до прѣбытія въ Сибирь воеводы князя Болховскаго, кажется, скоро послѣ плана Махмет-Кула, Кучумъ получилъ вѣсти, что сынъ сверженнаго имъ Бекбулата, племянникъ Еттигера, Сейдякъ, укрывавшійся въ Бухаръ, ищетъ случая отмстить Кучуму и возвратитъ себѣ Сибирь, отцовское достояніе.

Во время гибели Ермака, Сейдякъ былъ уже на Иртышѣ. Какъ онъ мстилъ Кучуму, и мстилъ ли дѣйствительно, объ этомъ летописи наши не говорятъ ничего, до самаго времени занятія Сибирѣ Алеемъ. Въ это лишь время, Сейдякъ появляется на сценѣ въ первый разъ и вслѣдъ за тѣмъ, опять на нѣсколько лѣтъ, скрывается со страницъ старыхъ повѣствованій, чтобъ потомъ снова мелькнуть въ схваткѣ съ Русскими, попасть къ нимъ въ плѣнъ и навсегда исчезнуть изъ памяти народа.

Савва Есиповъ говоритъ о немъ только слѣдующее: «Слышавъ же князь Сейдякъ, бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарищи «на переконя убиенъ быша, прочіе же бѣжаша изъ града, и яко обла- «да градомъ царевичъ Алей, кучумовъ сынъ, и собратися со всѣмъ «домомъ своимъ и съ воинскими людьми, и приде ко граду Сибири, и «градъ взя и царевича Алея и прочихъ побѣди и изъ града изгна. При- «емлетъ же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываша во «градъ».

Въ Москвѣ, новый царь ничего не зналъ. Но, сдѣлавъ пріемъ Махмет-Кулу (который не засталъ уже въ живыхъ Грознаго) и наградивъ его вотчинами, Феодоръ Іоанновичъ, соображая, что въ Сибири ермаковыхъ казаковъ есть человекъ четыреста, да съ Болховскимъ пришло триста человекъ, послалъ въ Сибирь новое подкрѣпленіе изъ ста человекъ стрѣльцовъ; но этотъ отрядъ онъ усвоилъ могучимъ двигателемъ: онъ послалъ съ ними пушку. Для Сибири это было новостью.

Воевода царскій, Иванъ Мансуровъ, прибылъ въ сибирскую сторону въ 1585 году. Проходя еще черезъ закамскую сторону, онъ ни въ Чердыни, ни у Строгоновыхъ ничего не слышалъ о происшествіяхъ въ Сибири: ни Строгоновы, ни пермское правительство не подозрѣвали о горестныхъ утратахъ, тѣмъ менѣе имъ могла быть доступна мысль о всеобщемъ бѣгствѣ всѣхъ казаковъ, которыхъ численность въ 1584 году (если принять въ расчетъ моръ отъ голода и болѣзней, убійство дружинъ Кольца, Ермака и потерю въ битвѣ подъ Саусканомъ), вѣроятно, весьма-немногимъ уступала численности героевъ 1581 года.

Поэтому нисколько не можетъ казаться удивительнымъ, что Мансуровъ уже на берегахъ Иртыша узналъ о поступкѣ казаковъ, и что, устрашась многочисленности неприятелей по ыртышскому берегу, благоразумно прицѣлъ другое направленіе и, не сморачивая къ Сибирь, пустился внизъ по Иртышу, достигъ Оби и только тутъ считалъ себя въ безопасности. Время было позднее, рѣка становилась. Мансуровъ вышелъ на берегъ и укрѣпился, то-есть, поставилъ городокъ, крѣпостцу—противъ ыртышскаго устья. Онъ здѣсь рѣшился зимовать съ горстью своихъ воиновъ. Мѣсто это въ Книгѣ Большому Чертежу названо «Городокъ Обскій-Большой», нынѣ «Самарово».

Здѣсь, въ Кодской-Землѣ, въ сибирской Югрь, Мансурова ожидала опасность отъ людей, отъ которыхъ онъ менѣе всего могъ ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Уже прежде мы могли замѣтить, что Остяки были къ Русскимъ весьма расположены; если же, по обстоятельствамъ, имъ приходилось иногда, по неволѣ, бороться съ нами, то борьба эта бывала всегда вынуждена сильными противниками, и Остяки, при первомъ же удобномъ случаѣ, принимали нашу сторону. Теперь было не такъ.

Не успѣвъ Мансуровъ освоиться съ мѣстомъ, какъ многочисленныя, сравнительно съ нашими войсками, остяцкія поколѣнія, обитающія по берегамъ рѣкъ Иртыша и Оби, окружила со всѣхъ сторонъ русское зимовье, стараясь вытѣснить оттуда нашихъ небывавшихъ и нежданыхъ пришельцевъ и уничтожить ихъ. Дано было «сраженіе»; Русскія во

уступали; они отбавались отъ Остяковъ цѣлый день сколько могли, и только ночь прекратила битву: дѣло кончилось ничьѣмъ, хотя Остяки в разошлись.

На утро, враги снова явились. Чтобы болѣе одушевиться храбростью, Остяки принесли своего идола, которому лѣтописцы даютъ имя «Слаутей» или «Слаутентъ», и стали приносить ему жертвы, моли о побѣдахъ Русскихъ. Мансурову пришла счастливая мысль грануть изъ пушки, рева которой до-тѣхъ-поръ въ Сибири и не слыхивали. Онъ велѣлъ прецѣлиться въ кумира, который былъ прислоненъ къ дереву. Выстрѣлъ гранулы—Остяки были оглушены. Опомнившись отъ перваго испуга и не понимая сначала, откуда звоною громъ раздался, они бросились къ кумиру, но и кумиръ и дерево были раздроблены. Познавъ могущество русской огненной стрѣлы, Остяки, по словамъ лѣтописцевъ, увидѣли, что имъ не совладать съ нами: «сильнѣи убо сіи стрѣляти!» сказали они и разошлись по домамъ, признавъ себя данниками Руса (71). Князедъ остяцкій Лугуй самъ поѣхалъ къ бѣлому-царю въ Москву: онъ былъ первый добровольный данщикъ.

Добродѣтельный царь Феодоръ «не опалися», когда узналъ, что бѣглецы, Глуховъ и казаки, явились на Русь, бѣжавъ изъ Сибири: онъ ихъ

---

(71) Вѣроятно, слѣдствіемъ этого же событія была слѣдующая грамота, хранившаяся, по словамъ Миллера, «яко нѣкая святыня», у Остяковъ куноватской волости, Березовскаго-Уѣзда Тобольской-Губерніи.

«Божію милостию государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи, владимирскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь всковскій и великій князь смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовскія-Земли, черниговскій, рязанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, янголандскій, удорскій, обдорскій, ковдинскій и обладатель всея Сибирскія-Земли и Великія-рѣки-Оби, и сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ земель государь.

«Пріѣзжалъ къ нашему царскому величеству, съ Великія-рѣки-Оби: Куновата города, да Илчмы города, да Лапина городка, да Мункоса городка, да Юмаа городка, да Березова городка,—Лугуй князь, чтобы намъ его пожаловать: *тыхъ его городковъ нашихъ ратнымъ людемъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ, на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша, воевати его, и племя его все, и его людей, которые въ тѣхъ, во шти городкахъ сидятъ — не есльми, а дань бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, ведѣли имати съ Вымской-Земли по нашему жалованію приказнымъ людемъ, кому будетъ приказано.*

«И мы Лугуй-князя съ тѣми его городки пожаловали—*для того, что онъ къ намъ приѣхалъ напередъ есльзъ быти челоуи — ведѣли съ него имати, по нашему царскому жалованію, съ его городковъ, къ Вымской-Землѣ нашу дань, на годъ по семи сороковъ соболей лучшихъ, и привозитъ ему дань ежегодно на Вымъ самому, или его братѣ, или племянникомъ, по семи (сороковъ) соболей лучшихъ.*

«И нашимъ *всеходомъ, которые нынѣ на усть Иртыша, на Оби, новыи городокъ поставили, на Лугуй-князя, и на его городки — нашихъ ратныхъ людей во посылати, и воевати его не ведѣти, и дань на немъ, и на его городишкѣ, имати не дѣлѣти, и поминковъ, и носуловъ съ имѣти не имати.*

«А привезти ему дань впервые, на Вымъ, къ приказному челоуику и къ цѣлозальничкамъ, на срокъ, на Дмитривъ-день *лѣта 7096 году; а привезъ на два года дань, чотырнадцать сороковъ, на девять-десять-пятай годъ, да на девять-десять-шестой годъ, и впредь въ два года привозити дань по томужъ. А тѣми городки подмогати,*

прогнавъ опять назадъ, назначилъ въ Сибирь еще воеводу — Василья Сукина съ Иваномъ Мяснымъ и, въ подкрѣпленіе ратниковъ Мансурова, послалъ 300 человекъ.

Воевода Сукинъ явился въ Сибирь вскорѣ послѣ Мансурова. Онъ поставилъ, что власть Руса въ сибирскомъ краѣ до-тѣхъ-поръ будетъ шатка и непрочна, пока Русскіе не оснуютъ въ немъ на твердой опорѣ, не построятъ городовъ, не населятъ ихъ по возможности и не укрѣпятъ ихъ пушками.

Правильной колонизаціи въ это время еще не могло быть, хотя мы скоро увидимъ правительственныя мѣры къ переселенію въ Сибирь хлѣбопашенныхъ крестьянскихъ семей; но Сукинъ, оцѣнивъ важность туринскаго осѣдлага народонаселенія и притомъ не имѣя достаточныхъ силъ, не торопился идти къ занятому непріателемъ городу Сибири; онъ остановился на Турѣ, выбралъ для себя выгодное мѣстоположеніе (далеко еще до впаденія Туры въ Тоболъ), построилъ тутъ городокъ близъ стараго городища, «иже прежде былъ градъ Чингилъ», и далъ ему имя «Тюмень», названіе котораго и въ старыя годы было здѣсь знакомо въ этихъ мѣстахъ и около Камы на рѣкѣ Обви (72).

Подробныхъ, точныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этого воеводы мы не имѣемъ. Изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что Сукинъ оставался въ бездѣйствіи: ему много было трудовъ и на Турѣ. Надо было умѣть ладить дѣла съ Татарами, надо было умѣть не возбудить ихъ неудовольствія и не подвднуть къ возстанію; надо было, при всемъ томъ, умѣть оффиціальнымъ образомъ покорить ихъ владычеству московскаго двора, обязать ихъ данью, упрочить ихъ подданство и мѣшать Кучуму или Алею заводить съ ними связи.

Въ 1587 году является въ сибирской исторіи новый воевода, Данила Чулковъ (73). Онъ прибылъ въ Сибирь съ новою ратью въ пятьсотъ человекъ.

Чулковъ достигъ Иртыша и близъ города Сибири, при сліянїи Иртыша съ Тоболомъ, заложилъ крѣпостцу, городокъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ могъ свободно повелѣвать по направленію трехъ рѣкъ, включая сюда

и подмога имъ тѣмъ даяти, кого, межъ себя выбератъ, пошлютъ съ данью на Бытскую-Землю.

«А прочтатъ сеѣ нашу царскую грамоту по всѣмъ нашимъ городомъ въ Сибирской-Землѣ и на Оби-на-Великой, отдавали ее назадъ.

«Дана сія жаловальная грамота въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7094 (1586) году, августа мѣсяца.»

У грамоты прилѣпана красная восковая печать, а на оборотѣ подписано: «Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи.»

По словамъ Миллера, Мансуровъ, по окончаніи зимы, возвратился съ Оби въ Москву. (Миллеръ, стр. 200, 202 и 209, и Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, № 54.)

(72) См. примѣч. 20.

(73) Миллеръ (стр. 216) называетъ его только «письменнымъ головою», но Чулковъ былъ именно — воевода, хотя и не принадлежалъ къ сословию бояръ, какъ напримѣръ Волковской, Елецкіи, Годуновъ или другіе. Ср. прим. 85.

же и Обь, низовья которой, при содѣйствіи князька Лугуя, не представляли намъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій.

Въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ бы мы могли вывести заключеніе, что Чулковъ предпринималъ битвы съ Татарами, засѣвшими въ Сибирь. Вѣроятнѣе предположить, что Чулковъ, слѣдуя однажды навсегда принятой политикѣ нашихъ воеводъ распространять завоеванія не пролатіемъ крови, а мѣрами кроткими, старался жить въ мирѣ и согласіи съ весьма-близкими и весьма-опасными своими сосѣдями, да и самъ тихо и смиренно жилъ въ новомъ городкѣ, названномъ имъ — Тобольскомъ (а не Иртышскомъ) именно потому, что это названіе, сокращенное изъ «Усть-Тобольска», какъ-нельзя-лучше определяло положеніе этой крѣпости на Усть-Тобола, или на устьѣ Тобола. (Тобольскъ стоитъ нынѣ на правѣмъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ выше слиянія съ нимъ Тобола; но находящаяся нынѣ на самомъ устьѣ Тобола деревня «Монастырская» носитъ до-сихъ-поръ именованіе «Старого-Тобола».)

Припоминая себя жатье-бытьѣ нашихъ первыхъ воеводъ въ Сибирь, мы очень жальемъ, что не можемъ представить читателямъ описанія великолѣпныхъ дворцовъ, торжественныхъ вѣздовъ, явусныхъ пировъ, романтическихъ происшествій, роскошной природы; которыми бы наслаждались русскіе головы въ нашей Сибирь по примѣру испанскихъ генераловъ въ Сибирь американской. И лѣтописцы наши скупы были на эти описанія, да и сама Сибирь мало представляла лѣтнихъ сторонъ въ этомъ отношеніи.

Города сибирскихъ князей были небольшія площадки земли, огражденныя или природными укрѣпленіями, горами и утесами, или искусственными насыпями, буграми, стѣнами и земляными валами и рвами. Города Русскихъ были лачужки, землянки, иногда и избы, обнесенныя тыномъ и землянымъ валомъ. Природа была скупа, не разсыпала на сѣверѣ даровъ, назначенныхъ только для юга: она дала необходимое—лѣса тогдашней Сибирь богаты были дичью, птицею и зверемъ; въ сибирскихъ рѣкахъ вода слаще и прѣтнѣе нашей неясской воды; рыбы въ нихъ, особенно той, которою русскій человекъ дорожитъ — множество; но вотъ и все. Жизненные наслажденія были все наперечетъ: ѣда и питье; иное что-нибудь, кромѣ вина, зерна и охоты, и придумать трудно! А жевщины... конечно, Татарки и Остячки благоволяли къ нашимъ красавцамъ, безъ романчности не обходилось; но до романовъ ли было нашимъ героямъ, когда имъ, на каждомъ шагу, грозила опасность, то отъ природы, то отъ людей? Житье-бытьѣ нашихъ воеводъ было плохое; удалъ ихъ былъ и вѣчный трудъ, и вѣчная забота, и вѣчныя лишенія.

Таково было положеніе и Чулкова. Лада съ Сейдякомъ, все еще обладавшимъ Сибирью, Чулковъ понималъ, что одного вѣрочнаго мира и наружной тишины мало, что надо подумать о томъ, какъ бы избавиться отъ страшныхъ враговъ. Кажется, Сейдякъ значительно усматривалъ свои средства: въ союзъ съ нимъ мы находимъ и Карачу, давно-брошеннаго сваста царя Кучума, и еще какого-то узеба казачьей

орды. Летописцы называютъ его царевичемъ Салтаномъ — и мы будемъ его звать тоже Салтаномъ. Намъ представляется теперь случай говорить про нихъ, но не можемъ приступить къ этому безъ слѣдующей малевкой оговорки.

Тамъ, гдѣ благосостояніе цѣлаго края требуетъ какихъ-нибудь сильныхъ мѣръ, средства — послѣднее дѣло, была бы благая цель достигнута: безъ жертвъ, вынуждаемыхъ иногда обстоятельствами, обойтись очень-трудно, часто невозможно. При такомъ взглядѣ на вещи, если припомнимъ себя, что Русскіе смотрѣли на Татаръ, какъ на народъ «поганый» въ русскомъ значеніи этого слова, что эту «вѣхристь», по ихъ понятіямъ, не грѣхъ было искоренять чѣмъ и какъ ни попало; если мы вспомнимъ притомъ, съ какою злобою сами Татары дѣйствовали противъ казаковъ, съ какимъ коварствомъ они умерщвляли нашихъ ратниковъ; словомъ, если мы войдемъ въ тогдашнія обстоятельства, въ тогдашній образъ мыслей, — хоть и со вздохомъ, а должны будемъ одобрить, или, если не одобрить, то по крайней-мѣрѣ не строго укорять въ чѣмъ-нибудь недобромъ воеводу Чулкова, которому въ этомъ случаѣ мы обязаны конечнымъ прекращеніемъ главныхъ и важныхъ смутъ въ Сибиря и доставленіемъ царю неотъемлемого и крепкаго права назвать всю до-иртышскую страну своею отчиною, то-есть, государственнымъ достояніемъ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ и всю Сибирь признать русскою областью. Съ-этими-поръ намъ почти ненужно было покорять — намъ нужно было только двигаться; съ подвигомъ Чулкова у насъ враговъ не стало, намъ оставалось только пріобрѣтать союзниковъ и одною ласкою обращать ихъ въ нашихъ давниковъ. Такъ оно и было, съ весьма-радкими, по-временамъ, исключеніями, когда казаки и воеводы сами забывались въ пылу горячихъ стремленій къ собственной наживѣ и забывали повеленіе «призывать тамошнихъ людей подъ государеву царскую высокую руку ласкою, а не жесточью».

Но обратимся къ Чулкову, къ его подвигу уничтоженія нашихъ враговъ, случившагося, какъ кажется, по перенесеніи городка, на противоположный берегъ Иртыша.

Дѣло это, по свидѣтельству и рассказамъ большинства летописей, происходило вотъ какимъ образомъ, весьма-оригинальнымъ и въроподобнымъ.

Въ непродолжительномъ времени по основаніи Тобольска, князь Сейдякъ, преемдентъ на сѣбѣ повелителя Сибири, вмѣстѣ съ царевичемъ казачьей орды Салтаномъ и съ бывшимъ кучумовымъ Карачею, въ сопровожденіи пятисотъ человекъ Татаръ, вышла изъ Сибири и пошла къ Тобольску. Близъ Тобольска они остановились на полѣ, известномъ подъ названіемъ «Княжій-Дугъ», показывая видъ, будто тѣшатъ себя лѣстребною (кречетною) охотою.

Чулковъ узналъ объ этомъ; но, подозрѣвая, что «умыселъ другой тутъ былъ», и что пятисотъ Татаръ взяты Сейдякомъ на охоту не на однакъ штиць, собралъ своихъ подчиненныхъ и рассказалъ имъ дѣло. Посоветовавшись между собою, Чулковъ выслалъ къ Сейдяку сво-

ихъ людей и наказалъ имъ притгласить Сейдяка къ себѣ въ гости въ Тобольскъ, чтобъ сообща посовѣтоваться объ упроченіи мира. Приказъ его былъ исполненъ.

Сейдякъ, съ своей стороны, тоже посовѣтовавшись съ Салтаномъ и съ Карачею, рѣшился идти на зовъ Чулкова, но не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, втроемъ, взявъ себѣ въ провожатые сто человѣкъ изъ своей орды.

Чулковъ встрѣтилъ ихъ въ воротахъ, но, видя, что Татары вооружены, представилъ Сейдяку неумѣстность подобнаго наряда, велѣлъ снять съ себя оружіе; а такъ-какъ время было обѣднное, на столъ накрыто, то воевода и просилъ дорогихъ своихъ гостей откушать хлѣба-соли, чѣмъ Богъ послалъ.

Сейдякъ съ товарищами вступилъ въ городокъ безоружный и, втроемъ съ своими друзьями, вошелъ въ домъ Чулкова.

Кушанье было подано; хозяинъ съ тремя гостями сѣлъ за столъ и за обѣдомъ сталъ имъ толковать о мирныхъ условіяхъ.

Пропалъ ли у Сейдяка отъ условій Чулкова аппетитъ и ему было ужъ не до обѣда, или ему просто ѣсть не хотѣлось, только онъ въ ротъ куска не бралъ и сидѣлъ, крѣпко задумавшись.

— Что съ тобой сдѣлалось, князь, говорилъ Сейдяку воевода: — ни пьешь, ни ѣшь моей хлѣба-соли? Ужъ не задумываешь ли чего недобраго?

— Ничего не задумываю: мнѣ просто ѣсть не хочется! отвѣчалъ Сейдякъ.

— Не мыслишь зла на насъ, не хочешь ѣсть, такъ пей вино. На, выпей на здоровье!

Сейдякъ принималъ чару, поднесъ ее къ губамъ, но сдѣлалъ глотокъ и — поперхнулся.

Чулковъ посмотрѣлъ на него пристально, въ мигъ сообразивъ нравственную причину подобнаго явленія (или, какъ говорятъ Савва Есиповъ «Богу же, облачающую ихъ зломыслие») и, передавая чару Салтану, сказалъ:

— Нутка ты теперь, выпей.

Салтанъ хватилъ неосторожно и тоже поперхнулся.

Сметливый Карача видѣлъ, что дѣло принимаетъ неловкій оборотъ: когда очередь дошла до него, онъ, чтобъ снять тѣнь подозрѣнія съ Чулкова, со страхомъ и трепетомъ схватился за чару; но, видно, и его грѣшная утроба не приняла православнаго наитка — и онъ поперхнулся!

Можетъ-быть, Чулкову въ-самомъ-дѣлѣ показалось страннымъ и подозрительнымъ такое, непонятное для простаго Русака, безсміе Татаръ, или все это дѣлалось по заранѣе-начертанному плану хитрымъ воеводой, только чарка вина сгубила Сябрь.

— А, такъ вы такъ-то! заграмялъ воевода. — Такъ у васъ вотъ что на умѣ? предательство? измѣна?.. Самъ Богъ облачаетъ васъ въ сію минуту и продаетъ мнѣ въ руки за ваше нечестіе... Связать ихъ, поганыхъ! крикнулъ онъ, махнувъ рукой близстоящей стражѣ.

Казакн бросились на неварныхъ изверговъ, обрадовавшись случаю—разнаго рода увнженіями отплатить имъ за старыя неправды.

Несчастные, видя безпощадную гибель, кинулись въ окно. Она удачно, одинъ за другимъ, соскочила на землю и ударилась—было бѣжать къ своимъ, но ловкіе казаки настигли ихъ, перехватили поочередно, связали ихъ веревками и представили къ воеводѣ, а прочіихъ, молкій народъ, тутъ же положили на мѣсть.

Объ оставшихся въ полѣ четырехстахъ Татарыхъ лѣтопись говоритъ такъ: «таково страхованіе найде на нихъ, яко и въ градъ свой не возвратишася; слыша же въ градъ (Сибиря) яко бѣжа—и тыя избѣгаша изъ града и никто же остана во градѣ» (74).

---

(74) Строгоновская Лѣтопись передаетъ это происшествіе, случившееся черезъ пять съ половиною лѣтъ послѣ перваго взятія Сибири Ермакомъ, совершенно въ другомъ видѣ.

Вотъ ея сказаніе:

Глава XXXIV. — «Государь.... прислалъ съ Москвы въ Сибирь воеводу Данилу Чулкова со многими воинскими людьми и со огненнымъ варядомъ — и пришедъ въ Сибирскую-Землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его; татарове же сего убояшася русскихъ вой много пришествіи, *избѣгаша изъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири татарскій ихъ городокъ стольный, усть Тобола и Иртыша, иже именуемый Сибирь,* — оставиша его пуста. Рустин же вон привдоша и сѣдоша въ немъ и утвердивше градъ крѣпко, *идѣже нынѣ именуется богоспасаемый градъ Тобольскъ.*»

Глава XXXV. — «Умысли же сей оказанный бусурменскій князь Сейдекъ съ сибирскими людьми собрати воинства множество себѣ и пришедъ войною подъ городокъ Тобольскъ, хотя его взяти и людей въ немъ побити — да не будутъ въ нашу землю селитися рустин людие! — и государевымъ воеводамъ сказася, ято приде для торга, а людей своихъ воинскихъ *остаеиши въ укрытии и торговаши съ русскими людьми день и на утрѣ приде подъ городъ тайно приступомъ со всеми своими людьми и обляже градъ и нача къ нему приступати. Московстѣи же людие и волости казацы, видѣвъ ихъ безстудство и жестокой приступъ ко граду и послабиша имъ приближитися къ стѣнамъ града и начаша по нимъ со града стрѣляти и многихъ побити, а нѣмъ изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и многихъ побиваше бусурменъ и живыхъ яша и самого князя Сейдека на томъ бою захватиша ранена. Они же, оказавши, бѣгству яшася и въ станы свои бѣжаша. Рустин же вон и до становъ ихъ за ними гваша сѣкуще; они же оставиша станы свои и все свое богатство въ стапѣхъ своихъ и сами едва утекоша. И на сѣмъ бою волскій атаманъ Матѣей Мешерякъ убиенъ бысть; и оттогда на всѣхъ сибирскія земли бусурменѣхъ бысть страхъ велий и всѣ татаровя, ближніи и дальніи не смѣяше къ государевымъ городомъ войною приходити.» (Строг. Лѣт. 1821, изд. г. Спасскаго, стр. 63.)*

1) Слѣдя за направлеіемъ ермаковыхъ походовъ, мы могли убѣдиться, что городъ Сибирь стоялъ на Иртышѣ, гораздо—выше соединенія съ нимъ Тобола: значитъ, Тобольскъ стоялъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Сибирь, которой остатки доселѣ сущестнують.

2) До времени плѣна Сейдека Сибирь была занята Татарами, и Русскіе ея не владѣли.

3) Надо имѣть слѣдную вѣру въ Строгоновскую Лѣтопись, чтобы согласиться, будто Сейдекъ успѣлъ обмануть нашихъ воиновъ и, цезвѣстно для какихъ причинъ, сумѣлъ притвориться купцомъ. Но желательво бы знать, гдѣ онъ могъ спрятать отъ нашей стражи все свое «войско», которое, вѣроятно, состояло не менѣе какъ изъ 500 человекъ. (Правда, что и Есиновская Лѣтопись тоже требуетъ безусловнаго вѣровавія, но тамъ, по-крайней-мѣрѣ, болѣе возможности логически понять весь ходъ

Городъ Сибирь опустѣлъ; Русскимъ онъ былъ не нуженъ; скоро онъ пришелъ въ совершенное забвеніе, и теперь даже память о немъ въ народѣ почти совсѣмъ исчезла.

Сейдякъ, Салтанъ и Карача въ то же время были отправлены въ Москву; вліяніе ихъ на мѣстныхъ племена было уничтожено; власть Русскихъ утверждена прочно; главнѣйшія преповы къ распространенію владычества нашего рухнули; сибирскій - юртъ кануль въ вѣчность и царство сибирское было ужъ русское царство.

Съ плѣнниками царь поступилъ милостиво; онъ не заставлялъ ихъ въ Москвѣ разыгрывать той роли, которую на нашихъ глазахъ разыгрывали предводители полукиевскихъ племенъ Африки во Франціи: сибирскихъ Абд-эль-Кадеровъ у насъ не сажали по крѣпостямъ и по тюрьмамъ. Государя Россіи принимали ихъ съ ласкою, утѣшали ихъ тоску по родинѣ своимъ милосердіемъ, заставляли ихъ забывать прежнюю, дикую свободу, награждая ихъ землями, богатыми помѣстьями, принимали ихъ въ службу, доверчиво приближали ихъ къ своей особѣ; но, надѣлая ихъ почестями, тогдашніе владыки Россіи не упускали случая излить на нихъ гнѣвъ свой, когда плѣнники забывали ничтожность свою предъ новымъ властелиномъ.

Получивъ вѣсть, что теперь Сибирь вплоть до Иртыша и далѣе къ северу по Оби—вся наша, новый царь уже не ограничивался выдами на одни поклоны въ тысячу соболей и въ тысячу бѣлокъ: онъ обложилъ ее данью настоящею и повелѣлъ взимать съ нея въ годъ тысячу-тысячъ дорогихъ шкуркокъ. Въ подданствѣ рускомъ, сверхъ занятыхъ мѣстъ, считались тогда и Пелымское-Государство, и Иргизское-Государство, и Обь-Великая вся (т. е. сколько ее знали), и всѣ города обскіе, числомъ девяносто-четыре: такую важность справедливо придавали тогда утвержденію нашему въ Сибири и такъ твердо были убѣждены наши полѣтчики, что съ-этихъ-поръ, съ 1587 года, Сибирь была — вся наша (75). Восточная граница Россіи въ то время очертилась ли-

---

дѣла, тѣмъ болѣе, что она не поддала повода сомнѣваться въ своей добросовѣстности, а Строгоновская Лѣтопись, въ нашихъ глазахъ, потеряла всякое довѣріе.)

4) Извѣстный уже намъ не-храбрый бѣглець, атаманъ Мешерякъ, можетъ довольствоваться и гнѣмъ, что его убили и безъ сраженія, въ простой дракѣ.

5) Со смертію Ермака намъ, по настоящему, и не слѣдуетъ говорить про бывшихъ волжскихъ ермаковскихъ казаковъ; при изложеніи хода событій этого времени, мы слово «казакъ» употребляемъ въ общемъ смыслѣ царскаго войска, царскихъ солдатъ—стрѣльцовъ и вонской черни изъ Русскихъ, Татаръ, Поляковъ: въ эти казаки могли попасть и ермаковы казаки.

(75) «Ясаку положилъ государь на сибирское царство: и на Конду-Большую и на Конду-Меньшую (послѣдняя течеть въ Большую-Конду, а Большая-Конда впадаетъ въ Иртышъ съ лѣвой его стороны, къ сѣверу отъ Тобольска), и на Пелымское государство (Пелымъ течеть въ Тавду ближе къ Уралу, на западъ отъ Конды), и на Туру рѣку, и на Иртышъ, и на Иргизское государство (Иргизъ рѣка протекаетъ съ западной стороны киргизской степи: вершины его сближаются съ вершинами Тобола), и на Пѣгіе-Колмаки (вѣроятно это Пѣгале-Орда, то-есть Нарымъ), и на Обь-Великую и на всѣ городки обскіе, на девяносто на четыре города (по Кивгѣ Большому Чер-

нією съ сѣвера по Оби, далѣе по Иртышу, потомъ по Тоболу, и, наконецъ, по Иртызу.

Съ этого же времени началась и колонизація Сибири.

Первыми колонистами въ Сибири были тридцать хлѣбопашенныхъ семей, которыя, по повелѣнію государя, въ 1590 году, были отправлены изъ Сольвычегодска съ такимъ наказомъ, чтобъ у каждаго хозяина «было по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да «по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашени, да телега, да сани, и всякая житейская рухлядь»; кромѣ того велѣно имъ дать въ подмогу, въ тогдашнее время, по *двадцати-пяти рублей*; отправка каждой семьи обошлась общинамъ по *студесяти рублей*. Уничтоженіе знаменитаго юрьева-дня, приввела въ броженіе умы простаго народа, необразованнаго и грубаго, однимъ указало путь на западъ, другихъ погнало на востокъ. Последующіе указы, дополнительные и пояснительные, и всюду разносившаяся молва о богатствахъ Сибири, послужили, какъ говоритъ одинъ писатель, доброю закваскою за-уральской земледѣльческой населенности. Толпы народа стремились въ Сибирь въ гораздо-большемъ количествѣ протаву тѣхъ, которыя отправлялись туда по распоряженію самого правительства, заботившагося сколько о снабженіи края землепашцами, столько же и другими сословіями, для него необходимыми, мѣщиками, для устройства сообщеній, плотниками и другими мастерами для городскихъ построекъ и поставленія храмовъ Божіихъ, священниками и иноками для распространенія вѣры Христовой. Но уже и въ это время Сибирь является мѣстомъ ссылки лицъ, для которыхъ, по мнѣнію Бориса Годунова, былъ вреденъ воздухъ столицы.

Къ этому же времени относятся и формированіе отдельной ратной силы Сибири. Не здѣсь мѣсто входить во всѣ подробности этого предмета, заслуживающаго отдельнаго трактата и тѣсно связаннаго съ подробностями колонизаціи Сибири, но не мѣшаетъ, однако, замѣтить вкратцѣ, что громада постоянно-высылаемаго изъ Россіи войска была уже въ это время расписана по городамъ: явились казаки городовые, началось формированіе казаковъ изъ Татаръ «юртовскихъ», собиравшихся изъ своихъ городковъ, в «волостныхъ», не вполне осѣдлыхъ и землепашенныхъ. Въ сословіе казаковъ включены были и Лятва, и плѣнные Поляки, и Нѣмцы; самые земледѣльцы были иногда зачисляемы въ казаки «черномѣстные», а Татары верстались въ это сословіе служилыхъ людей за особенныя услуги, часто по ихъ собственной просьбѣ, но преимущественно изъ тѣхъ «отъ нихъ же измѣны не почаяти». Нынѣшняя сибирская полція—*русскіе* городовые казаки (не «линейные» и не «пограничные», а «городовые» и станич-

---

тѣху мы насчитали всего-навсего около 50 городковъ по всѣмъ рѣкамъ; значитъ, сюда много, известное уже, не внесено; см. примѣч. 6) — съ году на годъ имати по 5000 сороковъ (200,000 штукъ) соболей, по 10,000 — лисичъ черныхъ да по 500,000 бѣлки большія и малыя». (Карамзинъ, т. X, прим. 44.)

ные в полковые) величаютъ себя прямыми потомками Ермака; но они жестоко ошибаются: они вовсе ему не сродни ни по чему, ни по плоти, ни по духу.

Чтобъ показать, какія немногосложныя, но прямо-ведущія къ цели средства предпринимало наше правительство къ завятію покоряемыхъ земель, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій отрывокъ грамматы, относящейся къ 1592 году:

«А будетъ князецъ, прослышавъ ратныхъ людей, къ воеводамъ не повнитса, а почуетъ бѣгать, и воеводамъ послать ратныхъ людей въ малыхъ судяхъ его искати, и жены и дѣти и ихъ люди воевать и городокъ ихъ жечи. А (наперелъ) приказывать, чтобъ они отъ государя на себя опалы большія не наводили, а пошли бѣ безъ боязни, а государь ихъ пожалуетъ и князю ничего не будетъ. А будетъ князецъ и дѣти его придуть къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобъ ихъ всѣхъ приманити; а чорныхъ людей всѣхъ промолыти и обнадежить, чтобъ жили по своимъ юртамъ безстрашно и къ намъ въ городъ приходили...

«О всемъ промыслати, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакомъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакомъ терскимъ говорить государеву жаловальное слово, чтобъ они государю послужили. А которые захотятъ въ жилцы туто взо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить туто (въ Таборахъ) пятьдесятъ человекъ конныхъ: тамъ и земля, помѣтивъ, раздавать; а жалованья годоваго сулить имъ польскимъ казакомъ по семи рублевъ, а атаману—десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потому жь. А стрельцовъ прибрать пѣшихъ до ста человекъ, а сотнику потому жь, что и атаману, а пѣшимъ стрельцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна чело-вѣку. А земли бы имъ всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не воевать.

«А которые московскіе воеводы девять человекъ изъ Каргополя посланы, и тамъ указать земля и уголья, чтобъ они изъ Пермн съ собою взяли и лошади и животныи и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашня вскорѣ завести. А которые посланы изъ Пермн и съ Вятки на житье для пашни, и у тяхъ бы, хотя и у четырехъ человекъ была одна лошадь, а животныи бы съ ними была, и сохи бы были съ ними, хотя бѣ къ пареннѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Пермн; и велѣти жилецкимъ людямъ дворы себѣ ставить, и слобода у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и земля на пашни высмотрити лутчія, и у крѣпостей подавать пашни на государя пахати всякимъ людямъ. А лучшія мѣста выбравъ оставити про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впередъ та земля пахати на государя жилецкимъ людямъ, которыхъ устроить на житьѣ. Да изъ Таборовъ и Кошуковъ пашенныхъ молотчихъ людей взяти со всеми семьями и съ лошадами и посадити туто на пашню, и пашни пахати велѣти на государя. На Таборы и на Кошуки, на тутошныи люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого обро-

ку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроил городъ в украинѣ, —положить на нихъ оброкъ хлѣбной, распроси про нихъ, что пригоже на нихъ положить...

«И церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять злучи въ Сибирь (по дорогѣ, изъ такого-то города) и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ собрать сорокъ рублей. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе».

Вѣроятно, при каждой новой посылкѣ воеводъ и рати въ Сибирь, имъ повторялось однажды уже данное повелѣніе: «и вы бѣ, пріѣхавъ въ Пермь Великую, велѣли тотчасъ бирючю тово жъ дни кивать въ «Пермь, въ Чердыня, да въ узды по погостамъ, и къ Соля-Камской тотчасъ розослал, для того, чтобы шли охочіе люди наймоваться къ «нашему дѣлу... О всемъ отписывать къ государю съ нарочнымъ гонцомъ, чтобы государю про всякія дѣла, что сдѣлается, было вѣдомо «самому и было бѣ кого распросать, чтобы кто расказать умалъ».

Въ послѣдствіи времени, крестьянамъ, переселявшимся въ Сибирь по распоряженію правительства, стали давать льготу въ податяхъ и пособіе хлѣбомъ и деньгами: узаконеніе объ этомъ явилось еще въ 1613 году. Вообще, система колонизаціи была придумана и приводилась въ исполненіе чрезвычайно-благоразумно, такъ-что колонистъ, приходя въ Сибирь, получалъ, въ тѣ времена, полное обезпеченіе во всѣхъ своихъ нуждахъ, особенно на первыхъ порахъ. И сѣмена, и земледѣльскія орудія, и лѣсъ для избы, и земля для пашни, и домашній скотъ, и даже наличныя деньги—все было для него готово. Край населялся успѣшно годъ-отъ-году все болѣе и болѣе. По добытымъ изыкамъ, по слѣдамъ первоначальныхъ покорителей, охотниковъ, метавшихся провѣдывать о новыхъ племенахъ во всѣ стороны по рѣкамъ и рѣчкамъ—на плотахъ и въ лодкахъ, а по снѣжнымъ сугробамъ—въ собачьихъ или оленьихъ нартахъ да на лыжахъ, воеводы, снабженные наказами, собирали себя мѣста для зимовьевъ, рубили остроги, городили города и дѣлали укрѣпленія, всегда устраивая эти дѣла такъ, что гдѣ зимовье ясачное—тамъ и крестъ, гдѣ острогъ—тамъ и часовня, а гдѣ населеніе поразрослось и водвореніе шоразвинулось—тамъ для себя церковь, а для Татаръ—пушка! И легкость большей части дальнѣйшихъ завоеваній, при сметливости, уживчивости, вкрадчивости въ довѣріе и дружелюбныхъ наклонностяхъ нашихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе становится для насъ удобопонятною, что инородческія племена были разрознены, несвязаны общимъ интересомъ, неподчинены одной, общей, глубоко-совнѣнной идее самостоятельности и, находясь на низшей степени гражданственности, мирно вкорялись пришельцамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, для Русскихъ въ Сибирь каждый новый шагъ приносилъ новое, цѣлкомъ—неоспоримое владычество.

Не смотря даже на неслыханное разращеніе нравовъ нашихъ казаковъ, на татарскія ихъ наклонности (противъ чего грозно вопіалъ святѣйшій патріархъ Филаретъ въ знаменатой своей грамотѣ къ то-

больскому архіепископу), на ухищренія мелкихъ торгашей и промышленниковъ, знакомившихъ дикія племена съ виномъ, зернью и другими гразными угашеніями — дѣло овладѣнія Сибирью шло у насъ чрезвычайно-быстро и непостояжимо-успѣшно. Пятидесяти лѣтъ не прошло со времени перваго молодецкаго ермакова похода въ сторону за-уральской—и уже русская держава крѣпко охватила все пространство до самаго Енисея. Мы имѣли тутъ болѣе двадцати опорныхъ пунктовъ, укрѣпленныхъ и населенныхъ мѣстъ и городовъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Тюмень основанъ въ 1586 году, Тобольскъ—въ 1587, Пелымъ—въ 1592, Сургутъ и Березовъ—въ 1593, Тара—въ 1594, Нарымъ и Кетскъ—въ 1595, Верхотурье—въ 1598, Обдорскій Городокъ (въ низовьяхъ Оби) и Мангазейскій-Острогъ (на Тазѣ)—въ 1600, Туринскъ въ 1601, Томскъ—въ 1604, Туруханскъ (при устьѣ Турухана въ Енисей, после уничтоженія Мангазеи) и Зимовье-Имбацкое (Имбахъ, рѣка, впадающая въ Енисей справѣ, между Подкаменной—Тунгуской и Елогуемъ) — въ 1609, острога Маковскій (въ вершинахъ Кети), Кондомскій и вывѣшній Кузнецкъ (при слияніи Мрасы съ Кондомок) — въ 1618, Енисейскъ и Бальскій—въ 1619, Мелетскій (на Юсѣ) — въ 1620, и Красноярскъ (при устьѣ Качи въ Енисей, между устьями въ него съ противоположной стороны Маны и Кана, верховья которыхъ сближаются съ верховьями Барюсы) основанъ въ 1628 году.

Вотъ какими шагами мы шагали по Сибири... Мало этого: болѣе, чѣмъ въ цѣлое столѣтіе до Беринга, наши казаки, простые русскіе казаки положительно доказали—и ученая Европа знала объ этомъ еще во время царствованія Θεодора Алексѣевича! — что проливъ между Азіей и Америкой существуетъ и что Ледовитое-Море, вмѣстѣ съ Восточнымъ-Океаномъ, составляетъ одно общее цѣлое; но національное открытіе нашихъ казаковъ окрещено именемъ *фон-Беринга*. Времена Никона, Петра-Великаго, Бироновщина и другія событія населяли Сибирь многочисленными толпами народа, который, расселяясь до Китая и до Камчатки, успѣлъ запестить ногу на материкъ новаго свѣта. Въ самой же Сибири народъ русскій, незнакомый съ угнетательною политикой обитателей Запада, дружески сближался съ покоренными племенами, невѣдомо самому-себѣ прививалъ къ нимъ свои повѣрья и обычаи, незаметно, безъ насилій, подавлялъ ихъ національность—если только національность можетъ существовать у дикихъ племенъ, въ которыхъ самое слово «нація» непримѣнно—и, поставивъ ихъ, сколько можно было, въ уровень съ самимъ-собою, довелъ ихъ до того, что Сибирь, за исключеніемъ крайнихъ предѣловъ съвера и юга, почти совершенно обрусѣла (племена ея не вымерли, какъ иные говорятъ, и не выродились, а переродились въ Русскихъ), и теперь мы ея потеряли уже то значеніе, которое предки наши придавали этой далекой, но богатой и прекрасной странѣ. Тамъ, гдѣ была кучумова столица, гдѣ стоялъ городъ Сибирь—вывѣче запустѣніе, и только остатки древнихъ валовъ указываютъ путнику то мѣсто, на которомъ воздвигнутъ былъ Ермакомъ краеугольный камень владычеству Россіи надъ зауральскими краемъ.

Много людей проехало мимо этого городища по почтовой дороге изъ Тобольска въ Омскъ; много людей слышало въ этомъ мѣстѣ оклика ямщика: «вотъ, дескать, ваше почтеніе, городъ Сибирь, гдѣ Ермакъ Тимофеевичъ разбилъ царя Кучума и самъ сѣлъ на царство»; но немногіе, вѣроятно, потрудились выйдти изъ экипажа и пройтись по пустынному полю, навѣвающиму столько дорогихъ для Русскаго воспоминаній...

Насъ судьба привела взглянуть на этотъ уголокъ, но мы только отвѣтъ и ограничились: обстоятельства не позволяли намъ прибавить ни одной лишней черты къ тому, что уже до насъ было сказано. Передаемъ цѣликомъ слова ученаго очевидца, знаменитаго Миллера, который, за сто лѣтъ назадъ, имѣлъ возможность вполне удовлетворить своему просвѣщенному любопытству:

«Остатки сего столичнаго города (ежели такое мѣсто, какъ сіе по-«видимому было, названіемъ города почтить можно» прибавляетъ Миллеръ) «еще и по нынѣ видны. Восточный, высокій берегъ рѣки «Иртыша, имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину, и оный берегъ, почти вездѣ, гдѣ рѣка подлѣ горъ течетъ, отъ оной поднимается: отъ чего въ томъ мѣстѣ некоторая часть горы отвалилась, «такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоитъ почти перпендикулярно.

«По верхней сторонѣ находится глубокій буеракъ, въ которомъ течетъ маленькая рѣчка, и оная, на русскомъ языкѣ, по городу называется — Сибирка, а Татары сію рѣчку именемъ не называютъ, для «того, что они и многія другія малыя рѣчки, которыя разстояніемъ «не болѣе двухъ и трехъ верстъ вершины свои имѣютъ, безымянными оставляютъ. Понеже оная сторона весьма крута, то на томъ мѣ-«стѣ и всходу нѣтъ.

«Съ третьей, или съ полевой стороны есть долина, которая мало-по-«малу глубже становится, и съ буеракомъ, въ которомъ рѣчка Сибирка «течетъ, соединяется. Развѣ отсюда можно было на те мѣсто, гдѣ го-«родъ былъ, подняться, но понеже и тутъ еще нарочито круто, то «оное требовало бы не малаго затрудненія:

«Одна четвертая нижняя сторона, по теченію рѣки Иртыша, немно-«го полого, такъ что съ той стороны и всходъ былъ, какъ и теперь «сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто, для смотра-«нія онаго, изъ Тобольска выедетъ. Оно видится съ дороги, на не-«большой круглой горкѣ, которая, въ разныхъ уступахъ, укреплена «стройнымъ валомъ съ находящимися притомъ рвами, изъ которыхъ «одня валь другаго выше, а сіи валы окружаютъ городское мѣсто «столько съ приходу и со стороны долины, понеже прочія оба сторо-«ны, отъ рѣки Иртыша и отъ буерака, никакого укрѣпленія не требу-«ютъ. На некоторыхъ мѣстахъ валы и рвы, за прошедшимъ «временемъ, такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно.

«Внутреннее пространство кругловато и поперегъ не болѣе пятиде-«сяти сажень содержать. По сему заключить должно, что тамъ, кромѣ «хана и его фамиліи и служителей, немногимъ другимъ знатымъ та- «старамъ жить можно было, развѣ тогда оное мѣсто герцогомъ простран- «нее было, какъ и уверяютъ, что нѣсколько земли, а много ли, или

землю; тогда неслыханно, съ рѣчной стороны отъ подмыванія отъпадалась.

«Отъ дворовъ, или отъ другаго какого строенія, никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровности земли, разсуждать можно, что какое-нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы, по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ, построены были либо дѣревянныя, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ нежженыхъ кирпичей, потому-что съ того времени вовсе пропали. Нѣкоторыя мѣста предъ другими глубже, которыя, можетъ-быть, вмѣсто погребовъ служили.

«Въ послѣднія времена окольные россійскіе жители, ищущіе закопаныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глубокія ямы покопали, изъ которыхъ нѣкоторые не даромъ трудились.»

Но мы забыли про царя Кучума; обратимся къ нашему разсказу, изъяснившись снова передъ благосклоннымъ читателемъ, что мы вовсе не брали на себя тяжелой обязанности писать исторію Сибири, и что нѣстоящій трудъ есть только попытка разъяснить нѣкоторые запутанные вопросы этой исторіи: мы сочли за непремѣнную обязанность напомнить объ этомъ для того, чтобъ читатель не посятовалъ на насъ за отсутствіе полноты, недостаточность фактовъ, безцвѣтность картины и другіе недостатки, слишкомъ-рѣзко намъ самими замѣтные и извинительные здѣсь только потому, что трудъ нашъ—только попытка.

ГЛАВА IX-я.

ЦАРЬ КУЧУМЪ.

Скитальчество Кучума.—Пойски на Кучума.—Ирелѣдованіи Кучума.—Граммата Кучума къ воеводѣ.—Граммата царя Феодора къ Кучуму.—Письмо къ нему съца иго, Авдуга-Ханга.—Воевода Вейковъ.—Послѣдняя битва.—Послѣднія рѣчи.—Конѣцъ.

«До тебе лежачего въ болотѣ спрости лебаченья твоего скленился, а тобѣ руку подамы, хотячи тебе зъ него вытягнути, отерши напередъ берніе зъ очью твою, же бы еси могъ прозрѣти, а гносьность и спростию свою обачити. Если же слова наши не будутъ тобѣ смаковати — ты самъ того причиною, же ся на насъ торгулъ напередъ несмачными и бмѣтрными словы... Наболдывая мудрость самому себя знати: аже бы себя дѣпѣй позналъ — посылаемъ тобѣ книги, который о тобѣ росписаны суть...»

Граммата Баторія къ Грозному, 1581 г.

Семнадцатилѣтняя скитальческая, не спокойно-кочевая, а постоянно-тревожная жизнь Кучума въ степяхъ сибирскихъ, по отечественнымъ лѣтописямъ, намъ мало извѣстна. Лѣтописцы наши передаютъ о немъ очень-немного. По ихъ свидѣтельствамъ, Кучумъ, послѣ бѣгства своего изъ Сибири, при окончаніи ермаковой битвы подъ Чувашевымъ,

или у Подчувашья, удалился въ Ишимскія-Степи; черезъ три года, именно въ 1584 году, мы находимъ его въ тѣхъ же мѣстахъ, на Вагай. После плана Махмет-Кула, Кучумъ былъ оставленъ всеми, даже Карача отступился отъ него; после смерти Ермака, Кучумъ былъ преследуемъ Сейдякомъ, наконецъ онъ направился вверхъ по Иртышу, но не переставалъ вредить Русскимъ. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Кольцовъ-Масальскій настигъ Кучума близъ рѣки Ишима, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ двухъ его женъ и другаго его сына, Абдул-Хавра. Кучумъ снова скрылся, и долго настоящее мѣстопребываніе его не было известно Русскимъ (76).

Кучумъ, однакожь, не удался отъ Иртыша слишкомъ-далеко: расположенныя вверхъ по этой рѣкѣ волости платили ему дань, «блюдася отъ него войны». Чтобъ совершенно уничтожить вредное его для насъ вліяніе въ этихъ краяхъ, велѣно—въ центрѣ подвластныхъ Кучуму волостей, поставить новый городъ Тару и стянуть сюда изъ Казани, изъ Свияжска, изъ Тетюшъ, изъ Тюмени, Тобольска, Таборовъ и Кошуконъ рать почти изъ 1200 человекъ конныхъ и болѣе 500 пѣшихъ. Тутъ были и ермаковы казаки, и стрельцы, и польскіе казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары. Въ царскомъ наказѣ воеводамъ (1594 года) объ этомъ предметѣ, повелѣно на тѣ, неподвластныя еще намъ въ Верхней-Землѣ, волости (если онѣ добровольно не признаютъ нашей власти) «войною посылать, князьковъ ихъ побивать, животы ихъ — лошади, разную животину и всякую рухлядь—имать ратнымъ людямъ въ раздѣлъ между собой», кромѣ соболей и черныхъ лисицъ, которые все идутъ на государя. Царь крѣпко наказывалъ воеводъ «промыслить, истѣснить и извоевать Кучума», но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ «крѣпко беретчися Кучума, чтобы онъ, пришедъ, которыя поруки не учинилъ»; стараться склонить Кучума отдаться въ наши руки, уговорить его жить съ нами въ мирѣ и тишинѣ, объявить ему, что государь желаетъ держать его подъ своею царскою рукою, что онъ, по милосердію своему, и сына его Облагавра и людей его отпустить на родину, пожаловать напередъ своимъ царскимъ жалованьемъ... Подобныя повелѣнія повторялись неоднократно, но упрямый Кучумъ оставался непреклоненъ.

Инструкціи, данныя по этому случаю воеводѣ, боярину князю Андрею Васильевичу Елецкому, заключали въ себя слѣдующія главнѣйшія основанія: мы приводимъ подлинникомъ многія фразы этихъ интересныхъ документовъ, чтобъ совершенно яснить дѣло и тогдашнее состояніе покоренной страны.

«Итта города ставить вверхъ Иртыша на Тарь-рѣку, гдѣ бы государю было впередъ прибыльнѣе, чтобъ пашню завести и Кучума цари истѣснить и соль устроить и тѣхъ бы волостей, которыя больше по-стороню Тобольскаго (города) и Тобольскаго уѣзду отвести отъ Кучума и привести къ государю... чтобъ впередъ государевымъ ясашнымъ людямъ жить по Иртышу отъ Кучума цари и отъ ногайскихъ людей безстрашно. А идучи изъ Тобольскаго воеводѣ князю Ондрею съ то-

(76) Миллеръ, стр. 224 и 276.

варищи про Кучума царя и про ногайскихъ людей провѣдывать, и нынѣ Кучумъ царь? и сторожи напередъ себя конные посылать, чтобъ Кучумъ царь, собрався съ ногайскими людьми, пришелъ, надъ воеводами и надъ хлѣбными запасы безвѣстно поруки ни которой не учинилъ, а коннымъ людямъ потомужъ идти бережно, чтобъ имъ отъ Кучума царя идти съ великимъ береженьемъ и отъ него беречись, чтобъ на нихъ не пришелъ.

«А будетъ которые ясашные люди и князьки, которые живутъ по Иртышу, съ воеводою, съ княземъ Ондреемъ на Кучума и на ногайскихъ людей города ставить не пойдутъ и не послушаютъ— и воевода князю Ондрею Васильевичу, идучи Иртышемъ, тѣ волости воевать, и посылки конныя на нихъ посылать, и изменниковъ съискывать, виновныхъ казнить, а чорныхъ людей къ шерть приводить, и у нихъ заклады поимать.

«И что будетъ ходу отъ Тобольскаго города до Тары, и что будетъ отъ Тары до Тобольскаго города, и что будетъ полемъ (степью) отъ новаго города отъ Тарскаго на Уфу— чтобъ и впредь отъ нихъ было безстрашно. А пришелъ на Тарь—рѣку присмотрѣть полъ городъ мѣсто: гдѣ пригоже быти новому городу, туто и мѣсто очистить и городъ поставить; а дѣлать городъ и лѣсъ возить всею ратью, всеми людьми, и конными и пѣшими, а сдѣлать бы городъ во всѣхъ стѣнахъ, и въ стѣнахъ и въ городищахъ сажень около въ полтретьяста и больши—то по мѣсту смотря, да острогъ дѣлати сажень въ триста и въ четыреста и, смотря по людямъ, и до пятисотъ сажень. А въ городъ быть самому князю Ондрею да (письменнымъ головамъ) Борасу Доможирову, да Григорью Елизарову: тому и у казны, и у сбору, и у житницъ быти.

«А хлѣбъ будъ въ житницахъ въ городѣ, да попамъ, да пушкарямъ, да стрѣльцамъ: у тѣхъ бы въ городѣ дворцы (дворки, избушка) были. А въ острогѣ мѣста на огороды дать и гдѣ имъ въ лѣтѣ эсть варить. А опрѣчь воеводы и головъ эсти ни у кого не варить, а воевода и головамъ поварни въ земля сдѣлать, какъ бы беретчяся Кучума; а въ острогѣ казакамъ коннымъ и Татарамъ служилымъ тобольскимъ и тутошнымъ и тюменскимъ, чтобъ быти безстрашнымъ.

«А Кучума царя оплашивать, а приказывать ему то: что государь Кучума-царя хочеть держать подъ своею царскою рукою и сына къ нему Облагавра и людей его, впередъ пожаловавъ своимъ царскимъ жалованіемъ, отпустить, а нынѣ бы жилъ вверхъ новаго города, въ которыхъ городкахъ пригоже; а прислалъ бы Кучумъ-царь сына своего... царевича: не безчестно царю прислать къ государю сына своего и съ нимъ лучшахъ людей дву-трехъ, а государь царь и великій князь тотчасъ пришлетъ ко царю къ Кучуму сына его, царевича Облагавра, и людей его съ нимъ. А промыслать князь Ондрею, чтобъ Кучумъ-царь прислалъ къ государю изъ царевичей лучшаго, который бы... человекъче.

«А будетъ, оплоша, мочно надъ царемъ промыслать — и посылка большая съ татарскими людьми послати, чтобъ надъ Кучумомъ, и надъ его женами, и надъ дѣтми, промыслить и извоевати наирько; а береженье наирько отъ Кучума-царя держати, а которыя ево волости по

Иртышу, промежь Тобольска и новаго города— и въ тѣ бы отъ волости Кучумъ-царь однолично не вступался, а ихъ отъ Кучума-царя беречи накрѣпо.

«А будетъ Кучумъ-царь учнетъ приходитъ, собрався со многими людьми, на государевыхъ воеводъ и города ставить не дастъ, и учнетъ тѣсноту чинить—и воеводъ князю Овдрею Васильевичу съ товарищи отъ Кучума-царя беречись, чтобъ, пришедъ, Кучумъ-царь второя поруки не учинилъ. А какъ городъ поукрѣпять—и князю Овдрею съ товарищи надъ Кучумомъ-царемъ, провадавъ про него подлинно, промышлять, сколько Богъ помочи подастъ, большими посылками, чтобъ надъ нимъ поискъ учинить съ военнымиъ боемъ. А будетъ надъ Кучумомъ промыслу не начаятъ, а люди будетъ отъ него не пойдутъ на государяо имя—и надъ Кучумомъ-царемъ посылки большой, не развадавъ накрѣпо, вскорь не посылать, а къ нему приказывать, и его оплачивать, и житье ему ослободить въ верхнихъ городѣхъ, и промышлять надъ ногайскимъ мурзою, надъ Алемъ, чтобъ надъ тѣмъ промыслить большою посылкою, а отъ Кучума-царя людей лучшихъ отговаривать, чтобъ ѣхали къ государю служить; а сообразно бы съ ними тобольскіе служилые Татарове; а которые отъ царя придутъ в тѣхъ жаловать, и сукна давать и хлѣба. И которые князьки и Татарове государю служить и въ городъ къ воеводамъ приходять и асаки платять, и про всякімъ вѣсти про Кучума-царя, и про его умышленье, и про Ногай, учнутъ прихода сказывать—и тѣхъ Татаръ новтъ и кормить государевымъ зацасомъ и береженье къ нимъ и ласку держать великую и отпускати ихъ къ себѣ (домой) не задерживал.

«А что съ котораго городка и съ волостей, и съ кого именемъ, государева асаку возьмутъ соболей и лисиць и шубъ соболевыхъ и бѣлыхъ и бобровъ, и то все велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ. А имати въ асаку на государя соболи и бобры добрые и лисицы черныя, а худыхъ соболей и лисиць и бобровъ въ асаку не имати. А что асачные люди принесутъ сверхъ асаку, государю челомъ ударить, или воеводамъ, что принесутъ въ поминкахъ—и то все, потому жъ, велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ и держать асачную казну за своими печатями. А которые князьки и Остяки учнутъ ослушаться и въ государевъ городъ не учнутъ приходитъ—и на тѣ волости посылать посылки, а велѣти ихъ повозовать, и заклады у нихъ поимать, и ихъ поострастить и укрѣпити, чтобъ ихъ привести подъ государеву руку, и дана съ нихъ собрать.

«А которые торговые люди учнутъ приѣзжать въ новый городъ, на Тару, изъ Бухаръ и изъ Ногай, со всякими товары и съ лошадыи и съ животиною—и у тѣхъ у торговыхъ людей велѣти служилымъ людямъ всякіе товары, и лошади, и животины, покупать и береженье къ торговымъ людямъ, къ Бухарцамъ и къ Ногаемъ, держати, чтобъ ихъ и впередъ приучити; а какъ они исторгуются—и ихъ отаущать, не издержавъ. А которые, будетъ, торговые люди похотятъ идти мимо новый городъ въ сибирскіе города, въ Тобольскъ или въ Тюмень, торговать всякими товары, или съ лошадыи и животиною—и ихъ пото-

му шь пропускать и беременья съ шивъ дермати. А только буде Бухарцы учнутъ прїѣзжать изъ Бухарь, о которыхъ о государевыхъ и о земскихъ о тамошнихъ дѣлѣхъ, и воевода о томъ отписывать ко государю, а ихъ отпущать не задержавъ: и государь велитъ свой указъ учинити» (77).

(77) Миллеръ, стр, 261, 272 и 284.

Образцовая роспись ратнаго сбора казаковъ въ 1594 году.

«Съ сотникомъ стрѣльцкимъ съ Самойловъ съ Лодыженскимъ *Московскихъ Стрѣльцовъ* 100 человекъ.

«Съ дружию сотникомъ, съ Заметлею Щокуровымъ 47 человекъ.

«И обоего съ двумя сотниками *Московскихъ Стрѣльцовъ* 147 человекъ; а хлѣбное жалованье дано стрѣльцамъ на 102-й (1594-й) годъ сполна, да имъ же дано въ дорогу по четверти сухарей человекъ, а деньги имъ даны *большое жалованье*, да въ Пермь, взавъ съ Перискія-Земли, дать имъ по четверти мукѣ человекъ.

«А какъ придутъ въ новый городъ на Тарь-рѣку и имъ дана изъ запасова хлѣба по четверти мукѣ человекъ, да по осемидѣ крупъ, по полусемидѣ толокна человекъ, итого 147 четвертей мукѣ ржаной, 73 четверти крупъ, 37 четвертей, безъ полусемини, толокна.

«Да изъ Казани и съ Уфы послано полемъ въ Тобольскій городъ, а изъ Тобольскаго города вѣсти имъ съ головою съ Мамлѣемъ съ Мальцовымъ *Татари Казанскихъ и Селдженскихъ* 100 человекъ, *Башкирцовъ* 300 человекъ, да къ нимъ 4 человека *дѣдѣ Бодрскихъ*, къ сту по человекъ.

«Да съ сотникомъ изъ Казани 50 человекъ *стрѣльцовъ конныхъ*, да изъ Ланшева съ тѣмъ же сотникомъ 50 человекъ съ пичальми *полоненниковъ*, да изъ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитю съ Коркынымъ 50 человекъ *казаковъ польскихъ*.

«И всего изъ понизовыхъ городовъ вѣстно послать съ Мамлѣемъ 554 человекъ *конныхъ*.

«Да изъ Тобольскаго города взято въ тотъ новый городъ, выбравъ, *Литвы* и *Черкасы* и *Казаковъ* добрыхъ конныхъ съ военнымъ боемъ съ головою съ Свонтиномъ съ Рупосовымъ 100 человекъ.

«Да *Татари Тобольскихъ служилыхъ конныхъ* съ атаманомъ съ Черкасомъ со Александровымъ, да съ годовыми съ Баисентомъ да съ Байбахтою 100 человекъ, а *бѣги Литвы и казанскіе конные* и *Гантарама* съ головою съ Свонтиномъ съ Рупосовымъ и съ Черкасомъ *иметь*.

«И обоего изъ Тобольскаго вѣстно послать *конныхъ* 200 человекъ.

«Да къ тому собрати изъ волостей (туземныхъ племенъ, не двоюданцовъ и Русскому царю и Мучуму, а уже *объясчанныхъ*), которые волости пошли отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, *Татари левиныхъ добрыхъ конныхъ* 800 человекъ, а *бѣги* имъ съ головами съ татарскими.

«Да *якимъ Татари* вѣрять въ судѣхъ съ пичальми 180, а *суды* подъ нимъ *голови*, а *бѣги* или *иметь* съ стрѣльцы *московскими*.

«Да изъ Тюмени вѣстно послать, выбравъ *Литвы* и *Черкасы* и *Казанскіе конные* 40 человекъ.

«Да *Татари тюменскихъ, верхотурскихъ, овдрѣвскихъ* (обитавшихъ у Андреевскаго-Озера) и *Бѣляковцевъ* (отъ рѣчки Бѣлякови, впадающей въ Пышму) и *Зырянцевъ*, у которыхъ *заклады* (аманаты) помани въ Тобольской и въ Тюмень, и *вѣсти* отъ нихъ не почаять, выбрать вѣстно добрыхъ 50 человекъ *конныхъ*.

«А *государева* имъ жалованья послано по 2 рубли человекъ, итого 100 рублей.

«И обоего изъ Тюмени вѣстно послать 90 человекъ *конныхъ*.

«Да изъ Таборевъ *взять* 30 человекъ *Титаръ конныхъ*.

«Да изъ Кошуконъ *взять* 20 человекъ *конныхъ*.

«И обоего съ Таборевъ и съ Кошуконъ 50 человекъ.

«Да *Пермичъ племениновъ* *взять* изъ Тобольскаго 80 человекъ *пичаль*, да въ новый городъ (Тару) послать *Пермичъ* 20 человекъ *пичаль*; а *вѣстно* имъ по-

Воеводы ловили кучумовских Татаръ, разспрашивали ихъ и добрымъ словомъ и жестокими пытками, и наконецъ, въ 1595 году, добытые языки изъ-подъ пытки рассказали, что Кучумъ, провадавъ тоже о царскомъ повелѣніи поставить въ его волостяхъ городъ, послалъ туда сына своего Алея и велѣлъ ему перевезти здѣшнія племена далее вверхъ по Иртышу; а Алей собралъ здѣсь орду въ 150 человекъ и пошелъ съ ними вверхъ по Иртышу на Черный-Островъ; здѣсь они остановились, усилили свою численность еще 50-ю челоуками, поставили себя городокъ, и стали зимовать. Воеводы узнали также, что эти выведенные Кучумомъ Татары живутъ и около Вузюкова-Озера; что въ этомъ озерѣ Татары ловятъ рыбу на царя и посылаютъ ее къ Кучуму, что отъ Кучума къ нимъ привозятъ люди ежедневно и что самъ Кучумъ стоитъ еще выше по Иртышу «межъ двухъ рѣчекъ, одернувся телегами, за Омь рѣкою пѣшимъ ходомъ днища съ два», и что отъ городка Чернаго - Острова до кучумова кочевья, пѣшими людьми и нескорымъ ходомъ, будетъ днища съ пять или съ шесть (78).

Воевода князь Елецкій послалъ подъ Черный - Городокъ сборной братьи 276 человекъ (изъ нихъ 100 человекъ были стрѣльцы, 60 человекъ тобольской Литвы и 40 человекъ тобольскихъ казаковъ). Число враговъ не превышало двухъ сотъ человекъ. Предводитель отряда, Борисъ Доможировъ, разбилъ Татаръ, взялъ болѣе 60 человекъ плѣнныхъ и сжегъ городокъ. О тѣхъ, которые были съ явственно, были ранены и имали языковъ, воевода представилъ государю «послужные списки», и царь наградилъ храбрыхъ «золотыми» и деньгами.

Вскорѣ получены были новыя вѣсти, что Кучумъ зимуетъ вверхъ по Иртышу, въ двадцати днищахъ отъ Тары: князь Елецкій послалъ туда новую рать въ 483 человека (въ марта мѣсяцѣ), подъ предводитель-

---

слать съ Пермь хлѣба по три четверти муки челоуку, по осмииъ крупъ, по осмииъ толокна, да по 3 рубли денегъ челоуку.

«И всего въ новый городъ велѣно послати всякихъ служилыхъ людей..... конныхъ 1194 челоука, а пѣшихъ 847 челоукъ.

«И обоего 1741 челоукъ конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей (подъ общинъ, на мѣстѣ, даніменованіемъ казаковъ, какъ ихъ и называютъ лѣтписцы).

«А хлѣба въ тотъ новый городъ взять съ Лозвы изъ устюжскаго запаса 800 четвертей муки ржаной, 100 четвертей крупъ, 100 четвертей толокна, да денегъ на запасъ послано 200 руб.

«Да на расходъ на татарской (то-есть на подарки выѣзжимъ Татарамъ)— два постова настрафальныхъ, да десять половинокъ ярославскихъ.»

Князя Андрея Елецкаго на Тарѣ смѣнилъ новый воевода князь Федоръ Борисовичъ Елецкій; въ Тобольскѣ былъ въ это время воеводою князь Федоръ Лобановъ-Ростовскій; въ Тюмени князь Петръ Борятинскій; въ лозвинскомъ городѣ Иванъ Нагой; въ Березовѣ Никифоръ Траханиотовъ, на мѣсто котораго назначенъ Василій Волинскій.

(78) Миллеръ, стр. 289, 298 и 301. Полагаетъ, что Черный-Островъ долженъ быть гдѣ-нибудь около выѣзжихъ селеній Чермолуцкаго и Керасутскаго (по Иртышу, между Тарой и Омскомъ, ближе къ Омску): и въ томъ и въ другомъ названіи существуетъ слово черный (кара). Вузюково озеро намъ неизвѣстно.

(79) Тамъ же, стр. 298 и 301.

ствомъ того же Доможирова. Успѣхъ дѣла былъ такъ же блистателенъ: русскіе головы сожгли городокъ Тувусъ, разбили непокорныя волости, наложили на нихъ ясакъ царю; но Кучумъ не попался казакамъ въ руки, тѣмъ болѣе, что «пришло роскалье великое, и вѣти на лыжахъ было не мочно». Однакожь, въ скоромъ времени на нашу сторону перешлись мать Махмет-Кула и приближенный къ Кучуму Чин-Мурза съ женою: они втроемъ добровольно выехали на Тару въ сопровожденіи 38 человекъ Татаръ.

Воеводы тѣснили Кучума, сколько могли: приводили въ покорность Россіи его волости, прекращали ему вся сообщенія съ покоренными, полонили вѣстниковъ, которые ѣхали къ нему въ гости. брали въ добычу всю кладь торговцевъ, которые отправлялись къ Кучуму, засылали къ нему своихъ кліентовъ, представляли ему безвыходность его положенія, говорили, что ужь если казакъ Ермакъ его покорилъ, такъ куда жь ему съ царскимъ войскомъ бороться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же отдалъ свою Сибирь? Воеводы надѣжили его царскою милостію и требовали отъ него мира и покорности.

До насъ дошла слѣдующая граммата царя Кучума, составленіе которой относятъ уже къ 1597 году. Въ ней Кучумъ все еще называетъ себя царемъ и все еще гордо старается поддержать свое дикое величіе.

«Богъ богатъ!

«Отъ вольнаго человека, отъ царя, бояромъ поклонъ, а слово то:

«Что есте хотѣли со мною поговорити? Вамъ отъ государя своего, отъ Бѣлаго-Князя, отомъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть—и мы поговоримъ, и его слово пріятно учинимъ.

«А мое челобитье то: прошу у великаго князя, у Бѣлаго-Царя, иртишскаго берегу, да и у васъ, у воеводъ, бью челомъ, тогожь прошу. Да т(акожь) вещей у васъ прошу, и вы изъ тѣхъ вещей хоти и одну дадите—и ваше слово будетъ истинно, а будетъ не дадите—и слово ваше ложно!

«А челобитье мое то: прошу Шанну, а тѣ оба гостя, которыхъ (вы) взяли—ѣхали ко мнѣ въ послѣхъ и ихъ вамъ Богъ судилъ! И изъ той посолскіе ружья одного (въ)юка конскаго прошу: очи у меня большы и съ тѣми послы были зелья, да и роспись тѣмъ зельямъ съ ними жь была. И изъ того прошу и только тѣ три вещи мнѣ дадите — и слово ваше будетъ истинно!

«И будетъ со мною похотите поговорити—и вы ко мнѣ пришлите толмача Богдана; а Сююндюкъ пріѣхалъ, великаго князя, Бѣлаго-Царя, очи видѣлъ: и изъ бы изъ его усть указъ его услышалъ! И вы бѣ его прислали: и будетъ тѣ дѣла правда—и вы бѣ прислали Бахтыураза, который нынѣ пріѣхалъ.

«А отъ Ермакова приходу и по-ся-мѣста пытался есмь встрѣчно стоять! А Сибирь не изъ отдалъ: сами еста взяли!

«И нынѣ попытаемъ мारиться—любо будетъ на концѣ лучше!

«А съ Ногаи есмь—въ соединенья и только съ обѣихъ сторонъ становъ: и княжая казна шатнется!

«И язь хочу правдою помириться, а для миру на всякое дѣло ои-сходительство учиню!» (80)

Въ этой смѣси моленій и угрозъ ясно высказывается Кучумъ и свою горькую жизнь в свои грубыя, но пылкія чувства; онъ благоговѣлъ предъ волею русскаго царя и жаждалъ слышать его повелѣнія.

Русскій царь снишелъ на его желанія, услышавъ присланнаго имъ вѣстника и, упоминая о всегдѣшнихъ даняхъ сибирскихъ властителей московскимъ государямъ, такъ, или почти-такъ отвѣчалъ, въ 1597 году, непокорному Кучуму (81) въ дланной, чувствительной и трогательной грамматѣ, имѣвшей цѣлю доказать сибирскому царю всю его виновность и дерзость непослушанія.

«Послушай! не-уже-ли ты думаешь, что ты мнѣ страшенъ, что я не покорю тебя, что рати у меня не хватитъ? Нѣтъ, много у меня воинской силы! Мнѣ жаль тебя: тебя щадя, не шлю я бѣльшей рати, я жду пока ты самъ явишься въ Москву, предъ мои свѣтлы очи. Ты знаешь самъ, что надъ тобою сталося, в сколько лѣтъ ты казакѣмъ кочуешь въ поля, въ трудахъ и нишетахъ?.. а медлишь покориться! ты вспомни про Казань, про Астрахань: онѣ сильнѣй Сибири были, а покорились русскому царю. Ты ждешь чего? Друзья тебя оставили; дѣдъ сына въ полону; Сибирь взята; ты изгнанъ; всюду на твоей землѣ другіе города построены; Сибирь вся подъ моею державою; я царь Сибири — а ты...? Ты сталъ казакъ, изгнанникъ, одинокій, оставленъ всѣми; жизнь твоя виситъ на волоскѣ! Одно лишь слово нареку я воеводамъ—и ты погибъ! Но знай, что Русскій царь — царь милосердый. Обычай нашъ—гвѣвъ претворять на милость, казнь жизнью замѣнять, за зло платить добромъ. Я все готовъ забыть, все твои вины, все неправды, готовъ на милости, готовъ взлечь щедроты давнишнему врагу, рабу-ослушнику; но покорись, не вынуждай меня на гнѣвныя велѣнья. Явись въ Москву: захочешь мнѣ служить и жить вмѣстѣ съ дѣтьми — останься, мнѣ будетъ пріятно — я награжу тебя и одежою богатствомъ, дамъ тебѣ деревни, села, города, всего пріличнаго съ твоимъ саномъ. А не захочешь ты при мнѣ служить, задумаешь въ Сибирь, опять на старое мѣсто — пожалуй, съ Богомъ! Я готовъ хоть и въ Сибирь тебя отпрать, готовъ пожаловать тебя твоей прежіей юртѣ, съдаю тебя царемъ и честь тебѣ вѣдамъ какъ слѣдуетъ царю Сибири... но прежде покорись и пріѣзжай въ Москву!»

(80) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 66.

(81) Вотъ сама подлинная грамматъ, изъ которой мы, для краткости исключили полный титулъ въ началѣ и потомъ слишкомъ часто встрѣчающіеся слова «Великій государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ»; кромѣ того не помѣстивъ родословной царей сибирскихъ, даишниковъ Москвы древнѣе время, до Енисея.

«Бога единого, безначальнаго и безконечнаго, и невидимаго, страшнаго и непреступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видима и невидима все сотворившаго и самодержавшаго), божественнымъ духомъ все оживляющаго, (нед)реманнымъ (о)комъ землю призвращающаго и всяческая на ней устроившаго, и утвердившаго

Кромѣ этого, русскій государь дозволялъ и Абдул-Хайру написать письмо къ несчастному отцу. Абдул-Хайръ писалъ къ Кучуму тоже о милостяхъ къ себѣ и къ брату своему Махмет-Кулу—писалъ, какъ вхъ

благая всѣмъ человѣкомъ подавающаго, его же въ трехъ имяхъ трепещуть и боятся небесная, земная и преисподняя, того единого Бога нашего... и... славимаго и поклоняемаго (сѣдуютъ весь титулъ царя), нашего царскаго величества милостивое слово, съ великимъ жадованьемъ повелѣнье Кучуму-царю.

Изъ давнихъ лѣтъ сибирское государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженные памяти великихъ государей русскихъ царей и съ сибирскія земли всѣхъ дань давали нашимъ прародителямъ-царѣмъ... (исчисляются сибирскіе князья давники).

«А какъ ты, Кучумъ-царь, учинился въ сибирской землѣ царемъ и ты отцу нашему, блаженнымъ памяти великому государю царю Ивану Васильевичу, послушней былъ и дань съ сибирскія земли присылалъ, а отецъ нашъ, блаженный памяти, тебя въ своемъ царскомъ жалованьи держалъ, подъ своею царскою высокою рукою.

«А послѣ того ты, Кучумъ-царь, отъ отца нашего, блаженныхъ памяти царя Ивана Васильевича и отъ его царскаго жалованья отсталъ и, отъ таково великаго государя, отъ его царскія милости отставъ, непослушникомъ учинился еси: и дани давать не почалъ еси, и сына боярскаго, Третьяка Чабукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные мѣста, въ пермскую землю, войною многаяда приходилъ еси!

«И за такія твои грубости и неправды что надъ тобой сталося — то самъ вѣдаешь!

«А какъ по нашего царскаго величества повелѣнью наши люди, пришедъ въ Сибирь, тебя съ царства оорнали и сибирскую землю взяли, — а ты пошелъ въ казанскія кочевья и во многія времена, будучи еси на полѣ, нашему царскому величеству грубости и непослушанія чинилъ еси: мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучумъ царь, на сибирскіе волости приходилъ еси.

«А съ тобою былъ еси племянникъ твой Махмет-Кулу царевичъ, да сынъ твой Абдюль-Хайръ царевичъ и оба тѣ царевичи нашимъ людямъ въ руки попались и въ нашему царскому величеству въ полоненникѣхъ приведены, а люди твои многіе побиты. И за твои грубости и неправды и за непослушанье племянникъ твой Махметъ Кулу царевичъ и сынъ твой Абдюль-Хайръ царевичъ достойны были смертныя казни — да мы, великій государь, милостивый, истинный великій царь, престолюбенный государь, не смотря на твои грубости и неправды — племяннику твоему Махметъ-Кулу царевичу и сыну твоему Абдюль-Хайру царевичу казни имъ смертную отдали и пожаловали ихъ въ нашемъ государствѣ — устроити велѣли своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и деньгами устроити по ихъ достоинству.

«А вынѣ съ Вожею помощью, нашего царскаго величества по повелѣнью, въ нашей отчинѣ, въ сибирской землѣ — города поставлены, и въ тѣхъ городѣхъ осадные люди съ военнымъ боемъ устроены.

«А большіе своей рати въ сибирскую землю на тебя, на Кучума царя, послати есмя не велѣли для того, что ожидали есмя отъ тебя, отъ Кучума царя, обращенія, чаяли того, что ты, узавъ свои вины и неправды — нашему царскому величеству добьешь челомъ и нашего царскаго величества жалованье на себѣ видѣти похочешь.

«А только бѣ по нашего царскаго величества повелѣнью наша большая рать послана была въ Сибирь — и тебя бы нашли! гдѣ бы ты ни былъ! и неправды бы твои надъ тобою отомстили.

«Да и потому есмя на тебя нашей рати не велѣли посылати, что прежь сего — тому четвертый годъ, присылалъ еси къ нашему царскому величеству человѣка своего Мегмета съ грамотою, а въ грамотѣ своей писалъ еси намъ съ... прошеньемъ, чтобъ намъ тебя пожаловать, юртъ твой тебѣ отдати и племянника твоего отпустить къ тебѣ, а ты въ нашемъ царскомъ жалованьи будешь подъ нашу царскую высокую рукою.

«И мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловати—устроити на сибирской земли

обоихъ царь одѣлывъ и землями, и волостями, писалъ, что царю русскому служатъ многіе цари и царевичи, просилъ Кучума пріѣхать въ Москву и извѣщалъ, что ему навѣрное извѣстно желаніе царя награ-

---

царемъ, какъ было тебѣ быти въ нашемъ царскомъ жалованьи впередъ крѣпко и неподвижно. А племянникъ твой, Махметъ-Куль царевичъ, нынѣ устроимъ въ нашемъ государствѣ и пожалованъ города и волостями по его достоинству и служить нашему царскому величеству.

«И послѣ того пріѣхалъ къ нашему царскому величеству въ службу, изъ твоего, улусу, Чин-Мурза, Иль-мурзинъ сынъ, Исуповъ съ своимъ улусомъ, и наше царское величество Чин-Мурзу пожаловали города и волостями и деньгами — и нынѣ намъ, великому государю, служить.

«А... козе мѣрѣ казакомъ кочуешь на полѣ, не со многими своими людьми — то нашему царскому величеству вѣдомо. А которые ногайскіе люди, тайбугинъ юрть которые кочевали вмѣстѣ съ тобою — отъ тебя отстали, на которыхъ людей была тебѣ большая надежда! А Чин-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству и нынѣ, по нашему царскому жалованью — намъ служить. А достальныя твои люди — отъ тебя пошли прочь съ царевичи съ Капаномъ да съ Бѣленинемъ; а иные пошли въ Бухары и въ Ногаи, въ казацкую орду, а съ тобою нынѣ люди не многіе — то нашему царскому величеству подлинно вѣдомо.

«А хоти бѣ съ тобою были и многіе люди — я тебѣ, по своей неправдѣ, противъ наше рати какъ стоять?

«Вѣдаешь и самъ, какія были мусульманскія великія государства — Казань да Астарохань — и тѣ государства, съ Божіею помощію, отецъ нашъ, блаженныя памяти царь Иванъ Васильевичъ, пришелъ своею царекою персоною — такія государства поймалъ — и нынѣ наше царское величество тѣ государства, съ Божіею помощію, держитъ.

«А тебѣ — будучи на полѣ и живучи казакомъ — отъ наше царскіе рати и отъ вогненнаго бою.. избити, и нынѣ за твои прежніе грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послати (своя большая) рать съ вогненными боеми и тебя со всеми покорити:

«Да мы, царь всеа Русіи — истинный хрестьянскій, милостивый государь, по своему милосердому царскому обычаю, смертнымъ — животь даемъ и виннымъ — милость кажемъ!

«И на такіе твои прежніе грубости, и неправды, и непослушанье не смотря, выдаче тебя въ такой нынѣ негодѣ — наше царское, жаловальное слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты, Кучумъ царь, ѣхалъ къ нашему царскому величеству, буде похочешь нашему царскому величеству служить — безо всякаго сумнѣнія и съ своими дѣтьми, которые нынѣ съ тобою похотятъ ѣхати и наши царскія пресѣятая очи видѣть.

«А какъ у нашего царскаго величества будешь и наши царскія очи увидишь — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. И похочешь, будетъ, быти здѣсь, въ нашемъ государствѣ московскомъ, при нашихъ царскихъ отѣхъ, и близко нашей царской милости — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, устроити велитъ города и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству, также какъ и пныхъ царей и царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему царскому величеству.

«А будетъ, бытъ у насъ и наши царскіе очи увидѣтъ, похочешь быти на прежнемъ своемъ юртѣ, въ Сибири — и мы, великій государь, тебя, Кучума царя, пожалуемъ на сибирской земли царемъ и въ нашемъ царскомъ жалованьи учнемъ тебя держати милостивно.

«Писано въ лѣто 7103 (1597).» (Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 68.)

дять и пожаловать бѣднаго изгнанника, сообразно съ его прежнимъ величіемъ (82).

Кучумъ не послушалъ милосердаго призыва.

Участь его была рѣшена.

Донесенія тарскаго воеводы Воейкова къ царю открываютъ намъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и послѣднихъ бѣдствіяхъ

---

(82) «Цареву величеству холопъ заштъ, Абдюль-Ханръ царевичъ множествомъ много челоуъ бѣеть.

«Прежь сего прислали есте къ великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству, челоуѣка своего Мегметя съ грамматою, и въ граммати своей царскому величеству писали есте, чтобъ великій государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожаловалъ юрты... отдати велѣли и брата нашего Мегметъ-Кула... къ тебѣ отпустить велѣли. А язь въ твоиры былъ у царскаго величества въ опалѣ. И были есма челоуѣ великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, чтобъ великій государь меня пожаловалъ, позволилъ мнѣ написать тебѣ грамату, а ты вины своя покروعшь, учинишься полъ его царскою рукою и сына своего царевича къ его царскому величеству пришлещъ. И великій государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ, не памятуя предъ своимъ царскимъ величествомъ винъ нашихъ, позволилъ мнѣ отъ себя написать къ тебѣ грамату, а ты по той м(оей) граммати ничего не учинилъ — къ великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу, всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству... ни самъ не пріѣхалъ, ни царевича не прислалъ.

«И нынѣ великій государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловалъ, казнь смертную отдалъ и пожаловалъ меня (города) и волостями съ братомъ съ моимъ, съ Магметъ-Куломъ царевичемъ выстѣ.

«А про ешиа цареву величество слухъ доходитъ, что пребыванье твое — нужно, и скудость великая, и братья наши, царевичи Канай да Иделнякъ со многими людьми, пошамъ отъ тебя прочъ, а съ ешимъ царевымъ величествомъ немногіе люди остались.

«И мы съ братомъ своимъ съ Магметъ-Куломъ царевичемъ были челоуѣ великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, его царскому величеству, чтобъ насъ царское величество пожаловалъ, позволилъ намъ написать къ тебѣ грамату, а ваше, чаемъ, цареву величество нынѣ похочеть быть водъ великаго государя его царскаго величества рукою.

«И великій государь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ... позволилъ, а приказалъ намъ написать къ вамъ грамату и вы бѣ, цареву величество... къ великому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу... (пріѣхали ли Москву?).

«А то намъ, царскаго величества, отъ печатнаго и посольскаго дѣяка Василья Яковляча (Шел)калова вѣдомо есть: будетъ похочешь быти при царскомъ величествѣ, при его пресвѣтлыхъ отецъ и великій государь царь и великій князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству. А у великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи самодержца, у его царскаго величества служатъ многіе цари и царевичи и в(о)водичи волоскіе и мутьянскіе и ино многіхъ государствъ государскіе дѣти — и тѣ всѣ в(ъ великомъ) жалованьи живутъ безъ оскудѣнія.

«А буд(отъ, будучи) у царскаго величества, похочешь бы(ти на своемъ) юртѣ, въ Сибири и царское величество (тебя) своимъ жалованьемъ пожалуетъ — (въ сибирской землѣ царемъ велитъ быти.» (Тамъ же, № 67.)

перваго и послѣдняго сибирскаго вѣстителя, чувствуемаго отъ царскаго двора титуломъ царя.

Воевода Воейковъ отправился изъ Тары въ походъ на Кучума 4 августа 1598 года. Изъ Тары онъ вывелъ отрядъ, который составляли три сына боярскіе, два атамана, сто человекъ Литвы и казаковъ, 30 человекъ служилыхъ юртовскихъ Татаръ и 60 человекъ ясачныхъ, волостныхъ Татаръ; съ этимъ отрядомъ соединились отряды изъ другихъ городовъ, такъ-что всю численную силу рати Воейкова составляли три сына боярскіе, татарскій голова Черкасъ Александровъ, три атамана и четыреста, безъ трехъ, Литвы, казаковъ и Татаръ.

10 августа, въ предѣлахъ нынѣшней Барабинской-Степи, Воейковъ послалъ татарскаго голову Черкаса Александрова съ однимъ боярскимъ сыномъ, въ турашскую волость добывать языковъ. Голова досталъ языковъ.

Языки сказавъ, что Кучумъ велѣлъ имъ жить на Убѣ, а самъ онъ почуетъ на Черныхъ-Водахъ; людей у него 500 человекъ, да торговыхъ Бухарцевъ пятьдесятъ.

15 августа воевода Воейковъ пришелъ на Убѣ-Озере (Убинское, на сѣверо-востокъ отъ озера Сартана и Чановъ), захватилъ тамъ всякъ лучшахъ людей, сталъ ихъ выпытывать про Кучума и узналъ, что Кучумъ съ Черныхъ-Водъ ушелъ на рѣку Обь, гдѣ у него хлѣбъ сѣянь.

На другой день, казаки привели къ Воейкову, со степи, изъ барабинской волости, новыхъ языковъ. Они подтвердили тѣ вѣстия, которыя собраны были наканунѣ, но къ этому прибавили, что Кучумъ собирается войною на Тару, что онъ скоро хочетъ на нее идти, и что, кромѣ наличной орды въ 500 человекъ, у него есть еще много приверженцевъ по окрестностямъ.

Воейковъ отдалъ отъ своего отряда небольшую команду и послалъ ее на этапъ приверженцевъ, по указаніямъ языковъ, а самъ двинулся впередъ на Кучума.

Пунктъ пребыванія Кучума былъ, по доносенію Воейкова, на Оби, и именно въ трехъ днищахъ выше Чатъ (Чанъ), на лугу, на Оршени, отъ Колмаковъ въ двухъ днищахъ (83).

Съ самаго начала похода, Воейковъ шелъ «наспѣхъ, день и ночь».

---

(83) Мы полагаемъ, что «Черныя-Воды» переводъ слова Кара-су. Южнѣе Чановъ есть и озеро *кара-суцкля* и рѣка *кара-суцк*. Вершины Карасука сближаются съ крутымъ извертономъ рѣки Оби между городомъ Колыванью и селеніемъ Крутскою (на пол-пути вѣлей отъ Колывани до Варнаула), въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи и именно въ Колыванской-Области. Затрудненіе въ томъ еще: какъ понимать выраженіе: *свыше Чатъ*? Были ли сами Чаты на Оби, или это просто значить — къ югу отъ Чатъ, то-есть, именно отъ озера Чаны? Вотъ вопросы, которые положительно еще не разрѣшены. Если воеводы наши знали про Убинское-Озеро — то имъ нельзя было не знать и про Чаны, а между-тѣмъ этого названія мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчали. Принимая, что Чаты то же, что и Чаны — мы пойдемъ и выраженіе князца томской волости, Буштинскаго — Толна, что отъ мѣстъ его кочевья, то-есть, отъ рѣки Томи, до Чатъ — ходу 10 дней. (См. прил. 58.)

Весь походъ былъ совершенъ въ 16 дней, и 20 августа, на зарѣ, воевода явился въ становище Кучума.

Русскій отрядъ дѣйствовалъ стрѣлами и пищалями; у Татаръ «вогненнаго бою», вѣроятно, не было; но какова была битва, каково было ожесточеніе Татаръ, если этотъ, по-видимому, неравный бой, при единодушїи и энергїи кучумовыхъ Татаръ и при разноплеменности нашего отряда, продолжался отъ солнечнаго восхода до полудня!

Вотъ краснорѣчивый результатъ этого отчаяннаго боя, въ которомъ наши казаки «дрались явственно».

Убиты:

Илгитенъ, братъ Кучума;

Канай, сынъ Кучума;

двое дѣтей спасагося бѣгствомъ царевича Алея;

шесть князей;

десять мурзъ;

пять аталыковъ;

150 человекъ ратныхъ.

Этого мало: 100 человекъ Татаръ уларились въ бѣгство и бросились въ Обь, въ надеждѣ переплыть ее; пощадъ имъ не было и тутъ: воевода велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пищалей и изъ луковъ, и всѣ они погибли.

50 человекъ Татаръ взяты въ плѣнъ; Воейковъ доносилъ царю, что онъ ихъ велѣлъ — кого приколоть, кого перевѣшать: таково было ожесточеніе, еще болѣе возбужденное кровопролитною битвою.

Спаслось всего человекъ «съ пятьдесятъ», но и ихъ вскоре нагнали и всѣхъ извели.

Захвачены въ плѣнъ, сохранены и отправлены въ Москву:

Сыновья Кучума, *царевичи сибирскіе*: 1) Асманакъ, 30 лѣтъ; 2) Пшань, 20 лѣтъ; 3) Бибадша, 8 лѣтъ; 4) Молла, 4 лѣтъ и 5) Кумышъ, одного года.

Жены Кучума, *царицы сибирскія*: 1) Большая, Салтанымъ съ дочерью, царвною Тулунбекъ, 3-хъ лѣтъ; 2) Сюйдеджанъ съ дочерьми, царевнами: Дерпадшей, 10 лѣтъ, Мондуръ 6 лѣтъ и Карачанъ 3 лѣтъ; 3) Яндеветъ, 4) Актолунъ съ 14-ти лѣтнею дочерью, царвною Гулсыятъ; 5) Аксюрюкъ, съ трех-лѣтнею дочерью, царвною Акханымъ; 6) Шевлеи съ дочерью, царвною Азеп-Салтанъ, 11 лѣтъ; 7) Кубуль-царица и 8) царица Чепшанъ, мать Абдул-Ханра.

Кромѣ поименованныхъ семи царевенъ, была еще царевна, 14-лѣтняя дочь Кучума, Кумызъ.

Всѣхъ съ ними попали въ плѣнъ:

Жена старшаго кучумова сына, Алея, дочь ногайскаго князя Тин-Ахмета, Хавзада съ сыномъ Янсюеромъ, 4 лѣтъ.

Жена другаго кучумова сына Каная, дочь ногайскаго князя Уруса, Данай, съ дочерью Наврузбекъ.

Кучумова зятя, ногайскаго мурзы, измаглова внука, Беги-мурзы, убитаго въ битвѣ на Оби, сынъ Зисн-Махметъ съ сестрою Лалотогаей.

Сибирскіе мурзы Бейтерекъ Чеплемишевъ съ женою, Тока Козяковъ,

Исенгальдей Тойлаковъ, Корявда Карамышевъ и нѣсколько мужской и женской прислуги.

Плѣнникамъ царь велѣлъ объявить, что «царева кучумова передъ государемъ была неправда многая — и за то надъ нимъ такъ Богъ и учинилъ; но чтобъ они не сумнялися: русскій царь милостивъ, онъ «казнить ихъ не велить, а велить, по своему милосердому обычаю, «устроить, какъ бы имъ быти безъ нужи».

Но не смотря на строгіе указы, чтобъ приставленные къ высокимъ плѣнникамъ люди, имѣли къ нимъ береженье, охраняли ихъ отъ нуждъ, обидъ и безчестья, хорошенько ихъ кормили и пили виномъ и медомъ (что разрѣшено было забирать и въ монастыряхъ, еслибъ случилось, что кабаковъ на дорогѣ по близости не было) — все безъ маленькихъ неприятностей дѣло необходимо: то никто не хотѣлъ давать имъ корму безъ особаго царскаго указа, то продавцы заламывали страшныя деньги противъ указной оцѣнки, то денегъ не хватало, то нигдѣ не могли снискать патоки, вина и меда, до которыхъ «ихъ царѣвы величества» были, кажется, очень-лакомы.

Были и другія не столь мелкія горести. Такъ однажды царевичъ Асманакъ «изнемогъ съ кручины», что его разобидѣлъ конный казакъ Пятулька Петровъ. Въ то самое время, когда у царственнаго семейства вышелъ послѣдній запасъ хмѣльнаго а ему очень-хотѣлось потѣшиться русскими шипучими медами, «Пятуля пришелъ къ царевичамъ пьянъ, ночью, бранился и лаялся»... весьма неблагопрістойно. Вообще, прибавляютъ царскіе приставы, казаки ведутъ себя изъ-рукъ-вонъ-дурно: «и Татарамъ чинятъ тѣсноту великую, да и насъ-то, хо-«лопей твоихъ государевыхъ, вовсе не слушаютъ (говорятъ: мы-де «вамъ не приказаны! таковы жъ-де и мы, что и вы!), ходятъ всегда «пьяни (берутъ не вѣдомо откуда), воруютъ, и къ царевичамъ и къ «царицамъ ходятъ безчинно».

Годуновъ смилосовалъ надъ несчастными, хотя и дикими, но все же царственными плѣнниками, нѣстрога заказалъ дѣлать имъ малѣйшія неприятности, безпрестанно посылалъ имъ вина и медовъ и тѣшилъ ихъ, отъ царскихъ щедротъ своихъ, яблоками, изюмомъ, винными ягодами, шафраномъ, толченымъ перцомъ и разными другими лакомствами; наконецъ съ избыткомъ одарилъ ихъ платьями цвѣтными, шубами дорогими, шелковыми матеріями и бархатами, отвелъ всѣмъ имъ въ Москвѣ удобныя квартиры и далъ приличное, сообразное съ тогдашними временемъ и обстоятельствами, безбѣдное содержаніе.

Но Кучумъ опять не дался намъ въ руки!

Во время послѣдняго разгрома, онъ, самъ-третей, уплылъ въ лодкѣ, внизъ по Оби.

Воейкомъ пустился-было со всею ратью за намъ въ погоню, перешагнулъ на плоту рѣку Обь, полагая, что Кучумъ тутъ гдѣ-нибудь скрывается въ лѣсу, бросился въ разсыпную, искалъ его вездѣ—но Кучумъ скрылся.

Онъ былъ еще живъ, хотя сначала и ходили слухи, будто-бы онъ утонулъ въ Оби.

Вскорь послѣ того, Воейковъ послалъ Кучума сента, Тул-Махмета, отыскать Кучума и сказать ему, чтобъ онъ сдѣлся, чтобъ онъ поехалъ къ царю, служилъ ему варю и правдою, что воцарился новый царь, государь милостивый, Верить Федоровичъ Годуновъ, что онъ Кучума-царя помянуеть, помянуеть его своимъ царскимъ жалованьемъ, отдасть ему в дѣтей и женъ...

— Не поехалъ я сентъ къ государю, по государевой грамотѣ, по государеву зову, пока еще я былъ человѣкомъ, такъ ужъ теперь мнѣ вѣдн на варную смерть что за неволя? Я умъ в то и старъ, и глухъ, в слѣпъ, и совсѣмъ пропалъ! Отняли вы у мѣня, старика, и послѣднюю полпору, сына моего-кормильца Асманака царевича. Лучше бѣ вы у меня всѣхъ моихъ дѣтей поотняли, да Асманака мнѣ одного оставили. Ну, что я безъ него теперь?... Поѣду къ Ногаю, а сынъ пускай вѣдетъ въ Бухары... (84).

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ Кучумъ Воейкову черезъ Тул-Махмета: семнадцать лѣтъ потерь, неудачъ, лишеній, гора—не переломила желѣзной воли этого человека!

Тул-Махметъ возвратился 5 октября 1598 года и рассказывалъ Косоводъ, что онъ нашелъ Кучума за Обью (значитъ, по правому берегу, гдѣ-нибудь между Чумышемъ и Берлюю, въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи), въ лѣсу, внизъ по Оби, въ двухъ дняхъ отъ побояща; съ нимъ было три сына, да человекъ тридцать Татаръ.

Кучумъ водвалъ сента къ побоящу — хоронить тала вѣрныхъ друзей своихъ.

Онъ собрался въ Ногай, но... время холодное, далеко...

Кто-то, добрый человекъ, сказался надъ сибирскимъ царемъ, далъ ему кова в шубу.

«Царь Кучумъ бѣжалъ въ Ногай—и тамъ убитъ бытъ отъ Ногаи, еже бо ему рекоша: яко ты здѣ пребываеши, да я намъ тако же сотворять, яко же я тебя!

«И ту сконча животъ свой!» (85).

(84) Акты Ист. Археогр. Комм., т. IV, № 1, 2, 3, 4, 5, 11 — 13, 15 — 17, 19 и 21 — 23. — Поданными рѣчи Кучума Тул-Махметъ передалъ Воейкову такъ:

«Не поехалъ-деи я къ государю по государевѣ грамотѣ своею волею, въ коудей перу я была совсѣмъ нѣтъ, а за сибирь-деи мнѣ къ государю вѣтъ не по-чел! А нынѣшн-деи я стадъ глухъ, и слѣпъ и бѣду всего живота. Вали-деи у меня промышляеица, сына моего Асманака царевича: хотъ бы-деи у меня всѣхъ дѣтей поотняли, а одинъ бы-деи у меня остался Асманакъ—и лѣтъ бы-деи объ немъ еще промышлять. А нынѣшн-деи я иду въ Ногай, а сынъ-деи я своею послалъ въ Бухары..... «Кучумъ побѣжалъ вверхъ по Оби... а сента отпустилъ».

Выраженіе «ѣхати въ каблю» — слѣдъ вѣнчать сѣдла на вѣрную смерть.

Мушкетерскіи и вообще широкіе мечи Сибири, при пронзесеніи присяги въ Подданство Московскому государю, исполняли нѣсколько обрядовъ, въ числѣ которыхъ было и лизаніе кровасой сабли; въ словахъ вѣданы въ вѣрности — было заклятіе «ѣхати яко колосу на дощраля сабли; саблю эту держали въ то время надъ гловей пристаивать или рубали ею собакъ. (См. Собраніе Госуд. Грамотъ и Документовъ, т. IV, № 145 и т. IV, № 157.)

(85) Считаю не лишнимъ приложить здѣсь одну грамоту, интересную какъ по внутреннему своему содержанию, такъ и по дѣтальному, что каковы убилъ Кучума.

ГЛАВА X. И. И. ПОСЛАНИЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Несколько мыслей о личности Ермака.

«Вы изъ чего такъ хлопотете? Вамъ-то нѣмѣ тутъ дѣло?
«Вотъ, вѣдь охота жь пришла челоѣтку пускаться на споры...
«Есть изъ чего хлопотать!.. да впрочемъ, кто жь вамъ повѣрить?
«Дѣло другое — скажи это тотъ, кто поголосистѣй —
«Академикъ, французъ, или велемудрый шѣмпъ —
«Ну, тогда шпелляціи нѣтъ: развѣичана слава!
«Дѣло съ концомъ!.. а то, прости Господи. . . . .
Ю. Введенскій.»

Итакъ мы кончили свои нехотрые и далеко неполные разсказы о Ермакѣ и о Кучумѣ; передали, безъ увлеченія, въ пользу своихъ или въ пользу чужихъ, простыя сказанія дѣтловпсцевъ; показали, какъ

Впротнво, слово убилн здѣсь равносильно слову разбили, но не болѣе. Граммату эту мы беремъ изъ Миллера (стр. 306 и 307):

«Отъ царя и великаго князя Михайлы Федоровича всеа Русіи въ Сибирь, въ тюменской городъ, воеводамъ нашимъ, князю Михайлу Борисовичу Долгорукову, да Юрью Авонногоповичу Редрикову.

«Былъ намъ челоѣмъ тюменскаго города конный казакъ Гаврилко Ивановъ; а сказалъ:

«Служилъ-де онъ блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи, и царю Борису Федоровичу всеа Русіи, и царю Василью Ивановичу всеа Русіи и намъ великому государю — въ Сибири сорокъ два года, а прежде того онъ служилъ намъ на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ иными атаманами.

«И какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя съ куреня сблнн, а царство сибирское намъ взяли, и муръ и Татаръ разорили и онъ-де былъ посланъ съ Ондреємъ съ Воейковымъ на нашу службу на тово же Кучума царя и Божию-де милостию и нашимъ счастиемъ тово царя Кучума на Обѣ рѣкѣ иогромили, и его убили и жены его и дѣти взяли.

«Да его же-де посылали на Алга царя боярннъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводоу съ Назарьемъ Изъѣдниковымъ и того-де Алга царя взяли и женъ и дѣтей повзали.

«Да онъ же-де въ Сибири ставилъ Томской городокъ при воеводѣ Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же-де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Васильѣ Сукнинѣ; да онъ же-де посылали былъ въ Кузнецы для лашего лсаку и первый-де лсакъ взяли; да онъ же-де Тобольскій городокъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулковѣ; да онъ же-де Тарской городокъ ставилъ при воеводѣ при князѣ Андрѣѣ Клецкомъ; да онъ же-де ставилъ Пермской городъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ; да онъ же-де посылали на нашу службу боярннъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ головоствомъ на казныцкихъ людей, и онъ-де казныцкихъ людей погрозмили и женъ и дѣтей въ полонъ взяли.

«А нынѣ-де на Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ — атамана нѣтъ и намъ бы его пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ атаманѣхъ на Степанова мѣсто — Онтропова, а Степанъ-де ямѣ служить на Тюмени въ дѣлехъ боярскихъ.

«И какъ къ намъ съ наша граммата придетъ, а то, будетъ. Степанъ Антропова мѣсто порожно — атамана на его мѣсто у конныхъ казаковъ нѣтъ — и вы бѣ Гаврилку Иванова, за тѣ его многія службы, велѣли въ Тюменскомъ городѣ быти у тюменскихъ, у конныхъ, казаковъ въ атаманѣхъ.

«Писанъ въ Московѣ дѣта 7121 (1623) году февраля въ 23 день.»

Ермакъ, «сей витязь счастливый», пришелъ въ Сибирь, какъ онъ согналъ съ мѣста (съ куреня сбѣлъ) сибирскаго царя, какъ Кучуму пришлось перенести свое кочевье вверхъ по Иртышу, какъ, наконецъ, Русскіе его настигли и уничтожили... все, кажется, шло просто, какъ вельза-быть проще, безъ чудесъ, естественно, своимъ порядкомъ, и кажется такъ, что этому дѣлу случиться иначе и невозможно было.

Но отъ-чего жь до Ермака этого не случилось?

Отъ-чего жь послѣ Ермака не повторилось чего-нибудь подобнаго, въ томъ же размѣрѣ?

Не-уже-ли одному Ермаку на роду написано было такое счастье?

Слабое счастье! Надобно же было простому казаку, волжскому казаку, забрать въ голову счастливую мысль — идти въ Сибирь; надобно же было счастьемъ помочь ему счастливо добраться до Сибири, счастливо побѣждать Татаръ, счастливо не умереть съ голоду, счастливо не замерзнуть отъ морозовъ, счастливо овладѣть Сибирью, счастливо два года держаться въ ней, счастливо не упустить ея изъ рукъ, счастливо указать путь другимъ, счастливо заставить все потомство чтить его память...

Нать, тутъ ужь изъ-рукъ-вонъ много счастья!

Невольно вспоминая слова другаго русака-счастливица: «все счастье да счастье—надо же, помилуй Богъ, вѣдь и ума сколько-нибудь!»

Посмотримъ, много ли было ума у престолюдина времени Грознаго — у Ермака, и сколько его пошло на дѣло завоеванія Сибири.

Если предположить, что первоначальный проблескъ мысли «идти въ Сибирь» былъ безсознательный, то мысль эта такъ — хорошо созрѣла, такъ — хорошо обдумана Ермакомъ, чтобъ ее можно было назвать коротко «счастливымъ наитіемъ». Мысль эта такъ необыкновенна, такъ хитра, такъ въ ермаковомъ положеніи велика, что, принявшись обдумывать предметъ съ этой стороны, мы принуждены искать какой-нибудь опоры, чтобъ понять «логичность» ермакова похода. Мы невольно перевертываемъ нѣсколько страницъ, и все вниманіе свое устремляемъ на какое-то преданіе (глава V) о томъ, что Ермакъ былъ камскій уроженецъ, или, вѣрнѣе, тутошній житель, котораго, въ молодыхъ лѣтахъ, привезли сюда родители на ключъ о заселеніи камской стороны охотниками, и который имѣлъ время и средства изучить страну. Внутренняя, нравственная, положимъ, тайная связь должна существовать между Ермакомъ и Чусовою. По всему видно, что онъ пришелъ не въ чужое мѣсто, а въ знакомое ему захоластье, гдѣ онъ издавна набрался свѣдѣній и о путяхъ, ведущихъ за Камень, и о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ и о степени гражданскаго порядка. Ермакъ не пошелъ на Янкъ, подобно некоторымъ казачьимъ шейкамъ, не бросился и въ противоположную сторону за другими партіями, не кинулся въ какую-нибудь глушь, которая не сулила ему особенныхъ пріобрѣтеній — пѣть, удалась въ сѣверо-восточную крайину, онъ зналъ, куда именно онъ идетъ и зачѣмъ именно онъ идетъ. Онъ долженъ былъ вполне и заранее сознать все успѣхи, предвидѣть все неудачи, чтобъ сговорить своихъ многочисленныхъ товарищей послѣдовать за собою единодушно.

Ермаку много надо было иметь ума и на то, чтобы преследовать внешне-осваивавшую его мысль; но еще больше ума надлежало ему иметь, чтобы привести эту мысль въ исполнение, чтобы совершать трудный и опасный походъ на Чусовую.

Нуженъ былъ Ермаку умъ необыкновенный и для того, чтобы уладить искусно своимъ дѣломъ на Чусовой и вести себя такъ, что тамошнее народонаселеніе не вооружилось противъ его дѣйствій, не вооружило противъ него его же товарищей, что Ермака не лишили власти, не связали и не представили мѣстнымъ правителямъ, какъ осужденнаго и бѣлаго преступника, вмѣстѣ съ Кольцомъ и другими атаманами.

Пребываніе Ермака на Чусовой, должно было ознаменоваться проявленіемъ его блистательныхъ административныхъ способностей. Онъ не могъ идти въ походъ «какъ есть»: ему нужно было обезпечить и собственную свою участь, и участь задуманной мысли, и участь всѣхъ своихъ товарищей.

По однимъ сказаніямъ, Ермакъ привелъ съ собою 600 человекъ, да на Чусовой нанербовалъ еще 50 человекъ съ провожатыми; по другимъ — у него было только 500 казаковъ, да съ Чусовой онъ забралъ съ собою 40 человекъ. Следуя Есипову, мы принимаемъ мѣньшее число, хотя при первомъ случаѣ готовы принять и большее, потому-что вопреку этому положительно не разрѣшенъ — а дѣло чрезъ это несколько не терпѣтъ, ни выигрываетъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ.

Первою мыслию Ермака для сформированія своихъ товарищей въ необходимомъ порядкѣ, было... тутъ мы затрудняемся докончить фразу, потому-что у Ермака все должно было быть главною мыслию. Раздѣлимъ же эти средства на предметы продовольствія и на предметы снабженія экспедиціи тѣмъ, безъ чего ей обойтись было нельзя.

Начнемъ съ хлеба.

И тутъ, съ перваго же раза, мы видимъ новый, умный расчетъ Ермака. Обитатели Сибири, какъ мы уже видали, являлись земледѣльцами. Ермакъ зналъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ долженъ былъ знать, что путь его будетъ лежать мимо пашенныхъ волостей, и выбралъ для своего похода по Сибири время самое удобное, сентябрь мѣсяць, осень, когда хлебъ долженъ быть убранъ съ полей. Въ этомъ фактѣ нельзя видѣть удачи, или одного счастья; хлебъ не такой предметъ, чтобы не подумать заблаговременно: «чѣмъ же мы жить будемъ?» Ермакъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и, въ-слѣдствіе этого, дѣйствительно могъ не обременять себя излишнимъ количествомъ хлебныхъ запасовъ: будь это не къ осени и не въ видѣ набыга — препятствіе въ продовольствіи было бы непреодолимое.

На счетъ соли Ермаку, точно такъ же какъ и на счетъ хлеба, на юбно было мастерски уладить дѣло съ чусовскими жителями и ихъ соляными варницами. И ласковыя слова, и угрозы, и обольщенія, все было пущено въ ходъ, чтобы пріобрѣсть необходимое. Мары, предпринятія для этого Ермакомъ, намъ точно неизвестны, но тѣмъ не менѣе, какковы бы онъ ни были, результатъ самый доказываетъ, что Ермакъ былъ такъ уменъ, такъ великъ, что на этой дорогѣ не могли остановить его какія-нибудь препятствія, которыхъ бы онъ не сумѣлъ бли-

статейно преодолеть. Черезъ три года, этимъ же путемъ шло царское войско; но походъ его былъ несчастливъ. Надо предположить что инабуль оляо: для Болховской не умалъ самъ обезпечить продовольствіе своей рати, уступавшей въ своемъ числѣ ермаковой дружинѣ, или ему на Чусовой не дали столько провіанту, сколько было нужно, за невмѣніемъ и бѣдностью обитателей. Рать Болховскаго гвбла — Ермакъ вышелъ дѣль и невредитъ, и заслуга его, въ этомъ отношеніи, сколько бластательна, столько же доказываетъ въ вещь отличнаго администратора.

Ермаку мало было запастись однимиъ хлѣбомъ: ему нужно было перевезти съ собой и рыболовныя сѣти, которыя обезпечивали въ меньшей степени существованіе его людей: сѣти—неотъемлемая принадлежность казака и могли быть привезены или съ Волги.

Что касается до другихъ принадлежностей, которыя мы подводимъ подъ одну категорію снабженій, начнемъ съ перваго, въ чемъ Ермакъ могъ и долженъ былъ нуждаться.

Рѣчьна суда, въ которыхъ Ермакъ прибылъ на Чусовую, не было возможности перетаскивать черезъ горы волокомъ. Такой родъ перевозки дѣлается и къ наши времена, но только не по герамъ, а тамъ, гдѣ и мѣстность, и краткость пространства, и механическія усовершенствованія даютъ къ этому возможность. По Уральскому Хребту, по грядамъ горъ, отъ гребня до подошвы усаививимъ черными, гигантскими лѣсами, перетаскивать лодки съ кладью, людьми, на огромномъ прѣтяженіи, по мѣстности, непредставляющей къ тому никакихъ способовъ, было фазатически-невозможно. Ермакъ долженъ былъ заблаговременно запастись всамъ, чтобы, по переходѣ горъ, «не образу пашаго хожденія», быть въ состояніи продолжать свой путь водно. Ему нужны были топоры, веревки, гвозди, холстъ, множество другихъ вещей, о которыхъ ему надо было подумать самому и не ставить себя въ зависимость отъ Татаръ, которые многочисленностью своею могли всю его дружину уничтожить въ прахъ: не помогъ бы и ружья — вепріателю стѣвало только приучиться къ ихъ грому, а мы вѣдали, что Татары скоро успѣли освоиться и свыкнуться съ огненными стрѣлами, или самопалами казакать.

Наковецъ, Ермакъ долженъ былъ снабдить болѣе 500 человекъ оружіемъ. Положимъ, что главнымъ оружіемъ ихъ могли быть топоры и копыя, шки или дротники, которыхъ изготовленіе не могло затруднять казаковъ; мечать-быль, у шнаго былъ в сабля; но безъ сѣйдаковъ, обыкновеннаго вооруженія того времени—Ермаку трудно было обойтись. Татары сами дѣйствовали стрѣлами: значить, и Ермаку нужно было, хотя для половины своихъ ратниковъ, имѣть что-инабуль, чамъ бы могъ онъ дѣйствовать на вепріателей издалека. Для вѣждаго казака имѣть пѣщала было не только не въ средствахъ или въ возможности частверѣ лицъ, предводителя 540 человекъ, но даже и долго спустя, мы и въ царскомъ-то войскѣ, гораздо-позже, и не въ одной Сибери вѣдимъ ружья не у всѣхъ ратниковъ. Достаточно, если у Ермака на каждае десяти человекъ было по одной вѣщали.

Само-собою разумеется, что мысль о пушках Ермаку, какъ умному человеку, не могла прийти въ голову, хотя наши учёные историки и утверждаютъ, согласно Строгоновскому летописцу, что Строгоновы дали ему триста человекъ собственныхъ своихъ храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Татаръ, Русскихъ и, вдобавокъ, снабдили его цілою артиллеріей изъ нѣсколькихъ пушекъ. Вспомнимъ только, что были тогдашнія пушки, вспомнимъ ихъ форму, ихъ тяжесть, снаряды для нихъ, ихъ неспособность для перевозки по такимъ мѣстамъ, гдѣ и пѣшему проходить—трудъ огромный, и согласимся, что казакамъ брать пушки съ собою было — не дѣло. Да и гдѣ было Ермаку взять хоть одну пушку? О Строгоновыхъ — дѣло конченное: стало быть, самому Ермаку приходилось или украсть или купить пушку, изготовить для нея передокъ, добыть и уложить сотня два-три ядѣрь (не холостымъ же зарядомъ стрѣлять ему въ воздухъ!); для одной пушки требовалось много и винаго-прочаго: гдѣ ему было достать такую драгоценность? На Камѣ, въ иномъ мѣстѣ, одна пушка защищала цілое селеніе: кто съ такимъ сокровищемъ разстанется? И мансуровская пушка могла быть въ Сибиря только потому, что ее везла или несла по проложенному пути, а по особеннымъ причинамъ — потому-что она была прислана отъ царя. Но за то сколько, можетъ-быть, ее переносъ стоило! сколько онъ потребовалъ времени!.. Не таковы были обстоятельства Ермака, чтобъ онъ рѣшился связывать себя обузою и тяжкою и ненужною. Замѣтимъ къ слову, что въ тѣ времена, выраженія «вогненный бой» и «пушечный нарядъ» употреблялись какъ синонимы, что слово «пушкарь» хотя и рознилось отъ слова «стрѣлецъ», однакожь имъ иногда именовали всякаго стрѣла, который владелъ пищалюю или управлялъ пушкою, что названіе «пищаль» обозначало и самопалъ и пушку меньшаго калибра, и что только въ царскомъ войскѣ, при конечномъ покореніи центра тогдашнихъ преданныхъ Кучуму волостей, въ 1594 году, мы видимъ около 110 пищалей, да три пушки, у одной ядро въ четыре гривенки, или фунта, а у двухъ по два гривенки (86)... Но мы много наговорили, а не обратили внима-

-
- (86) • А наряду въ тотъ въ новый городъ (въ Тару) послати съ Москвы съ воеводами:
 • Пищаль, въ 4 гривенки ядро, а къ ней 200 ядѣрь желѣзныхъ;
 • Пищаль девятипудная, 2 гривенки ядро, а къ ней 200 ядѣрь желѣзныхъ;
 • 100 пищалей затинныхъ, а къ нимъ по 200 ядѣрь къ пищали, итого 20,000 ядѣрь;
 • 10 пищалей долгиыхъ, а къ нимъ по 200 ядѣрь свинчатыхъ, итого 2,000 ядѣрь;
 • Да съ Пелыма взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипудная, а къ ней 200 ядѣрь;
 • Да въ тотъ же новый городъ послано 50 пудъ зелья, 50 пудъ свинцу.» (Миллеръ, стр. 271.)

Память воеводѣ князю Федору Борисовичу Клецкому:

«Писалъ ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи изъ Тобольскаго воевода князь Федоръ Лобановъ Ростовскій съ товарищи, чтобъ прислать въ Сибирь пять скорострѣльныхъ пищалей (сѣбротно, курковыхъ самопаловъ, хотя слово самопалъ ни разу въ нашихъ актахъ не встрѣчается), чѣмъ промыслить надъ Кучумомъ царемъ какъ царь будетъ въ городѣхъ.

• И нимѣ послано до Лозвы съ Прокофьевѣмъ да съ Иваномъ Воейковыми пять ско-

нія на главное: для чего бы пушка пригодилась Ермаку? въ дракъ съ Татарами, дѣйствовавшими въ разсыпную, ей у казаковъ не было никакого назначенія.

Но Ермаку все-таки нужно было имѣть при себѣ хоть пятьдесятъ пищалей или ружей и запастись для нихъ свинцомъ и зельемъ.

Это исчисленіе крайнихъ потребностей, безъ которыхъ Ермаку нельзя было ступить шага впередъ, и удовлетвореніе этихъ потребностей въ такомъ размѣрѣ, о которомъ ясно говорить результатъ ермакова похода — блистательный успѣхъ его, доказываетъ въ Ермакѣ отличнаго зваточка своего дѣла, предусмотрительнаго полководца, какъ на малочисленно было его войско. Обшарный умъ его и въ этомъ дѣлѣ — неотъемлемы; способности его — способности не простаго, дюжиннаго человека, а человека высшаго разряда.

Перейдемъ къ движеніямъ Ермака въ самой Сибири.

Сцена съ Таузавомъ, кратко переданная нашими летописцами, открывая мѣры, посредствомъ которыхъ Ермакъ могъ узнать о Кучумѣ малѣйшія подробности, доказываетъ находчивость Ермака — изъ ничтожнаго, по-видимому, происшествія, изъ нечаянной встрѣчи, создалъ цѣлую поэму *завоеванія* Сибири. Ермакъ пощадилъ жизнь Таузана, послалъ его съ вѣстями къ Кучуму: значитъ, онъ собирался дѣйствовать противъ сибирскаго царя не изъ-за угла, а враждовать открыто. Какое бы преимущество Ермаку передъ Кучумомъ ни придавало огнестрѣльное оружіе, но тамъ не менѣе добровольное подготовленіе врага къ тому, чтобъ на него нельзя было дѣйствовать врасплохъ, выволить походъ казаковъ изъ ряда обыкновенныхъ набѣговъ, набѣговъ на-ечастье, наудалую. даетъ ему видъ благородной войны и показываетъ, что Ермакъ цѣнилъ себя, ставилъ себя выше того уровня, въ который его судьба забросила, сознавалъ свое нравственное превосходство. Употребляя немножко-громкія выраженія въ отношеніи собственно къ Ермаку, мы спѣшимъ напомнить читателямъ, что хотя цѣль набѣга или похода Ермака была, по нашему, часто-промышленная, то-есть желаніе промыслить добычи, но самое это желаніе, дышащее рыцарствомъ, облагороживается сопровождавшими его обстоятельствами и важною результатомъ.

По нашему мнѣнію, завоеваніе Сибири нельзя, да и нейдетъ, сравнивать съ завоеваніемъ Перу и Мехика.

Мы видѣли, что Кучумъ не похожъ былъ на Монтезуму: параллели между ними проводить не слѣдуетъ. Говорятъ, что Кучуму были предсказанія, предвѣщанія, знаменія, подобныя тамъ, какія угрожали и

рострѣльных пищалей, а къ нимъ по шти согъ ядѣръ желѣзныхъ и со всякими пищальными запасы.

«И воеводѣ князю Федору Борисовичю, прѣйхавъ на Лозву, взяти у Прокофея и у Івана Воейковыхъ тотъ государевъ парядъ и всякіе пушечные запасы и пушкарей и зелье и свинець по росписи и устроить въ судѣхъ отвести съ собою въ некой городъ на Тару и, прѣшедъ на Тару, держать тотъ парядъ въ государевѣ казѣ, до оходу на Кучума царя. (Миллеръ, стр. 285.)

Монтезума; но Кучумъ не былъ такъ суевѣренъ, какъ Монтезума: онъ неуступчиво боролся съ Ермакомъ; въ борьбѣ этой онъ никогда не унывалъ ни своего сана, ни своего достоинства, не падалъ ницѣ передъ покорителемъ, мстилъ ему, сообразно съ духомъ времени, и тайно и явно, сколько позволяли силы и возможность, и наконецъ, семнадцать лѣтъ скитаясь по степямъ, онъ, въ дикомъ величїи своемъ, предпочелъ лучше пасть подъ ударами судьбы, но не запятнать себя добровольною передачею къ тѣмъ, кого считалъ своими притѣснителямъ и врагами. Вотъ съ какимъ человѣкомъ пришлось бороться Ермаку: мы увидимъ бы Кучума съ его характеромъ и волею, если бы позволили себя ставить его на одну доску съ Монтезумой. Правъ ли былъ въ этомъ случаѣ Кучумъ или виноватъ въ чьихъ либо глазахъ—это другой вопросъ: наше дѣло видѣть, что онъ дѣйствовалъ сознательно, что онъ былъ врагъ сильный и опасный, что самая борьба съ такимъ человѣкомъ даетъ подвагу Ермака болѣе-яркій блескъ.

Татары тоже не походили на американскихъ дикарей. Тѣ видѣли въ испанскихъ всадникахъ боговъ, высшихъ существъ, составленныхъ изъ человека и коня; они сначала падали въ прахъ предъ этими высшими существами и покорялись имъ съ трепетомъ, безъ отговорокъ. Татары не признавали казаковъ за боговъ; они видѣли въ нихъ такихъ же смертныхъ, обыкновенныхъ людей, какими и сами были. Съ перваго же знакомства съ Русскими, Татары, вмѣсто того, чтобъ съ полною готовностью поспѣшить признать себя покоренными, осыпаятъ Русскихъ тучами стрѣлъ, ставятъ имъ разные препятствїя, преслѣдуютъ ихъ всюду, рубятся съ ними, убиваютъ ихъ—и все это во имя родной земли и свободы, которую они защищали отъ вѣшества чуждыхъ имъ иноплеменниковъ. Мехиканцы тоже дрались храбро въ послѣдствїя и неохотно поддавались своимъ завоевателямъ, но пушки, регулярный составъ, надежда на чистое золото, самое положенїе Испанцевъ давали имъ огромный нравственный перевѣсъ передъ дикарями. Ермакъ былъ совершенно въ другихъ обстоятельствахъ.

Положимъ, на сторонѣ казаковъ было многое: былъ навыкъ къ схваткамъ, были лодки, въ которыхъ они ускользали отъ враговъ, были ружья, выстрѣлами которыхъ они разгоняли кучумовы толпы. Да развѣ у Татаръ не было же на столько навыка къ дракамъ, чтобъ они не могли противостоятъ ватагѣ Ермака? Знанїе мѣстности, болѣе извѣстной имъ, чѣмъ русскимъ пришлецамъ, замѣняло Татарамъ отсутствїе судовъ и давало имъ то преимущество, что она могла навѣрель рѣсчитать время и мѣсто, гдѣ могутъ вновь встрѣтиться съ Ермакомъ. Да и Ермакъ, какъ мы уже видѣли, выходилъ на берега и сражался съ врагами своими на сухомъ пути, а не старался избѣгать военныхъ дѣйствїй.

И въ этихъ дѣйствїяхъ — если на нашей сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, то на сторонѣ Кучума были преимущества, которыхъ казаки не имѣли, именно многочисленность рати, достоянно-разгоряченная храбрость, свѣжесть силъ, общїй интересъ въ дѣлѣ, быстрая ярость, фанатизмъ (который въ толпахъ Американцевъ стоитъ еще

подъ сомнѣнiемъ) и, что не менѣе важно — конница. Этотъ послѣднiй фактъ, какъ онъ сначала не кажется ничтожнымъ и какъ бы онъ ни былъ представляемъ въ забавномъ или смѣшномъ видѣ, все-таки ведетъ къ тому заключенiю, что отрядъ конныхъ наездниковъ долженъ былъ имѣть рѣшительное влiанiе на планъ дѣйствiй Ермака, долженъ былъ всѣхъ казаковъ ставить въ затруднительное положенiе, долженъ былъ принудить ихъ отвѣчать быстротой на быстроту, маневрировать съ расчетомъ пользоваться мѣстоположенiемъ и избирать выгоднѣйшiя позанци. Все это надлежало запечатлѣть единствомъ мысли, средствъ и исполненiя. Успѣхъ въ дѣлѣ, победа, разбитiе и разсыпанiе враговъ, прибѣгавшихъ къ различнымъ воинскимъ хитростямъ, устраивавшимъ засады, осады, твердые отпоры натиску казаковъ, все это, о чемъ по-большой-части летописи не распространяются, но что само-собою естественно, необходимо вызываетъ на размышленiе — все это, вмѣстѣ взатое, удостовѣряетъ, что тутъ мало было одного счастья, что если и было счастье, то надобно было умѣть имъ воспользоваться; а подвиги, которыми ознаменовалъ себя Ермакъ, блестящимъ образомъ выдвигаютъ его изъ ряда людей, одаренныхъ обыкновенными военскими способностями, и показываютъ, что онъ и въ этомъ дѣлѣ былъ человекъ — выше своего состоянiя, выше своего времени.

Ермака не слѣдетъ сравнивать и съ Кортесомъ. Кортесъ и по рожденiю и по воспитанiю готовился для управленiя другими, для начальствованiя; онъ учился военному искусству, былъ образованный воинъ, былъ военный генералъ, съ мадальтства посвященный во всѣ тайны тактики и стратегiи и притомъ дѣйствовалъ противъ своихъ непрiателей пушками, которыхъ у Ермака вовсе не было.

Но кому Ермакъ былъ обязанъ своими победами? въ какой школѣ онъ приобрѣлъ тѣ свѣдѣнiя и знанiя, обладанiе которыми отъ Ермака неотъемлемо? Къ какой сферѣ принадлежалъ онъ? Въ правѣ ли мы отъ безвѣстнаго, неученаго, какъ видно безграмотнаго даже, простолюдина, ожидать такого блестящаго проявленiя воинскихъ и административныхъ способностей, которыя привыкли встрѣчать только въ людяхъ, постепенно подготовляющихъ себя къ будущимъ подвигамъ по указанному пути?

Вопросы эти естественны: они не простекаютъ изъ какой-нибудь недосказанной мысли... Нѣтъ, мы сами знаемъ, что можно привести тысячи примѣровъ тому, какъ стеченiе незначительныхъ, по-видимому, обстоятельствъ придаетъ духа и окрыляетъ способности человека; предложенные о Ермакѣ вопросы мы возбуждаемъ только для того, чтобъ имѣть болѣе сторонъ, болѣе возможности обсудить предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнiя и вывести изъ этого конечное заключенiе о дѣйствительной важности ермаковыхъ заслугъ.

Здѣсь мало отвѣчать вмѣстѣ съ Карамзиннымъ: «ни современники, ни потомство не думали *отнимать* (полно, такъ да? а учѣнье-то мужа?..) отъ Ермака *полной чести* его завоеванiй»: надо оцѣнить эту честь, надо разобрать эти «завоеванiя», разложить ихъ на основныя части; ва-

до повать, хотя приблизительно, личность Ермака и определить настоящее его значеніе, не изъ подражаніи къ первымъ величинамъ другихъ сферъ, и не изъ къснаго патриотизма, а изъ народной гордости, изъ отчетливой, разумной любви къ своему, къ родному: вотъ долгъ будущаго историка, который станетъ излагать намъ подробно о завоеваніи Сибири, о завоеваніи, совершенномъ въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ, включая сюда же и все время похода, хотя Карамзинъ и утверждаетъ, что не Ермакъ былъ истиннымъ виновникомъ великаго дѣла, что «молва увеличивала славу подвига... забыли давнишнюю извѣстность и самое подданство (Сибири), чтобъ тѣмъ болѣе славить Ермака». Спрашиваемъ благосклоннаго читателя, развѣ эти слова историка, обязаннаго правдивостью, можно назвать *воздаяніемъ чести* Ермаку? Развѣ вырвавшіеся у Карамзина сердечныя вопли о гибели Ермака можно назвать искренними? Какой же послѣ этого смыслъ мы должны дать тому чувству, подъ впливомъ котораго знаменитый историографъ нашъ восклицаетъ: «нѣтъ, волны Иртыша не поглотили его славы: Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!!!...»

Со времени овладѣнія Сибирью, для Ермака начинается новая эпоха внутренней жизни и наружныхъ дѣйствованій. Эпоха этой предшествовала минута, въ которую Ермакъ явился какъ-бы въ апогеозъ своего величія, если только можно такъ выразиться. Природа, обстоятельства, люди, свои и чужіе—все вооружилось противъ Ермака, при занятіи имъ городища Аты: толпа увлекла его назадъ, вырвала изъ рукъ его славу и честь покоренія, готовилась къ бѣгству, но, удержавъ се отъ постыднаго поступка въ такое время, когда въ поступкѣ этомъ все сознавали крайность, все видѣли необходимость, единственное свое спасеніе, Ермакъ показалъ, сколько благородныхъ, высокихъ чувствованій таилось въ глубинѣ души его, повидимому грубой и очерствѣлой. Рѣшиться на битву, въ его положеніи — было подвигомъ; остановить казаковъ—подвигомъ; вдохнуть въ нихъ храбрость и съ ними разбить многочисленнаго непріятеля—опять подвигомъ.

Новая сторона способностей Ермака открывается при взглядѣ на послѣдствія пѣвна кучумова сына, Махмет-Кула. Чего бы, казалось, проще было Ермаку, какъ приказать отмстить за смерть братьевъ смертію ихъ убійцы и тѣмъ навсегда покончить заботы объ опасномъ своемъ врагѣ? Но Ермакъ этого не сдѣлалъ, и мы видѣли, что имъ руководилъ тонкій расчетъ будущихъ преимуществъ его надъ Татарами, преимуществъ, которыми онъ превосходно умѣлъ воспользоваться. Съ общими всѣмъ казакамъ идеями о братствѣ и равенствѣ только между собою, съ ихъ взглядомъ на Татаръ, какъ на вардѣлъ поганый — почтительность обращенія Ермака съ сибирскимъ царевичемъ и «ублаженіе его ласкосердными словесы» служатъ выраженіемъ тонкаго, всеобъемлющаго ума Ермака какъ полтика.

Махмет-Кулъ служилъ ручательствомъ за Кучума, что онъ не предпріиметъ враждебныхъ дѣйствій противъ Ермака, въ рукахъ котораго была жизнь его сына. Махмет-Кулъ же служилъ ему средствомъ для пріобрѣтенія себѣ и своимъ товарищамъ необходимыхъ запасовъ отъ

Татарь, которыхъ ничто не обязывало ко взносамъ хлеба и другихъ предметовъ, для людей имъ чуждыхъ, особенно, если вспомнить, что хлебопашенные Татары обитали вдалекѣ отъ города Сибири, что хотя многое необходимое и могло быть сплавлено въ Ермаку съ береговъ Тобола, Танды, Туры или сверху Иртыша, изъ такъ-называемой Верхней-Земли, однакожь, чтобъ добраться до тѣхъ мѣстъ, надо было умѣючи обдѣлать это дѣло, предварительно сваряивъ отдѣльныя экспедиціи.

Наконецъ, Махмет-Куль служилъ Ермаку окончательною причиною осуществить на дѣлѣ тревожившую, можетъ-быть, его мысль—выступить изъ всеглашной своей сферы темныхъ поступковъ. Теперь Ермаку нѣчего уже было скрывать; теперь онъ имѣлъ право и возможность живо выступить на сцену, громкогласно выйтися действующимъ лицомъ въ обширномъ отечествѣ, обратить общее вниманіе своихъ единоземцевъ на посредственность, дотола имъ незамѣченную, ничтожную, пронащую и, въ глазахъ своего грознаго властелина, выйтися не былымъ преступникомъ, а могучимъ героемъ-завоевателемъ, для котораго не существуетъ уже постыдное прошедшее, который создалъ себя удивленіе въ настоящемъ и славу въ будущихъ вѣкахъ.

Отправленіе посольства отъ подданнаго, и еще отъ какого!—отъ осужденнаго подданнаго, къ царю Грозному—драма глубокая, и, прославивъ вся впечатлѣніи, обуревавшія душу Ермака во все продолженіе этой драмы, прославивъ хотя самымъ былымъ образомъ все, что перечувствовала, что долженъ былъ перечувствовать герой Сибири, мы познали бы, сколько годовъ онъ въ эти минуты переживалъ... Вѣдь оно, действительно, легко намъ, теперь, черезъ двести-шестьдесятъ-семь лѣтъ, судать о поступкахъ Ермака; но каково-то самому ему въ то время приходилось!

Поставимъ же себя на его мѣсто и отдадимъ отчетъ въ мысляхъ, которыя, какъ намъ кажется, должны были, естественно, волновать самого Ермака неразрѣшимыми зарыве вопросама.

Извѣстно, что у Ермака въ дѣлѣ, предшествовавшемъ овладѣнію Сибирью, убито сто-семь человекъ; вѣроятно, многихъ казаковъ лишлася онъ ранѣе; наконецъ, нѣсколько человекъ убито при Абалакѣ на рыбной ловлѣ; значитъ, у Ермака было всего съ небольшимъ человекъ чепыреста казаковъ, или около. — Возьмемъ другое число, передаваемое другими лѣтописани, большее: тогда выйдетъ, что у Ермака было всего на-все пятьсотъ человекъ. Отрядить для охраненія посольства ему надлежало по-крайней-мѣрѣ человекъ пятьдесятъ; стало-быть, Ермакъ остался охранять свое завоеваніе съ 350-ю или 450-ю казаками и долженъ былъ принести первый отрядъ и самого-себя въ жертву будущихъ обстоятельствъ.

Посольство отправлялось въ путь, вѣроятно, не Тагилемъ на Чусовую, а кратчайшимъ путемъ, или, какъ выражаются обыкновенно, «напроходъ», черезъ вершины Танды, прямо на Чердынъ: значитъ, мѣстами новыми, гдѣ казаки еще не бывали и гдѣ населенность была имъ незнакома.

Съ обѣихъ сторонъ, и со стороны Ермака и со стороны Кольца, видна рѣшимость, обличающая вполне воинственный духъ и отважную храбрость казаковъ проходить мѣстами враждебными, гдѣ каждый шагъ грозилъ имъ смертью отъ природы или отъ людей. Чтобы преодолѣть эти преграды, имъ нужно было искусство необыкновенное. Подвигъ Кольца, то-есть, фактическое разрѣшеніе задачъ — исполненіе посольства—подвигъ блистательный.

Но въ ожиданіи послѣдствій, которыя бы говорили о несомнѣнной удачѣ, Ермака могъ тревожить вопросъ: какъ пройдутъ его послы до Чердыни? Не погибнутъ ли они еще въ Сибирѣ, не перешагнутъ даже Урала и не подадутъ вѣстей на Кому воевода? Тогда погибла его жертва, погибла и дѣло: надо было или оставаться на прежнемъ мѣстѣ и обречь себя забвѣнію, или идти самому вѣстникомъ и потерять Сибирь!

Походъ посольства требовалъ особеннаго искусства, чтобы облечь все предпріятіе тайною, непроницаемою для враговъ. Не если Татары передадутъ объ удачѣи горсти казаковъ? если они нападутъ на нихъ, зарубятъ ихъ? Если, воспламенясь удачею и кровью, предпріимуть опасный набѣгъ на обезсиленнаго Ермака и, преградивъ ему все пути, лишатъ его всякъхъ средствъ для сношенія съ дружественными племенами Остяковъ, обложить его станъ огромною массою и продолжительностью осады, заморить, уничтожатъ подвигъ Ермака и погубятъ казаковъ?.. Тяжко, должно быть, была думы Ермака объ этомъ, и не все-ли ему предстоило будущность.

Но если все пройдетъ счастливо, Кольцо благополучно совершатъ переходъ и явится павонецъ въ Чердынь, кто поручится, что воевода Пелеполицыиъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Иоанномъ Васильевичемъ? Кто поручится, что воевода поверитъ бѣглому кезеву, не прійметъ его вѣсти за сказку, не предастъ дѣлу другаго вида, не дастъ ему ложнаго, невыполнимаго для Ермака направленія? Тогда пледъ завоеваній Ермака опять погибла, опять онъ обратится въ среду посредственности, ничтожества!

Достигнетъ Кольцо счастливо до Москвы—новая забота: какъ прійметъ это дѣло царь? Конечно, Грозный долженъ былъ поверить Кольцу: онъ выше мелочныхъ разчетовъ—но какой конецъ надъ этого выйдеть? Прійметъ царь воеводу и Ермака подчинить непосредственнымъ его распоряженіямъ? Покорителя Сибири поставитъ въ зависимость отъ цѣлосторонняго человека, совершенно-чуждаго дѣлу? Страдаетъ самолюбіе! Что жь остается дѣлать Ермаку? Утѣшаться наградою? Но будетъ ли оданена, его подвигъ какъ должно? Кроме одной идеи о чести награды, будетъ ли онъ, какъ живой человекъ, достойно награжденъ чѣмъ-нибудь, посущественнѣе идеи? и чѣмъ именно? А если... если...? но мало ли горькихъ сомнѣній могли тревожить и мучить Ермака...

Все эти доступные для человека вопросы, дѣйствительно, могли Ермаку прійти въ голову, все эти вопросы Ермакъ долженъ былъ разрѣшать такъ или иначе, въ свою пользу, или во въ пользу.

Нельзя предположить, чтобы такой чисто-практической человекъ,

какъ Ермакъ, съ его положительнымъ взглядомъ на «тщету міра сего», увлекался какими-нибудь теоріями или дѣйствовалъ по побужденію какого-нибудь отвлеченнаго начала, недоступнаго для полнаго сознанія натуръ простыхъ и непривыкшихъ къ умозрѣніямъ. Что же именно побуждало Ермака отправить къ царю вѣсти о Сибири? Нельзя же объяснить этого только чувствомъ, на-примѣръ, благодаренія предъ Грознымъ? Нельзя объяснить и глубоко-постигнутымъ сознаніемъ долга, общественнымъ благомъ, отвращеннымъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій? Ни то, ни другое—ни въ натурѣ, ни въ сѣрѣ волжскаго казика.

Въ летописяхъ, намъ извѣстныхъ, нѣтъ опредѣлительнаго разрѣшенія этого вопроса, и намъ остается разгадать его, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ Ермакъ въ то время находился.

Желалъ ли онъ покорностью своею заслужить прощенье и милость царя за свое прежнее буйство по Волгѣ?

Страшился ли онъ погоня русской рати и неизбежнаго, конечнаго наказанія за всю свою проделку? Хотѣлъ ли онъ, выдавъ покорность, предотвратить бѣду, которую заранее предчувствовалъ? — Во всякомъ случаѣ хитрому казану, казалось бы, естественнѣе было не беспокоиться понапрасну, а выждать эту бѣду, проводя, между-тѣмъ, время себѣ-на-умъ и сообразно съ собственными видами. Но если бы предчувствіе погоня въ-послѣдствіи его не обмануло, Ермакъ могъ сдѣлать эффектную сцену, выйти на встрѣчу ожидаемымъ преслѣдователямъ, ослабить ихъ эмблемами покоренія царства сибирскаго, сочинить исторію своихъ побѣдъ и выйти изъ воды сухимъ, а все-таки на первомъ планѣ — героемъ, покорителемъ.

Предвидѣлъ ли онъ новыя нападенія отъ Кучума и, не надѣясь отстоять Сибирь (въ смыслѣ богатаго источника своей жизни), искалъ, въ этихъ видахъ, помощи московской рати? Но пламенный Махмет-Куль, острастка, которой уже подверглись Татары, и долготерпѣливы выдержка всей тягости, безъ всякихъ пособій, убѣждаютъ насъ въ незначительности предположенія, на которое мы хотѣли-было опереться. Намъ кажется, что Ермаку, въ его положеніи, сообразнѣе было бы послать за новыми толпами казиковъ на Волгу, или на Яикъ, даже въ Запорожье: охотниковъ военать и грабить намъ бы вездѣ довольно; тогда Татары дѣлались Ермаку безопасными, и онъ спокойно бы остался на Сибирь полнымъ господиномъ.

Нѣкоторые придерживались того мнѣнія, что умный атаманъ не могъ съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленная Россію, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ выгодою крѣпости для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые плагили даже пришельцамъ единственно подѣ угрозой меча или выстрѣла. Но и это мнѣніе не клеится съ некоторыми фактами: горсть смѣльчаковъ, въ-тѣченіи двухъ лѣтъ представляемая самой собою и произволу судьбы, не исчезла же; «свирѣпыя жители» не такъ-то были страшны Ермаку; даже примарь нашихъ русскихъ, алтайскихъ горцевъ прошедшаго столѣтія невольно заставляютъ насъ вѣрить, что при умѣ Ермака, при его оборотливости

и искусства ладить съ новыми знакомыми — сачобытвое существованіе, до явственныхъ границъ, было для него предметомъ возможнымъ, и все-ненедоступнымъ.

Какимъ же образомъ согласить теперь врожденное желаніе перенесенна, которое уже Ермакъ имѣлъ и на которое онъ снова получалъ еще болѣе законное право, съ явнымъ согласіемъ подчинять себя зависимости другихъ? Радумается, что, отсылая посольство къ Грозиному, Ермакъ долженъ былъ самъ понять, что, вмѣстѣ съ ратною помощію и съ милостями царя, онъ нисходилъ на высшій чинъ какого-нибудь воеводы, или воеводскаго подручника!..

По нашему мнѣнію, мысль, руководившая Ермакомъ, когда онъ назначалъ посольство, была простая и близкая каждому человеку, къ какой бы эпохѣ, по времени, онъ ни принадлежалъ, но въ приложеніи своемъ — мысль эта принимала характеръ государственной.

По малодушію сбродной ватаги въ рѣшительныхъ и опасныхъ случаяхъ, по разрозненности интересовъ членовъ казацкой дружины, Ермакъ могъ видѣть, что только онъ одинъ составляетъ душу всего предпріятія. Съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, съ яснымъ пониманіемъ важности пріобретенія Сибири, Ермакъ видѣлъ въ себя творца неслыханнаго подвига: въ подвигѣ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣище, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человека наступаетъ пора страхнуть съ себя всю мелочность жизни, подъ влияніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго, то, вмѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовью къ своему созданію, въ человека рождается предчувствіе опасности, скорбь видѣть погашшимъ свой трудъ, взлелѣянный горемъ, лишеніями, плодами цѣлой жизни — и всладъ за сивъ возникаетъ безусловная, истиннѣйшая потребность упрочить свой подвигъ, нескончаемо повторять въ немъ самого-себя.

Смотря на Ермака съ этой точки зрѣнія и стараясь придать его поступку болѣе разумности, чѣмъ поступку другаго, дюжиннаго человека, необходимо предположить, что имъ руководилъ высшій расчетъ. Ему могла быть доступна мысль, что рано или поздно — но онъ сойдетъ со сцены: болѣзнь, дряхлая старость, смерть, положить конецъ всему. Что же тогда Сибирь ожидаетъ? казакамъ эта мысль чужда: они не въ состояніи постигнуть, что можно сдѣлать изъ Сибири; имъ и не выдержать противъ орды проклатой: поганый Татаринъ прогнать ихъ, а дѣло православныхъ казаковъ какъ въ воду кануть!

Изъ этого опасенія о неупроченной будущности своего созданія, изъ этой естественной, горячей заботливости о своемъ подвигѣ и простекаетъ, какъ изъ источника, безусловная рѣшимость послать посольство къ царю Іоанну IV и всѣ второстепенные, чисто-эгонистическіе виды уничтожить ковеннымъ приговоромъ: — пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло!

Принимая это предположеніе, по нашему, по-крайней-мѣрѣ, мнѣнію, за вѣроятнѣйшее, мы не можемъ не удивляться Ермаку, подчинившему свои личные интересы болѣе-обширнымъ человѣческимъ видамъ и,

чрезъ это самое, не поставитъ его на ряду съ другими великими людьми, громкая слава которыхъ гремитъ изъ поколѣнія въ поколѣнiе.

Конечно, мы умѣемъ восхищаться дѣяніями великихъ чужеземцевъ, да вапъ-то русскій человекъ, хоть онъ и простолюдинъ, дороже для насъ любого великаго мужа Германіи...

По отправленіи посольства, Ермакъ не забывалъ своему положенію, не измѣнялъ самому-себѣ въ-теченіе остальныхъ двухъ съ половиною лѣтъ своихъ подвиговъ.

Оставшись съ горстью людей, Ермакъ имѣлъ могущественную нравственную силу, чтобъ два года держаться въ сторонѣ далекой, отъ всюду окруженной людьми, на вѣрность которыхъ безумно бы было ему полагаться слабо. Много надобно было имѣть Ермаку ума и тонкихъ соображеній, чтобъ цѣлые два года обезпечивать себя продовольствіемъ и не заморить голодомъ своихъ казаковъ; нужно было и замаскировать себя, чтобъ враги не провидѣли объ уменьшеніи численной силы дружины Ермака; надо было уладить дѣло такъ, чтобъ одна племена признала себя покорными и не выходили изъ этой покорности, и чтобъ другія племена не тревожили Русскихъ своими нападеніями и своею численностью не уничтожила завоевателей. Надо было такъ удерживать и своихъ подчиненныхъ, чтобы въ нихъ не обнаружилось ропота на недостаточность наживы, чтобъ они были постоянно-довольны, сыты, одѣты, обуты и, въ-теченіе трехъ лѣтъ, не сгибли отъ морозовъ.

Умъ и способности Ермака въ этомъ отношеніи становятся очевидными, рисуются рѣзкими чертами при сравненіи его хозяйственности съ хозяйственностью Болховскаго: народъ у Ермака былъ цѣль — у Болховскаго онъ гибль и меръ отъ болѣзней, отъ скудости запасовъ; и вина въ ихъ смерти ни въ какомъ случаѣ не должна падать на Ермака. Ермакъ дѣйствовалъ своими средствами, а Болховской своими; Ермакъ не могъ знать о времени его прихода; еслибъ даже онъ и зналъ, и тогда не имѣлъ надобности готовить для него провіантъ. Болховской шелъ по проложенному Ермакомъ пути, шелъ съ царскимъ указомъ, шелъ съ подмогою казакамъ: дѣло Болховскаго было предупредить всѣ недостатки собственной своей рата и принести существенную подмогу, людьми и хлѣбомъ, казакамъ Ермака. Мы не обвиняемъ Болховскаго: онъ торопился исполнять царскій указъ и самъ погибъ, если не жертвою своего усердія, то жертвою собственной оплошности, простекавшей изъ этого усердія, какъ изъ источника. Но на Ермака тѣмъ менее можетъ падать упрекъ за Болховскаго, какъ въ некоторые тайнымъ намекомъ и асадымъ словомъ посягали его заподозрить: будемъ безпристрастны и скажемъ откровенно, что Ермакъ былъ умнѣе Болховскаго и чистѣе отъ подозрѣній.

Старинные лѣтописцы не передали намъ своихъ сказаній о мелкихъ подробностяхъ жизни Ермака, не какъ завоевателя, а какъ человека просто. Пожалуй, благодарное потомство съ благоговѣніемъ сохраняетъ невѣдомо-къмъ и когда писанные портреты покорителя Сибири; дѣло темное: можетъ-быть, кисть художника дѣйствительно «Кузьму Лукой писала», а можетъ-быть, и правда, что это—выли-

тый Ермакъ, какъ гласитъ преданіе. И Ремезовъ передаетъ намъ то же, что Ермакъ «бы великъ мужественъ, и разуменъ, и человекенъ, и «зраченъ, и всякой мудрости доволень; плосколицъ, чертъ бралою и «власы, прикудрилъ, возрастъ средній, и плоскъ, пачисть...» Но все-таки мы изъ этого не можемъ еще составить себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, что же именно былъ Ермакъ. Мы воссоздаемъ себѣ типъ великаго казака по оффиціальнымъ его дѣяніямъ и по впечатлѣнію, которое на насъ произвела его подвигъ; но не имѣемъ надежной опоры, которая давала бы намъ право сказать: «онъ былъ именно таковъ, какъ я вамъ его представляю»—а эту опору мы навѣрное имѣли бы, еслибъ знали Ермака въ будничной, прозаической, торготорьской жизни. Летописцы спрятали отъ насъ человека-казака, не рассказали намъ, какъ жилъ Ермакъ, гдѣ что говорилъ, что дѣлалъ, что любилъ, однимъ-словомъ, не обрисовали намъ его личности въ той мѣрѣ, чтобы мы могли вполне понять характеръ этого человека. Летописецъ времени Петра-Великаго, Ремезовъ, передаетъ намъ кое-что о Ермакѣ, но въ этой связи вымысловъ и сказокъ трудно добраться до истины, трудно поварить в томъ, что повидимому похоже на правду. И летописцы по-своему правы: «не лица, а дѣла», вотъ-что было ихъ девизомъ; они видели въ Ермакѣ только героя и не обращали вниманія на простаго смертнаго, хотя строгоневскій летописецъ и не посовѣтовался приять Ермаку недѣльное значеніе памятника, дѣйствовавшаго по чужимъ приказамъ и указаніямъ.

Дѣйствительно, въ своемъ родѣ—Ермакъ былъ великій человекъ. Великъ онъ, какъ воинъ, великъ какъ администраторъ, великъ какъ полководецъ и дипломатъ, какъ ни ограничена была, повидимому, сфера его дѣйствованій. Замѣнимъ эти высокочинныя, современныя выраженія болѣе простыми: скажемъ, что Ермакъ былъ бестрашный боецъ, мудрый хозяинъ, ловкій хитрецъ—сущность дала отъ этого несколько не потеряетъ, Ермакъ все такъ же останется великъ для нашей исторіи: послѣдствія его походовъ, результаты его удачъ такъ важны, что нельзя не признать великости его подвига.

Каждое движеніе его похода, его цѣли, средства, виды, намѣренія, во время трехлѣтней его дѣятельности (1581—1584 годовъ)—все показываетъ въ немъ неистощимый, обогащенный опытностью, обширный запасъ свѣдѣній, способностей, ума; все показываетъ въ немъ человека, который, единственно своимъ лицомъ создалъ дѣло покоренія Сибири; человека, которымъ только однимъ держалась вся Сибирь, со смертію котораго пала кажда всѣхъ Русскихъ, занимавшихъ эту страну, рухнулось все, что скрепляло Сибирь съ Россією... но дорога была указана, средства преподаны, и Сибирь слалась Русью.

Не случай, не одно счастье помогали Ермаку: только самому-себѣ и своему уму «сеи витязь счастливый» обязанъ и славою покорителя Сибири, и славою великаго человека.

По нашему мнѣнію, намъ, Русскимъ, нельзя быть равнодушными къ Ермаку при мысли, какъ важна для насъ Сибирь, золотое дно для частныхъ лицъ, кладъ для казны государственной и неисчерпаемая сокровищница нашихъ государей. Кто изъ земныхъ владыкъ богаче царя русскаго? Масса всякъ богатствъ монарховъ Европы ничтожна предъ горами его сокровищъ! Казна государственная, не менѣе того, годъ отъ году все болѣе и болѣе обогащается черезъ Сибирь. Но не одни мѣха, не одни металлы, не одни драгоценные камни даютъ значеніе Сибири: черезъ нее мы укрѣпили свои владѣнія въ Америкѣ, черезъ нее мы имѣемъ возможность утвердить когда-нибудь свою торговлю на Восточномъ-Океанѣ. Черезъ Сибирь мы открыли въ Китай и другія среднеазіійскія владѣнія сбытъ нашихъ товаровъ, ненужныхъ для западныхъ государствъ. Черезъ Сибирь мы имѣемъ средства произвести благодѣтельный переворотъ въ мануфактурной дѣятельности нашего отечества. Кроме того, и что, по нашему мнѣнію, представляетъ не меньшую важность, обширный край Сибири далъ возможность русскому правительству удалить вредныхъ для общественнаго спокойствія членовъ, не прибѣгая, изъ видовъ предосторожности, къ смертной казни или къ содержанію въ тюрьмахъ, изнуряющихъ человека и стоющихъ значительныхъ издержекъ. Поселенный изгнанникъ, владѣя, при средствахъ, плодородной землей, имѣя подъ руками обширные лѣса и находясь уже подъ управленіемъ, проникнутымъ идеями, о которыхъ Европа только-что еще начинаетъ мечтать, приучается мало-по-малу къ труду, къ просвѣщенію, къ общественности, къ уясненію себѣ общаго начала: человеческое достоинство скорѣе можетъ пробудиться въ немъ, нежели въ бѣдномъ заточенникѣ удвѣненной кельи—по новой системѣ теоретиковъ, кельи, гдѣ, вмѣсто раскаянія, преступника часто ожидаетъ потеря послѣдняго разсудка. Кроме поселенія преступниковъ, кроме призванія добровольныхъ пролетаріевъ, кроме исключенія даже возможности въ Россіи пауперизма, Сибирь важна для будущихъ колоній Россіи, съ какими бы видами онѣ ни были учреждены. Давно уже начались у насъ нескончаемыя переселенія изъ малоземельныхъ нашихъ губерній людей, не отвергаемыхъ обществомъ, а добрыхъ работниковъ. И теперь крестьянинъ съ охотой переходитъ въ Сибирь, какъ въ завѣтный уголокъ своего отечества; она не страшна уже и не чужда ему: тамъ находятъ онъ свой родной языкъ, свои обычаи, свою вѣру, и почти ту же природу, развѣ только великолѣпнѣе, богаче и величественнѣе—чего же надо ожидать тогда, когда между Великороссіей и Сибирью исчезнутъ послѣдніе остатки раздѣленія?

На Западѣ, территорія европейскихъ государствъ не вмѣстятъ въ себя будущаго размноженія европейскихъ націй, и *національности*, о которыхъ такъ много разсуждали, должны будутъ разомкнуться и раздѣлиться въ другіе края свѣта, отдаленные отъ метрополій на неизмѣримыя пространства: а наша мать святая Русь такъ обширна, что и чрезъ триста лѣтъ громадная русская національность останется попрежнему цѣла и нераздѣльна.

Ну, что тогда Европа будет значить перед Россіей?

Говорятъ, есть цѣлыя груды неизданныхъ въ свѣтъ бумагъ Петра Великаго, и въ этой грудѣ есть листокъ, съ собственноручной его резолюціей насчетъ того, сколько лѣтъ еще намъ остается учиться уму-разуму у Запада, то-есть, перенимать у него, безъ обезьянства, все, служащее на пользу и на славу намъ самимъ. Говорятъ, Петръ-Великій опредѣлилъ даже и срокъ, когда мы поуцѣдемъ, и когда намъ пора уже будетъ приняться за свой Востокъ и думать только о Россіи, учтиво отвернувшись отъ Европы. Желательно бы знать, какъ далеки мы отъ этого срока?

СИБИРСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

ЛѢТОПИСЬ САВВЫ ЕСИПОВА

ПО ХРОНОГРАФУ.

(Полууставъ конца XVII вѣка.)

ГЛАВА I.

Сказаніе о сибирской странѣ.

Сія убо страна полунощная; стоять (1) же отъ Россіи царствующаго града Москвы во многихъ разстояній, яко до трію тысящъ поприщъ суть (2). Межи сихъ же государствъ россійскаго и сибирскіе страны земли—облежитъ Камень, превысочайшій зѣло, яко досязати (3) верхомъ и холмомъ до облакъ небесныхъ (4): тако бо божьими судьбами устроися, яко стѣнамъ граду утвержденнымъ. На семь же Камени растяху дровіе различное, кедръ, лиственница (5) и прочая, въ нихъ же жительство имѣють звѣріе различніи, овии подобни (6) на снѣденіе чловѣкомъ, овии на украшеніе и на одѣяніе ризное, да кійждо (6) на снѣденіе сія суть чиста, еже есть слень, лось, козель, заяць, а иже (7) на одѣяніе и на украшеніе, еже есть лисица и соболь, бобръ, розсомака, горностаи, бѣлка и подобная симъ. Многія же и сладкопѣсивыя (8) птицы, паче же много различныя травныя цвѣты (9). Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, овии поидоша (10) къ россійскому царству, овии же въ сибирскую землю. Дивно убо есть какими Божіими судьбами рѣками (11) тамо бысть: вода камень твердъ раскопа — и бысть рѣки пространны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды слад-

(1) По списку изданному г. Спаскимъ «отстоятъ».

(2) у г. Сп. Многое разстояніе, яко до 2,400 поприщъ.

(3) у Сп. досягшій.

(4) Сп. и въ нихъ

(*) Слово напечатанныхъ курсивомъ у.г. Сп. итъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СВОРНИКЪ.

СКОРОПИСЬ XVII ВѢКА.

(Первообразъ Есиповой лѣтописи.)

О Сибири.

I. Страна Сибирская отъ Московскаго государства на полунощной странѣ; разстояніе имѣеть отъ Москвы яко двѣ тысящи поприщъ.

Промежь сихъ каменіе и горы высокія зѣло—такое имѣтъ холмомъ до облакъ досязати небесныхъ. На

горахъ же и каменехъ различныя звѣріа и птицы, въ нихъ же живяху различніе звѣріе, годны на

снѣденіе чловѣкомъ, еже есть слень, лось, заяць, инии же на украшеніе одеждамъ, еже есть лисица, бобръ, розсомака, бѣлка и

подобная симъ; и слаткопѣсивыя птицы и много различныя травныя цвѣты и рѣка многія: овии истекоша въ рускія страны, овии же въ Сибирскую землю. Въ рѣ-

гахъ же каменіе (утесы) великое зѣло, рѣки жъ прекрасны, въ нихъ же воды сладкія и рыбы различ-

(5) Сп. надобни

(6) Сп. равныя. Да они же

(7) Сп. ини же

(8) Сп. сладкопѣвыя

(9) Сп. травы и цвѣты

(10) Сп. падоша

(11) Сп. рѣки

ЛѢТОПИСЬ СТРОГОНОВСКАЯ.

О взятіи Сибирскія земли : како благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, подарова Богъ Сибирское государство обладати ему Государю и побѣдити Муртазелева сына Кучума Салтана Сибирскаго, и сына его Царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣтилъ Богъ Сибирскую землю святыиъ крещеніемъ и святыми Божиими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ Архiepи-скупію.

I.

Виде въ слухъ благочестивому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи о чуждыиъ приходѣхъ Бусурменскихъ, войною на его Государскую землю Пермскую отъ Сибирскихъ людей, и како безбожни своимъ приходомъ, его Государевымъ Пермскія земли городомъ; и посадомъ и селамъ многое павненіе и запустѣніе учиниша. И вложи Богъ благочестивому Государю Царю во умъ, распросити своего Государства вѣдущихъ людей про ту страну, и повелъ Государь передъ собою поставити Янова и Григорья Строгоновыиъ и распроси ихъ, како бы оберегати Пермская земля отъ нашествія Сибирскихъ людей и Кучуму бы Салтану чѣмъ тѣснота ему учинити. Они же ему Государю все подробно рассказали, и слово ихъ ему Государю бысть приятно, и ихъ подаловалъ, велѣлъ дати имъ на волю, какъ бы имъ отъ Сибирскихъ людей Пермской землѣ обереганіе учинити и о томъ имъ велѣлъ о всемъ свои Государевы грамоты подавати, о промыслу надъ Сибирскими людьми и иныхъ ордъ земель.

НЕИЗВѢСТНАЯ РУКОПИСЬ

XIX столѣтія.

(Первообразъ Строгоновской лѣтописи.)

чайшія и рыбы различныя множество, ихъ же имена суть: осетръ и тѣмныя, въ Обьѣ же три нуда, стерледь, нельма, шуки великіе въ три аршина съ четвертью и большіи; муксунъ, чиръ, пеледь, хальюсъ, окуни и караси великіе въ три четверти аршина; лини, тулуны, омули и всякая мелкая рыба—противъ русской страны рѣкъ; и бѣлуги, и семги, и лососи, и угоричъ, и леща, и голюля во всѣхъ сибирскихъ странахъ и рѣкахъ (*). И на исходащахъ же сихъ рѣкъ дѣбрь плодovitа на жатву и скотопитательная мѣста пространна зѣлю.

Первая же рѣка изыде въ Сибирскую землю глаголемая Тура; по сейже рѣкѣ жительство имѣють людіе, рекомые Вагуличи; глаголють же своимъ языкомъ, поклоняются же идоломъ. Въ сію же рѣку въ Туру паки вниде рѣка Тагиль. Еще же вниде рѣка Ница (12) и совокупшася три рѣцы во едино сонмище (13), да аще совокупшася, но именуется Тура, старѣйшинства ради. И оттолѣ же иде рѣка Тура внутрь Сибирскіе страны. По ней же жительствоуютъ Татарова. Рѣка же Тура вниде глаголемую Тоболь; Тоболь же вниде въ рѣку, глаголемую въ Иртышъ. Сія рѣка Иртышъ вниде своимъ устисмъ въ великую рѣку, глаголемую Обь. По сихъ же рѣкахъ жительство имѣють многи языци, Татарова же и Калмыки, Мунгалы, Пѣгая Орда Остяки, Самоядъ, и прочая языцы. Татарова законъ моаметовъ (14), держать; Колмаки же которой законъ, или отецъ своихъ преданіе, держать не вѣмъ, понеже писмени о немъ не обрѣтохъ, ни испытати не возмогохъ (15). Пѣгая же Орда, и Остяки и Самоядъ, закона не имѣють, но идоломъ поклоня-

- (12) Сп. Ница
- (13) Сп. во единъ сонмъ
- (14) Сп. Махметовъ
- (15) Сп. ни испытахъ

ныя множество, и лузи мнози и мѣста скотопитательна, пространно зѣлю.

Первая рѣка Тура, по ней же

живуть Вогуличи: языкъ имѣють свой; поклоняются идоломъ. Въ сію же Туру вниде рѣка Тагиль, другая рѣка Ница; а се три рѣки совокупившеся идутъ въ Сибирскую

землю, но именуется Тура, ста-

рѣйшинства ради—по ней же Татарова. Тура же вниде въ рѣку Тоболь, Тоболь же вниде своимъ устисмъ въ рѣку Иртышъ. Иртышъ же

вниде въ рѣку Обь. По сихъ же

рѣкахъ жительствоуютъ Татарова и Колмаки и Мунгалы и Пѣгая Орда, Остяки, Самоядъ, и прочія языцы.—Татара законъ держать Бахметовъ, Колмаки же невиданной законъ держать, или отцовъ своихъ преданіе, понеже писанія о семъ не обрѣтохъ, ни испытати не возмогохъ. Пѣгая же Орда, Остяки и Самоядъ, закона не имѣють, но идоломъ поклоняются, и жертвы

II.

О поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу, идъже бѣ монастырь Всемилоостиваго Спаса, зовомый Пыскоръ.

Въ лѣто 7338 (1558) году Априля въ 4 (4) день, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья, Аникіева сына, Строгонова, ниже великія Перьми за восемьдесятъ и восемь версть, въ низъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону въ низъ Пыизновской курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовья рѣки, мѣста пустыя; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ избереть Григорій Строгоновъ мѣсто крѣпко и усторожливо, и городокъ ему поставити, и крѣпости учинити, и пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ и воротниковъ велѣли есмь ему устроить собою, для береженья Сибирскихъ и Нагайскихъ и иныхъ ордъ людей; и ему, Григорью, къ себѣ вольно называти нетяглыхъ и неписмянныхъ на тѣ мѣста людей, и на Канкоръ городокъ. Грамота Государева дана за приписью Дьяка Петра Данилова; приказали: Окольниковъ Федоръ Ивановичъ Умнои, да Алексѣй Федоровичъ Адашевъ, да Казначей Федоръ Ивановичъ Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ; а приказъ подписалъ Дьякъ Третьякъ Карачаровъ.

III.

О поставленіи другаго городка на Орловскомъ на волокъ, зовомый Кергеданъ, а ильнь зовется Орловъ.

Въ лѣто 7364 (1564) мѣсяца Генваря въ 7 (2) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья же Аникіева сына Строгонова жаловальною грамотою, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, что прежь сего его пожаловалъ, что онъ избралъ ниже прежняго Канкора городка двадцать

1. Въ лѣто 7338 (1558) Априля въ четвертый день Царь и Великій

Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья Иоанкіевича сына Строгонова по Камѣ рѣ-

кѣ, гдѣ избереть мѣсто, городокъ поставити для береженья

сибирскихъ и ногайскихъ людей

и призывати въ оныя велѣлъ людей вольныхъ.

2. Во лѣто 7364 (1564) Генваря

въ 7 (2) день ему же Григорью де-

ются, и жертвы приносятъ яко Богу, волшебною же хитростію правяще дома своя всеу, понеже егда приносятъ дары кумиромъ своимъ, тогда же молятъ, яко сего ради приносятъ, яко подасть ему кумиръ оцъ вся многая въ дому его. Во истину и скотомъ не уподобиса сїа людїе: скотъ бо, аще есть и бесловесно, но что есть Богомъ не повелѣнно ясти (16) ему—и не ясть, звѣря ли, или птицы, или траву сѣнну (17). Сїа жь человѣцы не уподобиса симъ, понеже Бога и Господа на небесѣхъ не вѣдуще, ни закона и еже отъ повѣдающихъ имъ слышаще—и неприемлюще; сыродцы, звѣрина же и гадская (18) мяса сѣдающе скверно, и кровь пїяху, яко воду, отъ животныхъ, и траву и коренїе дїяху. Остяки же одежду имѣютъ отъ рыбъ, Самоядъ же отъ еленей; ѣдятъ же Остяки на псахъ, Самоядъ же на еленяхъ. Сїа же великая рѣка Обь вниде своимъ устьемъ въ губу въ мангазѣйскую. Сїа же губа вниде двѣма устьи въ Окіанъ—Море прямо къ сѣверу. Въ сихъ же устьяхъ ледъ искони состарѣвшися, никогда же тающе отъ солнечнаго зноя, и непроходимо мѣсто и незнаемо Чадїю (19).

приносятъ, сыродцы сущи: звѣрина же и гадска мяса ѣдятъ, и кровь пїютъ яко воду, и траву и коренїе ѣдятъ. Остяки же одежду имѣютъ отъ рыбы, Самоядъ же отъ оленей. Великая же рѣка Обь вниде устьемъ въ губу Мангазѣйскую; сїа же убо двѣма устїи вниде въ море окіанъ, прямо къ сѣверу, тамо же люди (сїѣги) живутъ состарѣвшися и никогда же тающе отъ великаго зною солнечна; то мѣсто же непроходимо бы и незнаемо Ча(у)дїю.

(16) Сп. аще есть и бесловесно, но чїсто, что ясть Богомъ повелѣнное, а ясти...

(17) Сп. сѣнну.

(18) Сп. гадкая.

(19) Сп. Чудїю.

версть, мѣсто на Орловскомъ на волокъ, и ему, Григорью, собою же поставити *стѣны сажень по тридцати*, а съ приступную сторону для низи великимъ мѣсто *каменемъ закласти*; а пищальники и сторожи, *въ томъ городкѣ*, ему собою же уставити, и держати въ тѣхъ въ обонхъ городкѣхъ нарядъ скорострѣльной: пушечки, и пищали, и затинные; и ручницы подѣлати записнымъ мастеромъ, которыхъ къ себѣ Григоріи приговоритъ изъ наймовъ, и у себя Григорью тотъ нарядъ держати. И грамота Государева на тотъ городокъ дана. Приписъ у грамоты большая Государева Дьяка Юрья Башанина: Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Русіи; въ другомъ мѣстѣ приписъ Сени Непейна: по приказу Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи; въ третьемъ мѣстѣ приписъ Козмы Романцова: приказалъ Царевымъ и Великаго Князя словомъ; Казначей Никита Аванасьевичъ Оуниковъ, по памяти съ приписью Дьяка Ивана Булгакова.

IV.

1) *постановескіи Чусовскіиъ городокъ.*

Въ лѣто 7368 (1568) году Марта въ ѿ (25) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ Якова, Анникіева сына, Строгонова, жаловальною грамотою, отъ усть рѣки Чусовыя въ верхъ, по обѣ стороны и до вершины, земли и рѣчки до вершинъ; и въ тѣхъ мѣстѣхъ, отъ Камы по Чусовой въ верхъ восемьдесятъ верстъ, на правой и лѣвой сторонѣ поставити городки для крѣпости и обереганья Сибирскихъ, и Нагайскихъ людей и пныхъ ордъ, и городской нарядъ скорострѣльной: пушечки, и затинныя пищали и ручныя, и всякія крѣпости подѣлати, и *людей* ему называть въ тѣ городки *вольно*: пушкаревъ, и за-

лѣлъ Государь городокъ поставити на Орловскомъ волоку.

3. Въ лѣто 7368 (1568) острожки

онъ по Чусовой ставилъ.

ГЛАВА II.

О Сибирскихъ Царяхъ и Князяхъ.

Рѣка, глаголемая Ишимъ, вниде устиемъ своимъ въ рѣку Иртышъ, ю же прежде именовалъ. На сей же рѣцѣ Ишимъ бѣ царь, Моаметова закона, именовъ Онъ (20). И возста на него его же державы отъ простыхъ людей именовъ Чингій (21), и шедъ на него яко разбойникъ съ прочими, и уби царя Она, и царство самъ Чингій приимлетъ. Нѣкто же отъ слугъ царя Она со-

На рѣцѣ же Обѣ, царь итїий, Моаметъ, (моаметовъ) два закона (за-

конъ) итїя(и), и тамо оны убїесть

(20) Въ Строгоновской—Иванъ, родомъ Татаринъ; въ грамотѣ царя Федора къ Кучуму—Ибакъ царь.—Собр. Гос. Грам. и Догов. Т. II. № 68. Ибакъ Шибавскій жилъ въ концѣ XV столѣтія. Мы о Шибанахъ, или Шейбанидахъ въ своемъ текстѣ вовсе не упоминали, потому-что историческія изслѣдованія о Сибири до Кучума (если только Шибаны были въ Сибири) должны быть предметомъ особенныхъ, специальныхъ, чисто-ученыхъ сочиненій. Царь Иванъ былъ Тюменскій князь. См. Акты Археографической Экспедиціи, Т. I. № 289, стр. 339; и тамъ же стр. 352 упоминается царь Ибакъ.

(21) Струг. Чингисъ.

тяки, и за Башкирцы и за Буинцы, изъ городковъ людей своихъ собравъ послати. И они, Яковъ и Григорей, выбравъ въ городкѣхъ своихъ голову, и давъ ему ратныхъ людей казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали на его Государевы измѣнники, кои ему Государю измѣнили; они же послани, ихъ окаянныхъ овыхъ побивша, а иныхъ живыхъ взяша, и всѣхъ къ шерти ихъ приведоша, что имъ Государю во всемъ прямить, и быти подручными, и оброки Государю давати, и на супротивныхъ супостатъ Государевыхъ стоять за него Государя безъ измѣны, и аманатовъ у нихъ поймавъ въ свои городки и въ Пермь къ Воеводамъ Государевымъ послали.

XIV.

Толъ Сибирскія земли о царехъ и о князехъ, како и откуда начашася.

Бысть въ Сибирской странѣ на рѣкѣ Ишимѣ нѣкто, Магметова закона, Царь именовъ Иванъ, родомъ Татаринъ; и возста на него, его державы отъ простыхъ Татаръ, именовъ Чингисъ, и нашедъ на него аки разбойникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его и самъ бысть царь. И нѣкто отъ слугъ Царя Ивана, сына его Царевича Тайбугу соблюде отъ Чингисова убійства. И по нѣколихъ лѣтѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбуга, яко сынъ есть Царя Ивана, его же уби и царствомъ его завладѣ, и почте его великою честію, и прозва его князь Тайбуга, и нѣмъ повелѣ его такожъ звати. И по семъ Тайбуга начатъ просѣтися, дабы отпущенъ былъ; оупъ же собираетъ ему войнство и отпустиша его. Той же пришедъ на рѣку, рекомую Иртышъ, идѣ же живяста Чюдь, и потому властію своею покори себѣ многихъ людей, живущихъ по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби, и отголѣ возвращаеца, и бысть у него

блюде отъ Чингинова убійства сына Она царя, ему же имя Тайбуга. По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ, увѣдѣно бысть царю Чингину про Тайбугу, яко сынъ есть царя Она: и приемлетъ его, и великою честію почте его; даруетъ же сему княженіе и власти въ людѣхъ. Посемъ же князь Тайбуга проси у царя Чингина отпущенія, идѣ же хоцетъ Тайбуга да идетъ тамо съ воинствомъ (22). Царь же Чингій, собравъ воинство много и вооруженно, и отпусти его по рѣцѣ Иртышу, идѣже живяху Чудь. Князь же Тайбуга, шедъ съ воинствомъ, многія царю покори по рѣцѣ Иртышу и по великой Оби живущихъ тамо и оттолѣ возвратися во свояси радостію. Царь же Чингій, слышавъ отъ Тайбуги, яко покори ему многія и подручны сотвори, наипаче честь ему даруетъ. Паки Тайбуга проси отъ царя Чингיא, яко отпустить его—идѣже хоцетъ, тамо да пребываетъ. Царь же отпусти его: идѣ же, рече, хоцещи—тамо да пребываеши. Изыде же князь Тайбуга со всѣмъ домомъ своимъ на рѣку Туру и тамо созда градъ Тюмень (23). Жилъ же Тайбуга во градѣ томъ много лѣтъ, ту и умре.

По немъ же княжилъ сынъ его Ходжа. По немъ Ходжинъ сынъ Маръ, Маровы дѣти—Адеръ, Абалакъ (24). Князь же Маръ женатъ былъ на сестрѣ у казанскаго царя Уака. Сей же казанскій царь Уакъ зятя своего Мара уби, и градомъ облада, и владѣ много лѣтъ. Маровы же дѣти Адеръ и Абалакъ умроша своею смертію.

Посемъ Адеровъ сынъ Маметъ казанскаго царя Уака уби, градъ свой Чингиденъ разруши, и отиде отгуду внутрь сибирскіе страны, и постави себѣ градъ на рѣкѣ

(22) у Сп. отпущеніе, идѣже хоцетъ царь, онъ же да идетъ тамо съ воинствомъ.

(23) Тюмень была по сю сторону

бысть, у него же сынъ Тайбуга.

Сей приде на рѣку Туру и созда градъ, идѣ же нынѣ Тюмень. Тайбу(га) же ту и умре.

По немъ родъ его царствова ту.

По лѣтѣ(хъ) же нѣколицѣхъ Адеровъ сынъ Моамен Казан(ц)скаго царя Уака уби и градъ свой Чингиденъ разруши и постави себѣ

Урала на р. Обѣ. См. Атласъ Росс. Имперіи, изданный въ 1745 году Академією Наукъ.

(24) у Сп. Адеръ и Абалакъ.

немного время, и паки начать проситися; Чингисъ же отпусти его, а може хоцеть и тамо да пребываетъ. Онъ же пришелъ на рѣку Туру, и поставиша градъ и назва его Чингин, а нынѣ на томъ мѣстѣ Христіанскій градъ, рекомый Тюмень.

По немъ же княжилъ въ томъ градѣ сынъ его Ходжа, по Ходжѣ же княжилъ сынъ его Маръ; а той Маръ женатъ былъ на сестрѣ Казанскаго Царя Упака, и сей Упакъ уби зятя своего Мара, и градомъ тѣмъ владѣлъ много лѣтъ;

и по семъ Адеровъ сынъ Маметь, Царя Упака убилъ.

Иртышѣ, и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный. И живяше въ немъ царь лѣта многа, ту и умре, и отголѣ пресѣчеся царство на рѣцѣ Ишимѣ.

ГЛАВА III.

О Сибири, чего ради Сибирь наречеся вся страна сія.

Да егда убо Маметь казанскаго царя побѣди и повелѣ поставити градъ; сего ради яко царя побѣди и храбрость свою показуя, и повелѣ начальнымъ градомъ звати его. Отголѣ же и вся страна прозвася Сибирь: гради же сибирстїи именуемыи (25) кїждо по прилучанїю и по стренїю (26) и по древнему именованїю,—обще же Сибирь именуется, яко же Ираклія (27) нарицается отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними, яко свидѣтельствуеть Кроника Латинская. Грады всеа Римскїя страны разнство имень имѣють,—обще же Италїя нарицается. Прежде же сего сія како нарицашеся не вѣмъ, понеже, отнѣмъ же градъ Сибирь созданъ много лѣтъ преиде (28) испитати не возмогохъ. Прежде бо живяше Чюдь во всей Сибирской земли, а како нарицашеся—и того въ память никому не вниде, ни писанїя обрѣтохъ.

ГЛАВА IV.

Княженїе прочихъ Сибирскихъ князей.

По князѣ жъ Маметѣ княжилъ на Сибири Абалаковъ сынъ Агушъ (29); по немъ же Маметовъ сынъ Казымъ (30); по семъ же Казыевы дѣти Тигерь (31), Бекбулатъ. Бекбулатовъ сынъ Сейдякъ.

(25) у г. Сп. прозвася Сибирстїи гради иже сибирстїи именуемъ кїждо.

(26) Сп. смотрѣнїю.

(27) Сп. и Италїя.

(28) Сп. Прежде.

(29) у Сп. Агушъ; въ Строг. Агашъ.

(30) Въ Строг. Казый. — Казымъ царь былъ Киргизъ. См. Акты Археологической

градъ на рѣцѣ Иртыши, и нарече Сибирь и ту, живъ, умре.

То и бѣ начальный градъ, Сибирь, потомъ же и вся страна та прозвася Сибирь. Гради же кїждо свое имя имуть по прилученїю и

и по смотрѣнїю, обще же Сибирь именуется, якоже и Римская страна и Италїя нарицается, отъ Итала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними (Кроника Латинская); грады же всеа римскїя страны разныя имена имѣють, обще же и Италїя наречется. А какъ сибирстїи гради именами нарицались—и се невѣдомо ни отъ кого же и не испытанно, понеже бо прежде жи-

вяше по всей Сибирской земли Чюдь,—посему и писанїе нѣсть.

графической Экспедиціи, Т. I. № 289 стр. 339.

(31) Строг. и у Сп. Етигеръ. Изъ разныхъ актовъ видно, что настоящее имя Этигаръ.

Маровы дѣти: Адеръ да Яболакъ;
а Адеровъ сынъ Маметъ. Той Ма-
метъ Царя Уака убилъ и поста-
вилъ градъ надъ рѣкою Иртышемъ,
и назва Сибирь, и княжилъ въ томъ
градѣ:

а по немъ княжилъ Яболаковъ
сынъ Агашъ; а по немъ Маметовъ
сынъ Казый по немъ дѣти его:
Етигеръ да Бекбулатъ.

ГЛАВА V.

О Царь Кучумъ.

Приде же степью изъ Казахей Орды царь Кучумъ, Муртазѣевъ сынъ, со многими воинскими людьми и доиде до града Сибири, и градъ Сибирь взялъ, князей же Етигера и Бекбулата уби, и прозвася сибирскій царь; и мнози языцы повинны себѣ сотвори, и превознесся мыслию, и сего ради погибе по глаголющему «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же дастъ благодать». Бекбулатовъ же сынъ Сейдякъ отъ убіенія царя Кучума соблюденъ бысть и изведенъ въ Чехарскую землю (32). Царь же Кучумъ царствовалъ въ Сибири лѣта довольна, во изобиліи и радости и въ веселіи многѣ, дани и оброки со многихъ языкъ имаше даже до лѣта повелѣнія Господня, въ ня же Богъ восхотѣ царство его разрушити и предати православнымъ христіаномъ.

ГЛАВА VI.

О Вѣрь Царя Кучума.

Законъ же царя Кучума и нже подъ его властію быша—Моамета проклятаго, а иніе же кумиромъ поклоняющеса и жруще (принося жертвы) яко Богу. Святіи апостоли написаша въ правилахъ своихъ и вселенный предаша, еже бо рекоша: аще кто прилежитъ моаметовымъ заповѣдсмъ и внемлетъ ученикомъ его—анаѣма, сирѣчь да будетъ проклятъ. Паче же идолопоклонникомъ правило предлежитъ, проклятію же сподобленн (33). Проклятіе же есть неправление въ царѣхъ и нестроеііе въ воинствѣ его, во всѣхъ же людехъ прѣ, и мятежъ многъ, ратей воздвиженіе, чадъ ненаслѣдіе бѣдами же и напастыи скорбя;

(32) у г. Сп. въ Бухарскую землю; Строг. въ Бухары.

(33) Слово напечатанныхъ курсивомъ у г. Сп. итъ.

По многѣхъ же временехъ приде степью изъ казахей орды Царь Кучумъ Муртазесевъ со многими воинскими людьми и градъ Сибирь взя, и князей побѣ,

и назвася царь Сибирскій, и мнози языцы подъ себѣ покори;

и царствова царь Кучумъ время не мало.

И приде на нихъ изъ степи съ поля Царь Кучумъ, Муртазеліевъ сынъ, со многими воинскими людьми, и уби Етигера и Бекбулата, и отголъ прозвася Кучумъ Сибирскій Царь. А Бекбулатовъ сынъ Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малъ возрастъ. А у Царя Кучума два сына: единъ бѣ именованъ Маметкулъ, а второй Алли.

VII.

О приходѣ Сибирскаго Салтана, Кучумова сына, Царевича Маметкула на Чусовую рѣку и о плененіи Русскихъ людей.

Въ лѣто 7371 (1573) Юля. въ 11 (20) день, на память Святаго Пророка Ілія, изъ Сибирскія земли съ Тобола рѣки, приходилъ Сибирскаго Салтана Царя, Кучумова сынъ, Маметкулъ, собрався съ своими мурзами и уланами ратью на Чусовую рѣку дороги провѣдывати: куда бы ему итти ратью въ Яковлевы и въ Григорьевы Строгоновыя городки, и въ Пермь великую; да въ томъ приходѣ многихъ людей, данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, и посланника Государева Третьяка Чебукова и съ нимъ служилыхъ Татаръ, кои съ нимъ шли подъ Казань въ Казанскую орду, иныхъ побили, а овѣхъ въ полонъ взяша, а до Чусовскихъ городковъ не доходя за пять верстъ, что ему по-

5. Въ лѣто 7371 (1573) Юля въ 11 (20) день

приходилъ сибирскаго царя Кучума сынъ Маметкулъ съ

мурзами и со многими людьми въ

Пермь великую и данныхъ Остяковъ побили.

мню же, яко сего ради посла на сихъ гнѣвъ свой Господь, на сего царя Кучума и иже подъ его властію бысть, яко закона Божія не вѣдуще, и поклоняющеса идоломъ, и жруще бѣсомъ, а не Богу благому, ихъ же невѣдуще, яко же древле при законодавцѣ Моисеѣ сотвориша израильстѣи людѣ тельца и вмѣсто Бога поклонишася ему и рекоша: «себогитвои, Израилю!» и сего ради посла на нихъ Господь гнѣвъ свой, змѣемъ повелѣ поядати (34) ихъ, кійждо ихъ уязвляемій и отъ змѣи умираху, и паки Господь милосердова о нихъ и вложи въ сердце блаженному Моисею. Онъ же, Божіимъ мановеніемъ подвижиму (35), сотвори змію мѣдяну и превознесе ю на трость, прообразуя Христово распятіе, уязвляеміи отъ змѣи взираху (36) на ону змію и изцѣлѣваху; *повелѣ же имъ не вмѣсто Бога змію имѣти, но немощь ихъ исходя,* они же и сію обожиха и начаша ю яко Бога хвалити (37) и сего ради тмами казнишася, гладомъ и язвами, плѣномъ и ратію, и различными разореньями, яко же *той же* блаженный Моисей, въ пѣсни (38) и въ девтероміи предвозвѣщая непокоривымъ іудеомъ въ будущее имъ послѣднихъ съ озлобленіихъ, глаголетъ: и виде Господь и возревновахъ (39) и разгнѣвася гнѣвомъ ради сыновъ ихъ (40) и дочерей, имѣяху бо бѣсомъ въ жертву пожретія (41). И рече Богъ: «отвращу лице Мое отъ нихъ, яко прогнѣвша Мѧ во идолѣхъ своихъ». И еще

(34) Сп. поучати.

(35) Сп. подвижимъ

(36) Сп. зазираху

(37) Сп. ю тако Богохвалить

(38) Сп. въ спѣвнн

(39) Сп. предвозвѣщая непокоривымъ Іудеямъ въ будущее имъ послѣднимъ озлобленіи ихъ. глагола Господь и возревновавъ

(40) Сп. своихъ

(41) Сп. имѣя бо бѣсомъ пожрети я

лоненки Русскіе сказали, что въ городкахъ людямъ ратнымъ скопъ и вась-де они къ себѣ ждуть, и онъ убоися того назадъ воротился; а Яковъ и Григорей за Сибирскою ратью, безъ указа Государева, своихъ наемныхъ казаковъ (изъ городковъ) *послатъ не посмѣли*. А прежь того, Сибирской же Салтанъ ратью, данныхъ Остяковъ Чагира съ товарищи побили, а иныхъ въ полонъ взяли, которые жили около Чусовскихъ городковъ, и объ томъ Яковъ да Григорей писали благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи къ Москвѣ, чтобы Государь ихъ пожаловалъ, и велѣлъ за ними посылать безпенно и обиды имъ своя мстити. И за то ихъ Государь, Якова и Григорья пожаловалъ, велѣлъ дати свою Государеву грамоту, что имъ въ Сибирской странѣ, за Югорскимъ камнемъ, на Тагчеляхъ, и на Тоболѣ рѣкѣ, и на Иртышѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для береженья, и охочимъ людямъ на опочивъ, крѣпости подѣлати, и снаряда огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ, и отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ держати, и около крѣпостей, у рыбныхъ ловель и у пашенъ дворы ставити, по обѣ стороны Тоболы рѣки, и по рѣкамъ, и по озерамъ и до вершинъ, и крѣпитися всякими крѣпостьми накрѣпко; а кон Остяки, и Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго Салтана отстануть, а учнутъ быти подъ его Государевою рукою, а почнутъ Государю дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ Москвѣ. И отдавати дань въ Государеву казну, а тѣхъ данныхъ Остяковъ, и Вогуличъ и Югричъ, и жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ ратныхъ приходу беречи Якову да Григорью, въ своихъ крѣпостяхъ; а на Сибирскаго Салтана Якову же и Григорью, собирая озо-

же Божіе отеческое его попеченіе разумѣемъ, имъ же о насъ попечется и покрываетъ яко птица птенца (42) своя, тако же и отъ сихъ идолопоклонникъ отврати Богъ лице свое, идолъ ради и жертвъ ихъ кровныхъ, и казни ихъ ни голодомъ, ни моромъ, ни огнемъ жегій (43), ни каменіемъ побивая, но сопротивъ послѣ мечъ обоюду остръ, пожиная (44) и поядая и искореняя и тли предавая бѣсовская идолжертвѣ и ихъ поклонники и служители.

---

(42) Сп. птенцы

(43) Сп. жги

(44) Сп. постигая

чихъ и своихъ людей и Остяковъ, и Вогуличъ, и Югричь и Самоедь, съ наемными казаками, и съ народомъ своимъ посылати воевати, и въ полонъ Сибирцовъ имати, и въ дань за Государя приводити. А стануть приходити въ тѣ крѣпости къ Якову и къ Григорью, торговые люди Бухарцы, и казацкія орды и иныхъ земель съ какими товары, и имъ у нихъ торговати вольно безошлинно. И грамота Государева на тѣ мѣста въ Сибирскую Украину, за Югорской камень на Тагчси, и на Тоболу, и на Иртишь и по Обь, на крѣпостныя мѣста, дана лѣта 7373 (1574) Маія въ 30 (30) день, за приписью Дьяка Петра Григорьева.

VIII.

О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимофеева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ.

Въ лѣто 7373 (1579) году Апріля въ 5 (6) день, слышаху бо сія Семень и Максимъ и Никита Строгоновы отъ достовѣрныхъ людей, о буйствѣ и храбрости поволокскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимофеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ; и тѣи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ, дабы шли къ нимъ въ вотчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи приидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и зваху ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермакъ Тимофеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Пань, Матѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною,

6. Въ лѣто 7373 (1579) Апріля въ 5 (6) день Семень и Максимъ

и Никита Строгоновы призваша Волскихъ казаковъ Ермака Тимофеева съ товарищи въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ. И они сему возрадовашася, собрав-

ся единомысленно: Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Пань, Матѣй Мещерякъ съ прочею предоброю дру-

число же ихъ ф̄ и м̄ (500 и 40) человекъ, вскорѣ шествиѣ учиниша къ нимъ.

IX.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимофеева съ товарищи, съ Чусовскіе городки.

Тогожъ году Іюня въ ѿн̄ (28) день, на память Святыхъ Чудотворецъ и безсребренникъ Кура и Іоанна, придоша съ Волги атаманы и казаки, Ермакъ Тимофеевъ Поволской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семень и Максимъ и Никита Строгоновы приша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи, и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно, съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и бѣяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху, и на невѣрныхъ поощряхуся: похиста же они атаманы и казаки съ городкакъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два.

X.

О приходѣ Вогульчъ подѣ Чусовскіе городки и подѣ Сылванской острожокъ войною.

Въ лѣто 331д̄ (1581) Іюля въ мѣ (22) день, злокозненный же дьяволъ, иже искони ненавидалъ добра человеческого роду, поощри злаго и безбожнаго Вогульского мурзу Бегбелія Агтакова съ своимъ съ Вогульскимъ и Остяцкимъ собраніемъ, а собранія его х̄п̄ (680) человекъ, и придоша подѣ Чусовскіе городки и подѣ Сылванской острожекъ безвѣстно, украдомъ, и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплѣниша, и пожгоша, и въ полонъ многихъ людей, мужей и женъ и дѣтей поймаша; но преблагій Богъ не попусти окаянныхъ. Вскорѣ надъ ними безбожными, Рустинъ вонъ побѣду учиниши изъ городковъ своихъ, и многихъ у городковъ поймаша, и по тѣмъ въ

живною числомъ ихъ ф̄м̄ (540) человекъ.

7. Вскорѣ шествиѣ учиниша къ нимъ и придоша того жъ года Іюня въ ѿн̄ (28) день. Они же Се-

мень и Максимъ и Никита приша ихъ съ честію и даяху имъ дары

многи; и жиста у нихъ въ городкакъ к̄ (2) лѣта и мѣсяца к̄ (2).

8. И въ лѣто 331д̄ (1581) въ мѣ (22) день (мѣсяца нѣтъ) придоша украдомъ подѣ чусовскіе городки Вогульской Мурза Бегбелій и съ нимъ х̄п̄ (680) человекъ и Богъ да-

де на нихъ побѣду и перемаша,

ГЛАВА VII.

О пришествіи Ермаковъ въ Сибирь.

Посла Богъ очистити мѣсто *святыни* (45) и побѣдити бесермонскаго (46) царя Кучюма и разорити богомерзкія ихъ и нечестивая капища, гдѣ же быша воугнѣженіе звѣремъ и водвореніе сиринюмъ. Избра Богъ (47) не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царска повелѣнія воеводъ, а вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака, Тимофеева сына (48), и съ нимъ пять сотъ сорокъ человекъ. Забыша бо сіи свѣта сего честь и славу, по смерти въ животъ преложиша и воспріимше щія истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость предъ нечестивыми (49); не поскорбѣша бо о суетныхъ міра, сладкое и покойное (50) житіе отринуша, жестокое же и бранное дѣло, оружіе и щиты возлюбиха, не даша бо покоя своимъ скраніямъ (51), ни зѣницамъ

Въ лѣта же Царя Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на Волгѣ рѣки множество бѣ казаковъ, и на Дону. И бысть имъ по царьскому велѣнію веліе утѣсеніе и изгнаніе съ Дону и съ Волги, имающе ихъ по темнищомъ сажаху, а иныхъ казнимъ предающе. И того ради казаки, атаманы съ Волги Ермакъ, Тимофеевъ сынъ, съ товарищи, девять атамановъ, да съ ними казаковъ пятьсотъ сорокъ четыре человекъ, — приидоша въ Сибирь... (лѣта 4310 году)...

(45) Слово, напечатанныхъ курсивомъ, въ летописи, изданной Г. П. Спасскимъ въ 1823 году, нѣтъ

(46) Сл. бесерманскаго

(47) Сл. бичь

(48) Въ летописи г. Спасскаго, Глава XXXVII сказано: Ермака, Тимофеева сына, Повольскаго

(49) Сл. нечестивымъ

(50) Сл. покойное

(51) По Словарию Академіи — висскъ (по греч. то хранию — черепъ).

стамъ на переходѣхъ многихъ побиша, а иныхъ многихъ переимаша, и мурзу ихъ Бегбеліа Агтакона взяша жива. И они безбожніи видя свое изнеможеніе, что Богъ подалъ надъ ними побѣду, Государю объ томъ добиши челомъ и вину свою принесли, что быть имъ погъ данью Государя Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русія и на Русскую землю не приходити войною.

XI.

О посланіи Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимофеева съ товарищи и ратныхъ людей Строгановыхъ въ Сибирь, на Сибирскаго Салтана.

Въ лѣто 734 (1581) году Сентября въ 7 (1) день, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, *послаша* изъ городковъ своихъ Семень и Максимъ и Никита *Строгановы*, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ атамановъ и казаковъ *Ермака Тимофеева* съ товарищи, и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ ратныхъ людей, Литвы, и Нѣмецъ, и Татаръ и Русскихъ людей буйственныхъ и храбрыхъ предобрыхъ вонновъ триста человекъ, и ихъ съ Волскими атаманы и казаки отпустиша вмѣстѣ за едно, и того ихъ собранія учредивша осмь сотъ чотыредесять человекъ буйственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвше соборнѣ молебныя пѣнія всемилоствому въ Троицы славимому Богу, и Пречистой Его Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и святымъ угодникамъ Его, и *удоволиша ихъ издою, и одѣяніи украсиша ихъ и оружіемъ оиненнымъ: пушечки и скорострѣльными пищальми семипядными, и запасы многими, и всѣми сими довольно сподобивша ихъ, и вожевъ вѣдущихъ той Сибирскій путь, и толмачевъ бусурменскаго языка имъ даша, и отпустиша ихъ въ Сибирскую землю съ*

они же покоршася под данью Государевою быти

9. Въ лѣто 734 (1581) сентября

въ 7 (1) день *послаша* изъ городковъ своихъ Семень и Максимъ и Никита *Строгановы* въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ атамановъ и казаковъ *Ермака Тимофеева* съ товарищи и съ ними

Литвы и Нѣмецъ и Татаръ, купъ

всѣхъ той (840) человекъ, плеще молебная и оларивше отпустиша.

дреманія, дондеже Божію помощь
пріяша на окаянныхъ бесерменъ.
Не оскудно бо излитіе крови своея
сіи воспріяша учащаеми ранами,
отъ стрѣльныхъ верженіяхъ отъ
окаянныхъ Агарянь, падоша (52)
плещи своя на раны, они бо ока-
янніи яростію претяху имъ и гор-
дишася паче кинтавръ и яко Антей;
но хранимы Божіими дланьми ка-
зацы. Писано бо есть, не убоятся (53)
исполнѣ горда, ни звѣря устра-
шится, ниже вострепещуть (54)
жельза, ни крокодилъ усть: и-
мать (55) бо поборника паче вся-
каго камня и твердости. Тако же и
сіи воини положиша упованіе на
Господа твердо и вси глаголюще:
«достойно умерети за истинную вѣ-
ру, и пострадати за православіе, и
благочестивому Царю послужити! Не
отъ многихъ бо вой побѣда, гла-
голаше, бываетъ, но отъ Бога свы-
щене. Истинна убо, востину, словеса
сія: не многими вой побѣдиша
сіихъ шатаніе поганыхъ, и брови
низвергоша превысшая, и смвриша
гордыя, и по всей Сибирской зем-
ли ликовашу казацы (56) стопами сво-
бодными, ни отъ когоже возвра-
няеми, и отъ сіихъ поставиша гра-
ды и святыя Божія церкви воздви-
гоша. Аще древле Сибирская стра-
на идоложертвіемъ помрачившися,
а нынѣ же благочестіемъ сіяя,
отпаде бѣсовская служба, и трети-
ца (57) идольская сокрушишася,
Богоувѣденіе всадися, Троица Еди-
носущная, не созданное Божество,
прославляется по глаголющему: «во
«всю землю възде вѣщаніе ихъ и
«въ концы вселенныя глаголющихъ».

(Иниже повѣдають лѣтописцы
яко призваша ихъ съ Волги Стро-
гоновы и даша имъ имѣнія и оде-
жды добрыя и оружія, пищаши и
пушки полковыя и своихъ людей
даша имъ Нѣмецъ и Лытвы три-
ста человекъ!)

(52) Сп. ранами отъ стрѣлъ ихъ вер-
женія окаянныхъ Агарянь. Вдаша

(53) Сп. не убоятся.

(54) Сп. вострепещемъ

(55) Сп. има.

(56) Въ подлинникѣ, въ обонхъ мѣ-
стахъ. по явной ошибкѣ писца, вста-
влена буква и (казанцы).

(57) Сп. востребиша

миромъ. Они же атаманы и казаки съ приборными людьми, пондоша съ радостію въ Сибирскую землю на Сибирскаго Салтана, съ учрежденіемъ полковъ на очищеніе Сибирскія земли, очистити мѣсто и отогнати безбожнаго варвара. Атаманы же и казаки идоша по Чусовой рѣкѣ въ верхъ до усть Серебряныя рѣки четыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги, и ту городокъ земляной поставиша и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ, и съ того мѣста перевезеся ѿ поприщъ за волокъ, на рѣку рекомую Жаравли, и по той рѣцѣ пондоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна.

XII.

О приходѣ Сибирскихъ людей Пельмская князя подѣ Пермскіе городы, и подѣ Канкоръ, и подѣ Кергеданъ и подѣ Чусовскіе городки, и подѣ Сысвлянской и Яввинской острожки.

Въ та же времена девять десятая годины и въ число днєви, на память Преподобнаго отца нашего Семіона Столпника, злочестивый и безбожный князь Пельмскій ярости многи наполнися, но и паки звѣрстрашіемъ объять бысть, и умысли злохитрое коварство въ сердца своемъ и начать лєсть съ лукавствомъ шивати, и бысть ему безбожному ко своей погибели; тогда онъ злочестивый собра вой своя, число же ихъ семь сотъ человекъ, и подозва съ собою буйственныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ мурзъ и улановъ Сибирскія же земли со множествомъ вой; онъ же злый по неволи взя съ собою Сысвлянскихъ, и Косвинскихъ, и Иренскихъ, и Ивинскихъ и Обвинскихъ Татаръ, и Остяковъ, и Вогуличъ, и Вотяковъ и Башкирцовъ (*) мно-

(*) Все это были народцы до-уральскіе.

Они же отыдоша и придоша на

Туру рѣку — и ту бѣ Сибирская земля.

10. Въ то же время, на Сементь-день, на девятой годинѣ, —

приде злочестивый Пельмскій —

князь, съ нимъ бѣ ѿ (700) чело-

вѣкъ, кромѣ сибирскихъ людей и

Божественнымъ бо Апостоломъ еще
и не благоволи (58). Богъ прѣиско-
дяти сія страны, но проповѣдъ
ихъ повсюду изыде (59).

---

(58) Си благословія

(59) Мелкія различія ны отмѣчать
не будемъ.

жество, и приде съ вой своими, дряся, на Пермскія города на Чердынъ, и тѣ мѣста поплѣниша и пожгоша, дондеже и къ стѣнамъ града сурово и люто зѣло приближишася ко граду, едва не взату бывшу. Но всемогій Богъ не попусти окаянныхъ; и вскорѣ отъ того мѣста поидоша подѣ Кай городокъ и ту велию пакость учиниша; и оттолѣ окаянии приидоша подѣ Камское усолье, и ту села и посады пожгоша, и людей поплѣниша; и приидоша подѣ Канкоръ и подѣ Кергеданъ городки, а оттолѣ поидоша подѣ Чусовскіе городки и подѣ Сылванской и Яйвинской острожки; и внезапно окаянии нападоша на Чусовскіе городки, и около ту живущихъ крестьянъ множество посѣкоша и села ихъ и жилища пожгоша, и немилостивно православныхъ плѣниху, и полону многу взату бывшу. Волскихъ же атамановъ и казаковъ не бѣ ту въ городкѣхъ; прежде прихода его, окаяннаго и безбожнаго Пельмскаго князя, тоя же годины, послаша ихъ Семенъ и Максимъ и Никита въ Сибирскую землю, на Сибирскаго Салтана, а оставшіе людіе въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ своихъ отъ окаянныхъ и безбожныхъ Татаръ, отъ ихъ злаго притужанія, едва смерти избыша, ни силою своею, но Божіею помощію, и оттолѣ многія скорби и притужанія приимаху отъ окаянныхъ. Они же Семенъ и Максимъ и Никита съ мужественными своими и храбрыми людьми, призва себѣ въ помощь всемилостиваго, въ Троицы славимаго Бога, и Пречистую Его Богоматерь, и всѣхъ угодникъ Его, но и паче устремишася и мужественно и единомышленно стояху въ великомъ отъ окаянныхъ притужаніи, и бяхуса крѣпко и мужественно со окаянными, и много множество отъ обою странъ падоша; окаянии же увѣдаху, что Русскіи вой поидоша въ ихъ Сибирь

много зла учиниша и *внесану* (*) на

чусовскіе города нападоша и около ту живущихъ христіанъ множество посѣкоша, и жилища ихъ пожгоша.

А Волскихъ казаковъ не бѣ ту: *послаша бо ихъ на Сибирь.*

(*) Мы уже видали, что это было совсѣмъ не *внесану*.

Vertical line of text, possibly a page number or separator.

новъ, къ себѣ призвавъ, воровъ напали въ свои остроги, безъ нашего указа; а тѣ атаманы съ казаки, прежь того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, послѣвъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарозовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убытки чинились и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегати, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по тому же, какъ на Волгѣ чинили и воровали: въ которой день въ Перми къ Чердыни приходили Вогуличи, а въ тотъ же день отъ васъ изъ острожковъ, Ермакъ съ товарищи, пошли воевать Вогуличъ, и Остяковъ и Татаръ, а Перми ни чѣмъ не пособили. И мы послали въ Пермь Воина Аничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарищи взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолъе Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣляся; а одно лично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ острогѣхъ быти не лъзя, и вы бы у себя оставили немногихъ людей, съ которымъ атаманомъ, челоуѣкъ до ста, а достальныхъ всѣхъ выслать въ Чердынь однолично тотчасъ. А не вышлете изъ остроговъ своихъ Волскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоеева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такую вашу измѣною, что надъ Пермскими мѣстами учинятся отъ Вогуличъ, и отъ Пельимцовъ и отъ Сибирскаго Салтана людей, и впередъ намъ въ томъ опала на васъ своя положити большая; а атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать; и вы бы тѣхъ казаковъ однолично отпустили отъ себя въ Пермь. Писанъ на Москвѣ лѣта 734 (1582) году Ноября въ 5 (16) день. И по сямъ Семенъ

вы призвали безъ Нашего вѣдома.

ГЛАВА VIII.

О посланіи Кучумомъ сына своего Маметкуля на рускіе вой (60).

Въ лѣто 3311 (7.089—1.581) (61) въ державѣ благочестиваго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всеа Россіи Самодержца, придоша сін воины съ Волги въ Сибирь.

Идоша же въ Сибирь Чюсовою рѣкою, и придоша на рѣку Тагиль, и плыша Тагилью и Турою и доидоша до рѣки Тавды. На усть же той рѣки яша (62) Татарина, имянемъ Таудина (63), царева Кучюмова двора. Повѣда же имъ сей все про царя Кучюма.

Слышавъ же царь Кучюмъ пришествіе русскихъ вой и мужество ихъ и храбрость—и о семъ оскорбися зѣло и пакы мысль свою предлагаетъ. Вскорѣ посылаетъ во всю

(60) Дальнѣйшее раздѣленіе на главы мы заимствуемъ изъ списка, изданнаго Г. И. Спасскимъ.

(61) Г. Спасскій считаетъ 1580.

(62) Сп. изымаша.

(63) Сп. Таузинъ, Строг. Таузакъ

И Лѣта 3311 году (придоша казакъ изъ Сибирь) (*).

И тако идоша въ Сибирь Чюсовою рѣкою на рѣку Тагиль, и плыша Тагилью и Турою до Тавды рѣки. На усть же той рѣки поима-

ша Татарина царева двора, именемъ Таузакъ—и повѣда имъ все про царя Кучюма. И начаша при немъ стрѣляти изъ оружія и отпустиши его къ царю Кучюму, да скажетъ про ихъ пришествіе.

Татаринъ же той, пришедъ, сказа царю русскихъ вой пришествіе и се сказа, яко егда стрѣльнуть изъ луковъ своихъ: иждъ изъ конца дышъ и огонь исходитъ и голкнетъ громко, а пробиваетъ наши куйки и бахтерцы на выметъ.

Царь же Кучюмъ вельми печаленъ бысть, слыша ихъ мужество и храбрость; и скоро посла во всю

(*) Слова эти мы повторили изъ предыдущаго предложенія.

и Максимъ и Никита быша въ велицей печали о томъ, что прежде его Государево Царевъ и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи повелѣніе высть по прежнимъ Его Государевымъ грамотамъ, велѣно городки ставити и людей воинскихъ прибирати на Сибирскаго Салтана; а нынѣ его же Государевъ указъ, что не велѣно отпущати Волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ въ Сибирь отпущены казаки Ермакъ съ товарищи (*).

XIII.

О приходъ Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской земль.

Въ лѣто 734 (1581) году Сентября въ 9 (9) день, на память Богоотецъ Іоакима и Анны, придоша воины въ ту Сибирскую землю безстрастни, и многіе Татарскіе городки и улусы повоевали, въ низъ по Турѣ и доидоша до Тавды рѣки въ мужествѣ, и на усть той рѣки поймаше Татаръ. Единъ бѣ отъ нихъ, именемъ Таузакъ, Царева двора, и повѣда имъ все по ряду, про Сибирскихъ царей, и князей, и шуръ и улановъ, и про Царя Кучума; они же увѣдаше отъ него о всемъ достоверно, и отпустиша его, да скажетъ Кучумови Салтану пришествіе ихъ, и мужество и храбрость.

И отъ него же Таузака слышано бысть Царю Кучуму пришествіе Русскихъ воиновъ, и ихъ мужество и храбрость, и повѣдаша ему сице: таковы бо суть Русіи воины сильни, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огонь пашеть и дымъ великій изходитъ и громъ.

(*) Эта глава и всѣ предъидущія показываютъ съ какимъ... превосходнымъ умъемъ составлены онѣ лѣтописцемъ.

И они о томъ въ великой печали были.

11. Въ лѣто 734 (1581) Сентября въ 9 (9) день придоша воины казацы въ землю Сибирскую до Тавды рѣки, повоевала въ мужествѣ, и взяша Татаръ на усть той рѣки, одинаго отъ нихъ именемъ Таузакъ, царева двора.

Оны же повѣда имъ о царѣ и о князѣхъ вся по ряду; и отпустиша его да скажетъ Кучумови пришествіе ихъ.

И повѣда ему, прибѣжавъ, сице: «Таковы суть русіи воины сильни егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огонь пашеть и дымъ ве-

свою державу, дабы ѣхали къ нему воинствѣ (64) людіе во градъ Сибирь и противу русскихъ вой ополчипся (65). И въ малѣ времени собрался къ нему множество Татаръ и Остяковъ и Вогуличъ и прочая языцы, иже подъ его властію.

Посла же царь сына своего Маметкула со множествомъ воинъ и повелѣ мужески ополчитися противъ нашедшихъ казаковъ;

самъ же повелѣ засѣку учинити подлѣ рѣку Иртышъ подъ «Чювашевымъ» (66) и засыпати землею и многими крѣпостями утвердити, яко же *естъ* достойно утверженію.

Маметкулъ же съ вой своими донде до нѣкоего урочища, иже бо «Богда-санъ» именуемъ (67).

Казацы же видѣвши таковое собраніе поганыхъ, не мало тогда (68) устрашилися; и бысть

свою державу по мурзы и по прочіи воинство.

Въ малѣ же времени собрался къ нему множество Татаръ, и Остяковъ, и Вогуличъ, и прочихъ языкъ.

Царь же сыну своему Маметкулю со множествомъ войска повелѣ итти на казаковъ бранію;

самъ же повелѣ крѣпитися, засѣку учинити подлѣ рѣки Иртышъ подъ Чювашевымъ, засыпати каменіемъ, яко достойно осада крѣпити.

Маметкулъ же съ воинствомъ своимъ донде нѣкоего урочища, иже именуемъ Бабасанъ.

Казаки же, видѣвши таковое собраніе, не мало убоишася; быста

(64) Сп. въ воинство

(65) Сп. ополчипся

(66) Сп. Чювашемъ

(67) Сп. Бабасаны именуемо.

(68) Сп. того.

ко гolkнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видѣти, уязвляють ранами и смертно побивають, а ущититься отъ нея никакими ратными збруями невозможно; куяки, и бетгерцы, и пансыри и колчюги наши не держатъ, все пробивають на вылетъ. Царь же Кучумъ о семъ оскорбился и опечалился вельми зѣло, и паки въ неудоумѣннѣи мнозѣ бысть, и посылаетъ во всю свою державу, по градомъ и по улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ на спомоганіе противу Русскихъ сильныхъ вой ополчитися; въ малѣ же времени собрался къ нему все множество вой его, князи, и мурзы, и уланове и Татары, и Остави, и Вогуличи и прочая языцы подъ его властію вен.

XV.

О посланіи Царя Кучума сына своего Маметкула на Русскіе вой ратью.

Злочестивый же Царь Кучумъ посла сына своего Маметкула со множествомъ воинства своего, и повелѣ имъ мужески ополчитися противу нашедшихъ Русскаго воинства;

самъ же Кучумъ повелѣ себѣ учинити засѣку подлѣ рѣку Иртышъ подлѣ Чувашиемъ, и засыпати землею и многими крѣпостями утвердиша, но краткимъ словомъ реку, яко есть достойно на утверженіе.

Маметкулъ же со множествомъ вой своихъ доиде до нѣкоего урочища, иже бо именуется Бабасанъ.

Рускіи же вой, атаманы и казаки видѣвше таковое поганыхъ собраніе, того нимало устрашишася, возложиша упованіе на Бога, изъ остроговъ своихъ скоро изходятъ, и на поганыхъ устремишася.

ликъ исходитъ и громко гolkнетъ, а стрѣль исходящихъ не видѣти, уязвляють ранами до смерти, а не ущититься отъ нихъ никакими сбруями».

Царь же о семъ оскорбился и опечалился вельми, пребысть въ недоумѣннѣи и повсюду разослалъ повелѣ готовитися къ себѣ на брань.

И вой къ нему собрался.

12. И посла сына своего Маметкула противъ русскаго воинства.

Самъ же повелѣ учинити себѣ засѣку подлѣ рѣку Иртышъ подлѣ «Чувашинемъ» и засыпати землею.

Сымъ же его доиде до урочища Бабасанъ.

Рускіи войи видѣвше ихъ, Бога на помощь призвавше, на нихъ устремишася.

съ поганымъ брань велія, и побыша поганыхъ множество, и на бѣжаніе поганіи устремилася. Паки же казаки поплыша въ стругахъ своихъ на рѣку Тоболу, Татарова же начаща стрѣляти изъ-за-горъ (69) на струги ихъ—и то мѣсто проплыша ничимъ же вредени.

же брань велія и побыша множество поганыхъ; прочіе же на бѣжаніе устремилася.

Казаки же побѣдѣша въ стругахъ по рѣкѣ Тоболу; Татарове начаща съ горъ стрѣляти по нихъ на струги; но Божією помощію проплыша ничимъ вредени.

ГЛАВА IX.

О взятіи улуса Карачи.

Придоша же казацы же до Карачина улуса; сей же (70) Карача думной бѣ у царя Кучюма. Составиша съ Карачею брань, и улусъ его взяша, и множество богатства приобрѣтоша, и царева меду въ струги (71) отнесоша, и приплыша же до рѣки Иртыша, поганіи же на брегъ придоша, ови на конѣхъ, ови же пѣши. Казацы же на брегъ взыдоша и мужески на поганыхъ, наступаютъ, и въ то время бысть смертное пораженіе поганымъ, и вдашася поганіи невозвратному бѣгству.

И доидоша Карачина улуса: бѣ же Карача думный царевъ. И бысть брань ту не малая; и улусъ Карачинъ взяша, и множество богатства приобрѣтоша, и въ струги къ себѣ внесоша, и доидоша до рѣки Иртыша. Поганіи же придоша на брегъ на конѣхъ, а иніи пѣши; казаки же вышедши на брегъ и поставиша брань; паде же поганыхъ множество, а прочіи побѣдоша.

(69) Сп. изъ-за горы. Здѣсь это слово поставлено въ смыслѣ утеса. Слово напечатанныхъ курсивомъ у Г. И. Спасскаго нѣтъ.

70 Сп. еже.

71 Сп. и црева меду, и въ струги.

Поганіи же противу нашедшихъ крѣпце и немилостивно наступаху на конѣхъ, копѣйнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами казаковъ уязвляють вельми; Рустіи же людіе начаша стрѣляти изъ пицалей своихъ, и изъ пушечекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и шпанскихъ, и изъ аркбузовъ, и сими побивающе поганыхъ безчисленное множество; и въ то время бысть брань жестока съ Татарскими вой, и паденіе ото обоихъ странъ много множество. Поганіи же видѣвши вой своихъ велие паденіе предъ Русскими вой, вдашася бѣгству. Рустіи же казацы паки поидоша по рѣкѣ Тоболу и поидоша моль гору; поганіи же начаше стрѣляти съ горы, и съ верху падоша стрѣлы на струги ихъ акы дождь, и та мѣста проидоша ни чимъ не врежени отъ Татаръ.

XVI.

О пришествіи Русскаго воинства подъ Карачинъ улусъ, думцаго царевя.

Приидоша казаки подъ Карачинъ улусъ, и ту вторую брань сотвориша съ Карачею, думчимъ царевымъ, также взяше улусъ его, въ немъ же царевъ медъ и богатство царевя взяше въ струги своя; поганіи же постигоша ихъ у рѣки Иртыша, овии на конѣхъ, а инии пѣши. Атаманы же и казаки ту на берегу съ нимъ брань составиша, и мужески на поганыхъ наступаютъ, и въ то время бысть сраженіе велие обомъ странамъ до смертнаго посѣченія. Тогда видѣвши поганіи своихъ паденіе велие предъ Русскими вой и вдашася невозвратному бѣгству. И на томъ бою Русскаго воинства, отъ Ермаковы дружины, мало убиенно бысть, точію киждо уязвлени быша.

Они же сопротивъ крѣпко бышеся

и отъ бой ихъ много падоша,

но проидоша мимо ихъ въ стругахъ казацы —

— до Карачева улуса.

13. И взяша его.

ГЛАВА X.

О взятіи городка Атика Мурзы.

Царь же Кучумъ, видѣ своихъ паденіе, изыде со многими людьми на высоко мѣсто, на гору, рекомую «Чувашеву» (72); у засѣки же сынъ его Мамсткулъ со многими же людьми.

Казакѣ же поидоша по Иртышу вверхъ

и взяша городокъ Атикъ мурзы, сѣдоша въ немъ (73). Ноци же придоша, и быша казацы въ размышленіи (74), видѣвше таково собраніе поганыхъ, яко битися единому съ десятию или съ двадцатию поганыхъ. И убояшася и престрашну бывше и *восхотѣша тоя ноци бѣжати*. Друзіи же не восхотѣша, яко уже осень бѣ (75) но уповаше на Бога, утвердиша же и прочихъ, яко да идуть противу поганыхъ и уповаше на Бога.

Царь же Кучумъ, видѣ своихъ людей паденіе, изыде со многими людьми на высочайшее мѣсто на гору, рекомую Чувашево; у засѣки же сынъ его Мамсткулъ со многими людьми.

Казакѣ же поидоша по Иртышу вверхъ, и взяша городокъ Аты-мурзы, и сѣдоша въ немъ. И ноци той быша въ размышленіи, видяще таково воинство поганыхъ, и

мнози устрашишася, хотяще бѣжати; иніи же устремишася на бой.

(72) Сп. На горѣ рѣкомѣи Чувашѣ.

(73) Сп. городокъ Атика Мурзы, сѣдана въ немъ.

(74) Сп. ноцію же пришедше и быша въ размышленіи.

(75) Сп. о сѣмъ бѣ.

Царь же Кучумъ видѣвъ своихъ воп, яко побѣждени быша, и изыде со многими своими людьми, и ста на высокоѣ мѣстѣ на горѣ, по реклому Чувашевѣ (*), а у засѣки остася сынъ его Маметкулъ со многими людьми; казацы подоша по рѣкѣ Иртышу въ верхъ.

XVII.

О взятіи городка Атикъ-мурзы.

Придоша русское воинство подъ городокъ Атикъ-мурзы и взяше его, и сѣдоша въ немъ, уже нощи пришедши, тмѣ нашедшу. Видѣвше же казаки у засѣки толкое поганыхъ собраніе, они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можемъ стати противу толкаго собранія? И начаша размышляти въ себѣ, и учини кругъ и совѣтъ благъ сотвориша о томъ, и глаголаша другъ ко другу: отойти ли намъ мѣста сего или стояти единодушно? Ини начаша мыслити и глаголати: лутче бы намъ было, аще отыдемъ отъ нихъ въ отходъ; а ини же супротивъ глаголаху жестостію твердо: «О братія наша единомысленная, камо намъ бѣжати? уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается, не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога; не отъ многихъ бо вой побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы братія сами, коликъ зла сотворихъ безбожніи они и окаянніи Агаряне Сибирскія земли, Салтацъ Кучумъ, нашей Русской Пермстей земли, Государевымъ городомъ запустѣніе, и православнымъ Христіаномъ посѣченіе и илѣненіе велие, и Строгоновыхъ острожкомъ

(*) Мы слышали, но не выдаемъ за вѣрное, что слово чувашъ, по оставленію означать прибрежіе на рѣкахъ.

14. И придоша подъ городокъ Атикъ Мурзы и того взяша и въ немъ сѣдоша. Уже нощи нашедши,

глаголюще межъ себѣ: какъ бы нмѣ поганыхъ одолѣти, видяще Царя у засѣки въ силѣ тяжцѣ,

ГЛАВА XI.

*О поражении Маметкула и его
войска.*

Июльда октября днѣ (23) всѣх
рустѣхъ воиновъ изъ городка на бой
И на утрѣ, октября въ 23 день,
всѣхъ пойдомъ въ бой; казаки же,

колико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мститъ имъ окаяннымъ за кровь ихъ крестьянскую. Возпомянемъ, братіе, общаніе свое, како мы честнымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣты и слово свое даша, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ елико всемогій Богъ нашъ помощи подасть, а отнюдь не побѣжати, хотя до одинаго всѣмъ умрети, а всія возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщавомся. Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.» И по семъ атаманъ и казаки, утвердившеся вси единодушно, и мужественно укрѣпившеся, и увѣрившася до одинаго, и вси глаголаху едино вкупѣ: «Готови умрети за святыя Божія церкви, и за истинную православную вѣру пострадати, и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи послужимъ, и стоимъ противу поганыхъ твердо до крови, и до самыя смерти: и того, братія, не премѣнимъ обѣта своего, и вси единодушно на томъ станемъ непоколебими.» И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ.

И уже ноци прошедши, свитающу днєви, и солнцу просіявшу, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ, Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся, и рече дружинѣ своей со слезами: «О друзи и братія! помолимся Богу и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранени быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашествія.»

И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца Октябрю въ кѣ (23) день, на память святаго апостола Іакова брата Господня, и вси вкупѣ, яко

но упованіе возложиша на Бога.

Свитающу днєви изыдоша изъ

городка на бой Октябрю въ кѣ (23)

день и возопиша вси вкупѣ «съ

единими усты глаголаху: съ на-

вышли и вси глаголаху: «съ нами Богъ!» И пакы приложиша: «съ нами Богъ! Боже, помози работъ Своимъ!» И начаша приступати къ засѣкѣ. Бысть брань велика (76). Сѣи же злоратнии мужіе убіеніе и дерзость свирѣподушную поганіи показываху и яко конѣйныи сулицы имѣюще въ утробахъ своихъ, ибо вооружихася собою крѣпце и вси дыхающе гнѣвомъ и яростію. Одѣяни же желѣзомъ и мѣдію щитницы (77) и копіеосцы и желѣзо стрѣльницы, состяжеса (78) брань отъ обою страну. Поганіи же пустиша тьмочисленныя стрѣлы, казаки же противо ихъ изъ огненнодышущихъ нищелей, и бысть сѣча зла: за руки емлюще сѣчахуся!

Божією помощію *по-малу*—по-малу поганіи начаша оскудѣвати и слабѣти, казацы же погнаша ихъ и въ слѣдъ ихъ побивающе, и валяюще (79) и попирающе. Очервленншася тогда кровьюи поля, сущая (80) ту, и постлашася трупіемъ мертвецъ (81) и блато собращася ту (82) отъ истекшія крови, яко же древле отъ тѣлесъ у Троинскаго града, близъ Командры рѣки, плѣвующу Ахиллесу (83): тако бо побѣдиша окаянныхъ бусорманъ! Божій гнѣвъ приде на нь за беззаконіе ихъ и кумиропоклоненіе, яко не свѣдяху Бога, сотворшаго ихъ.

Царевичъ же Маметкулъ уязвленъ (84) отъ русскихъ вой тогда бысть:

(76) Сп. и бысть брань велиа.

(77) Сп. мѣднощитницы.

(78) Сп. составишася.

(79) Сп. свалающе.

(80) Сп. омочая.

(81) Сп. мертвыхъ.

(82) Сп. и въ блата обратяся, тогда.

(83) Сп. отъ тѣлесъ ко граду близъ Командры рѣки плѣвующеса Ахиллесу.

(84) Сп. уязвиша.

призвавше Бога на помощь, приступиша къ засѣкѣ; и бысть брань велиа.

Поганіи же пустиша тьмочисленныя стрѣлы и сѣча зла бысть: за руки емляхуся!

И Божією помощію начаша поганіи оскудѣвати;

казаки же гоняще ихъ и сѣкуще во слѣдъ.

ми Богъ! и пакы: Господи, помози намъ, работъ своимъ! И начаша приступати къ засѣкѣ мужественно и сурово зѣлю; и бысть съ погаными брань велія. Поганіи же пустиша стрѣлы тьмочисленныя съ верьху засѣки и изъ бойницъ, и мнозѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляють, а иныхъ смертно убивають. Поганіи же видѣвше храбрыхъ мужей паденіе, и разломиша сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгству предати; и въ то время на вылазкѣ составишася брань велія, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся; казацы же на поганыхъ вси единодушно устремишася, и показавше храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми и безбожными Агаряны.

По малу же времени поганіи начаша оскудѣвати въ силѣ своей, Богъ же казацѣмъ на поганыхъ побѣду дая; казацы же поля приобрѣтають, и одолеваяють ихъ, и безчисленно поганыхъ побивають, и отъ засѣки отбиша, и знамена своя на засѣку поставиша,

и Царевича Маметкула узвиша,

нами Богъ!» и пакы: «помози намъ, Господи, работъ своимъ! И приступаша къ засѣкѣ и одолевша имъ

и знамена своя ту на засѣкѣ поставиша,

и безчисленно ихъ побивша,

нѣ бою свои его увезоша (85) на онѣ-полѣ рѣки Иртыша.

ГЛАВА XII.

О бысть Кучума изъ града Сибири.

Царь же Кучумъ, стоя на горѣ висоцѣ, юже именовашъ прежде, видѣ своихъ паденіе, повелѣ мулламъ своимъ клекати свою молитву и призывать на помощь свои боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни поспѣшенія.

Въ то же время князьцы остяцкіе отъидоша каждо во свояси.

Царь же Кучумъ, видѣ царства своего лишеніе, рече сущимъ съ нимъ: «побѣжимъ не медляще — сами видимъ всего лишеніе: сильніи изнемогоша, храбріи избіени быша.

О горе, о люте мнѣ! Увы, улы, увы! Что сотворимъ? Како побѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди—и напрасно мя изъ царствія изгна? Отъ простыхъ людей Ермакъ не со многими вои пришедъ и толпка зла сотвори, вои моя изби и посрамя!» А того, беззаконниче, не вѣсть, что и чада родители своихъ страдаютъ (86) ово голодомъ и наготою, ово пожаромъ и отъ звѣрей скоту снѣдаему (87) за твою, беззаконниче, скверну: Богъ вся видятъ! и обратися бо лѣзнь чюжая на главу твою, неправда же твоя на тя сице. Тако же и онъ самъ на ся рече, сіе (88) глаголя: «Азъ побѣдихъ, во гра-

(85) Сп. тогда бо и поиманъ бысть, но его увезоша на онѣ полѣ рѣки Иртыша.

(86) Сп. яко и чады, родители своихъ ради, страдаютъ.

(87) Сп. звѣрь скоту снѣдему;

(88) Сп. рекъ къ сему же.

Царь же Кучумъ, стоя на мѣстѣ висоцѣ и видѣ своихъ паденіе велие, и повелѣ мулламъ своимъ клекати свою молитву и призывать на помощь свои боги—и не бысть ничто же.

Князьцы жъ Остяцкіе съ своими людьми отъидоша каждо во свояси.

Царь же Кучумъ, видѣ своего царства лишеніе, и рече сущимъ съ нимъ: «побѣжимъ не медля, видимъ бо и сами, яко сильніи наши изнемогоша и храбріи побіени быша.

О люте, о горе мнѣ, улы мнѣ! Что сотворю, или камо побѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди и напрасно изъ царствія изгна? Отъ простыхъ людей Ермакъ, не со многими людьми пришедъ, и войско мое побѣди и мене посрамя!

Азъ бо побѣди въ Сибири кня-

но вой его увезоша въ малой лодницѣ за Иртышъ рѣку.

Царь же Кучумъ стояше на высоцѣ мѣстѣ, и видѣвъ своихъ Татаръ паденіе, и сына своего Маметкула уязвленіе, и бѣгство скоро, повелѣ мутламъ своимъ клинати свою бусурменскую молитву; и начаша призывати къ себѣ на помощь своя боги, и не бысть имъ ни мало помощи.

И въ то время князи Остяцкіи отойдоша съ своими людьми каждо во свояси.

Царь же Кучумъ видѣ свою гибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О мурзы и уланове! побѣдимъ не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишеніе, сильніи наши язнемогоша и храбріи воины вси побѣни быша.

О горе мнѣ! что сотворю, или камо бѣжу? покры срамота лице мое. Кто мя побѣди и царства моего лишихъ? простыхъ бо людей посла на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми, и тоя насъ нашедъ побѣди, и толико намъ зла сотвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива отъ нихъ увезоша, и мене самага по срами, и отъ царства моего отгна; обратися болѣзнь моя на главу мою; и неправда моя сниде на мя; азъ бо чужая съ радостію прияхъ, Русскую землю воевахъ, Пермь великую и Строгоновыхъ острожки, а нынѣ всего своего лишень быхъ, и самъ побѣжденъ бысть: нѣсть бо тоя радости на земли, иже не премѣнится на жалость.»

дѣ Сибири, князей Етигара (89) и Бекбулата, многое богатство приобрѣтохъ, приидохъ и побѣдихъ, ни отъ кого же посланъ корысти ради и величія».

Прибѣже во градъ царь же Кучюмъ взя мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ и вдашася невозвратному бѣгству со всѣми вой своими; градъ же свой Сибирь оставиша пустъ.

ГЛАВА XIII.

О вѣствованіи Ермака съ товарищи въ Сибирь.

Егда (90) же убо подѣ Чувашемъ (91) ста бранное ополченіе, воинствіе людіе утрудилася, уже бо ноци пришедши, отъидоша оттуду и обночевашася, стражу же утвердиша крѣпце (92) отъ поганыхъ, да яко зміи не-схаютъ (93), окаяннїи! На утрїе же вси воинствїи людіе, молитву сотворше ко всецелрому Богу и Пречистѣй (94) Его Богоматери, и поидоша ко граду Сибири, безъ боязни. Да яко же приближишася близъ града—и не бѣ слышати во градѣ ни гласа, ни послушанїя, мнѣше же прежде яко егда скрѣшиася во градѣ окаяннїи. Воинствїе же людіе на Бога уповаша и поидоша ко граду.

Прииде же (95) Ермакъ съ товарищи во градъ Сибирь въ лѣто ^{зпд.} (7089—1581) (96) октября ^{зпд.} днѣ кѣ (26) на память святаго великомученика Димитрія Селунскаго, прославиша Бога, давшаго имъ таковую побѣду на окаянныхъ Агарянъ и идолопоклонникъ, и радостию радующеся. Достояно воинствїю воспоминати сію побѣду и

(89) Сп. Етигера

(90) Сп. А егда.

(91) Сп. Чувашемъ

(92) Сп. къ рѣцѣ.

(93) Сп. зміи ухапять.

(94) Сп. Пресвятѣй.

(95) Этїхъ словъ, равно какъ и другихъ, курсивомъ напечатанныхъ, у г. Сп. нѣтъ.

(96) Сп. 1580.

зей Етигера и Бекбулата и много богатства обрѣтохъ!»

И много укоряя себѣ, и прибѣже во градъ царь Кучюмъ, и взя нѣчто мало отъ сокровищъ своихъ, и побѣжа со своими; градъ же Сибирь оставиша пустъ.

Казакї же съ побойца того по-

идоша во свой городъ, понеже утрудилася; и поставиша стражу крѣпку, сами же ночью почиша.

На утрїи же казакї поидоша ко

граду Сибири безбоязненно; и егда быша близъ града—и не бѣ во градѣ никакого гласа; и мнѣше себѣ казакї, яко лукавствуютъ поганїи надъ ними и нѣчто лукавнующе.

Казакї же, уповающе на Бога, поидоша во градъ...

III. Въ лѣто ^{зпд.} октября въ кѣ (26) день; и

прославиша Бога, давшаго имъ побѣду, яко

И прибѣже окаинный во градъ Сибирь, и взя себѣ мало нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству, а градъ Сибирь оставиша пустъ.

Храбрый же Ермакъ съ дружиною приидоша во градъ Сибирь, послѣди же рекомый Тоболескъ, мѣсяца Октября въ кѣ (26) день, на память святаго Великомученика и Стратотерща Дмитрія Селунскаго, и прославиша Бога, давшего имъ побѣду на поганыхъ и окаинныхъ Агарянъ, радуящесь радостію великою; богатства же отъ злата и сребра, и паволоки златыя и каменіе многоцѣнное, и соболина, и кунья и лисицъ драгихъ вельми множество взяша, и по себѣ раздѣляютъ; дивно бо бѣ слышати, и достойно востину прославити всесильнаго въ Троицы славимаго Бога, давшего побѣду на поганья супостаты, и побѣдиша гордаго царя Кучума не многими бо сильными воими Русскими. Елико бо царь Кучумъ собра воинъ своихъ, яко же изрещись, едному казаку противитися съ десятии, или съ двадцати или съ тридцати погаными, и зѣло восплакася окаинный о множествѣ вои своихъ погибшихъ; но Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ Христіаномъ даетъ благодать свою.

и въ градъ Сибирь приидоша, иже нынѣ Тоболескъ, октября въ кѣ день,

и прославиша Бога радостію великою.

Царь же собравъ вои много, яко быти противъ единаго кѣ (20) или лѣ (30).

но невозможно противитися.

въ предъидущіе роды, яко не мно-
гима вои таково царство взяша, но
Божією помощію.

ГЛАВА XIV.

*О прибытіи въ градъ Сибирь Остяц-
каго князьца Болря.*

По взятіи же Сибири въ 1̄ (4)
день прииде во градъ Сибирь Остяц-
кій Князецъ, именовъ Болръ, со
многими Остяки; принесоша же
Ермаку съ товарыщи многіе дары
и запасы, я же на потребу. По
семь же начаша приходити Тата-
рова мнози съ женами и дѣтьми, и
начаша жити въ первыхъ своихъ
домѣхъ, видящихъ православнѣе
покори имъ Богъ невѣрныя лю-
ди (97).

ГЛАВА XV.

*О убіеніи казаковъ на рыбной ловль
подъ Абалякомъ.*

Того же лѣта, декабря дня 5̄ (5)
Ермаковъ дружинѣ безъ опасенія
идушимъ къ рыбной ловлѣ къ нѣ-
коему урочищу, иже именуется Аба-
лакъ (98), поставиша же станъ свой
и почища безъ стражи. Царевичъ же
Маметкулъ, пришелъ на нихъ тай-
со многими людьми, и побѣ ихъ.
Слышано же бысть во градѣ о
убіеніи ихъ; Ермакъ же съ дру-
жиною своею погнавъ въ слѣдъ
поганыхъ и достигоша ихъ близъ
поля и бысть съ погаными брань
велика на многъ часъ.

немногими воины побѣдиша.

По взятіи Сибирскою въ 1̄ день
прииде въ градъ князецъ Остяцкій,
именемъ Болръ, со многими Остя-
ки, и принесоша Ермаку и каза-
камъ многія дары;

и мнози начаша приходити Татаре-
ва съ женами и съ дѣтьми; и на-
чаша жити въ первыхъ своихъ
домѣхъ.

Того же лѣта декабря въ 5̄ день

казакамъ идущимъ рыбной ловлѣ,
иже именуется Абалакъ,
въ стадахъ своихъ почища безъ
стражи. Царевичъ же
Маметкулъ прииде внезапно,
и побѣ ихъ ту.
И вѣдано бысть о семъ во градѣ;
Ермакъ же съ иными казаками до-
гна ихъ,

и, многихъ побѣ поганыхъ,

(97) Сп. видяще же православное
воинство и покори ихъ Богъ правосла-
внымъ христіаномъ.

(98) Сп. Абалакъ.

На четвертый день приидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною Остидскій князь именовъ Бояръ со многими Остиди, и привезоша съ собою многіе дары и запасы; и посемъ учали приходити многіе Татарове съ женами и съ дѣтьми, и учали жити въ прежнихъ своихъ юртахъ.

XVIII.

О убіеніи казаковъ на рыбной ловль подъ Яболакомъ.

Тое же зимы, Декабря въ 5 (5) день, Волжскіи казаки, Ермакове дружинъ, безъ опасеній идущи въ рыбной ловль къ нѣкому урочищу, иже зовется Яболакъ; казацы же быша въ стану своемъ; Царевичъ же Маметкулъ пришеде внезапно и побиха ихъ безъ остатку.

Слышано же бысть во градъ томъ убіеніе ихъ; Ермакъ же о семъ оскорбися много зѣло и на гнѣвъ подвижася, и возьярися сердцемъ вельми, и повелъ дружинъ своей препоясатися оружіемъ и шедъ на брань, и въ слѣдъ погнаша поганыхъ и постыгоша ихъ подъ Яболакомъ. И тако вопни повелѣніе Ермаково исполняютъ и мужески на поганыхъ нападаютъ и брань спускаютъ, и ото обою страну другъ на друга сурово и немилостивно наскочутъ, и отъ смертныхъ пораженій падаютъ трупія мертвыхъ ото обою странъ; уже бо ночиѣи тмѣ нашедши и брань преста,

И на четвертый день приидоша во градъ Остиди съ дары, и князь ихъ и бояре.

По семъ учали приходити многіа Татары съ женами и дѣтьми.

15. Той же зимы Декабря въ 5 день,

на рыбной ловли,

внезапу найде на Ермакову дружину царевичъ Маметкулъ, безъ остатка побилъ ихъ.

Ермакъ же, слышавъ, много оскор-

бися, погна во слѣдъ ихъ,

и мужески поразя Татаръ,

Погани же на бѣжаніе устремивша-
ся, Ермакъ же съ товарищи возвра-
тился во градъ Сибирь.

ГЛАВА XVI.

*О посланіи къ Государю въ Москву
атамана съ ясакомъ и отпискою.*

Егда же изволи Богъ Христіан-
скій Сибирскую христіаномъ взяти
землю (99), и по взятіи, того же лѣ-
та Ермакъ съ товарищи послаша
къ Москвѣ «сжунчамъ» (100) атамана
и казаковъ (101) и писаша ко Благо-
честивому Государю Царю и Вели-
кому Князю Іоанну Васильевичу,
всѣя Россіи Самодержцу:

«Всемилюстиваго, въ Троицѣ сла-
«вимаго Бога и Пречистыя Его Бо-
«гоматери и великихъ чудотворцевъ
«всѣя Россіи молитвами,—тебѣ же
«Государя Царя и Великаго Князя
«Іоанна Васильевича всѣя Россіи
«справедною молитвою ко всещедро-
«му Богу и счастиемъ — царство
«Сибирское взяша, и царя Кучума
«съ войскою побѣдиша, и подѣ твою
«царскую высокую руку покоривша
«многихъ живущихъ иноземцевъ,
«Татаръ и Остяковъ и Вогуличъ, и
«къ шерги ихъ, по ихъ вѣрѣ, при-
«всели многихъ, чтобъ быти имъ
«подѣ твоею государскою высокою
«рукою до вѣка, покамѣсть Богъ из-
«волитъ вселеннѣи стояти,—и ясакъ
«давати тебѣ Великому Государю
«всегда, во вся лѣта, безпереводно.
«А на русскихъ людей имъ зла
«никакого не мыслити, а которые
«похотятъ въ твою государскую
«службу—и тѣмъ твоя государская
«служба служити прямо, недругомъ
«твоимъ государскимъ ни въ чемъ

(99) Г. Сп. Егда изволи Богъ христіан-
намъ Сибирскую землю взяти.

(100) Сп. съ ясакомъ; въ Новомъ Лѣ-
тописцѣ — «сжунчумъ»; въ одной изъ
старинныхъ грамматъ (Собр. Госуд.
Грам. и Догов. т. 2, № 66) употребле-
но слово «сжундукъ» въ смыслѣ гон-
ца. «Сжунчъ» — слово татарское и зна-
читъ — «вѣсть» (Карамзинъ, II. Г. Р.
т. V. примѣч. 329).

(101) Сп. атамана изъ казаковъ.

возвратися въ градъ здравъ.

Того же лѣта посла Ермакъ съ
товарищи атамана и казаковъ

къ Царю и Великому Князю Івану
Васильевичу всей Русіи, что

его государскимъ счастиемъ цар-
ство Сибирское взяша.

а поганіи побѣгоша; Ермакъ же съ дружиною своєю возвратишась и здравъ возвратися. во градъ.

XXI.

Ермакъ же съ вон своими возвра-
тишася (пзъ Назыма) во градъ Си-
бирь, и о томъ изъ Сибири атаманы
и казаки, *Ермакъ Тимофеевъ* съ то-
варищи, *къ честнымъ людемъ* къ Се-
мену и Максиму и къ Никитѣ, въ
ихъ городки, *писаши*: егда Господь,
въ Троицы славимый Богъ, изво-
ли убо одолѣти имъ Кучума Саи-
тана, и градъ его стольный взять
въ Сибирской его землѣ, и сына
его Царевича Маметкула жива взя-
ша. И тогда Семень и Максимъ и
Никита *Строгоновы*, изъ острож-
ковъ своихъ, по ихъ атамановъ и
казаковъ отпискамъ, *писаши* къ
Москвѣ благочестивому Госуда-
рю Царю и Великому Князю Ива-
ну Васильевичу всеа Русіи, о *взя-
тии и одолѣнии Сибирскія земли* и
ятіи Царевича Маметкула; послѣди
же того и *сами*, не во мнозѣ вре-
мени *приѣхавше* къ Москвѣ, и Го-
сударю о всемъ о томъ *извѣстивши*
вся по ряду: *како* изъ острожковъ
своихъ *казаковъ* Волскихъ съ сво-
ими людьми *отпустиши* въ Сибир-
скую землю, *войною* на Сибирскаго
Царя Кучума, и о взятіи Кучумо-
ва сына Царевича Маметкула, и
града его стольного Сибири, и о
отгнаніи Царя Кучума, и о усми-
реніи Сибирскія земли, *все ему*
Государю *повѣдаша*. И Государь
Царь и Великій Князь Иванъ Ва-
сильевичъ всеа Русіи, за ихъ *слу-
жбу и радѣнье*, пожаловалъ города
Солью большею, еже есть на Вол-
гѣ, и Солью малою, и грамоту
свою Царскую на тѣ мѣста. Семен-
у Строгонову пожаловалъ, за кра-
сною печатью, за приписью По-
сольскаго Дьяка Андрѣя Шолкано-
ва, почему ему тѣми городами вла-
дѣти, а Максима и Никиту Стро-
гоновыхъ же пожаловалъ, въ го-

«не спускать, елико Богъ помощи
«сподаетъ, а самѣмъ имъ не измѣ-
«нить, къ царю Кучюму и въ нныя
«орды и улусы не отъѣхать, и зла
«на всякихъ русскихъ людей ни-
«какова не думать, и во всемъ пра-
«вомъ постоянствѣ стоять» (102).

Атаманъ же и казаки къ Москвѣ
пріѣхаша. Повѣдано же бысть Го-
сударю Царю. О сихъ (103) благоче-
стивый Государь Царь и Великій
Князь Іоаннъ Васильевичъ всеа
Россіи слыша и повелѣ отписку у
нихъ принять и вычестъ предъ
своимъ царскимъ лицомъ. И егда
услыша Государь Божию помощь и
силу яко снабди Господь Богъ цар-
ство его, и пространство даруетъ,
и покоряетъ непокоривыя, и повин-
ны творить враги его, и подруч-
ны супостаты его, тогда же про-
слави Бога и Пречистую Его Ма-
терь, яко яви свою такову пребо-
гатую милость: не отъ многихъ вой
такова побѣда бысть. Ермака же
своимъ царскимъ жалованіемъ, за-
очнымъ словомъ, пожаловалъ, ка-
заковъ же пожаловалъ Государь
своимъ государскимъ жалованіемъ,
деньгами и сукнами, и паки отпу-
сти ихъ въ Сибирь къ Ермаку съ
товарищи; Ермаку же и прочимъ
атаманомъ и казакомъ посла Госу-
дарь свое государское жалованье
многое, за ихъ къ нему Государю
службу и за пролитіе ихъ крови.

ГЛАВА XVII.

О взятіи въ плѣнъ Маметкула.

По семъ же приде въ градъ къ
Ермаку Татаринъ, именемъ Сенбах-
та (104), и повѣда Ермаку, что царь-
вичъ Маметкуль, Кучюма царя
сынъ, стоитъ на рѣцѣ Вагаѣ, суть
же отъ града Сибири яко поприщъ
сто. Ермакъ же послалъ нѣкото-

(102) У г. Сп. отписка эта внесена въ
текстъ лѣтописи въ видѣ изложенія ея
содержанія, а не какъ подлинникъ.

(103) Сп. Государю о сихъ;

(104) Сп. Сенбохта.

Казаки же пріѣхавъ къ Москвѣ;
и повѣдано бысть Государю о семъ,

и повелѣ у нихъ отписку принять
и предъ собою чести;

и слышавъ сія

и прослави Бога.

Казаковъ же пожаловалъ Госу-
дарь
деньгами и сукнами,
и въ Сибирь послалъ Государь къ

Ермаку и казакомъ съ жаловані-
емъ.

Приде къ къ Ермаку Татаринъ
и повѣда, что царевичъ Маметкуль

стоитъ на рѣцѣ Вагаѣ,
отъ града яко сто поприщъ.

Ермакъ же послалъ нѣкомъ каза-

рыхъ товариства своего умныхъ (105) и искусныхъ мужей ратному дѣлу. Придоша же сѣи воини и дошедше до стана (106) ихъ и нападоша ношю, овѣмъ спящимъ, овѣмъ же неспящимъ, и многихъ поганныхъ побиша. Царевича же шатра дождоша, и объидоша, и жива яша царевича Маметкула со всѣмъ богатствомъ. Приведоша же сего во градъ Сибирь къ Ермаку съ товарищи. Ермакъ же пріять сего; повѣдаетъ же ему царское великое жалованіе и ублажаетъ ласкосердыми (107) словесы. Царь же Кучюмъ ожда сына своего Маметкула многое время; придоша же къ нему вѣстницы и повѣдаша ему, яко плѣненъ есть сынъ его Маметкулъ; слышавъ же и болѣзнова о немъ, и много въ болѣзни плакася царь и весь домъ его на много лѣто (108).

ГЛАВА XVIII.

О приходѣ князя Сейдяка Бекбулатова съ воинствомъ на Кучума.

Придоша же вѣстницы ко царю Кучюму и повѣдаша ему яко влеть на него съ воинствомъ многимъ князь Сендякъ, Бейбулатовъ сынъ, изъ Бухарскія земли, иже отъ убіенія его крыяшеса тамо (109) и воспомяну отечество свое, и наслѣдiti (110) восхотѣ, и отмстити кровь отца своего Бекбулата хочеть. Царь же Кучюмъ слышавъ сѣ отъ повѣдающихъ ему и убося страхомъ великимъ зѣло и недоумѣяшеса и брежаше стражу перваго бою иже бысть отъ русскаго полка (111). (П)о семъ же думной его Карача, иже бысть въ дому его

(105) Сп. нѣкоторыхъ товарищей полка своего юныхъ.

(106) Сп. на станы.

(107) Сп. милосердыми.

(108) Сп. время.

(109) Сп. крыестася.

(110) Сп. на семъ жити.

(111) Сп. . . . . страхомъ великимъ зѣло, еще бѣ изыдоша лзобильно стражу перваго, въ ней же бысть отъ русскаго полку.

ковъ, искусныхъ ратному дѣлу.

Они же, пришедъ, нападоша ношю, и побиша многихъ; дождоша же до шатра царевичева, и объидоша шатеръ его, и взяша его жива со всѣмъ богатствомъ, и привезоша во градъ.

Ермакъ же утѣша его словесы и государскимъ жалованьемъ.

Царь же Кучюмъ ожда сына своего многое время, и нѣкоторые пришедъ повѣдаша Кучюму, яко сынъ его взятъ въ полонъ и весь дворъ его, — и много плакася по немъ.

По семъ же и Карача отъ него

и нѣцы отъ Ермаковы дружины поидоша на Воган, и дошедше мѣста того и нападоша ноцію на станъ Царевичевъ, и много поганныхъ побища, и Царевича Маметкула жива яша, и во градъ къ себѣ приведоша его. жива взя

Царь же Кучумъ много стоя на рѣцѣ Ишимѣ, ожидая сына своего Маметкула; не по мнозѣ времени придоша къ нему вѣстницы и повѣда ему вся по ряду, и яко сына Маметкула казаки полоняша;

Царь же Кучумъ о семъ не мало болѣзнуеть, скорбію велию одержимъ зѣло, ради сына своего Маметкула.

XX.

О приходѣ князя Сейдека, Бекбулатова на Царя Кучума.

И по малѣ времени, придоша къ нему нѣя вѣстницы, и сповѣдаша ему, яко идетъ на него князь Сейдекъ, Бекбулатовъ сынъ, со многими воинскими людьми;

Царь же Кучумъ, слышавъ то, вельми устранился зѣло.

съ своими людьми, отъиде отъ царя Кучюма и не восхотѣша быти въ повиновеніи предъ нимъ (112). Слышавъ же царь сія восплакася плачемъ великимъ и рече: «его же Богъ не помилуетъ—того и любимые друзи оставляютъ и бысть яко враги!» Карача же приде къ Яльцскому (113) озеру, пже вверхъ рѣки Иртыша межъ рѣки Тары и рѣки Омн и ту пребываше.

ГЛАВА XIX.

О храбрости Ермаковъ и о взятіи Назима, остяцкаго городка.

Храбровавъ же Ермакъ (114) съ дружиною по всей Сибирской земли, ликовашъ стопами свободными, ни отъ когд же утрашающихся, страхъ бо Божій на всѣхъ бяше живущихъ тамо, яко мечъ обоюду остръ, идый предъ лицомъ русскаго полка, пожиная ихъ и страша (115); повосва же (116) многія городки и улусы по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби и назимскій городокъ взяша остяцкой со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ. Возвратишася же въ градъ Сибирь съ радостію велию и користію.

ГЛАВА XX.

О прибытіи въ Сибирь воеводъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова и о гладѣ.

Въ лѣто 734 (7091—1582) Благочестивый Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всеа Росіи Самодержецъ, посла въ свою державу, въ Сибирь, воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова со многими воинскими людьми. Въ то же время бысть во градѣ Сибирѣ гладъ крѣпокъ, да егда приидоша вопнисте

(112) Прженемъ.

(113) Сп. Юломскому; вѣроятнѣе предположить, что къ озеру въ волости Оялы, которая дѣйствительно была между Иртышемъ и Обью.

(114) Сп. храбровавшу Ермаку.

(115) Сп. утрашая всяко невѣріе.

(116) Сп. По воеваніи.

отъиде, не восхотѣ быти въ повиновеніи отъ него,

приде къ Юлымскому озеру, иже вверхъ Иртыша и межъ Оби, и ту пребываше.

По семъ же храбрый Ермакъ

повосва многіе городки и улусы по рѣкѣ Иртышу и по великой рѣкѣ Оби, назимской городокъ взяша и со княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ.

IV. Лѣта 734 присла Государь

въ Сибирь воеводъ своихъ князь Семена Глухова да Ивана Болховскаго (*) со многими воинскими людьми. Въ то же время въ Сибирѣ бысть гладъ крѣпокъ.

Егда же придоша множество войска

(*) Здѣсь фамиліи пискомъ по ошибкѣ явно перепутаны.

И по семь его думчей Карача съ своими людьми отойде отъ него; Царь же Кучумъ плакася горько и рече къ себѣ : «его же Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестіе приходитъ; того и любиміи друзи оставляють.» Карача же пришедъ въ Лымскую землю, и нача жити на большемъ озерѣ, выше рѣки Тары, близъ рѣки Сосмы.

XXI.

О буйствѣ и храбрости Ермаковъ, и о взятіи Назыма града и о убиеніи Никиты Пана Волскаго атамана съ его дружиною.

Того же лѣта, храбрствующу Ермаку съ дружиною своею, и обнажиша мечи свои на нечестивые, и толико въ крѣпости меча своего многіе городки и улусы Татарскіе по рѣкѣ Иртишу и по великой Обѣ, и Назымъ градь Остяцкой взяше со княземъ ихъ; и въ томъ хоженіи погани убиша полъ городки своими на приступѣ атамана *Никиту Пана съ его дружиною.*

XXIII.

О посланіи съ Москвы Государевыхъ Воеводъ въ Сибирь Князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова.

И во второе лѣто, по взятіи Сибирскія земли, послалъ Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, съ Москвы, Воеводъ Князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова, со множествомъ воинскими людьми, въ Сибирь; атаманы же и казаки стрѣтоша ихъ съ великою честію; Государевы же Воеводы, по Государской росписи Государево имъ жалованье объявиша, и пришедъ въ городъ въ Сибирь и имъ даша. Они же атаманы и казаки, Государевыхъ Воеводъ одариша драгими собольми, и лисицами и всякою мягкою рухлядью, елико кто что можаху, и радости наполнишася, и

18. И во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли послалъ Царь Государь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи воеводъ своихъ Князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова со множествомъ вой; и здравы придоша въ Сибирь.

люди, напаче гладу обдержашу,
мнози же гладомъ умроша.

И князь Семень умре ту же и по-
гребень бысть. Бѣ же гладъ зим-
нею годиною (117).

Егда же приде весна тогда нача-

ша Татарова и Остяки отъ ло-
вить своихъ приносяти во градъ
многіе запасы и пакы быша во
градъ изобильны житными и овоц-
ными и прочими яже (118) на по-
требу.

(117) Сп. порою.

(118) Сп. юже.

напаче гладъ: и мнози отъ глада
умроша,

и князь Семень умре.
Гладъ же бѣ зимою.

Егда же приде весна—начаша Та-

тарове и Остяки приносяти запа-
сы отъ ловитвы во градъ, и пакы
бысть отрада всля отъ гр(л)ада.

веселихуся благодаряще Бога, видя къ себѣ Государское жалованье, что къ нимъ пожаловалъ Государь послалъ за ихъ атаманскую и казачью службу.

XXIV.

Како въ Сибири бысть гладъ людемъ.

Тое же зимы, егда придоша Московстѣи воеи въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тѣи изъядоша, а казацы запасъ пасяху, смѣтая по своимъ людемъ, а того не вѣдуще Московскія силы людей пришествія къ себѣ; и того ради бысть оскудѣніе велие всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомроша Московстѣи воеи и казацы, и Воевода Князь Семенъ Болховскій тожъ умре, и положенъ бысть въ то время въ Сибири. И по семь убо зимняя година пройде, мразу и студени облегчешу отъ солнечныхъ теплоты, и настомъ наставшимъ, и звѣриной ловлѣ лосей и оленьей приспѣвшу, и тѣмъ людемъ питающеся и гладу облегчающу, и егда веснѣ приспѣвшу, и отъ теплоты воздуха снѣгу растаявшу, и всяка тварь ботѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ, и отверзѣніе водамъ бысть, тогда убо всяко животное веселящеся, и птицамъ прилетающимъ въ та мѣста плодовъ своихъ ради, и въ рѣкахъ рыбамъ плоду ради ходящимъ, и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество, и тою ловитвою питавшеся, и гладу людемъ не бысть, а кои языцы окрестъ живуше того мѣста, Татаровя, и Остяки и Вогуличи привожаху имъ запасы отъ звѣрей, и птицъ, и рыбъ и отъ скотъ вельми множество, кои подъ его Государевою рукою бысть дальни и ближни, и отъ товаровъ драгихъ, отъ всякія мягкія рухляди. Тогда Московстѣи людіе и казацы, Божією милостію, всякими брашны изобильны быша и богатства себѣ приобрѣтають множества, отъ торгу мягкія рухляди, и пребывающе

19. Казацы же о нихъ не вѣду-

ще, запасу токмо при (про) себе имуще.

И того ради гладъ постиже ихъ, и мнози изомроша отъ глада того. И Князь Семенъ Болховской умре и погребенъ бысть въ Сибири.

Егда же приспѣвше на звѣриной ловлѣ—облегчашуся отъ глада.

А весна приде и вода отверзѣся—

и множество птицъ Остяки приношаху имъ изобильно.

Они же, Бога благодаря, питахуся.

ГЛАВА XXI.

О посланіи царевича Маметкула къ Москвѣ.

Того же лѣта царевича Маметкула, Кучумова сына, послаша изъ Сибири въ царствующій градъ Москву со многими воинскими людьми. До того же ихъ прїѣзду, на Москвѣ, Богу изволившу, Благочестивый Государь, Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всея Россіи Самодержецъ, къ Господу отъиде въ вѣчный покой; по своемъ же преставленіи на свой царскій престолъ повелѣ возвести сына своего Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всея Россіи Самодержца, — еже и бысть. И привезоша (119) же воинствіе люди царевича Маметкула въ царствующій градъ Москву, и по повелѣнію же Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Россіи встрѣча была ему честна и на прїѣздѣ Государь того царевича пожаловалъ своимъ царскимъ жалованіемъ многымъ, такожде (120) и служилыхъ людей, которые за нимъ присланы были Государь пожаловалъ деньгами и кормомъ и выходными сукнами (121).

ГЛАВА XXII.

О убіеніи атамана Ивана Кольца и съ нимъ 40 человекъ.

Того же лѣта прїидоша къ Ермаку отъ Карачи послы и просиша людей оборонити ихъ отъ (122) Казачьей Орды, даша же на томъ шертъ по своей вѣрѣ, что никакого зла на казаковъ не мыслити. Ермакъ же — съ товарищи посовѣтова и повѣриша ихъ безбожному

Того же лѣта послаша царевича

Маметкула къ Москвѣ со многими воинскими людьми.

Въ то же время Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ преставился,

и по повелѣнію Государя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Русіи — царевичу стрѣча была честна,

и пожалова Государь царевича своимъ государевымъ жалованіемъ, и служилыхъ людей, которые съ нимъ присланы, деньгами, сукнами и кормомъ.

Того же лѣта прїидоша отъ Карачи къ Ермаку послы и просиша людей, оборонити ихъ отъ Казачьей Орды, и даша на томъ по своей вѣрѣ шертъ, что никакого зла надъ казаками не сотворити. —

И повѣриша ихъ шертванію

(119) У Сп. Еже бысть и приведоша.

(120) У Сп. жалованьемъ, многихъ тако...

(121) У Сп. и сукнами.

(122) Сп. дла.

въ радости и въ веселіи, благодаряще всемогущаго Бога, что дарова Богъ Государю такую благодатную землю.

XXV.

О посланіи Царевича Маметкула Кучумова къ Москвѣ.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Воевода Иванъ Глуховъ и Сибирскіе атаманы и казаки, посланіа ко благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, во царствующій градъ Москву, Царевича Сибирскаго Кучумова сына Маметкула, со многими его людьми; и второе отъ Государя, съ Москвы въ Сибирь, атаманомъ и казакомъ, бысть великое жалованье.

XXVI.

О убіеніи атамановъ Ивана Кольца и Якова Михайлова съ дружиною.

Того же лѣта, приидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною, отъ Карачи послы просити людей, оборонити ихъ отъ Нагайской орды, и шертвоваша на томъ, что ни котораго зла казакомъ не учинити и не мыслити.

Ермакъ же съ дружиною повѣриша ихъ безвѣрному шертванію, а они зли Агаряне совѣщаша совѣтъ благодарный на Христіанъ; казацы же оскудѣша умы своими, и не помянуша реченнаго Пророкомъ: не всякому духу вѣруйте, но испытай-

17. И пославъ его (Маметкула)

къ Москвѣ къ Государю съ писаніемъ съ дружиною своею.

XXVII.

20. Того лѣта приде отъ Кара-

чи посолъ къ Ермаку, прося обороны отъ Ногайскихъ людей: и на томъ шертвова, что не учинитъ зла.

Ермакъ же съ дружиною, не разумѣ (ют)ости ихъ,

и лукавому шертванію и

отпустиша къ нему атамана именованъ Ивана Кольца, съ нимъ м̄ (40) человекъ.

И егда придоша сіи воины (123) къ нечестивому Карачи — и внезапно вси избіени быша отъ нечестиваго Карачи. Слышано же бысть во градѣ, яко сіи воины побіени быша отъ нечестиваго Карачи, Ермакъ же и казаки, дружина ихъ рыдаху (124) на многъ часъ, яко по чадѣхъ.

Виде же сіе во уши (125) поганымъ яко атамана Ивана Кольца и прочихъ побіиша, — и начаху во многихъ мѣстѣхъ казаковъ побивати гдѣ обрѣтаеми бываху, по волостемъ и по улусомъ.

ГЛАВА XXIII.

О приходѣ Карачи подѣ градъ Сибирь и о побѣдѣ надѣ нимъ.

Того же лѣта, во время великаго поста, приде Карача со многими воинскими людьми, и обтекоша градъ Сибирь обозами и табары поставиша;

самъ же Карача ста въ нѣкоемъ мѣстѣ; иже зовемъ Саусканъ, отъ

(123) Сп. сыны.

(124) Сп. и съ дружиною плакаху и рыдаху.

(125) Сп. аки о чадѣхъ. Видежъ въ умы сіе.

и даша имъ атамана Ивана Кольцова, а съ нимъ сорокъ человекъ казаковъ. И егда же придоша къ нему въ городъ —

и вси побіени быша отъ него. И слышано бысть во градѣ Сибири казакомъ убійство сіе, и плакаша по нихъ Ермакъ и прочие казаки.

Слышано же бысть поганымъ, яко атамана Ивана Кольцова и иныхъ казаковъ побіени — и начаша вездѣ казаковъ побивати, гдѣ обрѣтающе, по волостемъ и по улусомъ.

Того же лѣта, въ великій-постъ, приде Карача со многими воинскими людьми, и облегоша градъ Сибирь обозами, и табары поставиша.

Самъ же Карача ста въ нѣкоемъ мѣстѣ, иже зовется Саусканъ,

те духи; не всякъ бо духъ отъ Бога есть, есть бо духъ Божій и духъ льстечъ; и льсти и лукавства ихъ окаянныхъ не уразумѣша, и нрава ихъ не вѣдуща, что сверхъ ихъ шерти емлють у нихъ аманатовъ, ихъ ради злаго пронырства и непостоянства лукаваго Карачина, и невозмогша домыслитися, и отпустиша къ нему атамана Ивана Кольца, да съ нимъ м̄ (40) человекъ, и тѣи сами предашася въ руки окаяннымъ и нечестивымъ врагомъ безбожнымъ Агаряномъ, и тамо вси сїи избїени быша отъ нечестиваго Карачи. Слышано же бысть во градѣ атаманомъ и казакомъ, что атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною своею побїени быша, и рыдаху горько по нихъ вся братїя, плачуще изъ глубины сердца. Вииде же сїя во уши поганыхъ Агарянъ, которїи живяху близъ града того, яко атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною побїени быша, тогда атаманъ Яковъ Михайловъ, хотя надъ окаянными промысль учинити, поиде подъ нихъ въ подсмотръ; они же окаяннїи яше его и убиша: и тако сїи добри и храбрии воини атаманы скончашася.

XXVII.

О приходѣ подъ городъ Карачинъ и о побѣдѣ и о убїенїи сыновъ его.

Того же года, во время святаго великаго поста, егда наставше мѣсяцъ Мартъ, въ то же время настолщїя тоя години, прїиде Карача со многими своими людьми въ силѣ и въ мощи своей, облегоша весь градъ обозами; самъ же Карача сталъ не въ космѣ мѣстѣ, зовомомъ Саусканъ, отъ града яко поприща за три. Казацы же пребывающе во осадѣ не мало время, зима уже мнмонде, прилѣтїе же прїиде, веснѣ приспѣвшу, потомъ же и лѣту дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возрастающе семена своя и птицамъ възпѣваю-

отпусти съ ними атамана Кольца, да съ нимъ м̄ (40) человекъ.

Врази же окаяннїи побїиша ихъ немилостиво всѣхъ.

21. Того же года во время святаго и Великаго Поста прїиде Карача со многими своими людьми и облегоша весь градъ обозами.

Самъ же Карача ста отъ града яко поприща три на мѣстѣ Саусканъ,

града яко три поприща (126), мно-
гую тѣсноту творяще *градъ же*
даномъ (гражданомъ) и тако стоя-
ще до пролѣтїа.

Егда же бысть мѣсяць Іюнь, въ
тоже время изыдоша изъ града Си-
бири казаки тай и прїйдоша къ
станомъ Карачинымъ

въ Саусканъ и нападоша нань по-
щю.

Они же спяще безъ всякаго опа-
сенїа;

и побѣдѣ множество нечестивыхъ
Татарь;

дву же сыновъ Карачинныхъ уби-
ша; прочїе же Татарови разбѣго-
шася вразнь; Карача же и съ ни-
мъ немнози за езеро убѣгоша;
и нїи же бѣжаша, идѣ же прочїи
стояше во обступленїи града
и повѣдаша имъ вся бывшїа нань
(127); слышавъ же сїа тїи, иже (128)
стояща во обступленїи града, и при-
бѣгоша въ Саусканъ надѣяхуся

(126) По списку Карамзина—десять
поприщъ (И. Г. Р. т. IX, пр. 716).

(127) Сп. вся бывшая.

(128) Сп. они же слышавше сїа таже.

отъ града яко три поприща, и мно-
гую тѣсноту дѣюще гражданамъ. И

стоя до мѣсяца іюня.
Казаки жъ тайно изыдоша изъ
града, и прїйдоша къ станомъ Ка-
рачановымъ въ Саусканъ,

и нападоша на нихъ,

щимъ, но вкратцѣ реку, вся суть обновляема, Карача же нимало отступи, но стоя во обступленіи града, хотя ихъ уморити голодомъ, и аки нѣкая ехидна, дыхая на казаковъ уклонившася въ злокайную свою мысль, хотя ихъ похитить, и простре руки своя окаянный на убьеніи казаковъ, и собраніе ихъ хотя себѣ взяти, и стоя подъ градомъ многое время.

И егда мѣсяцъ Іюнь наста и приспѣвшу дни кѣ (12) поврата змѣнаго, и въ то время, въ едину ноцъ, съ казацы же атаманъ Матѳеи Мещерякъ изыдоша изъ града отаи, гласу же ни виску никако же ни отъ единаго не бысть, и пришедя къ станомъ Карачинымъ и умыслиша папасты на нихъ, и хотя отомстити наносимыя имъ отъ него тяжкія обиды, и поидоша на нечестиваго и лживаго судостата, и тамо ему жестоко и немилостивно отомщеніе покушадуся воздати; во градъ же остася Ермакъ не со многими людьми. Придоша же прочіи казацы подъ Карачу въ Саусканъ, и мужески и храбро на станы ихъ нападаша, поганымъ же спящимъ безо всякаго опасенія, и милостію Божією и Пречистыя Богородицы помощію,

казацы же поганыхъ посѣюша много множество, и дошедше близъ Карачина стану,

и дву сыновъ его убиша, поганіи же бѣгають отъ казаковъ семя и овамо; самъ же Карача и съ нимъ не мнози за озера убѣгоша, и иніи же побѣжаша, идѣже поганіи стояша во обступленіи града, и уже ноци прошедши, свитающіи днєви, поганіи же слышавше се отъ града вси скоряють въ Саусканъ, надѣяхуся казаковъ смерти предати, и доидоша до нихъ и нача составлять брань, казацы же ни мало того устрашишася, но и паче укрѣпляшеся, поганіи же на нихъ жестоко приступающе,

хотя въ обступленіи уморити казаковъ.

Мѣсяца Іюня во второй-надесять день, совѣщася во едину ноцъ,

изы(доша изъ) града, поганымъ

спящимъ,

и посѣюша ихъ много множество,

и дву сыновъ Карачевыхъ убиша.

(129) казаковъ смерти предати, и нападоша нань.

Казакѣ же крыяхуся отъ нихъ, и на вылазку хожаше, и бѣющеса съ погаными крѣпце, и бысть брань (130) до полудне; и престабранное ополченіе; Татаровя же отступиша отъ нихъ, казакѣ же во градъ возвратишася.

Видѣвшє Карача яко казаковъ одолѣти не возможе—отъиде во свояси со срамомъ.

ГЛАВА XXIV.

О смерти Ермаковъ и съ нимъ бывшихъ казаковъ.

Въ лѣто 734 (7092—1584) посланіемъ Божиимъ уготовися часъ и прииде (131) на вонновъ (132) смерть. — Приидоша вѣстницы въ Сибирь, къ Ермаку съ товарищи, и повѣдаша имъ, яко царь Кучюмъ не пропуститъ въ Сибирь (133). Ермакъ же не со многими воинскими людьми поиде на стрѣчу (134) ихъ по рѣкѣ Иртышу, въ стругахъ. — Дошедше до рѣки Вагаю—Бухарцовъ (135) не обрѣтоша и пакѣ шедъ по Вагаю вверхъ до мѣста иже (136) зовомо Обашъ (137)—и не обрѣте, и отъ того (138) возвратися. Пришедши же ноци, казакѣ же утрудившеса отъ многого пути, доидоша до перекони и ту обночевавшеса, и поставиша станы своя, стра(жу) же крѣпку (139) не утвердиша: ослабѣша (140) умы своими, яко приходитъ смертнѣй часъ.

и бѣющеса съ погаными крѣпко: бысть же брань до полудне.

И отступи Татарове, казакѣ же видоша во градъ.

Видѣ же Карача, яко не возможе одолѣти казаковъ, возвратися со срамомъ во свояси.

Лѣта 734 (7092—1584)

Приидоша отъ Бухарцовъ

вѣстницы, яко царь Кучюмъ не пропуститъ ихъ въ Сибирь. Ермакъ же съ дружиною, не со многими людьми воинскими, поиде на стрѣчу ихъ по рѣкѣ Иртышу въ стругахъ; и дошедъ до рѣки Вагаю—Бухарцовъ не обрѣте; и пакѣ поиде по Вагаю вверхъ до мѣста зовомо Атабашъ—и не обрѣте; и возвратися, наставше ноци. Казакѣ же утрудившеса отъ многого пути и доидоша до перекони и ту обночеваше, поставиша станы своя и стражу.

(129) Сп. начаху.

(130) Сп. бранное ополченіе.

(131) Сп. приидоша.

(132) Сп. воинскихъ людей.

(133) Сп. не пропустилъ въ Сибирь Бухарцовъ.

(134) Сп. встрѣчу.

(135) Сп. Бухарцовъ.

(136) Сп. ихъ.

(137) Сп. Атабашъ.

(138) Сп. отголѣ.

(139) Сп. стражи жъ крѣпко.

(140) Сп. и ослабѣша.

казацы же отъ нихъ защищахуся въ Саусканѣ, и тако бысть брань до полудни, и преста бранное ополченіе, поганія же отступиша отъ нихъ, казацы же возвратишася во градъ свой радующеса, и веселящеса, и хвалу воздающе всемогущему Богу;

видѣвше же Карача, яко казаковъ одолѣти не возможе, и отойде во свояси съ срамомъ.

XXVIII.

О увіеніи храбраго атамана Ермака съ Русскими вой.

Того же лѣта, мѣсяца Августа въ ѿ (5) день, на предпразднество Преображенія Господня, на память святаго мученика Евсигнія, придоша вѣстницы отъ Бухарцовъ торговыхъ людей, атаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ; и Ермакъ же не со многими людьми пойде на встрѣчу (по рѣкѣ) Иртышу, и пришедъ на Вогаи Бухарцовъ не обрѣте, и доидоша до мѣста, зовомаго Атбашъ, и оттолѣ возвратишася, уже бо дни прешедшу и ночью тьмѣ нашедши, казацы же зѣло утруднишася отъ многого пути, и дошедше до перекона и обночевавшеса ту.

Видѣвъ же Карача

со срамомъ отбѣже.

22. Того же лѣта мѣсяца Августа въ ѿ день

придоша вѣстницы отъ торговыхъ Бухарцовъ къ Ермаку съ дружиною

и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ.

Ермакъ же не со многими людьми, пойде на встрѣчу по рѣкѣ Иртышу, и не обрѣте Бухарцовъ и,

зѣло утруднишася, дошедше до перекона— обночевашася.

Царь же, узрѣвъ ихъ, — и повели тоя ноци крѣпко стереши ихъ (141) и многихъ Татаръ по многимъ мѣстомъ разосла. —
Тоя же ноци бысть дождь великій и въ полунощи придоша множество поганыхъ, казакомъ же спящимъ безъ всякаго опасенія, и нападоша на нь (142), токмо единъ казакъ утече.

Ермакъ же видѣ своихъ воинновъ отъ поганыхъ побѣнныхъ, и ни отъ кого же видѣ (143) помощи нѣсти животу своему, и бѣ же (144) въ стругъ, и не може (145) дойти, понеже одѣянъ бѣ желѣзомъ, стругу же отплывшу (146) отъ берега и, не дошедъ, утопе (147)!—

Божіимъ бо судомъ (148) приде на войны смерть и тако живота своего гонзуша (149). Убіенъ же бысть мѣсяца Августа въ ̅̅ (5) день.
Слышавъ же сія во градѣ оставшая, яко атаманъ Ермакъ убіенъ бысть и съ прочими — плакахуся по немъ плачемъ великимъ зѣло на многое время.

(141) Сп. царь узрѣ ихъ и повелѣ тоя ноци крѣпко стрещи.

(142) Сп. на нихъ;

(143) Сп. видя.

(144) Сп. побѣже.

(145) Сп. не возможе.

(146) Сп. стругъ же отплывше отъ берегу.

Царь же Кучумъ увѣда о нихъ,

и многихъ Татаръ по многимъ мѣстомъ разосла.

Тоя же ноци бысть дождь великій. Въ полунощи придоша множество поганыхъ, казакомъ же спящимъ безъ всякаго опасенія. И нападоша поганіи и побіахъ ихъ: токмо единъ казакъ утече.

Ермакъ же видѣ свое войско побито,

и ни отъ кого же помощи не имѣл, и побѣже въ стругъ свой и не може дойти, понеже одѣянъ желѣзомъ; стругу же отплывшу отъ берега—и не дошедъ: утонулъ!

Сіе же быша августа въ ̅̅ (5) день.

Слышавше же сія во градѣ, яко Ермакъ убіенъ бысть — и плакахуся по нихъ,

(147) Сп. утону.

(148) Сп. Божіими судьбами.

(149) Сп. гонздуша (лишася).

Царь же Кучумъ подсмотри ихъ, и разосла многихъ Татаръ, и повелъ твердо стрещи;

тое же нощи бысть дождь великъ, поганіи же, аки ехидна нѣкая, дышуще на Ермака съ дружиною, и мечи своя готовляху на отомщеніе, убояху наследити, коонецъ желаемого своего дѣла возхотѣша учинити: время же оубо наста яко въ полунощи, Ермакъ же съ дружиною спяху въ ставѣхъ въ полаггахъ, поганіи же яко неистово дышуще готовляшеса на пролитіе крови, и разумѣша, яко время есть уже хотѣніе свое исполнити, и скоро оружіе свое извлекоста, и на ставѣ ихъ нападоша, и обнаженными мечи погубляють ихъ, и тако ту вси избіени быша, единъ токмо утече; а велеумный и храбрый виторъ Ермакъ увиднъ бысть.

Послѣди же нѣцы глаголютъ отъ азыкъ о томъ, яко възпрянувъ ту храбрый вашъ воинъ и Ермакъ отъ сна своего, и видѣ дружину свою отъ насъ побиваемыхъ, и ни кося надежды можно имѣти ему животу своему, и побѣже въ стругъ, и не може донти своихъ си, понеже бо въ дали разстояніе, и туто ввержеса въ рѣку и утопе; но посланіемъ Божиимъ прииде на воиновъ храбрыхъ и крѣпцыхъ кѣнцевъ внезапу смерть, и тако животъ свой скончаша. Слышано же бысть во градѣ атаману Матоею Мещеряку съ дружиною, яко начальный атаманъ, велеумный Ермакъ съ дружиною, побѣени быша, они же во градѣ илжакуся по нихъ горько.

Подсмотри же ихъ ту Кучумъ Царь и повелъ многимъ Татаромъ твердо стрещи ихъ.

Нощю же дождю велику шедшу, поганіи готовляхуса,

о немъ же (оныиъ, казакамъ,) въ пологгахъ спящимъ невѣдущимъ,—

въ полунощи нападоша на нихъ окаянные обнаженными мечи, увидѣ погубляють всѣхъ: единъ токмо утече—и велехвальный Ермакъ убивенъ бысть! Послѣди же глаголютъ о немъ азыки, яко възпрянувъ

храбрый вашъ воинъ Ермакъ видѣ дружину свою побиваемыхъ,

побѣже въ стругъ и не може донти своихъ си и ту ввержеса въ рѣку и утопе, — а прочіи избіени быша.

23. Слышавъ же сія дружина ихъ Матоей Мещерякъ, съ остав-

ГЛАВА XXV.

О походъ казаковъ къ Руси.

По убіеніи же Ермака (150) съ дружиною, оставшаяся во градѣ Сибири, видяще яко наставника ихъ Ермака злочестивіи Татарова (151) убиша и съ дружиною его съ прочими казаками, — и убояшася жити во градѣ, и изыдоша изъ града, и поплыша внизъ по Иртышу и по Великой-Оби, и черезъ Камень къ Русп *бѣжавше* (152);—градъ же Сибирь оставиша пустъ.

ГЛАВА XXVI.

О приходъ во градъ Сибирь Алея и Сейдека.

Егда же изъ града казаки побѣгоша, тогда же увѣдавше царевичъ Алея, Кучюмовъ сынъ, яко казаки побѣгоша изъ града, градъ же оставя пустъ, — прииде съ воинскими людьми и вниде во градъ и водворися (153) ту.

Слышавъ же сія князь (154), Бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарищи на переконіи убіени быша, прочіи же бѣжаше изъ града, и яко облада градомъ царевичъ Алея, Кучюмовъ сынъ, и собралася со всѣмъ домомъ своимъ и съ воинскими людьми и прииде ко граду Сибири, и градъ взя, и царевича Алея и прочихъ побѣди, изъ града изгна. Приемлетъ же сей отчину отца своего, Бекбулата, и тако пребываше во градѣ.

ГЛАВА XXVII.

О приходъ изъ Москвы воеводы Мансурова.

Во второе же лѣто по Ермакова (155) убіеніи прииде съ Москвы въ Сибирь (156) воевода Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми и до-

(150) Сп. Ермаковъ.

(151) Сп. злочестивые Татарове.

(152) Сп. бѣжаша.

(153) Сп. водвористася.

(154) Сп. Князь Сейдекъ.

и убояшася жити во градѣ, и изыдоша изъ града, поплыша внизъ по Иртышу и по Великой Оби, черезъ Камень *побѣгоша* къ Русп, градъ же Сибирь оставиша пустъ.

Увѣдаша же сіе Алея, Кучюмовъ сынъ, яко побѣгоша казаки и Сибирь оставиша пусту, и прииде съ воинскими людьми и водворися ту.

Слышавъ же сіе князь Сейдякъ, Бекбулатовъ сынъ, собрался со всѣмъ домомъ своимъ и съ воинскими людьми, и вся градъ Сибирь, и царевича Алея и прочихъ побѣди, изъ града изгна и пріять отчину отца своего Бекбулата.

Во второе же лѣто прииде съ Москвы, по убіеніи Ермаковъ, въ Сибирь воевода Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми, и доплыша

(155) Сп. Ермаковъ (значить въ 1585 году).

(156) У г. Сп. иѣтъ.

XXIX.

О походы казаковъ на Русь.

И не по мнозѣхъ днѣхъ атаманъ Матоей Мещерякъ со оставшими казаки *подоша* на Русь, а градъ оставиша Сибирь пустъ.

шимся казаками,
подоша на Русь, градъ оставиша,

XXX.

О приходъ Царевича Аллія Кучумова во градъ.

Егда же они казаки изъ града *изыдоша*, тогда Царевичъ Аллія, Кучумовъ сынъ, видѣ бо казаковъ *изшедшихъ* изъ града, и пришедъ съ своими людьми во градъ; по семъ и отецъ его Царь Кучумъ *приде* ту во градъ свой стольный Сибирь, *радовашеся*.

24. и *изыдоша* въ оны Царь Кучумъ съ сыномъ и *возрадовашеся*.

XXXI.

О приходъ Сейдековъ.

Виде же сія во уши князю Сейдеку Бекбулатову сыну, яко вожь и наставникъ казачей, атаманъ Ермакъ, увенъ *высть*, а прочіи казаки изъ града *подоша*, и сему Татарове *радовахуся* и *веселяхуся* вельми зѣло, понеже боязнь велию отъ нихъ *имѣяху*; потомъ князь Сейдекъ Бекбулатовъ *необязненно* *приде* ко граду Сибири, и Царя Кучума *побѣди* и *градомъ* Сибирью *облада*.

XXXII.

О второмъ приходъ съ Москвы Воеводы Ивана Мансурова, и о возвращеніи Волскихъ казаковъ атамана Матоея Мещеряка съ товарищи и съ прочими оставшимися воинскими людьми, иже прежде бышихъ въ Сибирской земль войною.

Во второе лѣто по Ермаковъ увеніи, въ лѣто ^{дзчд} (1586) году, послѣ Семенова дни лѣтопровода, посла Государь изъ цар-

25. И егда *приде* Матоей съ дружиною на Туру рѣку, — *срѣтсеся* съ воеводою съ Иваномъ Мансуровымъ, —

плыша до рѣки Иртыша; Татаръ же множество собрался въ уроченномъ (157) мѣстѣ у рѣки Ирты-

ша на берегу. Воевода же видѣ таковое собраніе поганыхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града, — и убоися (158), и не приста ко берегу, но поплыша внизъ по Иртышу, доплыша до великой рѣки Оби, ~~бѣ~~ бо тогда уже осень (159) и ледъ въ рѣкахъ смерзается (160).

Иванъ же Мансуровъ видѣ яко наставляше (161) зима и повелѣ поставити городокъ (162) надъ рѣкою Обью, противъ иртышсково устья и сяде (163) въ немъ съ воинскими людьми — и тако озимѣвше (164).

ГЛАВА XXVIII.

О пришествіи Остяковъ подъ усть-городокъ.

По нѣколицѣхъ же днехъ приидоша подъ городокъ множество Остяковъ, живущихъ по Великой-Оби и по Иртышу, начаша же къ городку приступати со всѣхъ странъ, людие же изъ городка (165) противляхуся имъ и тако стояща и бившася день весь (166); ноци же пришедши погани отступиша отъ городка.

(157) Сп. уреченномъ.

(158) Сп. да и убошася.

(159) Сп. осени.

(160) Сп. смерзается.

(161) Сп. видя, яко наставляеть.

(162) Сп. городокъ.

до рѣки Иртыша,

и видѣша на берегу поганыхъ великое собраніе — и слыша яко казаки побѣгоша изъ града — и убоишеся: не приста ко берегу, но поплыша внизъ по Иртышу, и доплыша до Великой Оби, бѣ бо ужи осень и ледъ въ рѣкахъ смерзаше-

ся. Иванъ же Мансуровъ, видѣвъ яко наста зима, и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью, противъ Иртышскаго устья, и сяде въ немъ съ воинскими людьми зимовати.

По нѣколицѣхъ днѣхъ приидоша множество Остяковъ подъ городокъ

той, начаша же къ городку приступати со всѣхъ странъ,

и тако съ ними бившася цѣлой день; ноци же пришедши отступиша отъ городка Остяки, но и живутъ по Великой Оби и по Иртышу.

(163) Сп. сядше.

(164) У Сп. прибавлено — косями во градѣ.

(165) Сп. съ Усть-городка.

(166) Сп. цѣль.

ствующаго града Москвы Воеводу Ивана Мансурова со многими воинскими людьми, и той пришедъ на Туру рѣку, ту встрѣтиша Волскаго атамана Матвея Мещеряка съ дружиною, и радовахуся и веселихуся казацы о пришествіи воеводъ въ Сибирскую землю, и оттолѣ возвратишася вси вкупѣ единодушно на безбожныхъ Агарянъ; и поидоста въ низъ по Турѣ, и по Иртышу и до Тоболу, нѣже нынѣ богоспасаемый Русскій градъ Тоболескъ. Поганіи же, собравшася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки Иртыша на берегу.

Воевода же видѣвъ таковое поганныхъ собраніе и устрашишася вельми, и не присташа ко берегу, и паки поидоша въ низъ по Иртышу, и доиде великія рѣки Оби; бѣ бо тогда уже осень, и наста година зимняя и воздухъ небесный премѣнися на студень, и бысть снѣгове и ледъ по рѣцѣ смерзается;

Воевода же оный видъ премѣненіе воздуха, яко наста зима, и ту озимѣше и поставиша городокъ надъ рѣкою Обью, на усть Иртыша, и сѣдше въ немъ со всѣми людьми своими; съ ними же бѣ и Волстїи казацы Матвеемъ Мещерякъ съ дружиною.

XXXIII.

О пришествіи Остяковъ подъ городокъ.

По нѣколицѣхъ же днѣхъ, поидоша подъ городокъ Остяковъ множество, и начаша приступати со всѣхъ странъ, людіе изъ городка того противу нашедшихъ противляхуся со стѣнъ городка; нашедши же нощнѣй тѣмъ, поганіи отступаша.

26. посла бо его Государь съ Москвы со многими воинскими людьми;

и возвеселишася, возвратишася вкупѣ, единодушно поидоша на поганыхъ,

и видѣвше ихъ множество —

поидоша внизъ по Иртышу въ стругахъ, устрашившеся, и поставиша

городокъ на усть Иртыша надъ Обью и сѣдше зимовати.

27. Поганіи же Остяки, множество со всѣхъ странъ, въ ночной

ГЛАВА XXIX.

О пришествіи Остяковъ подъ городокъ съ кумиромъ.

На утріе же придоша Остяки подъ городокъ и принесоша кумира, его же вмѣсто Бога чтаху, кумиръ же въ землѣ ихъ словутенъ (167). Поставиша же сего кумира подъ дровомъ и начаша жрети предъ нимъ, начаяхуса помощію его христіанъ взяти и смерти предати.

Въ тое же время, *егда* (168) жруще, стрелиша изъ городка изъ пушки—и древо оно, подъ нимъ же бѣ и кумиръ, разби (169) на многія части; и сего погани устрашишася, не вѣдуще что сей есть (170) и чаяху яко нѣкто изъ лука стрѣлилъ и реша другъ ко другу: «сильніи убо сіи стрѣляти—яко таково древо (171) разби!»—и отъ того часа отъидоша во свояси.

ГЛАВА XXX.

О поставленіи града Тюмени.

Въ лѣто 734г (7093—1585) (172) придоша съ Руси воеводы Василей Сукинъ да Иванъ Мясной (173), съ ними же многіе Рускіе люди; и поставиша градъ Тюмень, иже прежде бысть градъ Чинги (174) и поставиша дома себѣ, воздвигоша же церковь въ прибѣжище себѣ и прочимъ православнымъ христіаномъ.

(167) Сп. славенъ вѣло.

(168) У Сп. нѣтъ.

(169) Сп. и древо и кумира разби.

(170) Сп. не вѣдаша, что се есть.

(171) У Сп. прибавлено и кумира.

(172) У Сп. 7092—1584; по Миллеру 1586.

(173) Сп. Мѣсновъ.

(174) Сп. Чингій.

Наутріе же поганіи пакы придоша подъ городокъ и принесоша съ собою кумиръ, словише у нихъ Славутей, и поставиша его подъ дровомъ, и начаша ему жрети, ^{надѣющися} помощію его городокъ взяти.

Въ то же время стрелиша изъ городка изъ пушки, и древо, подъ нимъ же кумира, разбиша на многія части; поганіи же устрашишася сего

и мняху они, яко нѣкто изъ лука стрѣлилъ и реша другъ ко другу: «сильніи убо стрѣляти, яко древо на многія части разбиша стрѣлю!» —Отъидоша во свояси.

V. Лѣта 734г придоша съ Москвы воевода Василей Сукинъ да Иванъ Мясной, съ ними же многіе русскіи люди, и поставиша градъ Тюмень, и дѣ же бѣ градъ Чингій, и домъ себѣ устроиша, и церковь воздвигоша въ прибѣжище христіаномъ.

На утрин же поганіи пакъ приидоша къ городку и принесоша кумира своего, его же чтаху, и поставиша его близь городка подъ дровомъ, въ низкомъ мѣстѣ, и начаша предъ нимъ жрети, чая себѣ нечестивіи помощника Христіанъ одолѣти и мечу ихъ предати; той же кумиръ поганымъ нарочитъ и славенъ, и мнози поганіи приносятъ ему дары изъ дальнихъ городовъ вельми множество, по вся дни,

и въ то время изъ городка казаки стрѣлиша изъ пушки, и древо оно, подъ нимъ же поганіи кумиру творяху жертву, разбиша на многія части, и кумира ихъ сокрушиша; и сего поганіи Агаряне устрашишася, невѣдуще сего и мняху, яко изъ лука стрѣлиша нѣкто, и рекоша сами себѣ: «сильни убо Рустіи воини стрѣляти, таковое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша», и отъ того времени къ городку приходити Остяки не сташа.

тѣмъ, обступяша городокъ, и кумира къ городку принесоша, его же чтаху, и поставиша его,

чающе себѣ помощника. Той же кумиръ славенъ и поганымъ нарочитъ: изъ дальнихъ городковъ своихъ къ нему мнози прихожаху по вся дни.

И въ то время изъ городка казаки стрѣлиша изъ пушки,

кумира разбиша на многія части. Поганіи же устрашишася, мнѣвше яко изъ лука стрѣли нѣкто, глаголющи:

«сильни рустіи воини стрѣляти — такового Бога нашего сокруши!»
И отъидоша посрамлени.

ГЛАВА XXXI.

О поставленіи града Тобольска.

Въ лѣто 3346 (7095—1587), при держакѣ благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Росіи Самодержца, по его царскому изволенію, посланъ съ Москвы его государевъ воевода, Данило Чулковъ со многими воинскими людьми; и доидоша до рѣки Иртыша и (175) благоизволи ту и просвѣти (176) мѣсто во славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу. Въсто же сего царствующаго града Сибири, старѣйшина бѣ (177) градъ Тоболескъ, понеже ту побѣда и одолѣніе на окаянныхъ Агарянъ и Бусорманъ бысть, паче же на мѣсто царствующа града приченъ.

ГЛАВА XXXII.

О пльненіи царевича Салтана и князя Сейдяка.

По мнозѣхъ же днѣхъ князь Сейдякъ изиде изъ града Сибири, съ нимъ же (178) царевичъ Казачей Орды Салтанъ, да царя Кучюма думный Карача съ нимъ же воинскихъ людей 500 человекъ; доидоша же до мѣста иже именуется «Княжей-Лугъ» (179) и начаша пуцати ястребы (180) заптицами. Увидѣвшѣ же сихъ изъ града Тобольска воевода Данило Чулковъ и воинстїи люди (181) и, посовѣтовавъ, отпустиша ко князю Сейдяку посланниковъ и повелѣ говорити имъ князю Сейдяку, чтобы онъ прїѣхалъ во градъ совѣтовати о миру (182): еще бо тогда суцу ему яко ехиднѣ лъхающе на православныхъ христїанъ и не покоряющеся, но яко змїи ухапнати хотя. Посланницѣ

(175) Сп. до рѣки Иртыша отъ града.

(176) Сп. прослави.

(177) Сп. бысть.

(178) У г. Сп. слова прибавлено: «и зде»

и VI. Лѣта 3346, повелѣніемъ.

Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Русіи,

присланъ съ Москвы воевода Данило Чулковъ,

доидоша до рѣки Иртыша и ту градъ Тоболескъ поставиша.

И бысть, вмѣсто царствующаго града Сибири, градъ Тоболескъ старѣйшина, понеже ту побѣда и одолѣніе на босурманъ.

По ставленіи же града Тобольска не по мнозѣхъ днѣхъ, изиде князь Сейдякъ изъ града Сибири, съ нимъ и царевичъ казачьи Орды и Карача-думной,

и съ ними воинскихъ людей пять сотъ человекъ, и доидоша до мѣста иже именуется «Княжь-Лугъ» и начаша пуцати ястребы за птицами.

Увидѣвъ же изъ града Тобольска воевода Данило Чулковъ и воинстїе люди и, посовѣтовавъ, послаша къ Сейдяку, чтобы онъ прїѣхалъ въ городъ совѣтовать о мирномъ поставленіи.

(179) Сп. именуема Княжїй Лугъ.

(180) Сп. стрѣлы. Карамз. ястребы.

(181) Сп. воинскїе люди.

(182) Сп. о мирномъ постановленіи.

XXXIV.

*О третьемъ приходѣ съ Москвы
Воеводы Данила Чулкова.*

И по нѣколицѣ времени, благо-
честивый Государь Царь и Вели-
кій Князь Іоаннъ Васильевичъ всеа
Русіи, прислалъ съ Москвы въ
Сибирь Воеводу Данила Чулкова со
многими воинскими людьми, и со
огненнымъ нарядомъ; и пришедъ
въ Сибирскую землю. Слышано же
бысть бусурменскимъ языкомъ въ
Сибири приходъ его, Татарове же
сего уболпаса Русскихъ вой много
пришествія, избѣгоша отъ града
своего, идѣже прежде сего бысть
въ Сибири Татарскій ихъ городокъ
стольный усть Тобола и Иртыша,
иже именуемый Сибирь, оставиша
его пуста; Рустин же вой придо-
ша, и сѣдоша въ немъ, и утвер-
дивше градъ крѣпко, идѣже бо нынѣ
менуемый богоспасаемый градъ
Тоболескъ.

XXXV.

*О приходѣ князя Сейдека Бекбула-
това съ Сибирскими людьми войною
подъ городъ Тоболескъ.*

Умысли сей окаянный бусурмен-
скій князь Сейдекъ съ Сибирскими
людьми, собрати воинства множе-
ство себѣ, и пришедъ войною подъ
городокъ Тоболескъ, хотя его взя-
ти, и людей въ немъ побити; да
не будутъ въ нашу землю селити-
ся Рустин люди, и Государевымъ
воеводамъ сказася, что прииде для
торгу, а людей своихъ воинскихъ
поставилъ въ укрьтѣ, и торговаша
съ Рускими людьми день, и на-
утрѣ прииде подъ городъ тайно при-
ступомъ со всеми своими людьми, и
облаже градъ, и нача къ нему при-
ступати. Московскіи же люди и
Волги казацы видѣвъ ихъ без-
студство и жестокой приступъ ко
граду, и послабши имъ прибли-
житься къ стѣнамъ града, и нача-
ша по нихъ со града стрѣляти, и
многихъ побита, а нѣи изъ града
къ нимъ на вылазку вышедше, и
многихъ побиваше бусурменъ, и

28. И по нѣкоемъ времени
Благодостивый Государь Царь и Ве-
ликій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа
Русіи,

прислахъ въ Сибирь съ Москвы
воеводу Данило Чулкова со многи-
ми воинскими людьми и съ огнен-
нымъ нарядомъ. Слышавше же о

семъ языцы возмятошася, градъ
оставиша и сѣгоша; и сѣдоша въ

немъ Рустин вой утвердившеся въ

же нынѣ именуется Тоболескъ.

29. И прииде подъ него нѣкогда
еще Князь Бесерменскій Сейдошъ
съ сибирскими множествомъ воин-
ства, хотя его взяти, и облегоша
градъ.

Рустин же послабши шагъ при-
ти близъ ко граду, и начаша стрѣ-
ляти со града, и многихъ побива,

же пришедше възвѣстиша сія, яже повелѣ имъ изрещи воевода же Данило Чюлковъ. Князь же Сейдякъ слыша отъ нихъ сія словеса, со-вѣтъ потребова съ царевичемъ и Салтаномъ и съ Карачею и абіе, со-вѣту бывшу, поиде князь Сейдякъ и съ нимъ царевичъ Салтанъ и Карача, съ ними же воинскихъ людей, но ихъ повелѣнію, поиде сто чело-вѣкъ, прочихъ же оставиша внѣ града.

Придоша же въ домъ къ вое-водѣ (182) Данилу Чюлкову и вси сѣ-доша (183) за столъ, уже (184) бо ястїю готову сущу.

Глагола же много о мирномъ по-ставленіи (185); князь же Сейдякъ сѣдѣше задумався, ни питія ни брашна вкуса. Видѣвше (186) сіе воевода Данило Чюлковъ и рече Князю Сейдяку:

— Княже Сейдякъ! Чтò зло мы-слиши на православныхъ хрести-анъ, ни питія, ни брашна вкуса?

Рече же ему Князь Сейдякъ:

— Азъ не мыслю на васъ ника-кого зла.

Данило жъ, приѣмъ чашу питія и рече:

— Княже Сейдякъ, аще не мы-слиши зла, ты и царевичъ Сал-танъ и Карача, на насъ, православ-ныхъ хрестіанъ, и вы выпіете ча-шу сію за здравіе! (187)

Приѣмъ же чашу князь Сейдякъ и нача пити и—поперхнуся (188) въ гортани его!

По семъ же приѣмъ Царевичъ Салтанъ и нача пити:— тако же поперхну въ гортани его.

Еще же приѣмлетъ Карача и на-

(182) Сп. воеводы.

(183) Сп. сѣдши.

(184) Сп. иже.

(185) Сп. постановленіи.

(186) Сп. видѣвъ же.

И пришедъ посланники сказаша сія словеса;

Сейдякъ же посовѣтовавъ съ

съ царевичемъ Салтаномъ и съ Кара-чею и поидоша князь Сейдякъ и царевичъ и Карача и съ ними сто чело-вѣкъ, прочіе же осташа внѣ града;

и придоша же въ градъ Тоболескъ.

Воевода же Данило Чюлковъ срѣ-те ихъ во вратѣхъ грацкихъ, ору-жія же имъ повелѣ положити внѣ града,

и пришедше въ домъ къ воеводѣ, сѣдоша за столъ ясти, юже гото-ву сущу.

И начаша ясти.

И многу глаголанію бывшу о мир-номъ поставленіи,—князь же Сей-дякъ задумавше сѣдѣше, не яды и ни пія. Воевода же рече:

— Нечто зло мыслите на насъ: ни ясте, ни піете?

И рече воевода:

— Егда аще не мыслете зла—то

выпейте чашу сію за здравіе.

Приѣмъ же чашу князь Сейдякъ и нача пити и—поперхну въ гор-тани его.

По семъ же приѣмъ царевичъ Салтанъ нача пити—и тако же по-перхну въ гортани его.

Тако же и Карача нача пити—и

(187) Сп. и вы піете чашу сію во здравіе.

(188) Сп. поперхну.

живыхъ яша, и самого князя Сей-
дека на томъ бою *ухватиша ране-*
на; они же окаянии бѣгству яша-
ся и въ станы своя бѣжаша, Рус-
тии же вои и до становъ ихъ за
ними гнаша сѣкуще; они же оста-
виша станы своя и все свое богат-
ство въ станѣхъ своихъ и сами
сда утесоша; и на семъ бою Вол-
скій атаманъ Матеей Мещерикъ
убиенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ
Сибирскія земли бусорменѣхъ бысть
страхъ велий, и всѣ Татарова ближ-
ни и дальни не смѣяше къ Госу-
даревымъ городомъ войною прихо-
дити.

и живыхъ яша, и самого князя
Сейдека ранена ухватиша; и бѣг-
ству прочии вдашася, а за ними
Рустии гнаша сѣкуще.

Погани же вси ужасошася къ тому
же ратоватися не смѣюще.

чать пити—такъ же поперхну: Богу бо обличающу (190) ихъ!

Видѣвше же сіе воевода и воинстїи людіе, яко зло мысляше (191) на нихъ князь Сейдякъ и прочїи, хотятъ (192) ихъ смерти предати — и пома авъ (193) рукою воевода Данило Чюлковъ, воинсти же людіе начаша побивати поганыхъ.

Князь же Сейдякъ вкинувся (194) въ окошко, за нимъ же Царевичъ Салтанъ и Карача, но абїе поймани быша (195).

Слышавши же стоящи вѣтъ града (196) яко Князь Сейдякъ побѣжденъ бысть — и на бѣжаніе устремшася: и таково страхованіе найде на нихъ, яко и въ градъ свой (197) не возвратишася.

Слышаще же иже во градъ бѣжаша (198) и сіи избѣгоша изъ града и никто же осташася во градъ (199).

ГЛАВА XXXIII.

Объ отправленїи плѣнниковъ въ Москву.

По нѣколицѣ же времени послаша князя (200) Сейдяка и царевича Казачьи (201) Орды Салтана (202) и царя Кучюма думново его Карачю въ царствующій градъ Москву со многими воинскими людьми.

ГЛАВА XXXIV.

Козни и бѣгство Кучюма.

Егда же побѣжденъ бысть царь Кучюмъ и бѣжа изъ царства своего въ поле и доиде и обрѣте мѣ-

(190) Сп. обличающе.

(191) Сп. зломысляще.

(192) Сп. хотя.

(193) Сп. помахавъ.

(194) Сп. кинулся.

(195) У Сп. прибавлено: и связани, прочїе жъ побїени быша.

(196) Тобольска.

(197 и 198) Сибирь.

(199) Сп. бѣжа.

(200) Сп. Княже и

(201) Сп. казачей.

(202) Сп. вездѣ пишеть Сейдекъ, Солтанъ; по нашему списку Сендакъ.

поперхну же въ гортани его: Богу бо обличающу ихъ!

Видѣвъ же сіе воевода

и помахавъ рукою воинскимъ людемъ.

Они же начаша ихъ бити.

Князь же Сейдякъ кинуся въ окно, за нимъ же и царевичъ Салтанъ и Карача, но абїе поймавъ связаша ихъ: прочїи же побїени быша

Слышавше стояще за градомъ,

и вси побѣгоша, яко и во градъ свой невозвратишася.

И во градъ сія слышавше (*)...

(*) Этимъ словомъ заключается послѣдняя строка послѣдней страницы рукописи. Конецъ утраченъ.

XXXVI.

*О устроении градовъ и остроговъ въ
Сибирской земль.*

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и по немъ сына его Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Русіи, начася въ Сибирской земль города и остроги поставлятися, и разпространятися въ Сибирской странѣ крестьянская православная вѣра, и церкви Божія воздвигнушася, и проповѣдь Евангельскаго ученія обтече во вся конца Сибирскія земли, и псаломскій громъ огласи на мнозѣхъ мѣстѣхъ; повелѣніемъ ихъ Государей поставишася грады и остроги христіанскія, и въ нихъ церкви Божія воздвигнушася, и монастыри составишася въ славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу. И видѣвше невѣрніи такуюю благодать въ ихъ странѣхъ просіявшу и Государскую высокую руку надъ собою возвысившуся, и подъ его Государеву руку мнози покоряшася, и оставяше свою богомерскую вѣру, и мнози

30. Московскіи же воц, по пове-

лѣнію государеву, начаша въ Сибирской земли города и остроги ставити и церкви Божія воздвигати христіанскія вѣры. И проповѣдь евангельскаго гласа яко солнце осія сибирскія концы и псаломски вкупѣ громъ огласи. Не-

вѣрціи же, преславная видѣша такова, дивяшася; и оставяше и вѣрци

сто (203) и ста ту со оставшими сво-
ними людьми, — многожды же поку-
шашеся итти въ Сибирь и поплѣ-
нити града Сибирскіе и мѣсть воз-
дати православнымъ христіаномъ,
но страхомъ одержими бяше (204)
прежняго ради побѣжденія. Нѣко-
гда покусився (205) итти и собрати
оставшая воя, елико бысть, и пой-
де въ Сибирь и егда дойде до рѣ-
ки Иртыша, еще не близъ града
Тоболска, — и абіе нападе на нь (206)
трепетъ и ужась — и не поиде ко
граду Тоболску и ко прочимъ гра-
домъ, и не многія (207) ас(г)арянскія
веси поплѣни и бѣжа, идѣ же
пробываше (208). Повѣдано же бысть
во градѣ Тоболскѣ, яко царь Ку-
чюмъ поплѣни Тобольскія веси, и
собрашася русти вои и погнаша во
слѣдъ его, постигоша же его (209)
близъ поля и нападоша на нь (210)
и Божією помощію вои царя Ку-
чюма побиха и двѣ царицы и сы-
на его, царевича, взяша и множе-
ство богатства пріобрѣтоша. Царь
же Кучюмъ утече не со многими
людьми (211) и доиде до улуса сво-
его и оставшая люди взять и иде
тай (212) въ Колмацкіе земли и улусы
(213). Подсмотрѣвше стада кон-
скіе и нападоше отгнаша (214). От-
щутивше же Колмацкіе люди (215)
и погнашася вслѣдъ и постигоша
и воя его многихъ побиха и кони
своя отполовиша. — Царь же Ку-
чюмъ бѣже (216) въ Нагаи — и тамо

(203) Сп. мѣсты.

(204) Сп. бяху.

(205) Сп. покушашеся.

(206) Сп. на нихъ.

(207) Сп. и инны многія.

(208) Сп. пребываша.

(209) Сп. сего.

(210) Сп. на нихъ.

(211) Сп. воинскими людьми.

(212) Сп. отъ иде тай.

(213) Сп. въ Калмыцкіе улусы.

(214) Сп. Подсмотрѣвъ же стада кон-
ская и нападоша и отогнаша.

(215) Сп. ощутивъ же сего Калмыцкіе
люди.

(216) Сп. бѣжа.

невѣрніи приходяще въ крещеніе и крестящеса живуще въ православнои вѣрѣ, и всюду убо Божія благодать разиространящеса, и *богато изліяся въ Сибирской странѣ земли.*

XXXVII.

О ясашиномъ сборѣ.

По взятіи же и по очищеніи всея Сибирскія земли и по усмиреніи бусурменскаго языка Сибирскихъ Татаръ, и Остяковъ и Вогуличъ, честныхъ людей Семена и Максима и Никиты Строгоновыхъ промысломъ, и *подмогою*, и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и добродородныхъ воиновъ атамановъ и *казаковъ*, Ермака Тимоеева Поволскаго съ товарищи, и еще къ сему приложиша тѣ честніи людіе, кои бусурмене живуще близъ ихъ городковъ и острожковъ по Камѣ, и по Чусовой, и по Усвѣ, и по Сылвѣ, и по Яйвѣ, и по Обвѣ, и по Инвѣ, и по Косвѣ и по инымъ рѣкамъ (*), и тѣхъ всѣхъ бусурменъ привелоша къ шерти, что имъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи служити безъ измѣны, и во всемъ ему Государю прямити и доброхотити, и ясаки съ себя имъ давати. И оттолѣ начаша Семень и Максимъ и Никита, изъ городковъ и изъ острожковъ своихъ, того ясашнаго радибору по рѣкамъ въ Татарскіе, и въ Остяцкіе и въ Вогульскіе улусы, людей своихъ посылати и ясакъ съ нихъ бусурменъ собирати, и къ Москвѣ съ людьми своими въ Ноугородскую четъ посылати. И потомъ повелѣніемъ Государевымъ Государя Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Русіи, и съ тѣхъ бусурменъ ясашные сборы начашася собирати по городомъ отъ воеводъ, гдѣ тѣ языцы живяху въ разныхъ мѣ-

отъ нихъ истину, и ажъ еретическія тьмы отвергоша, и къ свѣту православія притекоша, и Бога единосущнаго въ трехъ лицахъ исповѣдаша, съ нами вкушѣ славяще и глаголюще: поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, нераздѣлимѣи Пресвятѣи Троицѣ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь (*).

(*) Все это притоки рѣки Камы.

(*) По нашему мнѣнію эта лѣтопись есть первоначальный трудъ, — кореньный эскизъ предшествовавшей болѣе обширному труду составителя строгоновской лѣтописи.

стѣхъ: въ Чердынь, и на Уфу, и на Верхотурьѣ и по инымъ городомъ Сибирскимъ, гдѣ тѣ языцы окрестъ живуще близъ городовъ.

Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и острововъ въ Сибирскихъ земляхъ и о *отпущеніи* въ Сибирь атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѣева съ товарищи, и о походе ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ Царя Кучума, и о взятіи сына его Царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской земли Государевыхъ людей Русскихъ, сія словеса о семъ переходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый, да разумѣетъ и дѣло толикія вещи не забываетъ, на возпоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикія вещи трудъ (*).

(*) Кажется, изъ этого сличенія ясно, что составитель строгоновской лѣтописи писалъ ея на тѣму, изложенную въ «Неизвѣстной Рукописи», кое-что добавлялъ изъ Есенина, кое-что выбралъ изъ подлинныхъ грамматъ и кое-что прибавилъ отъ себя. Стало-быть, нѣтъ никакого основанія считать эту лѣтопись древнѣйшею, напротивъ-того она очевидно работа позднѣйшаго времени.

нѣмъ же благочестиваго и христолюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Росіи и благословеніемъ крайняго святителя Филарета Никитича, Патріарха (227) Московскаго и всеа Росіи, поставленъ бысть въ Сибирь, въ Тоболескъ, первыи архіепископъ Кипріанъ, бывы прежде на Хутыни архимандритъ; и во второе же лѣто первопрестольства его воспомяну атамана Ермака, Тимофѣева сына, съ дружиною; и повелѣ разспросити Ермаковыхъ казаковъ: како они придоша въ Сибирь, и гдѣ съ погаными были бои, и ково гдѣ убили погани (228)? Казаки же приесошакъ нему писаніе (229) како придоша въ Сибирь, и гдѣ у нихъ (230) были бои, и гдѣ казаковъ и ково имянемъ (231) у нихъ убиша. Онъ же добрый настырь пошеченіе имѣя отъ нихъ (232) и повелѣ убитыхъ имена написати въ церкви Соѣби, Премудрости Божіей, въ соборный (233) синодикъ и въ «православную недѣлю» кликати повелѣ съ прочими пострадавшими за православіе вѣчную память, а имена ихъ въ синодикъ вписаны.

Конецъ же предлагаю лѣтописи сѣя: изложена же бысть сѣя лѣтопись «Сибирское Царство и Княженіе» и «О взятіи Тоболска града» въ лѣто ~~жрѣ~~ (7145 — 1636) Сентября днѣ ~~а~~ (1) (*).

(227) Это слово въ спискѣ Сп. выпущено.

(228) У Сп. прибавлено: на брани.

(229) У Сп. прибавлено *сид*.

(230) У Сп. прибавлено: съ погаными.

(231) Сп. именно.

(232) Сп. о нихъ.

(233) У Сп. прибавлено церкви.

(*) Т. е. въ новый годъ. Этимъ тотъ списокъ, которымъ мы пользовались — оканчивается, но въ спискѣ, изданномъ въ 1823 году Г. П. Спасскимъ и полученномъ имъ отъ В. П. Берха, событія доведены до 1641 года. Событія эти

заканчиваются въ смерти архіепископовъ или въ прибытіи новыхъ святителей, и главное, о внесеніи въ синодикъ убитыхъ казаковъ, безъ поименованія, однакожь, тутъ ихъ прозваній. Эти свѣдѣнія и составляютъ содержаніе маленькихъ главъ XXXVII—XL.

**ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ПОВѢСТВОВАНІЯ О СИБИРИ» ЛАТИНСКОЙ РУКОПИСИ
ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII СТОЛѢТІЯ.**

Въ Императорской Публичной Библиотекѣ хранятся двѣ рукописи, на латинскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о Сибири.

Первая изъ этихъ рукописей, изъ собранія Залускаго, носитъ названіе: «*Relatio de Sibiria, qua continetur notitia dictae provinciae et littoris oceani glacialis et orientalis, a portu S. Michaëlis Archangeli usque ad Chinam, sive Catajum; item de calmuçis nomadibus et quaedam narratiunculæ de gemmariorum, matalliorum et alchimistarum fraudibus.*» Scripta anno 1681. Aeternum soli gloria tota Deo.

Заглавіе другой, принадлежащей къ собранію Дубровскаго: «*Historia de Sibiria, sive notitia regnis Sibiriae et littoris oceani glacialis et orientalis, idem de calmuçis nomadibus et nonnullae narratiunculæ de gemmariorum, metallorum et alchimistarum fraudibus.*» Anonymi autographum circa anno M. DC. LXXX.

Обѣ рукописи совершенно между собою сходны по изложенію, съ незначительною разницею.

Гр. Ив. Спасскій, издатель знаменитыхъ въ свое время и имѣющихъ донинѣ особенную важность журналовъ «Сибирскій Вѣстникъ» и «Азіатскій Вѣстникъ» свѣрилъ первую, древнѣйшую по времени рукопись со второю, какъ съ позднѣйшимъ ея спискомъ, и издалъ ее въ 1822 году подъ названіемъ «Повѣствованіе о Сибири». Латинская рукопись XVII столѣтія (1).

Г. Спасскій присовокупилъ къ тексту и свой переводъ съ примѣчаніями.

Изъ этого чрезвычайно-любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ повѣствованія, изобилующаго многими драгоценными свѣдѣніями, мы заимствуемъ слѣдующія строки подлинникомъ и дополняемъ ихъ своимъ переводомъ и своими примѣчаніями, присовокупивъ и переводъ г-на Спасскаго на тотъ конецъ, чтобъ лучше выяснить дѣло.

Считаемъ неслѣзнымъ предварительно сказать, что неизвѣстный авторъ «Повѣствованія», какъ это видно изъ посвятительнаго письма его, сохранившагося при второй рукописи и утратившагося въ первой — провель въ Сибири пятнадцать лѣтъ и сибирскіе свои очерки посвятилъ Гильдебранду Горну, секретарю датскаго короля. Но и въ письмѣ этомъ онъ тоже себя не поименовалъ, а вмѣсто подписи прибавилъ: «*scripsit quem postea*», то-есть, писалъ тотъ, кого ты знаешь, или, какъ это у насъ водится, — «Вамъ извѣстный».

Вотъ его слова о нашемъ предметѣ:

---

1) За указаніе этого источника, за присылку экземпляра «Лѣтописи» и за дозволеніе перепечатать Строгоновскаго-Лѣтописца мы считаемъ себя вполне-одолженными просвѣщеннои благосклонности Гр. Ив. Спасскаго.

ТЕКСТЪ.

Sibiria (2) in mosciae regum ditionem cessit hoc modo:

Inter plurimos, qui regis Ioannis Basillii tyrannidem devitantes omnia latrociniis infestabant, fuit quidam

pirata (3) nomine Jarmacus, qui, in flumine Volga et circa ripas, viatores spoliabat.

Sed cum inaudisset validam adversum se militiae manum appropinquare, relictis suis scaphis consurrexit cum

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Сибирь подпала подъ власть московскихъ царей вотъ какимъ образомъ:

Въ числѣ многихъ, старавшихся укрыться отъ строгости Царя Ивана Васильевича и производившихъ повсюду грабительскіе набѣги, былъ одинъ пиратъ, по имени Ермакъ, грабившій путниковъ по Волгѣ, на судахъ и на сухомъ пути.

Когда онъ прослышалъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ рати—то, бросивъ суда, стакнулся

(2) Въ послѣдней книжкѣ, за 1848 годъ, «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» появилась весьма-любопытная статья Н. С. Щукина подъ названіемъ: Что за рѣка Уйгуръ-Муравъ въ Южной Сибири? за основной пунктъ которой надлежитъ отдать полную справедливость извѣстному ученому В. В. Григорьеву. Въ этой статьѣ авторъ, трактуя о Ибирь-Сибирь персидскаго историка Рашида, между-прочимъ говоритъ, будто бы

а) «Мы (вѣроятно, Н. С. Щукинъ, а не мы — читатели) не знали, есть ли слово *Сибирь* туземное, или дано странѣ Русскими». На это замѣтимъ, что мы, смиренные читатели, во-первыхъ, *слыхали* въ Сибири фразу въ родѣ слѣдующей: «Сначала ѣхали яланью, а тамъ пошла такая *сибирь*, что ннѣ»; а во-вторыхъ, *читали*, хоть бы, на-примѣръ, у не безизвѣстнаго г-ну Щукину, Семивскаго, въ его «Любопытныхъ Запискахъ», приложенныхъ къ напечатанной въ 1817 году книгѣ «Новѣйшія, любопытныя и достовѣрныя извѣствованія о Восточной-Сибири, изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно», замѣтку подъ № 1-мъ, что «*Сибирь* или *Сибирь* — слово монгольское, значить *сырля* или *мокрыя мѣста*», и что «вѣроятно, Монголы, извѣстные въ исторіи подъ именемъ Гунновъ, при переходѣ изъ своихъ жаркихъ мѣ, по большой части, безводныхъ степей на мѣста, лежащія на сибирскихъ мѣ къ сѣверу покатахъ, назвали ихъ *Сибирью*, по имѣющимся тамъ болотамъ и по множеству озеръ, рѣкъ и рѣчекъ.»

и б) «Въ именованіи «Ибирь-Сибирь» прибавка *Ибирь* не имѣетъ никакого смысла». Съ чего же г. Щукинъ взялъ это? Не будучи самъ ориенталистомъ, какъ это видно изъ собственнаго его примѣчанія на 492 стр. декабрьской книжки журнала, чѣмъ онъ можетъ доказать, что Рашидъ сказалъ безсмыслицу, имѣя подъ руками всѣ ученые пособія для передачи вѣрныхъ извѣстій? По нашему, Ибирь непременно что-нибудь да значить, а что именно — это въ состояніи разрѣшить только ориенталисты и тѣ счастливыя, до которыхъ можетъ-быть дойдутъ когда-нибудь драгоценныя акты, хранящіеся въ кабинетѣ Грознаго. Замѣтимъ только, что предки наши Сибирью звали часть нынѣшней Западной-Сибири, а Рашидъ говоритъ о части нынѣшней Восточной-Сибири.

(3) Это подтверждаетъ и нашу мысль, что волжскіе казаки никогда не были *коллажю*, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, а были такіе же своего рода промышленники, какіе и по настоящее время казакують еще иногда по Волгѣ, какъ это доказывается всеполднѣйшимъ отчетомъ г. министра внутреннихъ дѣлъ Государю Императору. (См. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», 1848 года, книжка 12, стр. 391, Отд. IV, разр. А, пун. 2.)

Казаки въ подразумѣваемомъ у насъ смыслѣ никогда не были и *воинскими* людьми. Въ качествѣ рабочихъ артелей они были до времени Грознаго и на сѣверо-востокѣ Россіи и занимались тамъ промыслами на извѣстныхъ условіяхъ. (См. напр. «Акты Археологической Экспедиціи» т. I, № 221.)

СТАРЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Сибирь сдѣлалась подвластною московскому царю слѣдующимъ образомъ:

Въ числѣ многихъ, бѣжавшихъ отъ строгости царя Іоанна Васильевича и производившихъ повсюду грабежи, находился нѣкоторый разбойникъ, по имени Ермакъ. Онъ грабилъ по рѣкѣ Волгѣ и около береговъ ея путешественниковъ:

Но когда услышалъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ войска — то, бросивъ свои лодки,

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ НОВАГО ЛѢТОПИСЦА СКОРОПИСИ XVIII ВѢКА (1).

ГЛАВА I.

О взятіи царства сибирскаго.

Отъ царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство, Сибирское рекомое, въ немъ же живяше царь Кучумъ.

Вѣра же у нихъ бусурманская, махметова закону; а иные языцы кумиромъ служату; а иные — чюдъ заблудящая: вѣры и закону не знаху.

Отсюда начахомъ глаголати како покори Богъ подъ руку царству московскому.

Есть бо на полуденную страну рѣка, глаголемая Донъ, на ней же живяху казаки. Отъ Дону же не въ дальномъ разстояніи — рѣка же, глаголемая Волга; на ней же живяху казаки, много воровыху по Волзѣ и по инымъ рѣкамъ, овогда и суды государевы громаху, овогда же пословъ кизылбашекскихъ и Бухарцовъ и иныхъ многихъ громаху и побиваху. Царь же Иванъ Васильевичъ, видя ихъ воровство и злое непокорство, посла на нихъ воеводъ своихъ и повелѣ ихъ тамо имати и вѣшати.

Многихъ же имающе казняху, иные же, аки волцы, разбѣгошася по Волзѣ жь вверхъ; отъ нихъ побѣгоша шесть сотъ человекъ по присылкѣ Максима Строгонова (2), въ нихъ же старѣйшина — атаманъ рекомый Ермакъ и иные многіе атаманы.

И доидоша до рѣки до Камы и Камою вверхъ дошли до Чусовой, до вотчины Строгоновыхъ.

(1) Текстъ этого лѣтописца свѣренъ по двумъ спискамъ, хранящимся въ Румянцовскомъ Музеумѣ: одинъ подъ № 258 — есть рукопись скорописная XVIII столѣтія, другой, подъ № 259 — есть позднѣйшая переписка, первой четверти вынѣшняго столѣтія. Въ послѣднемъ недостаетъ вступленія и новѣствованіе начинается словами «и иные многіе атаманы».

sociis et orientem versus progressus est.

Cumque pervenissent ad oppidum Vicegdam (ubi etiam, sicut ad Cammam, sal excoquitur) reperunt ibi quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogoneum, cujus posterum etiamnum ibidem loci commanent, ampla possident praedia et magna tractant negotia.

Verum nec ad militiam, nec ad curiam vocantur, sed contenti vivunt sua negotiatione et privilegiis, quibus praec aliis negotiatoribus gauderint.

Appellantur singulari titulo ИМЕНИТЫЕ-ЛЮДИ: in supplicibus tamen ad regem libellis non se inscribunt, more nobilium, СНОЛОП-ТВОУ (4),

sed more oppidanorum et villanorum СИРОТА ТВОУ:

quod vocabulum tam significatu, quam etymologia aequipolet voci «vassallus», significanti orphanellum, sive pupillum;

et tamen hac voce Goti (gens germanica) omnes summi et infimi, cum suos reges alloquerentur semetipsas nuncupabant (5).

Sed proinde nemo mirari debeat si moscorum nobiles se sui regis cholopos nuncupant, cum per hanc vo-

сь товарищами и пустился на востокъ.

Они достигли города Вычегды (гдѣ, такъ же какъ и при Камѣ, вываривается соль) и встрѣтили тутъ одного солепромышленника, человека зажиточнаго, прозваннаго Строгонова, потомки котораго и понинѣ занимаютъ тѣ же мѣста, обладаютъ обширными угодьями и ведутъ большія дѣла.

Они не призываются ни къ воинской, ни къ гражданской службѣ, но живутъ занимаясь только своимъ промысломъ при привилегіяхъ, которыя предоставлены имъ преимущественно предъ другими промышленниками.

Они носятъ имъ только однимъ присвоенное отличіе — Именитые-Люди: однакожь въ челобитныхъ своихъ царю они не подписываются, какъ благородные, холопами,

а, какъ горожане и черные люди — сирота твой:

выраженіе это, сколько по своему значенію, столько же и по словопроизводству, равносильно выраженію «вассалъ», означаящему сироту или малолѣтняго;

а у Готовъ (германскаго племени) всѣ, и знать и чернь, въ обращеніяхъ своихъ къ королямъ, называли самихъ себя именно этимъ словомъ.

Поэтому никто не долженъ удивляться, что Русскіе высшаго сословія признаютъ себя царскими

(4) • Въ челобитныхъ своихъ пишутъ... *холопъ твой* князь или и бояринъ и простой (служилый) человекъ — полуименемъ, безъ княжества и безъ чина; • а посадскіе люди и крестьяне пишутся въ челобитныхъ своихъ *рабами* и *сиротами*, а не холопями • (Кошикинъ. VIII. 6).

Тогдашнее слово • холопъ • совершенно равносильно нынѣшнему • подданный •: и то и другое, одно въ старину, а другое нынче, имѣютъ два значенія. Такъ въ Курской-Губерніи, да и въ другихъ мѣстахъ, помещичьи крестьяне донынѣ именуются въ дѣловыхъ бумагахъ • подданными такого-то •, а старосту зовутъ • атаманомъ •. (Смол. прим. 12. въ CDXII главѣ • Новаго Лѣтописца •).

(5) Объясненіе слова • сирота • (отъ *сирый*) у Шафарика т. I, кн. I, стр. 315. Въ прошломъ столѣтіи слово сирота, *pupillus*, замѣнено выраженіемъ рабъ трокъ), наконецъ, словомъ • подданный •, *sujet*.

ушелъ съ товарищами и направилъ путь свой къ востоку.

Достигнувъ города Вычегда (гдѣ, также какъ и при Камѣ, вываривается соль), нашли тамъ нѣкотораго солепромышленника, человѣка очень-богатаго, по прозванью Строганова, коего потомки и доньянѣ имѣютъ тутъ свое пребываніе, владея обширными помѣстьями и занимааясь важными промыслами.

Они не несутъ ни военной ни гражданской службы, но упражняются только въ торговлѣ, и по преимуществамъ, которыми пользуютсяъ передъ другими промышленниками,

имѣютъ особый титулъ — именитые-люди, однако же въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, не подписываются, по обыкновенію благородныхъ, холопъ твой,

но, какъ городскіе и сельскіе жители — сирота твои: каковое названіе болѣе по значенію, нежели по словопроизводству соответствуетъ слову «вассалъ» (данникъ), означающему сироту или малолѣтняго.

Впрочемъ, Готы (народъ германскій) высшаго и низшаго состоянія въ разговорахъ съ своими королями называли себя сямъ именемъ.

А потому никто не долженъ удивляться, если московскіе дворяне именовались *холопами* своего *царя*, раз-

Тутъ же распростриша тутошнихъ живущихъ людей: къ которому государству та земля подошла?

Они же повѣдаша имъ: «естъ-де отсюду не въ дальнемъ разстояніи царство, рекомое Сибирское, въ немъ же живетъ царь Кучумъ».

Той же Ермакъ изготави себѣ запасу и взялъ съ собою тутошнихъ людей, 50 человѣкъ, и поиде рѣкою Серебряною вверхъ и переваливъ суды (3) въ рѣку Тагилъ и доиде до рѣки Туры, а рѣкою Турою доиде до рѣки Тоболу, у (а по) Тоболу дошелъ до рѣки Иртиши, а Иртишью доиде до городка, гдѣ кочевалъ царь Кучумъ.

И приде подъ то Царство-Сибирское. И быша съ нимъ бои по многи дни.

И Божьимъ милосердіемъ взя царство Сибирское.

Царь же Кучумъ побѣжа; царицу его и царевичевъ взяша (4).

Сій же Ермакъ сяде въ царствѣ Сибирскомъ; къ царю же посла сеунчуковъ (5) 50 человѣкъ казаковъ, а царь Иванъ Васильевичъ уже представися (6); а самъ нача подводити всю сибирскую землю подъ царскую руку и иные многіе государства. И которые покорятся государю—тѣхъ приводилъ къ шерти, а которые не покоряхуса—тѣхъ плѣнилъ и побивалъ. И государь царь Феодоръ Ивановичъ тѣхъ сеунчуковъ пожаловалъ, а съ ними послалъ воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго, да Ивана Глухова (7), и къ тому Ермаку и къ атаманомъ и къ казакомъ съ своимъ государевымъ съ великимъ жалованьемъ;

(2) Если пришли по присылкѣ его — то не могли уйти самовольно.

(3) Подобные перевалы не въ порядкѣ вещей.

(4) Только не въ это время, а позже.

(5) Т. е. вѣстниками.

(6) Извѣстно, что Грозный былъ въ это время живъ.

(7) Не царь Феодоръ, а Грозный.

cem plus intelligant, quam per syrotam sive vassallum; hoc est non aliud quam per SLUGAM.

Sed ut ad Strogones revertamur.

Pendant illi suo regi amplum quotannis tributum et in regni statutis praecipua illorum ratio habetur, ut allquoties nominati, et a nonnullis legibus exempti legantur.

Quae privilegia idcirco illis indulta sunt, quod ad Sibiriam acquirendam ipsi plurimum contulerunt (6).

Cum enim memoratus ille negotiator se a latronibus circumventum vidisset,

EX NECESSITATE finxit liberalitatem: polliceturque se illis tunc et in posterum commeatum, arma, vestimenta, jumenta et vehicula, abunde ministraturum, DUMMODO NEGOTIA IPSIUS ILLI NON INTERVERTENT (7).

Praedones accepta conditione et secundum pollicita, omnibus ad longum iter requisitis liberaliter instructi, progressi sunt ad Sibiriam.

Cumque pervenissent ad fluvium Tobolum (vere jam reverso) scaphas sibi fabricaverunt (8) (hujus enim artificii non ignari sunt cozaci) et trahis exustis, jumentisque trucidatis, secundo flumine Tobolo in Iriscum delati sunt.

Moxque munitione erecta praedas de Tataris agebant et si quos vivos cepissent — ad redemptionem cogebant.

холопами: этому слову они даютъ высшій смыслъ, нежели сколько выражаютъ сирота или вассалъ; это ничто иное какъ слуга.

Но обратимся къ Строгоновымъ:

Они платятъ царю ежегодный значительный оброкъ и, по существующимъ положеніямъ, имъ дается особенное предпочтеніе, какъ уже сказано, съ изъятіемъ отъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ, общихъ законовъ.

Привилегіи эти предоставлены имъ потому, что въ дѣлѣ покоренія Сибири и они премного оказали услугъ.

Когда упомянутый промышленникъ увидѣлъ себя окруженнымъ разбойниками,

то изъ крайности рѣшился на щедрость: онъ обѣщался обильно снабдить ихъ, и въ настоящее время и послѣ, всѣми запасами, оружіемъ, одеждою, лошадьми и транспортными принадлежностями, только-бы они не разорили его промысловъ.

Разбойники, условившись съ нимъ и по обѣщанію вполне снабженные всѣмъ необходимымъ для дальней дороги, направили путь къ Сибари.

По прибытіи на рѣку Тоболъ (съ наступленіемъ уже весны), они занялись изготовленіемъ себѣ судовъ (а это искусство казакамъ было знакомо), сожгли волокуши, перерѣзали всѣхъ лошадей и, плывя внизъ по Тоболу, спустились въ Иртышъ.

Тутъ они немедленно состроили себѣ городокъ и стали дѣлать на Татаръ набѣги, и кого они полагали, того принуждали къ выкупу.

(6) Замѣтимъ, что очерки эти набросаны послѣ уже той грамматики, въ которой призваніе Ермака приписано въ заслугу Строгоновымъ.

(7) Новое подкрѣпленіе нашихъ выводовъ касательно существеннаго въ дѣлѣ вопроса.

(8) Наши писатели говорятъ даже, что «Строгоновы, посылая Ермака въ Сибирь, снабдили его судами». Ужь не для плаванія ли по Уральскому-Хребту?

умѣи подъ симиъ словомъ болѣе значенія, нежели сирота или вассаль; то-есть, они представляютъ себя не иначе, какъ слугами.

Но обратимся къ Строгановымъ.

Они ежегодно платятъ своему царю значительную подать и въ государственныхъ дѣлахъ оказываютъ имъ особенное уваженіе. Они изъяты также отъ нѣкоторыхъ повинностей.

Сии привилегіи предоставлены имъ потому, что они очень-много способствовали приобрѣтенію Сибири.

Вышепомянутыи промышленникъ, увидѣвъ себя среди разбойниковъ,

по необходимости прибѣгнувъ къ щедрости и обѣщанію снабдить ихъ съ избыткомъ съѣстными припасами, оружіемъ, одеждою, выючнымъ скотомъ и повозками и доставлять все сіе впредь, если только они не будутъ разорять его промысловъ.

Разбойники, заключивъ условіе и, по обѣщанію, бывъ достаточно удовлетворены всѣми потребностями для дальняго пути, пошли въ Сибирь.

Когда прибыли къ рѣкѣ Тоболу (конечно, уже по вскрытіи оной), то построили себѣ лодки (ибо въ семъ ремеслѣ казаки были искусны), сожгли повозки и побили выючнаго скота; по рѣкѣ Тоболу пришли въ Иртышъ.

Тотчасъ построили себѣ остроги, производили грабежи у Татаръ и если которыхъ захватывали въ плѣнъ живыхъ, тѣхъ принуждали къ выкупу.

а къ Ермаку повелѣлъ государь написать не атаманомъ, но княземъ Сибирскимъ 8. И воеводы князя Семена Болховскаго въ Сибири не стало.

ГЛАВА II.

О убійствѣ Ермака и казаковъ и о помѣсть Сибири.

Прииде вѣсть къ воеводѣ и къ Ермаку, что идутъ въ Сибирь съ торгомъ Бухарцы. Ермакъ же, взявъ съ собою атамана Ивана Кольца и казаковъ полтораста человекъ (9), пошелъ къ рѣкѣ Вохаю и, не дошедъ рѣки, ста ночевати въ проливѣ; и начаша спати. Кучумъ же прииде и видѣ ихъ на острову.

Татаринъ же у того Кучума баше въ винѣ смертнои. И посла его Кучумъ въ рѣку: «отвѣда мнѣ», рече. «въ рѣкѣ броду — и буде отвѣдаешь и «я тебя отъ казни пожалую». — Татаринъ же рѣку перебрелъ, и увидѣ ихъ спящихъ и, пришедъ, повѣда то Кучуму. Онъ же тому не повѣри, и посла его вдругіе, и повелѣ у нихъ что взяти. Татаринъ же поиде вдругіе, и пришедъ взя у казаковъ три нищали, да три вязни, и принесе Кучуму. — Царь же Кучумъ перебрелъ рѣку — Ермака и казаковъ на томъ острову всѣхъ побилъ: единъ отъ нихъ едва утече въ городъ съ вѣстью къ воеводѣ. Воевода же Иванъ Глуховъ и атаманъ и казаки, испужаясь того, изъ городка погребли рѣкою Иртышю на низъ, до рѣки Оби; а рѣкою Обью догребли до рѣки Соби и до Березова, а отъ Березова, черезъ Камень, пришли къ Москвѣ.

Царь же Феодоръ Ивановичъ изъ нихъ не опалися и тотчасъ послалъ воеводу своихъ Василья Борисовича Суккина съ ратными людьми. И они доидоша до Тименскаго го-

(8) Это было бы не въ имперіи русскихъ царей; потому же, по повелѣнію пожалованіи князя не было случая съ Сибирскими казаками. (9) Истинно, что и въ Сиб. ~~казаки.~~

Illinc autem leucis sex distabat oppidum, dictum Sibir (9), quod inhabitabat Tatarorum quidam regulus, nuncupatus Kuczum.

Ab hoc Tatari multoties emissi cum cozacis ad praelia deveniebant, sed propter horum arma ignivoma semper fere illi victi recedebant, donec demum nimia Tatarorum multitudine superveniente Jarmacus cum suorum parte occubuit; residii autem cozaci sese in munitionem receperunt.

Confestim nuntium ablegant Mosquam significantes si rex ipsis perpetratorum veniam daret et opportunum auxilium mitteret—se ei novum regnum acquisituros.

Annuit ille postulatis et praetorem illis cum armis, stipendiis et militum suppetiis ablegavit.

Paulo post regulus Kuczum a vivis excessit.

Filius autem illius a cozacorum praetore, quasi ad pacis tractanda foedera evocatus, epulis exceptus et inter pocula (quasi pro Moscorum regis salute minus fideliter bibisset) trucidatus fuit (10).

Oppidum autem Sibir a moscis et cozacis dirutum.

Въ шести ягахъ отсюда стоялъ городъ, называемый Сибирью: въ немъ имѣлъ пребываніе одинъ татарскій царекъ, по имени Кучумъ.

Татары, которыхъ онъ высылалъ многократно, вступали съ казаками въ битвы, но почти всегда отступали, поражаемые огнестрѣльнымъ оружіемъ; наконецъ Ермакъ и часть его людей, нахлынувшихъ на нихъ чрезвычайнымъ множествомъ Татаръ, были убиты; а которые уцѣлѣли — засѣли въ укрѣпленія.

Они немедленно отправили въ Москву посланца съ изъясненіемъ, что если царь проститъ ихъ вину и вышлетъ надежную помощь — то они добудутъ ему новое царство.

Царь соизволилъ на ихъ представленіе и прислалъ къ нимъ воеводу съ воинскими снарядами, жалованьемъ и ратною подмогою.

Вскорѣ послѣ этого царь Кучумъ умеръ.

Сынъ же его, приглашенный воеводою къ обѣденному столу, будто бы для заключенія мирныхъ условій, былъ умерщвленъ во время попойки (тостовъ) (подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не такъ-то радужно пилъ за здоровье московскаго царя),

а городъ Сибирь Москвитянами и казаками былъ разоренъ.

(9) Свидѣтельство всѣхъ лѣтописцевъ удостовѣряетъ, что кучумовъ городокъ, нынѣ развалины, прозывался Сибирью; слѣдовательно, онъ существовалъ дѣйствительно: стало-быть, г. Шуккинъ неосновательно называетъ его *небывалымъ городомъ*. (Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ. 1848. № 12.)

(10) Новое подтвержденіе справедливости есиповскаго показанія и щепетильности строоговскаго лѣтописца. Событія здѣсь явно перепутаны, но главныя основанія выяснены очень-хорошо и съ знаніемъ дѣла.

Въ шести миляхъ оттуда находился городъ, называемый Сибирь, въ которомъ жилъ нѣкоторый татарскій князь, по имени Кучумъ.

Посыланнныя имъ нѣсколько разъ Татари вступали съ казаками въ сраженіе, но огнестрѣльнымъ оружіемъ сихъ послѣднихъ всегда почти были побѣждаемы, пока, наконецъ, Ермакъ съ нѣкоторою частию товарищей своихъ побиты были чрезвычайнымъ множествомъ Татаръ, безпрестанно скоплавшихся, а остальные казаки возвратились въ свои остроги.

Они тотчасъ послали въ Москву вѣстника съ предложеніемъ, что если царь проститъ преступленія ихъ и пришлетъ вскорѣ помощь, то они приобрѣтутъ ему новое царство.

Онъ согласился на сіе требованіе и прислалъ имъ начальника съ оружіемъ, провіантомъ и вспомогательнымъ войскомъ.

Не много послѣ того спустя князь Кучумъ умеръ;

а сынъ его, будучи приглашенъ начальниковъ козаковъ будто бы для заключенія мирныхъ условій, во время пиршества былъ убитъ (подъ тѣмъ предлогомъ, что не съ надлежащимъ усердіемъ пылъ за здоровье московскаго царя).

Городъ же Сибирь Москвитянами и казаками былъ разоренъ.

родища и поставиша первый городъ въ Сибирь — Тюмень, а изъ Тюмени воевода Василей послалъ голову Данилу Чулкова.

Онъ же пришедъ постави въ устьяхъ рѣки Тобылы и Иртыши острогъ и даде тому острогу имя Тоболескъ. И нынѣ въ томъ Сибирскомъ царствѣ тотъ городъ — стольный.

И иные многіе города въ Сибирскомъ царствѣ ставилъ.

ГЛАВА XXXI.

Царь же Феодоръ Ивановичъ, иначе распространяя свою праведную молитву, видя таковое Божіе милосердіе надъ собою; и за тѣя его праведныя молитвы пода ему Богъ вся полезная распространяющуся его царствію. Посылалъ многіе воеводы въ Сибирскую-Землю; и многія орды къ Сибирскому царствію, разные языки, подведоша; и многіе грады поставиша въ Сибирь, градъ Тару, Березовъ, Сургутъ, и иные многіе грады. Выхаху же окрестнаго государства его милость ко всѣмъ людемъ, прибѣжаху къ нему служити цари и царевичи: пріѣде къ нему служити царевичъ Казачьи-Орды, и царевичъ Юргенской, воеводичи волошскіе Стефанъ Александровичъ, Дмитрій Ивановичъ и греческихъ царей сродичъ Мануилъ Мускополчъ и Мудьянскій воеводичъ Петръ да Иванъ, изъ Селуня града Дмитрій Селунской съ дѣтьми, съ четырьмя сыны, и иные многіе Греки, и Поляки, и Литва, и Нѣмцы, и бусурмане. Онъ же, Государь, всѣхъ ихъ жалуя, далше имъ по ихъ достоянію.

ГЛАВА LXXV.

О побѣдѣ Кучумовъ.

Того жь 7106 (1598) лѣта, повелѣніемъ царскимъ, въ Сибирь, съ Тарскаго городу, ходиша воеводы и головы за царемъ Кучумомъ; и его сошли на станахъ, и побилша на голову, и взяша осмь царицъ, да три царевича и многой полонъ. Царь же Кучумъ уйде не съ великими людьми. — Съ царицами жь и

Ab hoc igitur oppidulo quod primum fuit acquisitum, Russi illas omnes prope et longe dissitas provincias Sibiriae nomine nuncuparunt (11):

quarum singulae sua habent propria nomina, sive a flumine, quo unaquaeque irrigatur, sive a natione a qua incolitur.

Mosci autem postmodum progredientes ad ortum, reliquas provincias omnes sui juris fecerunt, erectis ad flumina passim munitionibus, impositisque praesidiis (12).

По имени этого первоначально покореннаго городка и всѣ другія завоеванныя области, разсѣянныя и около и вдали отсюда, Русскіе презвали Сибирью,

хотя каждая изъ нихъ имѣла свое собственное названіе или отъ главной рѣки, которая тутъ протекаетъ, или отъ племени, которое тутъ обитаетъ.

Въ-послѣдствіи Москвитяне, распространяясь далѣе и далѣе къ востоку, и всѣ области подчинили своей зависимости, воздвигая въ разныхъ мѣстахъ по рѣкамъ укрѣпленія и принимая жителей подъ свою охрану.

---

(11) Есиповская гѣтопись, какъ по всему видно, была незнакома неизвѣстному автору «Повѣствованія», однакожь онъ и въ этомъ пунктѣ сошелся съ Есиповымъ.

(12) Подводить тамошнихъ людей подъ нашу власть и обереганье ласкою, а не жесточью • было постояннымъ правиломъ нашего правительства.

Итакъ Россіи не отъ сего городка, который они прежде другихъ мѣстъ покорили, всё, какъ окрестныя, такъ и отдаленныя страны наименовали Сибирью,

изъ которыхъ каждая имѣла свое названіе или отъ рѣки, какая гдѣ протекаетъ, или отъ народа, какой гдѣ обитаетъ.

Москвитяне, простирая завоеванія далѣе къ востоку, покорили наконецъ подъ власть свою и всё другія области.

съ царевичи послаша къ Москвѣ; и царь тѣхъ посланниковъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а къ воеводамъ послалъ золотыя; а царщъ и царевичей повелѣ беречь и повелѣ дати имъ кормъ велий, чтобы имъ никакой скудости не было.

ГЛАВА LXXVII (10).

О постановленіи сибирскаго города Момазы.

Тѣ же 7107 (1599) зимы посла (государь) въ Сибирь воеводъ (11) своихъ, повелѣ поставити градъ Монгазью. А ставилъ городъ князь Василей Масальскій-Рубецъ.

ГЛАВА CXXII.

О послахъ Алтына царя.

Придоша къ государю послы (7133 — 1625 г.) отъ Восточныя-Страны. — Въ Московскомъ же государствѣ про то царство и слуху не быша, — изъ Сибирскаго-Государства, отъ царя рекомаго Алтына (12) Государь же ихъ пожаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ и отпустилъ ихъ къ Алтыну царю.

(10) Въ другомъ спискѣ «Новаго-Лѣтописца» порядокъ главъ другой: вмѣсто 75 тамъ — 68, вмѣсто 412 — 406. —

(11) По списку Миллера (см. у него стр. 319) читается «пословъ».

(12) Алтынъ-Царь Ирдней-Нойонъ усердно хлопоталъ, чтобы наше правительство дало ему ратныхъ людей съ огненнымъ боемъ и готовъ былъ вступить, кажется, съ атомъ цѣлю, въ подданство Россіи; но когда стали его обясачивать — онъ ужасно перетрусился слова холоцтво и упрашивалъ нашихъ чиновниковъ • то-де слово холоцтво лязалъ пережъчить инакъ? Не доводится чтобы царь Царю былъ холопомъ! • Хлопотъ съ Алтыномъ было много; наконецъ рѣшено • быть ему подъ государевою царскою высокою рукою въ подданныхъ •.

ВЫВОДЫ Г. МИЛЛЕРА ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ,

**въ томъ числѣ и изъ Ремезовской, иначе называемой тобольскимъ лѣтописцемъ.
(Изд. 1750 г.)**

Великій Царь Іоаннъ Васильевичъ, по конечномъ истребленіи татарской власти въ Казани и въ Астрахани, распространилъ границы сильнаго своего государства до самаго Каспійскаго-Моря, и началъ уже собирать плоды славныхъ своихъ побѣдъ чрезъ частые пріѣзды персидскихъ и бухарскихъ пословъ и купеческихъ каравановъ. Но донскіе казаки, которые имѣли тогда много лишней вольности, не устыдились нетокмо на собственныхъ своихъ жилищахъ, на рѣкѣ Дону, но и на Волгѣ, и на Каспійскомъ-Морѣ чинить явные грабежи и разбой. Они не были довольны тѣмъ, что такія пакости надъ купечествомъ чинили, но безразсудною своею дерзостію такъ осмѣлились, что уже чужестранныхъ пословъ, а притомъ Его Царскаго Величества казну грабили и разбивали. А понеже сіе какъ чести и безопасности государства, такъ и особливо учреждаемому съ Персіею и Бухаріею купечеству, къ чему Его Царскаго Величества и намѣреніе непрестанно клонилось, весьма вредительно было: того ради опредѣлено всякіе способы употребить къ скорѣйшему такого разбою пресѣченію. Итакъ, въ 7,086, а отъ Рождества Христова въ 1577 году, октября 1 числа, послано знатное число войска противъ сихъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ стольника Ивана Мурашкина, который весьма строго поступалъ и всѣхъ, коихъ ни поималъ, по учиненному довольному розыску казилъ смертію. Токмо многіе спасли животъ свой бѣгствомъ.

Между семи убѣжавшими казаками былъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи, которые бѣжали вверхъ по рѣкѣ Камѣ, до устья рѣки Чусовой, или какъ въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ пишетъ, до Строгоновскаго городка Орла (Кергеданъ) при рѣкѣ Камѣ, и пришли къ Строгоновымъ хотя не съ такими разбойническими поступками, какіе они на рѣкѣ Волгѣ чинить обыкли, однакожь и не совсѣмъ такъ смиренно, чтобъ сихъ гостей опасаться причины не было. Всѣ лѣтописцы объявляютъ согласно, что тогда при рѣкѣ Камѣ жилъ Максимъ (сынъ Якова Аникіева) Строгоновъ, который Ермака съ товарищи, опасаясь отъ него худыхъ слѣдствій, пріятно принялъ и понеже онъ былъ челоуѣкъ весьма зажиточный, то снабдилъ его и всякими потребностями.

Что надлежитъ до времени сего похода, то обыкновенные сибирскіе лѣтописцы въ томъ весьма недостаточны. Грабежи и разбой казакіе на рѣкѣ Волгѣ, побѣгъ на рѣку Чусовую и воспослѣдовавшій потомъ походъ въ Сибирь, всѣ въ одномъ году, а именно подъ 7089 (1581) описаны. Но всякій разсудить можетъ, что сіе имовѣрности противно. Напротивъ-того, находятся у Витзена (стр. 736) извѣстіе, въ которомъ хотя всѣ приключенія написаны порядкомъ по годамъ, однакожь оныя всѣ нѣсколькими годами ранѣе упоминаются. А именно явные разбой казаковъ на Волгѣ, по силѣ сего извѣстія происходили въ 1572 году; отправленіе царскаго войска противъ нихъ подъ 1573 годомъ, а побѣгъ на Чусовую подъ 1574 годомъ описанъ. Тобольскій Лѣтописецъ (болгарскій сынъ Ремезовъ: онъ жилъ въ Тобольскѣ и занимался составленіемъ карты и описаніемъ племенъ съ 1697 до 1699 года) подаетъ намъ о томъ надежнѣйшую вѣдомость съ такими особливими обстоятельствомъ, что о истинѣ оныя сумнѣваться не должно.

Въ ономъ объявляется такъ: «Ермакъ прослышавши, что Его Царское Величество намѣренъ послать противъ его и его товарищей знатное число войска, побѣждалъ августа 28 числа вверхъ по рѣкѣ Камѣ. Сіе по всѣмъ признакамъ надлежитъ разумѣть о 7085 году, который по тогдашнему греческому численію лѣтъ съ августомъ мѣсяцомъ 1577 году окончался, потому-что 7086 годъ, въ которомъ октябрю 1-го дня отправленіе Ивана Мурашкина упоминается, съ мѣсяцомъ сентябремъ того же 1577 году начался. *Не нахожу я подлиннаго извѣстія, зимовалъ ли Ермакъ съ товарищи у Строгонова или нѣтъ* и я склонился бы для нѣкотораго затрудненія (NB здѣсь г. Миллеръ подразумѣваетъ вѣроятно царское запрещеніе принимать къ себѣ воровъ, разбойниковъ, татей и бѣглыхъ)... повѣрить, что не зимовалъ; однако, по означеннымъ, въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ, при слѣдующихъ походахъ, годъ видно, что онъ не только оную зиму, но и большую половину слѣдующаго лѣта на рѣкѣ Камѣ препроводилъ.

Въ описаніи путешествія Избранца Идеса въ Китай, пачатое Ермакомъ Тимофеевымъ взятіе Сибири также описано. Онъ объявляетъ, что Ермакъ съ товарищи побѣждалъ въ верхъ по рѣкѣ Камѣ и оттуда пришелъ на Чусовую, гдѣ ихъ, какъ людей крѣпкихъ и сильныхъ, Строгоновъ съ пользою употреблялъ нѣсколько времени на пашняхъ и они, будто, ему нѣкоторую часть земли, длиною на сто миль вверхъ по Чусовой, распахали, гдѣ прежде того еще никогда не пахано было. Потомъ будто Ермакъ, надѣясь на милость своего благодѣтеля, которую онъ своими трудами заслужилъ, просилъ его о исходатайствованіи у Царскаго Величества, за учиненныя имъ злодѣянія, прощенія; напротивъ чего онъ обязуется царство сибирское покорить подъ скипетръ Его Царскаго Величества. И какъ сіе предложеніе отъ Его Царскаго Величества за благо принято было, то-де Ермакъ, для произведенія въ дѣйство взятія Сибири, въ путь отправился. Ежели бы сіе такъ учинилось, то надлежало бы Ермаку у Строгонова пробыть больше году: однако изъ слѣдующаго явно будетъ, что Избранцово извѣстіе *во всемъ несправедливо*.

Самое важное обстоятельство разсмотрѣть надлежитъ, именно: въ сколькихъ человѣкахъ состояла Ермакова сила, съ которою онъ пошелъ въ Сибирь воспріялъ? Въ простыхъ сибирскихъ лѣтописцахъ упоминается только о 540 человѣкахъ казакахъ, къ которымъ *Строгоновъ* еще до 40 человѣкъ Зырянъ и русскихъ проводниковъ *прибавилъ*. Сіе такъ невѣроятно, что оно можно бы было почесть за неслыханное чудо, ежели бы тому дѣлать вѣру. Путь и способность оного были не такого состоянія, чтобъ въ одинъ годъ оный совершить возможно было. Между-тѣмъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и отъ великихъ затрудненій въ ѣздѣ сколько людей не потерялось? На дорогѣ не съ друзьями было дѣло, но надлежало во всѣхъ мѣстахъ силою пробиваться, и, слѣдовательно, сколько не пропало людей на бояхъ и врознь отъ идолопоклонническихъ народовъ сколько не побито? Равнымъ-образомъ не можно себѣ представить, чтобъ всѣ Ермаковы казаки равное постоянство имѣли, но напротивъ нѣкоторые, отчаявшись получить благополучный успѣхъ своего предпріятія, назадъ побѣжали. Съ кѣмъ же бы было Ермаку, пришедши напоследокъ къ ханской столицѣ при Иртышѣ, учинить на хана нападеніе и одержать надъ нимъ побѣду, когда вся его сила, при вступленіи въ походъ, состояла въ толь маломъ числѣ людей? Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ

описано сіе гораздо вѣроятнѣе, ибо тамъ пишеть: Ермаковыхъ казаковъ, съ которыми онъ на Волгѣ и на Каспійскомъ-Морѣ чинилъ разбой, было до 7,000 человекъ, изъ которыхъ до 6,000 ушли съ нимъ на рѣку Каму и при началіи сибирскаго походу были. А потомъ упоминается какимъ-образомъ число сихъ людей по малу умалалось, при чемъ еще надлежитъ тому случаю и судьбинѣ дивиться — какъ Ермакъ, съ оставшимся у него малымъ числомъ людей, такое важное предпріятіе могъ къ благополучному концу привести?

Ермакъ, будучи еще у Строгонова, чрезъ тамошнихъ жителей, а особливо чрезъ пришедшихъ съ Строгоновыми отъ Вычегодской-Соли Зырянъ, которые за звѣрными промысламъ прежде хаживали въ Сибирь, получилъ достовѣрное извѣстіе — какъ туда рѣкою Чусовою пройтти можно, что ему подало надежду, *хотя не о совершенномъ золотѣ той земли, однакожь, по крайней мѣрѣ, чтобъ добычами, получить оттуда столько богатства, сколько впредь какъ ему, такъ и его людямъ, потребно будетъ.* Ибо что Ермакъ въ самомъ началѣ представилъ себѣ такой благополучный успѣхъ своего предпріятія, какъ потомъ ему удалось, или что онъ подлинно въ такомъ намѣреніи, для покоренія Сибири подъ российскую державу, съ своими товарищами туда отправился, то сіе кажется невѣроятко, понеже и первой походъ; предпріятіе лѣтомъ 7086 (1578) года довольно то опровергаеть.

Въ семъ походѣ Максимъ Строгоновъ болѣе участія не имѣлъ, какъ токмо, что онъ сію разбойническую артель, по волѣ ли своей, или по неволѣ, снабдилъ хлѣбомъ на дорогу. Знать, что онъ, для особенныхъ причинъ, не такое, какое ему можно было, чинилъ нѣтъ вспоможеніе. Ибо не пишутъ, чтобъ онъ имъ въ то время далъ знающихъ людей въ проводники, которымъ сибирскія земли и путь по рѣкѣ Чусовой, отъ бывшихъ туда прежде поѣздовъ, знаемы были. Чего ради едва только одинъ день по Чусовой вверхъ шли, то, не зная дороги, по правую сторону въ рѣку Сылву поворотили, при чемъ въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ (у Ремезова) день, когда сіе учинилось, а именно 26-го числа сентября 7087 (1578) году запримѣчеть.

Хотя сіи люди безбожнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ житіе свое прождали, да еще и въ ту пору отъ того отстать не могли, однакожь не можно сказать, чтобъ они страха Божія со всѣмъ въ себѣ не имѣли. Ермакъ думалъ молитвою и священными дѣйствіями Бога себѣ милостивымъ учинить. У него были три попа и одинъ бѣглый монахъ, которые обыкновенную Божию службу отправляли. Для болшей способности приказалъ онъ весною построить часовню во имя святаго Николая и она мая къ 9-му числу, то-есть къ празднику сего святителя, совсѣмъ была готова. Притомъ же и то крѣпко наблюдали, чтобъ никто блудодѣніемъ или иными грѣхами, до нечистоты насающихся, не навелъ на себя гнѣва Божія. Преступниковъ сего при всѣхъ людяхъ мыли и на три дия въ желѣза сажали. Иное наказаніе положено было, по примѣру прочихъ донскихъ казаковъ, на ослушниковъ и на бѣглецовъ. На иныхъ преступниковъ, смертной казни достойныхъ, надѣвали мѣшки, которые наполняли пескомъ и камнями и такъ бросали ихъ въ воду, а тѣмъ, которыхъ преступленія не столь важны были, насыпали песку въ платье и такъ ихъ на нѣсколько времени въ воду сажали. Больше двадцати человекъ, которые изъ зинд-

го стану вздумали-было уйти назадъ въ Россію, помянутою казнію въ рѣкѣ Сыльвѣ животь свой скончали.

Весною какъ Ермакъ назадъ поѣхалъ, то многіе казаки получили позволеніе, на томъ мѣстѣ, гдѣ зимовали, остаться и тамъ завести непрѣмѣнные свои жилища. Сіе было первое поселеніе русскихъ людей въ тамошнихъ мѣстахъ, которое послѣ болѣе размножилось. Такихъ людей не малое число было; ибо послѣ сего болѣе 5,000 человекъ не упоминается, которые съ Ермакомъ во второй походъ по рѣкѣ Чусовой отправились.

Между-тѣмъ пограничныя сибирскія земли чрезъ вышепомянутыхъ, въ разѣздъ посланныхъ зимою противъ Вогуличей, казаковъ по собственному изслѣдованію извѣстны имъ учинились. Увидѣли они, что, за дальнимъ разстояніемъ, безъ довольства съѣстныхъ припасовъ и чтобъ благополучно овладѣть непріятельскими народами, безъ военныхъ потребностей никакого успѣху имѣть не можно было; а къ полученію сего не было инаго способу, какъ только чрезъ часто помянутаго Строгонова: того ради Ермакъ положилъ въ намѣреніи съ своими казаками назадъ къ нему возвратиться.

Всякій разсудить можетъ, что партикулярному человеку, какъ бы онъ въ имѣніи достаточенъ ни былъ, не безъ труда такое великое число людей, на дальній путь, по ихъ желанію, съѣстными и военными припасами удовлетворять. Сего для вышепомянутый Строгоновъ не припаснулъ своимъ гостямъ невозможность представить. *Только угрозы, которыя онъ принужденъ слышать о разореніи его и всего его дома и о похищеніи всего его имѣнія привели его къ тому, чтобъ съ ними вступить въ договоръ.* Онъ только требовалъ, чтобъ число провіанта на каждого человека не весьма высоко положить и чтобъ казаки письменно обязались—ежели съ довольною добычею назадъ возвратятся—тобъ заплатили ему цѣну за все, что у него приняли.

Такимъ-образомъ съ обѣихъ сторонъ договоренось, чтобъ Строгоновъ далъ три пушки (первая пушка грянула въ Сибири ужъ по смерти Ермака при воеводѣ Мансуровѣ, въ 1585 году) и безоружныхъ казаковъ снабдилъ ружьемъ и каждому изъ 5,000 человекъ далъ по три фунта пороху, по три фунта свинцу, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупъ и толокна, по пуду сухарей, по пуду соли, по безмѣну (2 $\frac{1}{2}$ фунта) масла коровьяго, двумъ (то-есть каждымъ двумъ человекамъ) по подтю ветчины (все это вмѣстѣ, кромѣ пушекъ и разнаго скарба составляетъ около 50,000 пудовъ, или по 10 пудовъ на брата) и на каждыйхъ сто человекъ по знамя, которыя украшены были святыми образами. Денно и ночью трудились, чтобъ положенное по договору число запасу изъ сараевъ и изъ житницъ вынести и свѣсить. Но когда казаки стали сей запасъ на свои суда грузить, то и сіи суда не могли поднять такой великой тяжести и начали томуть. Чего для отправленіе ихъ замедлилось, потому-что къ судамъ надлежало придѣлать большіе порубны. Но какъ и сего не довольно было, то опредѣлялъ Ермакъ изъ сяхъ запасовъ нѣкоторое число оставить, а взять съ собою столько, сколько на судахъ везти можно было.

Напослѣдокъ 12 числа, или какъ въ другомъ мѣстѣ того же Лѣтописца (Ремезова) упоминается 13 дня іюня 7087 года все было въ готовности, такъ-что въ намѣренный путь отправиться можно было.

Ермакъ съ казаками весьма благодарно съ своимъ благодѣтелемъ Максимомъ Строгоновымъ простился съ такимъ общаніемъ: ежели

Господь Богъ съ желаемою добычею благополучно ихъ возвратить, то они ему не только полученное заплатятъ, но сверхъ того и инымъ чѣмъ благодарить будутъ; въ противномъ же случаѣ, когда по несчастію будутъ побиты, то обязуются, за милость его, на томъ свѣтѣ Бога молить, при чемъ они и поручили себя Его заступленію. Для предосторожности взялъ Ермакъ съ собою, изъ строгонскихъ людей и изъ живущихъ тамъ Зырянцовъ, нѣсколько искусныхъ проводниковъ, чтобъ имъ отъ прямой и ближайшей дороги опять не сбиться.

Такимъ-образомъ происходилъ походъ сей тогда съ лучшею надеждою. Для большаго поощренія находилась у Ермака и вся полевая музыка, а именно барабаны, сиповки, литавры и трубы. Онъ надъ сею небольшою арміею былъ яко генералъ: по немъ знатнѣйшіе считались двое его сверстниковъ въ чинѣ атамановъ, Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, которыхъ, по-нынѣшнему военному расположенію, съ полковниками сравнить можно. Къ сямъ можно еще причестъ пятидесятника Богдана Брягуили Брязгу, который хотя чиномъ ниже, однакожъ у Ермака состоялъ не въ меньшей, противъ прежнихъ, милости и дружбѣ. Послѣ сихъ слѣдовали есаулы, которые выбраны были изъ рядовыхъ казаковъ, а должность ихъ состояла въ томъ, что они служили вмѣсто адъютантовъ и притомъ секретарскія дѣла отправляли. По сихъ были сотники, или начальники надъ сотнями, потому-что все войско раздѣлено было на роты, изъ которыхъ каждая въ ста человекъ состояла и надъ такою ротою сотникъ имѣлъ команду. Въ каждой ротѣ или сотнѣ было еще по два пятидесятника и по одному знаменщику, который носилъ знамя; а у всякихъ десяти человекъ былъ свой десятникъ. *Сей походъ происходилъ такимъ порядкомъ, чего, отъ тогдашнихъ временъ и отъ дикаго житья сихъ казаковъ, едва надѣяться можно было.*

Между-тѣмъ, какъ сіе у Строгонова и на Чусовой происходило, то по Тобольскому Лѣтописцу, слухъ о побѣгѣ Ермака и о данной ему отъ Строгонова, для походу въ Сибирь, помочи не токмо въ Москвѣ распространялся, но и самому царскому величеству извѣстно учинилось. При дворѣ опасались, чтобъ такое дерзновенное предпріятіе въ російскомъ государствѣ не произвело неспокойства и особливо, чтобъ худо укрѣпленныя пермскія границы не пришли въ опасность: того ради царь Іоаннъ Васильевичъ къ Максиму Строгонову приказалъ послать грамоту, въ которой представилъ ему его дерзновенія и ожидаемыя отъ того опасныя неспокойства, и, ежели дѣло сіе благополучнаго успѣху имѣть не будетъ — грозилъ ему своимъ гнѣвомъ.

По нашему мнѣнію сочинитель Лѣтописца оную (7091 года ноября 16-го грамоту) разумѣлъ—и ошибся только во времени.

А понеже въ Москвѣ о подлинномъ состояніи сего дѣла также мало извѣстно было, того ради послана къ Строгоновымъ царская грамота съ великимъ гнѣвомъ за то, что они такихъ разбойниковъ, которые уже и безъ того много зла причинили, безъ вѣдома Его Царскаго Величества къ себѣ приняли, а наипаче что ихъ противъ поданныхъ Россійскому государству Вогуличей на войну отпустили. Чего ради съ жестокою грозой повелѣно имъ было казаковъ изъ Сибири воротить назадъ и ихъ уговаривать, чтобъ они границу защищали, а своими бы дерзостными и хищными поступками болѣе непріятелей къ обезпокоиванію Россійскаго государства не наводили. О сей войнѣ ка-

заковъ съ Вогуличамъ я ничего объявить не могу, понеже о томъ въ лѣтописцахъ ни малаго извѣстія не находится.

По всему видно, что при отправленіи оной царской грамоты посланные отъ Ермака казаки въ Москву еще не бывали. Въ лѣтописцахъ о времени ихъ пріѣзду ничего не упоминается, токмо то пишутъ, что важность ихъ представленія учинила имъ немедленно ко Двору свободный допускъ и Его Царское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ взять ихъ предъ себя и принять Ермакову челобитную и оную прочесть въ слухъ. Они скоро потомъ получили какъ за себя, такъ и за своихъ, въ Сибири оставшихся, товарищей въ преждеучиненныхъ своихъ злодѣяніяхъ, которыя показались яко важными ихъ заслугами довольно очищены—желаемое прощеніе. Сверхъ-того по лѣтописцамъ награждены они были при дворѣ Его Царскаго Величества особливою милостію.

По покореніи Сибири употребилъ Ермакъ предосторожность въѣхъ помянутыхъ народовъ, по ихъ вѣрѣ и обыкновенію, въ общанномъ послушаніи и подданствѣ утвердить присягою. Въ то же время наложилъ онъ и дань на нихъ, которую имъ ежегодно давать должно, а она, по обстоятельствамъ мѣстъ, состояла въ разной мягкой рухляди и по бѣльшей части въ соболяхъ. Такимъ-образомъ Ермакъ находился владѣтелемъ небольшого государства, гдѣ онъ не имѣлъ иныхъ недостатковъ, кромѣ того, что въ людяхъ своего народа и въ умаленіи европейскихъ военныхъ припасовъ, которыми бы оное свое владѣніе вѣще утвердить было можно. Сіе, чаятельно, привело его къ тому, чтобъ о семъ важномъ взятіи, какъ-скоро возможно, царскому двору учинить извѣстіе и подданіемъ Сибирскаго царства къ соединенію подъ Россійской скипетръ, въ разсужденіи притомъ заслугъ своихъ, за прежнія разбойническія свои преступленія получить прощеніе.

Въ то отправленіе избранъ былъ атаманъ Иванъ Кольцовъ съ 50 человекъ казаковъ, чтобъ имъ къ Царскому Величеству въ Москву ѣхать и порученное дѣло отправить. Собранная въ то время ясачная мягкая рухлядь послана съ ними вмѣстѣ и притомъ къ его Царскому величеству челобитная, которая, по лѣтописцамъ, была слѣдующаго содержания:

«Изволеніемъ всемилостиваго Бога и его, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Россіи Самодержца, счастіемъ, — Ермакъ съ своими товарищами царство Сибирское взяли, хана Кучума побѣдили, и въ бѣгство обратили; многихъ Татаръ, Остяковъ и Вогуличей покорили Его Царскаго Величества державѣ, и къ шерти (сирѣчь къ присягѣ) ихъ привели, чтобъ бытъ имъ подъ его царскою высокою рукою до вѣка, покажѣтъ изволитъ Богъ вселенной стояти, и ясакъ имъ давать Государю по вся лѣта безпереводно; а на русскихъ людей зла никакого не мыслить и не творить, а которые похотятъ въ Его Государскую службу—и тѣмъ бы его государскую службу служить прямо, недругамъ его государскимъ не спускать, елико Богъ помощи подастъ, и самимъ имъ не измѣнить, къ царю Кучуму и въ иные удусы не отъѣхать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять крѣпко и непоколебимо до вѣка.»

Къ сему можно еще прибавить, что Ермакъ, какъ Витзенъ пишетъ, въ посланной челобитной просилъ также о всемилостивѣйшемъ прощеніи, какъ за себя, такъ и за своихъ товарищей въ прежнихъ ихъ

преступленійхъ и притомъ представилъ, чтобъ Его Царское Величество соблаговолилъ послать въ Сибирь воеводу, который бы правленіе принялъ и землю, по всевысочайшимъ Его Царскаго Величества указамъ, отъ всѣхъ непріятельскихъ нападений защищалъ. Онъ притомъ еще упоминаетъ, что посланная ясачная казна состояла въ 60 сорокахъ соборей, въ 20 черныхъ лисицахъ и въ 50 бобрахъ; также, что трое знатныхъ полоненниковъ въ то же время въ Москву отправлены были. Однакожь сіе послѣднее находится подъ сомнѣніемъ, потому-что, по лѣтописцамъ, тогда знатныхъ полоненниковъ у казаковъ не было.

Такимъ-образомъ отправился атаманъ Иванъ Кольцовъ изъ Сибири декабря 22 дня 7090 (1581) году; и ѣхалъ, по тамошнему обыкновенію, отчасти на нартахъ, то-есть, на узкихъ санкахъ, собаками запряженныхъ, и на лыжахъ, а отчасти на оленяхъ. Князецъ Ишбердей, по прозванію Ескальбинскій, служилъ съ своими Вогуличами проводникомъ чрезъ Камень и велъ ихъ такъ-называемую Волчьею-Дорогою до Пермй, что надлежитъ разумѣть о пути по Тавдѣ къ Чердыню; а чего ради оная дорога называлась тогда Волчьею — того ни по обстоятельствамъ тѣхъ мѣстъ угадать, ни отъ тамошнихъ Вогуличъ на то никакого изъясненія получить, не можно.

Въ Москвѣ казаки, по лѣтописцамъ, награждены были при дворѣ Его Царскаго Величества особливою милостію и, во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, содержимы на государевомъ коштѣ и одарены деньгами и сукнами. Въ витязновыхъ извѣстіяхъ прибавляется къ сему слѣдующее, что Его Царское Величество, по полученіи такой радостной вѣдомости, приказалъ въ соборной церкви въ Москвѣ отпѣть благодарственный молебенъ и нищимъ роздать многія милостыни. А какъ отъ казаковъ представлено было объ отправленіи въ Сибирь воеводы, то оное отъ Его Царскаго Величества за благо принято и повелѣно съ такимъ прибавленіемъ, чтобъ Ермаку, до приѣзда воеводы, тамошнія дѣла управлять по прежнему.

При обратномъ повѣздѣ пріѣхавшихъ отъ Ермака казаковъ, въ лѣтописцахъ упоминается, что Его Царское Величество послалъ съ ними къ Ермаку за казачкія заслуги похвальную грамоту съ совершеннымъ прощеніемъ за ихъ прежнія злодѣянія и съ обнадеживаніемъ о всевысочайшей Его Величества милости. Притомъ же послалъ Его Царское Величество Ермаку, въ подарокъ, два предорогіе панциря, серебрянный ковшъ, шубу, которую Его Величество самъ носилъ, и половинку сукна, а прочимъ казакамъ повелѣлъ отправить подарки деньгами и каждому по половинкѣ сукна. Витязень пишетъ о царской повозительной грамотѣ, данной отправляющимся казакамъ, въ такой силѣ, что всѣмъ російскимъ подданнымъ, кто охоту имѣетъ, позволено съ семьями своими въ Сибирь переселиться и будто казаки въ пути до 1,500 семей собрали, которыя, для поселенія, въ Сибирь съ ними поѣхали; также, что къ вологодскому епископу послана была царская грамота, чтобъ съ отправившимися послать въ Сибирь десять священниковъ, съ ихъ семьями, и прочія такія обстоятельства, которыхъ подлинно принять не можно, пока оныя лѣтъ доказаны не будутъ; ибо ежели сіе такъ происходило—то въ лѣтописцахъ о такомъ, по царскому указу учиненномъ, знатномъ умноженіи казаковъ въ Сибири конечно бы объявлено было. Однакожь и то статья можетъ, что казаки, будучи въ пути — для призыва людей изрядное сибирское жительство и тамошнее неисчерпаемое богатство хвалили; чего ради и безъ

помянутой позволительной грамоты многие гулящие и бѣглецы люди вездѣ съ охотою къ нимъ приставали и съ ними вмѣстѣ въ Сибирь поѣхали.—Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ упоминается, что они къ Ермаку въ Сибирь обратно прибыли марта 1-го дня 7090, то-есть, 1582 году; но, кажется, что въ семъ учинена погрѣшность и чаятельно должно разумѣть 7091 или 1583 годъ.

Между-тѣмъ какъ сіе дѣлалось, Ермакъ не упускалъ случая, которымъ бы онъ могъ отъ часу далѣе распространять въ Сибиря свое владѣніе.

Въ Москвѣ произведено было въ дѣйство царское повелѣніе, которое состояло при отправленіи Ивана Кольцова о посылкѣ въ Сибирь воеводы. Въ сей чинъ избранъ былъ князь Семенъ Дмитріевичъ Болховской, а къ нему въ товарищи опредѣленъ Иванъ Глуховъ. Они отправились изъ Москвы мая 10 дня 7091 (1583) году, водою съ 500 человеками, для умноженія казацкаго войска въ Сибири, и шли по Волгѣ, по Камѣ и по Чусовой, тѣмъ же путемъ, которымъ Ермакъ въ Сибирь ѣхалъ. Они на Тагильскомъ-Волоку не зимовали, но тою же осенью, а именно, ноября 2-го числа 7092 г. въ городъ Сибирь прибыли.

Князь Болховской, чаятельно, привезъ съ собою Его Царскаго Величества указъ объ отвзесеніи царевича Меметкула въ Москву и, следовательно, съ удержаніемъ въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ означеннаго числа, положить можно, что сіе отправленіе воспомянувало ноября 21 дня 7092 году. Простые сибирскіе лѣтописцы объявляютъ, что отъѣздъ онаго изъ Сибири еще въ 7091 году — развѣ при концѣ онаго году, то-есть, въ іюль или августъ мѣсяцъ учинился, что произошло отъ смѣшенія лѣта съ осенью, и по исчисленію лѣтъ отъ Р. Х. есть разность только въ однихъ мѣсяцахъ, потому что 1583 годъ, который съ мѣсяца генваря 7091 года начинался, еще въ мѣсяцъ ноябрь 7092 году былъ тотъ же.

А что отправленіе по-крайней-мѣрѣ около сего времени воспомянувало, а именно, либо въ послѣднихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 7091 году, либо по первому зимнему пути 7092 году, а не такъ, какъ въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ объявляется, будто въ мѣсяцъ ноябрь 7091 году, учинилось, — сіе явствуетъ потому что во всѣхъ лѣтописцахъ согласно пишутъ, что пріѣздъ въ Москву вскорѣ послѣ преставленія Царя Іоанна Васильевича учинился, которое было марта 19 дня 7092 (1584) году. Посему сынъ сего великаго Царя и наследникъ, царь Теодоръ Іоанновичъ имѣлъ радость видѣть приведеннаго такого знатнаго плѣнника. Онъ приказалъ его вести въ Москву съ великолѣпною церемоніею и царевичу была во всемъ великая честь, также и казаки, которые у него были въ провожатыхъ, — награждены царскою милостію и жалованьемъ.

Розрядныя книги о царевичѣ Меметкулѣ упоминаютъ, что онъ въ Россіи потомъ служилъ полковымъ воеводою. Въ 1590 году ходилъ онъ въ шведской походъ, а въ 1598 году былъ онъ съ царемъ Борисомъ Теодоровичемъ Годуновымъ въ Серпуховѣ, для пресѣченія опаснаго отъ Крымскихъ Татаръ нападенія. Въ тѣхъ же книгахъ называется онъ сибирскимъ царевичемъ Меметкуломъ Алтауловичемъ. Посему явствуетъ, что его отецъ былъ Алтауль и, следовательно, онъ не Кучумовъ сынъ, какъ сибирскіе лѣтописцы объявляютъ, также по вышеписанному извѣстію и не братъ его, понеже Кучумовъ отецъ на-

звался Муртазою; но развѣ Муртаза и Алтаулъ были братья, такъ-что Меметкулъ былъ Кучуму братъ двоюродный.

До-сихъ-поръ Ермаку съ казаками происходило въ Сибири почти все, по ихъ желанію. А теперь стало время, когда дальнему успѣху россійскаго оружія такое препятствіе учинилось, отъ котораго почти конечнаго потерянія всѣхъ сихъ новозавоеванныхъ земель опасаться надлежало.

Первое несчастіе, что вскорѣ по приѣздѣ воеводъ въ Сибирь okazaлся крайній недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, отчего произошелъ великій голодъ, такъ что лѣтописцы довольно того описать не могутъ. Сей голодъ продолжался всю зиму до самой весны, отчего многіе померли бѣдною смертію, а оставшіеся, будучи въ такой нуждѣ, приведены до того, что и мертвыя тѣла своихъ товарищей въ пищу себѣ употребляли. При такой нуждѣ обыкновенно случаются и болѣзни, а особливо цынга, отъ которой, чаятельно, не мало людей пропало. Самъ воевода князь Болховскій, во время сихъ скорбныхъ обстоятельствъ, умеръ. А хотя и остался голова Глуховъ, однако, видно, что либо онъ самъ за дѣла не принимался, либо у Ермака и у прочаго народа находился не въ великомъ почтеніи. Ибо въ лѣтописцахъ о немъ прежде не упоминается, какъ по смерти Ермака, который, пока онъ живъ былъ, всѣ дѣла одинъ правилъ.

Лѣтописцы хотя о причинѣ того голода не упоминаютъ, однакожъ оный безъ труда угадать можно. Съ помянутыми воеводами, какъ выше показано, пришло 500 человекъ новаго войска. И хотя имъ, при отправленіи ихъ изъ Москвы, запасъ на дорогу и данъ былъ: однакожъ знатно, что онаго было не много, понеже столь мало времени употребили въ перевозкѣ онаго чрезъ Тагильскій-Волокъ, ибо изъ Москвы до Сибири весь путь окончился въ одно лѣто. При царскомъ дворѣ, можетъ-быть, думали, что въ Сибири у казаковъ всего есть со излишествомъ, а сіи, для пропитанія такого множества гостей, знатно не запаслися, и отъ того появился недостатокъ почти такъ скоро, какъ новопришлые съ старыми казаками сѣстные припасы дѣлать начали. А понеже казаки всегда припасы свои брали отъ Татаръ и Остяковъ, то можно бы было также, для удовольствованія приѣзжихъ, требовать отъ тѣхъ же народовъ, ежели бъ въ то самое время вся земля не была въ возмущеніи и у Русскихъ всѣ дороги не отняты были. . . .

Будучи Ермакъ въ Ташатканѣ, получилъ вѣдомость о бухарскомъ караванѣ, что оный приближается и идетъ по рѣкѣ Вагаю. Сего ради онъ поѣхалъ съ великимъ поспѣшеніемъ помянутому каравану на встрѣчу, не оставаиваяся нисколько на дорогѣ. Прочія приключенія въ пути разнствуютъ только въ малыхъ стороннихъ обстоятельствахъ отъ того, что въ прочихъ сибирскихъ лѣтописяхъ содержится, чего для о всемъ вообще объявить могу. А именно:

Ермакъ шель вверхъ по рѣкѣ Вагаю до того мѣста, гдѣ по восточную сторону, на берегу оной рѣки, есть пригорокъ, Татарами изъ давнихъ лѣтъ Атбашъ, то-есть «лошадиная голова», называемый. Въ послѣдующія времена построень тамъ острогъ, который, по имени пригорка, атбашскимъ прозванъ. Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ объявляется, что Ермакъ, для принятія каравана, ѣхалъ до Агицкаго городка; но понеже подъ симъ именемъ при рѣкѣ Вагаѣ ни о какомъ мѣстѣ не извѣстно, то лучше въ томъ надлежитъ послѣдовать прочимъ лѣтописцамъ, въ которыхъ Атбашъ, яко послѣднее мѣсто ермакова пути, описывается.

По прибытіи своемъ къ Атбашу, Ермакъ, не выдавши Бухарцовъ, и

не получа о нихъ вновь надежной вѣдомости, гдѣ они подлинно находятся,—могъ угадать безъ труда, что присланная къ нему о караванѣ вѣдомость была ложная, чего ради онъ болѣе не хотѣлъ медлить въ возвращеніи своемъ назадъ, въ Сибирь. Доѣхавши до перекопи, которую онъ незадолго предъ тѣмъ копать приказалъ, опредѣлялъ онъ, какъ для наступившей темной ночи, такъ и для отдохновенія отъ долговременнаго походу—тамъ почевать; и понеже онъ непріятеля близко не опасался—то онъ со всѣми людьми легъ спать безъ осторожности на берегу того острова, который окруженъ рѣкою и перекопью. Въ нѣкоторыхъ лѣтописцахъ прибавляется, что и караулы разставлены были,—только отъ сильного дождя, который въ опую ночь шелъ, караульные всѣ заснули, что, въ разсужденіи того, когда они, чаятельно отъ дождя, крѣпко укрылись, при мнимой ихъ безопасности,—есть весьма вѣроятно.

Между тѣмъ ханъ Кучумъ до самаго того мѣста ермаковъ походъ издали безпрестанно наблюдать велѣлъ, и какъ о вышепоказанной оплошности казаковъ увѣдалъ, то не хотѣлъ онъ сего случая упустить, чтобъ онымъ не пользоваться.

Въ прибавленномъ извѣстіи Тобольскаго Лѣтописца упоминается, весьма свѣроятно, будто ханъ приказалъ сдѣлать чрезъ рѣку плотину, чтобъ тѣмъ способіе на казаковъ напасть можно было. Онъ больше посылалъ шпионовъ, какъ для провѣдыванія, гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ чрезъ перекопъ на лошадяхъ бродъ есть, такъ и для полученія извѣстія о состояніи ермакова лагеря. Одинъ изъ сихъ шпионовъ, который за свои преступленія прежде отъ хана осужденъ былъ на смерть, а потомъ обѣщаніе получилъ—когда по приказу исполнить, то прощень будетъ,—привезъ къ хану вѣдомость коимъ образомъ онъ чрезъ перекопъ на лошади въ бродъ переѣхалъ безъ всякаго препятствія и нашелъ Русскихъ всѣхъ спящихъ безъ всякаго опасенія. Но понеже ханъ ему совсѣмъ повѣрить еще не хотѣлъ, то онъ послалъ того шпиона вторично въ русскій лагерь съ такимъ приказомъ, чтобъ для бдальшей вѣрности принести оттуда нѣкоторый знакъ, что ему учинить не трудно было. Онъ привезъ къ хану, въ подтвержденіе своего объявленія, три русскія винтовки, да три лядунки.

При такомъ состояніи хану, какъ бы онъ прежде отъ казаковъ въ страхъ не былъ, надлежало быть безъ всякой человѣческой смѣлости, ежели бы на утомленныхъ отъ трудовъ и отъ дождя, въ сладкомъ покоѣ спящихъ, безоружныхъ казаковъ учинить нападеніе не отважился. Чего ради онъ болѣе не мѣшкая, какъ сколько потребно было его войску совсѣмъ къ походу изготovitъся, и какъ онъ, около полуночи, къ русскому лагерю пришелъ, то и счастье его не оставило, чтобъ своего намѣренія, по желанію, не пропзвестъ въ дѣйство. Казаки, безъ опасенія спящіе, всѣ побиты. Въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ упоминается только объ одномъ, который ушелъ на маломъ суднѣ и оставшимся въ городѣ Сибиря о семъ неблагополучномъ случаѣ принесъ печальную вѣдомость. Но и самъ Ермакъ въ то время не убитъ былъ. Онъ пробился сквозь непріятеля къ стоящимъ у берега судамъ и былъ уже отчасти въ безопасности, что однимъ скѣкомъ на одно изъ помянутыхъ судовъ хотѣлъ спастися; но, по его несчастію, то судно отъ берегу нѣсколько удалѣло. Итакъ сей храбрый воинъ, оскочившись и имѣя на себѣ присланные отъ царя Іоанна Васильевича два пансыря, которые ему плавать препятствовали,—принужденъ былъ въ водѣ скончать жизнь

свою, которую толь безчисленные непріатели, при столь частыхъ случаяхъ, у него отнять не могли. Сіе учинилось въ ночи августа съ 5 на 6 число 7092 (1584) года.

Тобольскій Лѣтописецъ при семъ описываетъ нашего героя, Ермака, какое онъ имѣлъ проницательное разсужденіе и особливый разумъ, которыми онъ во всѣхъ случаяхъ полезныя способы скоро умѣлъ издумывать. Онъ упоминаетъ о его храбрости, о которой и кромѣ того, на приведеннымъ приключеніямъ, ни коимъ образомъ сомнѣваться не можно. Онъ похваляетъ внѣшній видъ его тѣла, что хотя онъ былъ и средняго роста, только крѣпокъ членами и широкъ въ плечахъ. Онъ имѣлъ лицо плоское и пригожее, бороду черную, волосы черныя же, немного курчавыя, глаза весьма быстрые и такъ дагѣ. Къ сему можно еще и сіе присовокупить, что ему во всѣхъ предпріятіяхъ счастье весьма служило, которое только тогда его оставило, когда судьбою Божию смерть ему опредѣлена была. Ибо, по всякой справедливости, счастье, равномерно какъ и душевныя дарованія, надлежитъ причитать къ невидимымъ, а къ подлинно сущимъ преніящнымъ человѣческимъ свойствамъ, потому что когда не служить счастье, тогда и самое острое разсужденіе и всякая мудрость знатными дѣлами прославиться не могутъ. Что же касается до употребленія ко злу дарованныхъ ему отъ природы душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ, что онъ въ прежнія времена всякія злодѣянія дѣлалъ, то не нужно о томъ пакы упоминать, понеже оныя злодѣянія слѣдующими добрыми дѣлами очищены и заглажены и отъ Его Царскаго Величества чрезвычайною милостию ему прощены были. Между-тѣмъ кажется, что неминуемое отмщеніе за худыя дѣла здѣсь еще произвело свое дѣйствіе, потому что повидимому на семъ описанномъ бою по большей части достальныя казаки, которые на Волгѣ рѣкѣ съ Ермакомъ разбой чинили и столь много невинной крови пролили, вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ жизнь свою скончали.

Мертвое тѣло Ермака, какъ объясняется въ Тобольскомъ Лѣтописцѣ, найдено августа 13 при татарской деревнѣ Епанчинскіе-Юрты (это издѣліе, равно какъ и портретъ Ермака, написанный Ремезовымъ, и прочее, Карамзинъ принимаетъ за достовѣрность неоспоримую), которая отъ Абалака вверхъ по Иртышу отстоитъ только на 12 верстѣ. Татаринъ, именемъ Янпшъ, князца Бегиша внукъ, тамъ ловилъ рыбу и увидѣлъ шатающіяся у берега въ волѣ человѣческія ноги. И какъ онъ охоту возымѣлъ утопшаго посмотреть, то слѣзая цѣпли, которыя накинувъ на ноги выгацилъ мертвое тѣло на берегъ. По лицу и по платью призналъ онъ, что сей утопленникъ русскій человекъ и поведалъ онъ о бывшемъ великомъ бою слышалъ, то по дорогимъ пансырдамъ, которыми мертвый облеченъ былъ, разсуждалъ, что сей человекъ—не простой. Онъ побѣжалъ тотчасъ въ деревню для учиненія извѣстія тамошнимъ жителямъ, чтобъ и они сего знатнаго мертваго посмотрѣли. Слѣдующія приключенія изукрашены многими чудесами, которыя мертвое ермаково тѣло потомъ будто оказывало. По онымъ дѣствуетъ, что сочинитель того Лѣтописца имѣлъ не малое желаніе, чтобъ Ермакъ . . . . .

Теперь возвращаемся мы къ дѣйствительнымъ историческимъ приключеніямъ, при которыхъ усмотримъ, какое Ермакова смерть у оставшихся въ городѣ Сибири Русскихъ и у головы Ивана Глухова дѣйствіе имѣла. Они можетъ-быть опасались, чтобъ благополучнымъ успѣхомъ своей хитрости ободренный ханъ Кучумъ не приступалъ къ нимъ

съ большею силою, противъ которой имъ за малолѣтствомъ стоять невозможно будетъ. И понеже сверхъ того находился у нихъ великій недостатокъ въ сѣвѣстныхъ припасахъ, котораго за общимъ возмущеніемъ Татаръ, Остяковъ и Вогуличей ни съ которой стороны наградить (вѣроятно — награбить) ненадежно было: то голова Глуховъ со всѣми обрѣтавшимися при немъ людьми, по Тобольскому Лѣтописцу, съ 150 человекъ, августа 15 числа 7192 (1584) году, оставя городъ Сибирь впустилъ, на судахъ въ путь отправился. Они почитали себя противъ живущихъ по рѣкѣ Тоболѣ Татаръ, и ежели Кучумово войско будетъ за ними гнаться, не въ состояніи, чтобъ обыкновенною дорогою вверхъ по рѣкѣ Тавдѣ или Турѣ назадъ въ Россію возвратиться. Того ради, для большаго поспѣшенія своего, пошли они внизъ по рѣкѣ Иртышу и по Оби и воспріяли путь чрезъ Югорскія горы на рѣку Печору, по которой дорогѣ въ то время не только Зыряне за звѣринымъ промысломъ и кучествомъ, но и Русскіе, отправляющіеся отъ Соли-Вычегодской и изъ другихъ тамошнихъ городовъ, для сбора ясака съ Остяковъ и Самояди нынѣшняго Березовскаго уѣзду, на рѣку Обь часто ѣзжали.

... Лѣтомъ 7096 (1588) году случилось князю Сейдяку съ султаномъ Казачей Орды и съ мурзою Карачею и съ 500 человекъ Татаръ на берегу рѣки Иртыша забавляться ястребиною охотою; и въ семь своемъ удовольствіи подошли они къ городу весьма близко и пришли на низкій лугъ, который на восточномъ берегу Иртыша отъ Чувашскаго мыса простирается до самаго Тобольска. По сему случаю называется сіе мѣсто и понынѣ «Княжевымъ-Лугомъ» и небольшая рѣчка на концѣ нижняго посада города Тобольска, текущая чрезъ ямскую слободу въ Иртышъ, именуется потому жъ «Княжевою-рѣчкою». И понеже сіе происходило въ виду отъ города, то письменный голова Чулковъ тотчасъ о томъ увѣдалъ и послалъ къ князю, чтобъ его и съ товарищами просить къ себѣ на обѣдъ, причемъ о мирныхъ договорахъ совѣтовать можно будетъ. По сему князь съ прочими своими, по краткомъ совѣтѣ, на обѣдъ притти не отрекса, но только съ такимъ договоромъ, чтобъ и всѣмъ, обрѣтающимся при немъ людемъ, въ городъ войти позволено было. А понеже сіе намѣренію Чулкова было вредительно, — то онъ всячески старался, чтобъ того не сдѣлалось, и онъ пріятельскими представленіями то учинилъ, что только 100 человекъ съ ними въ городъ войти позволено а прочимъ всѣмъ приказано было остаться за городомъ, у воротъ. Такимъ образомъ имѣлъ онъ птицъ на-приманѣ: только осталось на нихъ накинуть сѣти, къ чему обѣдъ подалъ случай.

За онымъ обѣдомъ пили они много, а о мирныхъ договорахъ говорили только для виду. Между-тѣмъ князь Сейдякъ началъ имѣть подозрѣніе и отъ того пришелъ въ великую думу, которую Чулковъ пользовался и его попрекнулъ, что онъ къ Русскимъ недоброжелателемъ. Князь Сейдякъ одними словами не могъ извиниться. На него положено, чтобъ невинность свою доказать тѣмъ, чтобъ чашу вина выпить, которую Чулковъ за всегдашнее доброе согласіе князю подносилъ. Тоже учинено и съ султаномъ Казачей Орды, также и съ мурзою Карачею. Но понеже Сейдякъ и его товарищи ту чашу выпить отговаривались, то оное принято за явное доказательство, что, конечно, у нихъ намѣреніе худое. Между тѣмъ, по Чулкову приказу, все русское войско въ городъ вооружалось и, по данному отъ него знаку, знатнѣйшіе гости взяты подъ караулъ, а яловые, которые у нихъ были въ провожатыхъ, — всѣ побиты.

Ежели кто думаетъ, что достальныя Татары, которые за городомъ

оставлены были, будутъ искать способа, чтобъ своего государя освободить изъ полону — то однакожь того не сдѣлалось. Какъ скоро они услышали о происшедшемъ несчастіи, которое ихъ товарищѣй постигло, то разбѣжались они съ неслыханною скоростію. Да и тѣ Татары, которые въ городѣ Сибири остались, съ великимъ успѣшеніемъ убѣжали въ степь, такъ что тогда все мѣста, около Тобольска и Сибири, отъ всѣхъ, Россійскому государству вредительныхъ непріятелей, вдругъ были очищены. Съ того времени ни Татары, ни Русскіе долѣе въ городѣ Сибири не жили.

Такихъ знатныхъ лѣтописковъ въ Тобольскѣ долго у себя держать опасно было. Того ради Чулковъ, еще тою же осенью, а именно сентября 10 дня 7097 (1588) году, ихъ въ Москву къ Его Царскому Величеству отправилъ, гдѣ они, по ихъ притворѣ, честно были приняты и пожалованы вотчинами, дабы имъ жить во всякомъ довольствіи.

Сочинитель Тобольскаго Лѣтописца пишетъ, что ихъ роль, въ его время, еще былъ въ Москвѣ: по чей именно, князя ли Сейдяка или прочихъ его товарищѣй, или всѣхъ купно — о томъ не упомянуто ( ).....

Кучумъ, съ весьма малымъ числомъ своихъ служителей, ушелъ и прежде не чаялъ быть себя безопаснымъ, пока не дошелъ до самыхъ верхнихъ мѣстъ рѣки Иртыша, гдѣ уже тогда, какъ и нынѣ, — Калмыки обитали.

Онъ жилъ тамъ чрезъ нѣкоторое время при озерѣ Норъ-Зайсанѣ. Но понеже ему пребываніе не понравилось между такимъ народомъ, который въ языкѣ, въ вѣрѣ и во нравахъ совсѣмъ отъ его народа различается: то вскорѣ потомъ почувствовалъ паки охоту возвратиться въ степь рѣки Ишима, чаятельно для присмотру, не найдетъ ли онъ кого изъ разбѣянной своей фамилии и изъ прежнихъ своихъ подданныхъ, чтобъ чрезъ оныхъ собрать ему опять новую силу: только природная его къ грабежу охота, которая чрезъ несчастіе и бѣдность его еще болѣе умножалась, во исполненіи сего намѣренія учинила ему препятствіе.

Ибо какъ онъ нѣсколько лошадей у Калмыковъ угнать хотѣлъ, то Калмыки, о томъ увидавши, для отомщенія ему такого грабежа, гнались за нимъ вслѣдъ и настигли его, но объявленію Тобольской Лѣтописи, при Норъ-Ишимѣ у озера Кургалчина, гдѣ достальные люди его все побиты, и самъ Кучумъ едва опять успѣвшимъ побѣгомъ спасся. Только сей былъ побѣгъ его послѣдній. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ объявляется, что онъ въ Казачью Орду ушелъ, а въ другихъ, и особливо въ Тобольской, упоминаются — Нагайцы, къ которой разности еще третіе извѣстіе Абулгази присовокупить можно: ибо онъ при встребленіи Кучума объявляетъ о Манкатахъ, которымъ именемъ толкователь Каракапакъ разумѣеть.

Но какъ бы сіе ни было, въ томъ все лѣтописи согласны, что Кучумъ тогда между однимъ изъ сихъ народовъ насильственнымъ образомъ конецъ житія своего воспріялъ. Въ Тобольской Лѣтописи объявляется, что Нагайцы прежде отъ хана Муртазы, Кучумова отца, яко обладателя Великой Бухарин, многія гоненія претерпѣли, и того ради на сынѣ его произвели отмщеніе, что я въ своей силѣ оставляю. Довольно того, что Кучумъ былъ убитъ и сколько при немъ служителей находилось — все въ полонъ увезены.

(*) Родъ Князей Сибирскихъ ведется и донынѣ; но, по справкамъ въ дѣлахъ герольдіи, мы не могли получить никакихъ свѣдѣній о потомкахъ вывезенныхъ изъ Сибири князей въ прямой, самого Кучума или его брата, дѣтлѣт.

